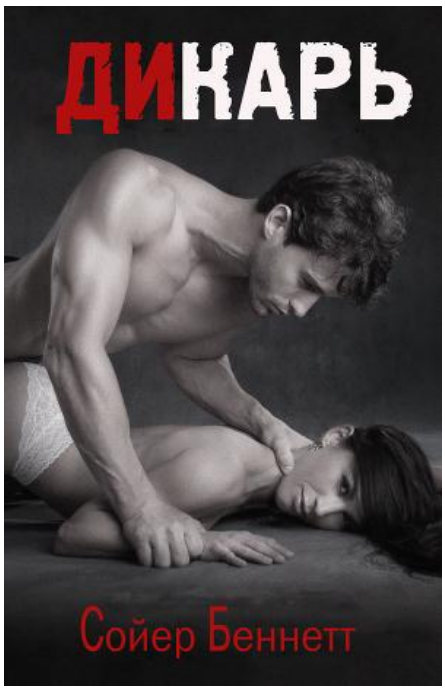

Сойер Беннетт

Sawyer Bennett

Дикарь (ЛП)

Женщина на коленях передо мной — единственное, отчего мой член становится твердым. Я трахаюсь, доминируя и полностью контролируя. От своих женщин я требую полного повиновения. Дикарь, одиночка, воин... По своей натуре я опасен. Я жил в непроходимых диких тропических лесах, в обществе, где меня уважали, и где каждая женщина была готова упасть передо мной на колени, подчиняясь мне. Теперь меня нашли. Вынудили

вернуться в мир, о котором я забыл, и к культуре, едва знакомой моему разуму. Антрополога, доктора Мойру Рид, наняли, чтобы помочь мне вернуться в современное общество. Ее работа состоит в том, чтобы избавиться от моих грубых привычек... научить ориентироваться в своей новой жизни. Она хочет меня укротить. Ей не победить никогда. Я дикий, свободный и неукротимый, и единственное, что мне нужно от потрясающе-красивой Мойры Рид, так это трахать ее, подчиненную мне. Я уверен, она этого тоже хочет. И я вскоре дам ей это. Да, очень скоро. Я стану ее учителем, а она будет моей ученицей. А когда я закончу показывать ее телу ни на что не похожее наслаждение, она узнает, как это быть во власти дикаря.

18+ Предупреждение: Эта книга такой же дикий и сексуальный зверь, как и тот, про которого вы читаете.

Пролог

Мойра

Наши дни

У меня кружится голова от чувства похоти.

Голова идёт кругом, сердце колотится с бешеной скоростью, мышцы напряжены во всех чувствительных местах.

Я недалека от того, чтобы потерять над собой контроль, и все мои инстинкты кричат мне: «Сдайся... подчинись…»

Повиновение.

— Встань на колени, — приказывает мне Зак тихим голосом, который пробирается мне глубоко под кожу и заставляет мою кровь разливаться жидким огнём по венам.

— Нет, — упорно шепчу я, даже если хочу кричать: «Да».

Я знаю, сейчас начнётся.

Вообще, я считаю, что мой сумасшедший отказ на его требование — это лишь способ спровоцировать его и заставить подчинить меня. Это возбуждает меня больше, чем просто сдаться, подчиняясь в одиночку.

Зак хватает и крепко сжимает мой затылок… даже достаточно жёстко, чтобы привлечь моё внимание. Он сказал мне однажды, что так делает самец ягуара со своей парой, чтобы заработать ее уважение перед тем, как он будет спариваться с ней, и я верю ему. Я полностью поддерживаю его культуру воспитания, привитую ему дикой природой Амазонки. Мне даже нравится то, как сформировался характер Зака за столько лет, проведённых вдалеке от современного мира.

Я чувствую его горячее дыхание на своей шее, когда он прижимается ко мне и рычит:

— Не смей мне больше говорить «нет».

Это все, что он говорит мне, прежде чем толкает меня вниз, и мои колени подгибаются без какого-либо сопротивления. После того, как мои колени ударяются о ковёр, он заставляет меня опуститься… ниже, ниже и ещё ниже... до того момента, пока моя щека не чувствует прикосновения мягкого шерстяного ворса ковра, а моя попка не приподнята высоко вверх для него. Я прерывисто и удовлетворенно вздыхаю, прикрывая глаза, и это напоминает мне самый первый раз, когда я увидела,

как Зак делает то же самое с другой женщиной и то, как долго я желала, чтобы он сделал это со мной.

Это был один из главных моментов в моей жизни, когда все мои представления о приличном поведении рухнули, желая быть замененными на жадное стремление узнать что-нибудь новое от этого мужчины.

Странно... потому что именно я была его учителем, а сейчас, здесь, он... учит меня.

Закари Истон учит меня чувствовать моё желание, о котором я даже ничего и не предполагала, пока не познакомилась с ним.

Грустный маленький мальчик.

Дикарь из джунглей.

Одиночка, воин... опасный по своей натуре.

Один из тех необыкновенных мужчин, которые не принадлежат никому ни здесь, ни сейчас.

— Ты помнишь, как ты впервые увидела меня? — спрашивает Зак и все еще держит мою шею рукой.

— Да.

— Это возбудило тебя, не так ли?

— Да.

Ты хотела, чтобы я трахал тебя также, не так ли?

— Да.

— Ты хочешь этого сейчас?

— О, Боже, да, — простонала я.

— Тогда расскажи мне, — настаивал он, и я могла слышать в его голосе веселые нотки.

— Рассказать тебе что? — спрашиваю я, смущаясь.

— Расскажи мне все про тот первый раз, когда ты меня увидела. Расскажи мне ту историю, моя сладкая Мойра, и тогда я обещаю подумать о том, чтобы дать тебе то, что ты хочешь.

Я бесшумно вздохнула, и мои губы приоткрылись от удивления, я закрыла глаза и погрузилась в воспоминания о путешествии по Амазонке примерно месяц назад, чтобы забрать Зака… бедного маленького потерянного мальчика, который прожил последние восемнадцать лет в примитивном, индейском племени Карайков.

Да, это был именно тот день в моей жизни, после которого все изменилось безвозвратно.

Мы продолжали свой путь дальше через джунгли. Наш гид, Рамон, шел первым, затем я и отец Гоуль. После того, как мы приземлились на маленькой воздушной площадке, которая граничит на юге с частью реки Амазонки, а на западе с колумбийско-бразильской границей, мы держали наш путь по направлению к реке Жутаи, где отец Гоуль купил старое каноэ у речного торговца. Мы поплыли на юг, вынужденные пару раз сходить на берег, чтобы преодолеть непроходимые пороги, путешествуя ещё два следующих дня до того момента, пока Рамон не сказал, что он уверен — мы на месте, и можно сойти на берег.

Мой походный рюкзак был полон необходимых мелочей, которые могут мне понадобиться до того момента, пока мы не доберемся до карайкской деревни. Вместе с этим это было моим третьим путешествием по реке Амазонке. Я была сравнительно легко собрана. С собой у меня были лишь самые важные и нужные вещи, в которых бы я нуждалась. Таблетки хлора для моей питьевой воды, складной нож, легко переносной гамак, один комплект сменной одежды для меня, набор одежды

для Зака, которую я купила, используя помощь отца Гоуля в оценке его размера. А также сухие пайки в армейском стиле, которые я купила в Бразилии, перед тем как мы успели сесть на нашу «Сессну 150», направляющуюся на север.

Рамон, местный миссионер, который путешествовал с отцом Гоулем, сопровождал нас в нашей маленькой экспедиции и прорубал нам путь сквозь густые заросли зелени, которая, как мне казалось, росла повсюду. Джунгли были полны тёмных теней, так как кроны деревьев были густо сплетены над нашими головами.

Показывая вперёд, Рамон говорил по-португальски, и отец Гоуль переводил для меня.

— Смотри, видишь огни впереди. Это и есть карайканская деревня.

Я посмотрела в том направлении, куда мне указывал Рамон, там и, правда, джунгли, казалось, ярче горели огнями. По мере того, как мы продвигались вперёд, я заметила, что мы выбрались из леса и оказались на огромной грязной равнине, которая была по размеру

около трёх гектаров. Несколько удлиненных домов были построены из тонких стволов бамбука — это было главной основой дома — снаружи это все поддерживалось поперечными перекладинами, находящимися под наклоном. Это было типично для большинства племенных жилищ, тут также не было никаких стен, а пол был не более чем грязной землей, по которой мы шли.

На западной стороне этой равнины я заметила, что около гектара земли было усажено зерновыми культурами. Я стала изучать племя карайканцев с коллегой, у которого был друг, живший некоторое время с ними около двух лет назад. Я узнала, что они выращивают большое количество продуктов для того, чтобы благодарить своих мужчин, вернувшихся с охоты с добычей. Это включало в себя бананы, маниоку, манго, сахарный тростник, кукурузу и сладкий картофель. Я заметила женщину, идущую от полей к их жилищу, с большой корзиной на спине. Корзина была доверху заполнена кукурузой, которая поддерживалась пальмовыми ремешками, проходящими вокруг лба.

Отец Гоуль решил, что именно он будет тем, кто введет нас в деревню. Я увидела пару женщин, которые занимались домашними делами в их длинном жилище, некоторые готовили хлеб из маниоки на горячих глиняных тарелках, стоящих на огне, некоторые нянчили детей, а остальные лежали спокойно в своих гамаках. Они наблюдали за нами с нескрываемым интересом, но никто из них не сделал ни единого действия, чтобы поприветствовать нас. Все женщины были голыми, но этого я и ожидала. Пока некоторые из этих племён имели слабые торговые отношения с миссионерами и другими племенами, у них был хоть какой-то прогресс в сфере одежды, и они даже принимали за основу такие вещи как набедренные повязки у мужчин.

Я пошла следом за отцом Гоулем по направлению к длинному дому, который как бы странно это не звучало, делился на секции внутри, размеры которых соотносились как одна четвертая от площади всего дома. Он прошел в хижину, громко говоря приветствия старому карайканскому мужчине, который лежал в своем гамаке. Старая женщина, скорее всего это была его жена,

разводила огонь, где на глиняном диске была насыпана мука из маниоки.

Отец Гоуль тихо говорил с этим мужчиной на португальском языке, похлопывая его по плечу в приветствии. Мужчина улыбнулся своей полу беззубой улыбкой, что подчеркивало его морщинистое лицо. Было понятно одно: они обменивались приветствиями. Потом отец Гоуль показал на меня и сказал воодушевленно пару слов, я ничего не поняла, но чётко осознала, я была представлена.

Старый мужчина показал жестом подойти к нему, и я шагнула ближе.

— Мойра… это Парайла, приемный отец Зака.

Затем отец Гоуль повернулся опять к Парайле и продолжил говорить на португальском. Этот язык прижился во многих племенах в последнем веке, вызвано это было необходимостью общаться в диком мире Амазонки. Парайла посмотрел на меня и мягко кивнул, доброжелательно улыбаясь, и протянул мне руку. Я пожала ее, и он заговорил со мной. Когда он закончил свою речь, пожал мне крепко руку, и отец Гоуль сказал:

— Он приглашает тебя войти, счастлив принимать тебя в своей деревне. Парайла надеется, что ты немного отдохнешь, пока мужчины не вернутся с охоты, потом будет проведён большой праздник в нашу честь. Еще сказал, что он очень надеется, что ты хорошо позаботишься о его приемном сыне, но смотря на тебя, он чувствует, что ты очень хороший человек и сильная женщина, и у тебя не будет проблем в отношении Зака.

Я расплылась в приветливой улыбке Парайле и сказала:

— Отец Гоуль, скажите ему огромное спасибо. Я очень горда тем, что имею честь находиться здесь и да, я очень хорошо позабочусь о Заке, когда мы уедем отсюда.

Парайла улыбнулся мне ещё раз, затем он и отец Гоуль продолжили свой разговор. Тем временем я повернулась, чтобы рассмотреть деревню еще раз внимательнее. Здесь бегали пара худых и странных собак, у следующего длинного дома я увидела маленькую чёрную обезьянку, которая была привязана за шею пальмовой веревкой, накрученной на колышек, вбитый в землю. Один из детей кормил ее их фруктами, скорее всего, она была чем-то вроде домашнего питомца, что само по себе было очень

интересным зрелищем, потому что я знала, что одним из видов мяса, употребляемых в пищу, по большому счету, было мясом обезьяны.

Положив руку мне на плечо, отец Гоуль сказал:

— Пойдем, давай разложим твой гамак, и я покажу тебе, где ты можешь освежиться. Затем ты можешь немного поспать. Праздник будет не раньше, чем через два часа, и продлится до поздней ночи.

Я кивнула и послушно последовала за отцом Гоулем, покидая дом Парайлы, страстно желая посмотреть на Зака в первый раз, когда он вернётся в деревню.

Праздник был в самом разгаре, а Зак так и не появился. Отец Гоуль сказал, когда я проснулась ото сна, что Парайла волнуется за него. Он так и не воспринял хорошо новости о том, что мы приезжаем, он был категорически против поездки с нами. Скорее всего, он и Парайла спорили на протяжении нескольких дней насчёт этого вопроса, но до сих пор не было ничего решено, согласен ли Зак вернуться со мной в Америку.

Огромный костёр развели на открытой местности всего в нескольких метрах от хижин, где поджаривались разные

виды мяса. Охотники вернулись и пришли на праздник около часа назад, по моим подсчётам здесь было около двадцати двух сильных мужчин. Но Зака не было среди них. Тогда я спросила Парайлу о нем через отца Гоуля, он ответил:

— Захариас выслеживает тапира, поэтому он пока остался там. Он скоро придёт и принесёт ещё больше мяса.

Я взяла еду, которую мне передали. Она находилась в тарелочке, которой служил банановый лист. Праздник по случаю охоты был успешным, мужчины убили каймана и несколько паукообразных обезьян, они были встречены громкими возгласами восхищения от женщин, когда вернулись обратно в деревню.

Мужчины, как и женщины, были голыми, не считая того, что было надето поверх их члена и напоминало футляр в форме тюльпана, сплетенного из пальмовых листьев. Их огромные члены находились в обрамлении тёмных волос, а тяжелые яички располагались чуть ниже. Еще раз повторюсь, я была готова к этому, меня это не шокировало. Наоборот, как антрополог, я находила эти

социальные отличия между нашей и их культурой увлекательными.

После того как мужчины быстро разделали свою добычу, поодаль у входа в джунгли мясо было поджарено на открытых горячих углях. Когда все было приготовлено, еда была подана всем женщинами, которые кормили мужчин первыми. Только после того, как каждый мужчина принимался за еду, женщины могли взять что-то для себя, включая и меня. Кроме мяса были еще сладкий картофель, хлеб из маниоки и нарезанная папайя.

Отец Гоуль рассказывал мне истории о времени, проведенном среди племени карайканцев, сравнивая их с другими племенами, где ему приходилось бывать. Он пришёл в эту деревню почти одиннадцать лет назад, покинув современный мир для того, чтобы жить в джунглях с индейцами и учить их слову Божьему. Это было случайное стечение обстоятельств, когда пять месяцев назад отец Гоуль сломал ногу и был доставлен в госпиталь Сан-Пауло. Где другой священник миссионер, пришедший его навестить, рассказал, что богатый бизнесмен из Америки ищет своих друзей миссионеров,

Якова и Кристин Истон. Они загадочно пропали на территории Амазонки восемнадцать лет назад вместе со своим сыном Захариасом.

К тому времени, как миссионер закончил описывать людей, включая маленького мальчика семи лет, Отец Гоуль знал без сомнения, что богатый американец искал именно Захариаса из племени карайканцев. Он срочно связался с Рэнделлом Кененом, крестным отцом Зака, и тот решил задействовать все средства, чтобы вернуть Зака домой. Как антропологу, который изучал коренных индейцев Амазонки и сам решился вернуться в современный мир, мистер Кенон нанял меня, чтобы помочь ему привыкнуть к новой жизни здесь.

Я сидела у костра, слушая священника, и смотрела, как некоторые женщины пели и танцевали. Мне объяснили, что это была песня-благодарность за щедрость, но я была готова поклясться, что мужчины не будут ни петь, ни танцевать на показ для женщин, которые готовили для них и ухаживали за ними. Женщины все ещё воспринимались как низший класс в таких племенных сообществах.

Краем глаза я увидела движение, когда кто-то вошёл в яркий свет, отбрасываемый языками пламени потрескивающего костра. Я сразу же обратила внимание, что он был намного выше карайканских мужчин, у которых средний рост был от пяти футов восьмидесяти дюймов или что-то около того. Но этот мужчина был очень высоким, чем ближе его тень приближалась к огню, тем чётче становился силуэт. Я поняла, что я только что увидела Закари Истона.

Я не знала чего ожидать, но я явно была не готова к первой встрече. Он был намного выше среднего, может на три или шесть футов, с ним не могли ровняться маленькие карайканские мужчины. Он был стройным, но с отлично развитой мускулатурой, особенно на груди, руках и ногах. Бесчисленное количество шрамов покрывало все его сильное тело. Его каштановые волосы были длинными и рассыпались по его плечам, и сейчас он был чисто выбрит. В то время как у местных карайканских мужчин волос вообще не было на теле, кроме как между ног. Зак был белой вороной в чужом мире. Он точно должен был бриться, чтобы иметь такое гладковыбритое лицо. Так как

же он это делал, мне остается только гадать. Может остро наточенным ножом? Или бритвой, которую дали миссионеры?

Боже, а какое у него лицо… оно было таким красивым, что мне захотелось расплакаться. Я догадывалась, что он очень красивый мужчина, потому что видела фотографии его родителей, которые были очень привлекательными людьми. Его голубые глаза мерцали в свете огня, также огонь отбрасывал тени на высокие скулы, прямой нос и твердую линию подбородка, которая в данный момент сжалась от ярости.

Мой взгляд мягко переместился на бедра, так как он был, как и другие мужчины племени, голый. И, О БОЖЕ... и тут было ещё одно огромное отличие. Мелкорослые карайканские мужчины не могли сравниться с его магнетической привлекательностью, которая красовалась у Зака между ног. Он не носил защитную оболочку на своём члене, и хотя он был не в состоянии возбуждения, его обрезанный пенис был расслаблен, но по размеру там было точно не меньше трёх дюймов невозбужденного мужского достоинства. Наверное, он был очень

внушительных размеров, когда был полностью возбуждён. В первый раз видя мужчину, ради которого я приехала в джунгли и которого я должна доставить к его крестному отцу, я чувствовала по отношению к нему сильное пульсирующее возбуждение у меня между ног, это была реакция на его соблазнительные мужские формы. Я быстро отвела свой взгляд, так как я сидела около католического священника, я попыталась сосредоточиться на лице Зака.

Я даже не могла себе представить, что он мог излучать такую животную притягательность. Он шел уверенно и неторопливо, ему все ещё нужно было что-нибудь сделать с тушей тапира, свисающего у него через плечо. Он подошёл к костру, поставил свою ногу на камни, и другие мужчины его племени встретили его громкими приветствиями.

Он сразу же подошёл к Парайле, и, сжав мягко его плечо, Парайла сказал что-то Заку, указывая на отца Гоуля и меня, сидящих на противоположной стороне от костра. Священник подошёл и встал около Зака, похлопав его по спине в виде приветствия, получив такое же

приветствие в ответ, и улыбаясь ему тёплой приветливой улыбкой. Он даже и не взглянул на меня, только сказал ещё пару слов отцу Гоулю и присел на землю рядом с Парайлой для того, чтобы поговорить ещё немного.

Когда отец Гоуль присел опять около меня, он наклонился ко мне и тихо проговорил:

— Я поговорю с ним немного позже. Сейчас он не в настроении разговаривать.

— Я догадалась, — сказала я с пониманием. Я знаю, насколько тяжело может быть Заку покидать единственный дом, который он хорошо знает.

Я откусила ещё кусочек мяса аллигатора и жевала в задумчивости, пока смотрела как Зак и Парайла разговаривали. Чтобы ни говорил старик своему приемному сыну, все воспринималось в штыки, потому что я увидела, как Зак покачал головой с растерянным выражением, к которому позже присоединился тяжёлый взгляд, полный ярости. Он сказал что-то Парайле и посмотрел на меня глазами полными ненависти, дав мне чётко понять, что он не рад моему присутствию.

Внезапно он поднялся на ноги и выкрикнул резкие слова Парайле, на что старик покачал головой и посмотрел на него печальным взглядом.

Я наблюдала с большим интересом, как Зак оставил еду, поставив ее на глиняную тарелку, он обошел вокруг костра и подошел к одной из поющих женщин, она была очень молода. Я предположила, взглянув на нее, что ей было около восемнадцати или девятнадцати лет, она была красива. Она носила чёрную повязку, украшенную перьями, на что Отец Гоуль пояснил мне, что она достигла возраста половой зрелости, у неё уже были месячные, но она ещё была не замужем. Это было большой редкостью в племени, потому что большинство женщин были замужем, но он был не уверен, что у этих женщин было право выбора. Если женщина была замужем, она больше не носила повязку, украшенную перьями, если она невинна и не достигла возраста первой менструации, она носила белую повязку, часто украшенную пушистыми перьями. Как я могла заметить, только эта девушка носила чёрную повязку на голове.

Зак подошёл к ней, она сидела на каменной скамье и смотрела на него с доброжелательной улыбкой. Он подал ей руку, и она без тени сомнения вложила свою руку к нему в раскрытую ладонь. Зак помог ей встать, и ее полная грудь покачивалась от каждого движения. Я гадала, может их связывала какая-то тайна, и, размышляя дальше, определила для себя, что может быть это карайканская любовница Зака.

Моя рука протянулась ко рту, чтобы откусить ещё один маленький кусочек мяса, но застыла без движения, когда Зак повернулся ко мне и посмотрел на меня недовольно через плечо, послав мне тяжелый взгляд своих холодных, голубых глаз, но я заметила что-то еще в его взгляде.

Он бросает мне вызов?

Потом, к моему удивлению, он толкнул девушку в плечо, приказывая таким жестом опуститься на землю, тогда она стала на колени перед ним. Я была просто сбита с толку, когда я посмотрела на него, то поняла, что его член был возбуждён, пока женщина, стоящая на коленях, смотрела на этого высокого мужчину с обожанием во взгляде. Зак поднял руку вверх и указательным пальцем

сделал круговое движение в воздухе. Женщина в ту же секунду развернулась к нему спиной на коленях, легла щекой на землю, обе ее руки были прижаты к земле по обеим сторонам от ее груди.

Зак мягко опустился на колени позади нее, сейчас его член был полностью возбуждён, смотря вверх с превосходством. Он провёл рукой, лаская себя, по напряженному стволу один раз, затем повторил ещё раз, потом отпустил его, издавая расслабленный вздох. Я, не отрываясь, смотрела на его действия, он помялся и нежно положил руку ей на поясницу, наклонившись вперед, вторая рука, нежно лаская, прошлась по спине, крепко сжимая затылок, прижимая ее к земле. Поддавшись вперёд и прижавшись к ней бедрами, он взял член в руку и, проводя мягко головкой по ее влажным складочкам, он стал медленно вводить его в неё.

Меня полностью захватило то, что он делал это на виду у всего племени, я была бессильна оторваться от этого зрелища, и будь я проклята, потому что сижу рядом со священником. Я сказала сама себе, что это было бы интересным исследованием для моего доклада, который

может быть, я опубликую когда-нибудь, и этим самым я дала себе разрешение смотреть дальше.

— Зак, не здесь и не перед нашими гостями, — я услышала слова Парайлы и увидела, как все тело Зака застыло, не двигаясь. Я подумала, должно быть, это предостережение. Мой взгляд скользнул по Парайле, который смотрел сосредоточенно на Зака. Хитрая ухмылка заиграла на губах Зака, и он кивнул старику в знак согласия.

— Я извиняюсь, — сказал отец Гоуль рядом со мной, и я рассеянно посмотрела на него.

— Сейчас вы можете наблюдать одну из общепринятых норм поведения, которая совершенно противоречит правилам современного мира. Здесь это... в их культуре, заложено, что мужчина доминирует, и он может себе позволить взять его женщину, когда и где угодно. Карайканцы рассматривают секс, как вознаграждение за то, что мужчина содержит деревню. Они совершенно раскрепощены в своих сексуальных желаниях, им не требуется уединения. Вообще, это воспринимается с

большим уважением, когда мужчина может подчинить себе женщину на глазах у всех.

— Я поняла, — сказала я ему, но я толком ничего не понимала. Это было захватывающим: осознавать такую разницу в наших культурах. Мой мозг яростно заработал, думая как же мне все-таки придётся учить Зака той разнице между нашими мирами, если конечно он будет готов учиться этому. Я опять принялась за еду, в то время как отец Гоуль повернулся к Рамону, чтобы продолжить их диалог.

Женщина во мне нет, не понимала, но как учёный я была беспомощна в своём любопытстве. Я опять стала пристально наблюдать за действиями Зака. Он медленно поднялся с земли, подавая руку женщине. Она взяла его за руку, и он повёл ее по направлению к длинным домам, я предположила, что они хотят уединиться. Но когда он был не больше, чем в двадцати метрах от костра, он опять толкнул ее на колени. Ей даже не надо было напоминать, что нужно сделать, потому что она в ту же секунду опустилась грудью на землю и подняла свою попку к нему. Женщина прижалась щекой к грязной земле, в то

время как Зак опять встал позади неё, прижимая ее вниз и крепко держа за шею. Посмотрев на нее при свете огня, я увидела удовольствие на ее лице. Оно было почти безмятежным, чего я не могла себе представить, потому что если бы я была на ее месте, готовая принять большой возбуждённый член Зака, я была бы влажной и горячей для него.

Одна рука так и лежала у неё на шее, другой рукой Зак обхватил свой член. Он прижался бедрами к ней и медленно стал заполнять ее своей длиной. Женщина издала тихий стон наслаждения, я смотрела, как Зак прикрыл глаза в тихом вздохе, пока он полностью не погрузился в нее.

Маленькая волна возбуждения образовалась у меня между ног, и желание стало разливаться по телу сильнее, когда он начал двигаться в девушке. Медленно лаская, не спеша, размеренно, но глубоко, он входил в нее уверенными толчками.

Я наблюдала, захваченная тем, что вижу, почти чувствуя его член у меня между ног, и теперь я определено точно поняла, что моя работа по адаптации

Зака к современной жизни будет для меня проблемой. Я поняла с предельной ясностью, что находилась под влиянием его чувственности. В этом было что-то развратное, что возбуждало меня — абсолютный контроль, жесткое доминирование, для меня это было странно, потому что я всегда была независимой и уверенной в себе любовницей.

Мои глаза были прикованы к животному наслаждению, которое происходило передо мной, что все остальное просто перестало иметь какое-либо значение. Я смотрела на его руку, которая держала девушку лицом вниз, другая его рука держала сильной хваткой ее бедро, впиваясь пальцами в мягкую кожу. Девушка мягко стонала, и в свете огня я могла видеть, как блестит член Зака от ее влаги, когда он полностью выходил из ее тела. Когда мой взгляд все-таки вернулся к его лицу, я чуть не упала в обморок, он пристально смотрел на меня сквозь отблески слабо горящего пламени.

Его бледные глаза блестели в тусклом свете, он сжал челюсть ещё крепче, пока трахал в грязи эту девушку. Он как будто держал мой взгляд, почти запрещая мне

отвернуться, а я была бессильна в своих попытках отвернуться и не смотреть. Я думаю, в этот самый момент он говорил мне, что он дикий, и что все будет не так-то просто, когда мы покинем это место.

Отец Гоуль и Рамон неторопливо беседовали около меня, женщины пели, а остальные мужчины племени смеялись между собой.

Почему это никого не интересовало, кроме меня?

Потом вся окружающая обстановка исчезла, были только Зак и я, мы пристально смотрели друг на друга.

Даже женщина, с которой сейчас он соединялся, казалось, растворилась в темноте ночи, мое сердце стучало в бешеном ритме, когда я смотрела на него, как его бедра отстранялись назад и подавались вперёд в ленивом желании. Это продолжалось и продолжалось. Я наблюдала за действием передо мной, все моё тело горело желанием, и я была растеряна из-за того, что так сильно возбудилась, во мне как будто родилась какая-то вуаеристка. Я никогда бы и не подумала, что я настолько могу возбудиться, смотря за парой, занимающейся сексом, но я была уверена, это связано с тем, что Зак

запрещал мне отводить от него взгляд, моя фантазия была наполнена образами, что он делал это все со мной.

Наконец, мне показалось, что это затянулось на часы, Зак кончил в полном молчании, что я даже сначала и не поверила в то, что увидела. Здесь не было никакого крика удовольствия, никаких стонов освобождения. Вместо этого он пристально смотрел на меня, мышцы его шеи напряглись. Он толкнулся в последний раз в девушку, и я увидела, как лёгкая волна дрожи прокатилась по его телу, его глаза широко открыты и смотрят на меня с нескрываемой яростью. Я клянусь, я почувствовала его наслаждение глубоко во мне.

Зак посмотрел на меня ещё немного, его взгляд был диким и уверенным. Затем он резко вытащил свой член, встал с земли и ушёл в темноту ночи.

Я закончила рассказывать свою историю, открывая глаза и чувствуя крепкую хватку Зака на моей шее. Он удерживает меня в том же положении, потому что у него больше силы, чем у меня, я продолжаю спокойно лежать.

— Это отличная история, Мойра, — Зак сказал это спокойным голосом, но я знаю насколько ему приятно слышать, как я была возбуждена, когда смотрела на него.

— Так я это запомнила, — искренне говорю я.

— Ты тогда хотела меня, так ведь?

— Да, — выдыхаю я.

— Так же, как хочешь меня сейчас?

— Да.

— Тем же самым способом? — заявляет он.

— Тем же, — соглашаюсь я.

Зак проходится в нежной ласке по моей спине, останавливаясь на пояснице, и медленно приподнимает вверх моё платье.

— Прежде, чем я дам тебе это, — говорит Зак низким приказным тоном, — скажи мне кое-что еще.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? — спрашиваю я нуждающимся голосом.

— Я хочу, чтобы ты сказала самое главное, что выучила обо мне, с тех пор как увезла меня из дома.

Делаю глубокий вдох и бесшумно выдыхаю. Мне ненавистны боль и гнев, которые по-прежнему

пронизывают его голос из-за того, что я сделала с ним. Затем я понимаю, что именно он хочет услышать.

— Я выучила, что ты... Закари Истон... дикарь.

— Да, — шепчет он, ослабляя свой захват на моем платье, и начинает нежно дразнить, оттягивая кружево моего нижнего белья. — Ты хорошо училась.

Глава 1

Зак

Две недели назад

Я следую за Мойрой в сторону выхода из аэропорта, и вот мы выходим в жару Чикаго. Она сказала мне, что это такое лето в Америке, эта информация для меня ничего не значит, кроме того, что тут жарко и забавно пахнет, запах горячего металла, что очень чуждо для моего обоняния. Я больше не чувствую запаха земли, не чувствую аромат зелени Амазонки, болезненное чувство тоски прокатывается по мне волной.

Мойра ведёт нас к желтой машине, я понимаю, что это такси. Я знаю, какая это машина, потому что я помню это ещё с детства. А узнаю, что это такси, потому что мои знания английского языка все ещё в отличном состоянии, и слово написано на другой стороне. Мой родной язык не забыт за то время, которое я прожил с карайканцами, я благодарен за это посещениям отца Гоуля на протяжении всех этих лет, он отлично говорил, как по-английски, так и по-португальски. Только он мог разговаривать со мной по-английски на протяжении долгого времени. Я имел общие знания основ математики, был довольно грамотным в вопросах географии и истории, я читал все, что только попадалось мне под руку.

Это очень забавно. То, как я узнаю вещи. Проживая в Амазонке последние восемнадцать лет, мои воспоминания о прежней жизни были как призрачные мечты, в своем сознании я мог дотянуться и легко коснуться их, но это было за пределами моего понимания. Мне было интересно, сколько мне нужно будет узнать, и как много из того, что отец Гоуль называл «чудеса современного

мира», когда рассказывал о мире за пределами Амазонки, может удивить меня.

Я обнаружил, что чем больше я узнаю о современном мире, тем больше это находит откликов в моей памяти о том, что я видел. Например, у меня совсем не осталось ни одного воспоминания о том, как я летел на самолете с моими родителями в Бразилию, когда я был ребенком. Но когда увидел маленький «Сессна150», который доставлял нас с реки Амазонки в столицу Бразилии, я точно знал, что я бывал на одном из таких самолётов раньше. Я не помнил этого. Я просто это знал. Когда завелся двигатель, я не испытал дискомфорта, и у меня не было чувства страха от полета. У меня не было каких-то конкретных воспоминаний о полете, я внезапно вспомнил, когда дотронулся пальцами до стекла иллюминатора, что такое «стекло». Прозрачный, твёрдый материал. Это не было мне знакомо по ощущениям, но я вспомнил родительский дом в штате Джорджия, когда был маленьким. Я вспомнил, как я бежал сломя голову и врезался в прозрачную преграду, в стеклянные раздвижные двери и, ударившись со всей силы, упал попу.

Когда мы приземлились в аэропорту, Мойра повела меня в сторону машин на прокат, и внезапно четкие воспоминания взорвались яркой вспышкой. Я вспомнил себя, сидящего в машине моих родителей на заднем сидении. Я, кажется, держал книгу с яркими картинками. Мне даже показалось, что я вспомнил голоса моих родителей, говоривших друг с другом.

Многие вещи казались мне вполне знакомыми. В отеле, где мы остановились на несколько дней, я мог с легкостью узнать многие вещи. Кровать и подушки. Да, я знал, что такое подушка. Мойра отвела меня в ванную и объяснила, как работает туалет и душ. Память возвращалась ко мне понемногу и маленькими кусочками.

Некоторыми из этих чудес я пользовался с большим удовольствием. Душ был чем-то потрясающим. Вода ощущалась чище и легче, чем в реке или в грязных дождевых лужах, в которых я обычно мылся. Запах шампуня заставлял меня вспоминать запах водных лилий. Впервые чистить зубы за столько лет, это было чем-то невероятным, никак не мог перестать водить языком по зубам, поражаясь, насколько они были гладкими. И

сколько бы я раз не чистил зубы тростником, это никогда не сделало бы их настолько чистыми.

Да, многие из этих вещей были странно знакомыми мне, а кончилось все тем, что я осознал: комфорт для меня иногда был очень важен. У меня не было таких моментов, где бы я мог сказать, что я чувствовал удивление от того, что попробовал. Не считая того, что Мойра водила немного быстрее, чем было нужно по улицам Бразилии. Мы остановились здесь на несколько дней, так как мне нужно было посетить доктора, чтобы он обследовал меня, и мне нужно было получить необходимые прививки, а также новый паспорт в Американском посольстве.

Я надеялся, что моим документам на паспорт будет отказано, и наконец, закончится эта нелепая ситуация, но они были одобрены, когда я смог представить доказательства, подтверждающие мою личность. Это включало в себя: мои и родительские подлинные визы на путешествия, которые я хранил все эти годы после их смерти, вместе с их обручальными кольцами, одно семейное фото и наша семейная библия. Секретарь Американского посольства лично вручила мои документы

и улыбнулась тёплой, поздравительной улыбкой, когда вручала паспорт. Я испытывал непреодолимое желание перерезать ей горло за ее счастье, оттого что я возвращаюсь «домой». Я совершенно не был этому рад, но все остальные считали это отличной идеей.

Были некоторые вещи, к которым я приспосабливался очень тяжело. Пока я без лишних эмоций наслаждался мягкостью кровати в отеле, я считал это странным чувством и, наверное, по большому счёту неудобным. Я прекратил спать на полу каждую ночь. Одежду, что заставила надеть на себя Мойра, перед тем как мы поднялись на борт Сессны, ограничивала мои движения и раздражала кожу. Я ненавидел ее. Как только я оказывался в номере, я раздевался и оставался голым, для меня это было привычным.

Я полностью отказался пользоваться кухонными приборами, хотя я, несомненно, помнил, что это такое. Я делал это не потому, что было неудобно, а для того, чтобы показать ей я: сделаю это, если сам захочу. Если я думал, что я могу прятать одежду и обходиться без нее, я так и

делал, но Мойра поставила точку в этом вопросе, сказав, что такие действия наказываются законом.

Тогда я начал противостоять ей в мелочах, я отказался использовать вилку и нож, вместо этого я ел руками. Я полностью избегал салфеток, хотя я видел, как она использует их, слегка прикасаясь к губам, и вытирает пальцы, вместо этого я облизывал свои пальцы и каждый раз вытирал губы материалом своей футболки, которую я накидывал просто на плечи. Когда она предложила подстричь мои волосы, я отказался это делать, но в ответ она лишь улыбнулась мне, не сказав ни слова.

Меня ужасно злило то, что она принимала мои отличия. Я ожидал от нее, что она начнёт настаивать на том, чтобы я вел себя в соответствии с новыми культурными нормами поведения. Вместо этого она впустую тратила время, объясняя мне все эти вещи, давая возможность попробовать что-то еще. Если же я отказывался, она только говорила:

— Может быть в другой раз.

Мои чувства к этой женщине с огненным цветом волос были наполнены тёмным желанием, и это скручивало все

во мне, делая меня слабым. Я знаю, она не несёт прямой ответственности за то, что мне пришлось покинуть свой дом, но сейчас я ненавижу ее, как если бы она была тем человеком, которому пришла в голову эта сумасшедшая идея. Я знаю, она лишь делает свою работу. Делает то, что ей сказал делать мой крестный отец, но моё презрение к ней так же велико, как и к человеку по имени Рэнделл Кенон. Два человека, которые привели в действие ряд событий, из-за которых мне пришлось отказаться от мирной и счастливой жизни.

Они стали моими врагами.

Да, Мойра мой враг, но это не значит, что я не смотрю на неё как на женщину. У меня совершенно неестественное влечение к этой женщине с огненными волосами и зелеными глазами. Она мне понравилась с первого взгляда, когда мы сидели у костра в первую ночь. Она так отличается от карайканских женщин, которые по своей природе маленькие, темнокожие с иссиня-черными волосами. Когда я подошёл к главному месту в деревне, Мойра смотрела прямо на меня, никакой покорности во взгляде, как у Тукабы, которая не посмотрит на меня до

того момента, пока я не дам молчаливого разрешения смотреть прямо на меня. Ее волосы напомнили мне сияющие волны, поцелованные огнём, и глаза ее цвета насыщенной зелени джунглей. Она напомнила мне яркую и дикую амазонскую птицу, но двигающуюся с грацией ягуара. Настолько она отличалась от всего того, к чему я привык, но была настолько привлекательная, что это вызвало во мне приступ стыда.

Потому что я не должен вообще ничего чувствовать к этой женщине… моему врагу… кроме, как гнев, я был растерян, что моя жизнь перевернулась с ног на голову. Когда мы покинули деревню, я был вне себя от ярости. Каждый желал мне доброго пути, но я мог смотреть только на Парайлу в страхе, что мои слёзы покажутся чем-то совсем не мужественным. Мы двинулись в длительное путешествие ближе к обеду, я сделал то, что мне казалось верным, я полностью игнорировал Мойру, но я понимал, что это не сможет продолжаться вечно.

Чем ближе мы подходили к реке Жутаи, тем чётче я мог чувствовать сильный запах речной воды в воздухе.

Рыжеволосая женщина, Мойра, шла прямо передо мной, рядом с ней шел отец Гоуль, а впереди нас всех Рамон, он вел нас. Она спотыкалась через каждые пару шагов, цепляясь ногами за дикорастущую лозу или за раскидистые ветки деревьев. Она казалась более увлеченной тропическим лесом, рассматривая дикую природу вокруг, чем тем, куда она идёт.

Она была очень интересной женщиной, я признаю это. Отец Гоуль рассказал мне, что она своего рода учитель, ее знания очень ценятся среди ее коллег. То, чем она занималась, называлось «антропология», она посвятила себя изучению культуры коренного населения племён Амазонки. Отец Гоуль также рассказал мне, что у меня есть крестный отец, который послал ее за мной, он нанял эту женщину быть моим учителем, чтобы по возвращении я мог бы научиться быть вполне обычным американским гражданином.

Я презрительно скривился от этих мыслей, обещая себе, что я никогда не изменю ничего в себе… независимо от того, как бы они этого не хотели.

Я никогда не видел таких волос, как у этой женщины. Они были похожи на алый оттенок заходящего солнца, она заплетала их в толстые косы, лежащие на спине. Она сильно отличалась от женщин нашего племени. Намного выше — ее макушка достигала моего плеча, а их едва касалась уровня груди. Ее кожа была нежно-бледной, как цвет луны, и у неё были маленькие, крошечные веснушки, покрывающие ее нос и щеки.

Я слышал, как она разговаривала на английском с отцом Гоулем. Я был больше чем уверен, что она знает о том, что я тоже говорю, но предпочитала находиться от меня подальше, как и в ту первую ночь, когда она только приехала в нашу деревню.

Когда глубоко трахал Тукабу, получая своё удовольствие внутри ее жаждущего и горячего лона, я полностью сконцентрировал свое внимание на красивой, рыжеволосой женщине, которая смотрела на меня горящими глазами. Я представлял, что именно ее тело

находится подо мной, кроме того я понимал, что она не будет лежать под моим телом тихо и спокойно, как лежат карайканки. Нет, я представлял кого-то вроде нее, кто будет стонать от удовольствия, извиваться от страсти и царапать грязную землю своими аккуратными пальчиками. Я бы приложил всю свою силу и находчивость, чтобы поставить ее на колени и наслаждаться ее покорностью.

Уже одна только мысль об этом сделала мой член тверже, так что я попытался немедленно подумать о чем-нибудь другом, подавляя растущее желание к этой фантазии.

Мойра опять споткнулась, и я очень хотел на нее накричать, чтобы она смотрела куда идет. Она смотрела вверх на пару обезьян-ревунов, которые были прямо над нами, она наблюдала за тем, как они висят на ветках деревьев, с лёгкой улыбкой на губах. Я бросил на них быстрый взгляд, и тут что-то привлекло моё внимание в джунглях на земле.

Мой взгляд был острым, внимательным к мелочам — хорошо натренирован. В следующую секунду, я заметил

опасность в трёх шагах от места, где споткнулась Мойра. Бушмейстерская змея незаметно ползла справа от нее, и ещё пара шагов и она будет прямо перед ней.

Я резко подался вперед, хватая Мойру за плечи и прижимая к себе. Она закричала в испуге, и бушмейстер повернул голову в нашу сторону. Я со всей силы толкнул ее ко мне за спину, и она, не удержавшись на ногах, со всей силы рухнула на задницу. Отец Гоуль и Рамон смотрели на меня как на сумасшедшего, но они не видели того, что видел я.

Неминуемая смерть.

Бушмейстерская змея очень ядовита, ее голова приподнялась на несколько дюймов от земли. Не говоря никому ни слова, я взмахнул своим мачете, рассекая воздух, и срубил ей голову, она мягко упала во влажную листву.

Потянувшись к большому, влажному пальмовому листу, я вытер об него змеиную кровь со своего мачете и, просмотрев на Мойру, сказал:

— Тебе нужно внимательней смотреть себе под ноги, глупая chama de cabelos (девушка с пламенными волосами). В следующий раз, я позволю змее напасть.

Она посмотрела на меня растерянным взглядом, ее зелёные глаза были полны страха и раскаяния. Наши взгляды встретились на секунду, но я быстро отвернулся и пошёл дальше по нашей тропинке. Рамон в спешке кинулся помогать Мойре подняться с земли, и наше маленькое путешествие продолжилось.

Я действовал инстинктивно, сохранил ей ее жалкую жизнь, и тем самым, поймал себя в ее ловушку. Оглядываясь назад, я понимаю, что должен был позволить змее напасть, тогда бы я принес ее безжизненное тело в деревню и мог бы попытаться смириться с этой ошибкой.

Наши пути разошлись с отцом Гоулем и Рамоном, когда мы добрались до реки Жутай. Мы с Мойрой продолжили наш путь на север на каноэ, а отец Гоуль пошел на запад, чтобы посетить племя Матика, которые были заклятыми врагами Карайканского племени. Между нашими племенами была кровная вражда.

На второй день ночью, как мы переплыли реку Жутай, я хотел сбежать от Мойры… так велико было моё желание вернуться домой, вернуться в карайканскую деревню, где были мои друзья и семья, которой я дорожил и был счастлив. Я ушёл в джунгли и думал, что бы мог я сказать Парайле, когда я вернусь домой. Я мог немного соврать ему, например, что Мойра передумала меня везти, или что она съедена ягуаром или кайманом. Но, исходя из этого, мне пришлось бы убить ее и избавиться от ее тела, потому что то, единственное, что я знал о Мойре наверняка, она бы пришла разыскивать меня в деревню.

Ничего из того, что я мог придумать, не казалось мне невозможным, но, в конце концов, я знал, что никогда не смогу посмотреть на Парайлу, на моего отца и наставника, взглянуть в глаза и сказать ему, что я не уважаю его желания.

Парайла умолял меня пойти и воспользоваться этой возможностью, как шансом, и в итоге я не мог отказать старику.

Но я не сдался без боя.

Спустя несколько дней с того момента, как приехала Мойра, мы поссорились.

Он давил на меня, и когда я все также отказывал ему, он начал давить на меня сильнее. Я пытался убедить его в том, что он был уже стар и если я уйду, никто не будет о нем заботиться. Я пообещал ему, что я уйду, как только он умрет, наше противостояние подтверждало, что я был так же упрям, как и он.

Он даже стал жестоким по отношению ко мне, показывая себя с новой стороны. Человек, которого я называл отцом долгие годы, сказал мне, что по правде я никогда не был желанным в племени. Это именно он настоял на том, чтобы я остался, так как у меня не было других вариантов, а теперь он узнал, что у меня есть родственник в Америке, который страстно желает моего возвращения, он сказал мне, что я больше не нужен здесь.

Мне было настолько больно это слышать, что я выбежал из общего дома, в отчаянии пиная корзину с маниоковой мукой. Я искал везде Тукабу, чувствуя острую потребность вонзиться в ее тело, чтобы избавиться от чувства разочарования и гнева, но ее, как

назло нигде не было. На мгновение я испытал желание схватить богине подобную Мойру и унести ее в джунгли, и заставить подчиниться мне, но я был слишком умен, чтобы понять, что это неприемлемо к ее жизненным убеждениям. Не имея возможности облегчить свой гнев, я схватил свой лук и стрелы и направился вглубь джунглей с желанием найти кого-нибудь и убить.

Позже Парайла извинился за свои жестокие слова, и в спокойной обстановке за ужином, он попросил в последний раз, и я не мог отказать ему.

— Cor’dairo, — сказал он, называя меня «сын мой» на старом, почти вымершем наречии карайканского языка. — Почему ты со мной споришь? Эта совсем не та жизнь, которую я хочу для тебя.

— Но я так счастлив здесь, — сказал я, держа его за руку.

— Может быть, но ты можешь быть счастливее где-нибудь в другом месте, — сказал он более сильным голосом, который мне приходилось от него иногда слышать.

— Какая ж это жизнь… бороться за выживание день ото дня? Отец Гоуль сказал, там, куда ты собираешься пойти, у вас не будет недостатка в еде, и много новых возможностей откроется перед тобой. А что у тебя есть здесь? Старик и его крикливая-жена.

— У меня есть Тукаба, — сказал я, подмигнув. — Она делает меня достаточно счастливым.

— Да, у тебя есть Тукаба, но у неё также есть много друзей, — сказал он, слегка усмехнувшись.

Я улыбнулся ему в ответ, у нас было одинаковое чувство юмора. Тукаба действительно была женщиной, которая делила удовольствие со всеми одинокими мужчинами племени.

— Ты заслуживаешь больше, чем скудную жизнь, которую мы ведем, я хочу увидеть, перед тем, как умру, что у тебя появился настоящий шанс быть счастливым.

— Но Парайла… — я начал говорить, но он меня перебил.

— НЕТ, Захариас, не мой кровный сын, но сын моего сердца. Я умоляю тебя пойти. Для меня. Я умоляю тебя. Я дам тебе год, и если ты не передумаешь, ты можешь

вернуться. Но сделай это для меня, дай себе шанс и иди навстречу новой судьбе.

Я посмотрел внимательно на него, на невыплаканные слёзы в его глазах, и заметил его дрожащий голос. И все моё сопротивление рухнуло. Я ни в чем не мог отказать этому человеку, только не человеку, который меня вырастил, оберегал, защищал, который окружил меня любовью, когда погибли мои родители. Я доверил ему свою жизнь. Я сделаю все, о чем он попросит.

Так что я согласился ехать.

Глава 2

Мойра

Я полностью обессилена. Вздыхая устало, я прислоняюсь головой к окну такси. Зак сидит около меня, на горизонте показался Чикаго. Мы держим наш путь через город Ветров по направлению в Эванстон, до него ещё пятнадцать миль.

Ко мне домой. Где Зак будет находиться со мной некоторое время, перед тем как поедет в Атланту для встречи с Рэнделлом. Сейчас у меня период летних каникул, и я отдыхаю от преподавательской деятельности на факультете антропологии Северо-Западного университета. Я также взяла вынужденный отпуск за свой счёт, хотя бы до конца осеннего семестра, потому что мы с Рэнделлом понимаем, что Заку может понадобиться моя помощь в адаптации на протяжении нескольких месяцев. Но если честно, я из кожи вон лезу, стараясь ему помочь, но Зак даже и не пытается облегчить мою работу.

Наш полёт из Бразилии в Чикаго прошёл вполне спокойно, учитывая то, насколько было для меня трудно выбраться из тропиков с моим упрямым попутчиком. Я пережила палящее солнце, влажность, обезвоживание, бесконечное количество комаров и москитов, и, в конце концов, смертельный опыт с бушмейстерской змеей. Но ничего из этого не было так невыносимо трудно, как мириться с антипатией Зака на протяжении всей поездки.

Этот мужчина явно не хотел покидать родной дом, которым стала ему карайканская деревня. После того, как

он провёл восемнадцать лет, взаимодействуя с их культурой… после того, как он был принят в их племя и признавался равным им как член племени, конечно, он не испытывал ни малейшего желания возвращаться со мной в Америку.

Это было как раз тем, что я ожидала. Ведь с того момента, как он потерял родителей прошло очень много времени. Я чувствовала, что Зак может не помнить свою прежнюю жизнь, а тут появляюсь я, лишая его комфорта и защищенности, того, что он лучше всего знал. Я даже говорила об этом с Рэнделлом, крестным отцом Зака, который и организовал всю эту спасательную операцию. Зак мог просто не захотеть возвращаться к своим корням. Рэнделл был настроен более позитивно, чем я. Он просто сказал мне, чтобы я сделала все, что в моих силах.

В конечном счёте, я не имела никакого отношения к тому, что Зак согласился поехать со мной. Я оставалась в его деревне ещё пару дней после моего приезда, пока его приемный отец и он продолжали нещадно ругаться. Он очень хотел, чтобы Зак воспользовался данной ему возможностью и узнал свои корни. Я толком так и не

узнала, что же сказал Парайла своему приемному сыну, но вечером второго дня, он внезапно подошёл ко мне и сказал:

— Завтра мы покидаем деревню.

Это были его первые слова, обращенные ко мне. Несмотря на то, что мы поделились довольно-таки глубоко интимным опытом в первую ночь при свете костра, когда он трахал другую женщину, удерживая на себе мой взгляд. Он не сказал мне ни единого слова до того момента, как предупредил меня о нашем отъезде, следующие его слова тоже не отличались особой дружелюбностью.

Когда он спас меня от бушмейстерской змеи, которая была в непосредственной близости от моей ноги, насмешливо ухмыляясь, он сказал:

— Тебе нужно внимательней смотреть себе под ноги, глупая chama de cabelos (девушка с пламенными волосами). В следующий раз, я позволю змее напасть.

Он резко повернулся ко мне спиной и пошёл прочь, принимая на себя инициативу вести нас и прорубая нам путь через джунгли.

Я все гадала, что же chama de cabelos могло значить на португальском. Я предполагала, что это может значить «идиотка, безмозглая, слабоумная, тупица». Когда я спросила у отца Гоуля позже, что это означает, он мне сказал, что это значит «девушка с пламенными волосами».

В конце концов, я все-таки решила принять это как комплимент, несмотря на то, что Зак определённо хотел меня придушить, когда наши взгляды встречались.

Зак больше не сказал мне ни единого слова до того момента, пока чуть позже в этот же день он не был вынужден сделать это, потому что мы добрались до реки Жутаи, и мы отделились в своём путешествии от отца Гоуля и Рамона. Его слова, обращенные ко мне, были краткими и простыми. Он сказал мне забираться в старое каноэ, которое отец Гоуль купил для нас в маленькой торговой деревушке на берегу реки, и грести веслами. Делать это было ужасно тяжело.

Что я и делала… и всего через какой-то час мои руки изнемогали от усталости и бессилия. Он пробормотал что-то на португальском языке, и потом в течение всего дня

нашего путешествия по Жутаи по направлению к реке Амазонке я чувствовала его пристальный взгляд на себе.

На второй день нашего путешествия по воде, несмотря на все мои попытки с ним заговорить, он не давал мне ничего, кроме тишины в ответ. Я знала, что его английский был в хорошем состоянии, так как отец Гоуль продолжал с ним разговаривать на протяжении этих лет, но он все равно упрямо продолжал отвечать на португальском, что бы я у него не пыталась спросить. Я думаю, большую часть времени он просто мысленно проклинал меня.

В итоге, все изменилось, когда мы высадились с нашего каноэ ближе к вечеру второго дня. То, что началось с нескольких скупых слов, закончилось стонами и потрясающим оргазмом.

Я дрожу от возбуждения, думая о тех минутах, когда мы были вместе.

Вытащив наше каноэ на берег, Зак молча взял своё мачете и срубил все молодые заросли между двумя молодыми хлопковыми деревьями, граничащими с

берегом реки. Когда все было закончено, он кратко указал на деревья и сказал:

— Для твоего гамака, — затем развернулся и исчез в глубине джунглей.

Его не было менее часа. Вернувшись с маленькой паукообразной обезьяной, он приготовил ее на костре, который так отлично организовал в виде очага, но мне он не предложил. Отлично. Я ела понемногу свои сухие пайки и пыталась с ним поговорить на счёт Рэнделла, потому что Зак не проявлял ни малейшего интереса к тому, куда я его везу, и что же с ним произойдёт, когда мы вернемся в штаты.

— Зак… есть ли у тебя какие-либо вопросы на счёт Рэнделла Кеннона, твоего крестного отца?

Мои вопросы были встречены молчанием, в то время как он шурудил палкой догорающий костер.

— Он хороший человек, — просто сказала я. — Я думаю, он тебе очень понравится.

Зак сначала проигнорировал меня, затем поднялся и подошёл к реке, где ополоснул лицо водой. Когда он вернулся, он сказал:

— Он мне не понравится, но все равно расскажи мне, как он узнал обо мне. Какое он имеет право просить меня приехать к нему.

Я быстро воспользовалась представившейся мне возможностью и начала все рассказывать с воодушевлением.

— Он был очень хорошим другом твоих родителей. Он был лучшим другом твоего отца. Вообще, твой отец спас Рэнделлу однажды жизнь, и это укрепило их глубокую дружескую связь между ними. Я видела множество фотографий вас с Рэнделлом вместе. Твои родители ездили в пару путешествий по делам миссии, когда ты был ещё очень маленьким, и ты оставался с Рэнделлом. Он заботился о тебе, и он очень хочет заботиться о тебе сейчас.

Я услышала, как Зак пренебрежительно вздохнул, продолжая все также сидеть у костра.

— А что значит слово, которое ты использовала… «крестный отец»?

— Это символичное название. Он был выбран твоими родителями, чтобы идя по жизни, ты мог опереться на

твердую руку, которая может вести и направлять тебя. В это может быть вложено также и духовное значение, которое, а я в этом просто уверена, и есть тут. Твои родители были верующими людьми. А Рэнделл не был, поэтому я предполагаю это тоже имело некое значение для них, когда твои родители выбирали Рэнделла быть для тебя опекуном. Кто-то, кто бы присматривал за твоим благополучием.

— Он мне не отец, — сказал он, обороняясь.

— Конечно, нет, — заверила я его. — Это же только название. У тебя могут быть любые отношения с Рэнделлом, какие ты только пожелаешь.

— Я вообще не хочу поддерживать никакие отношения с ним, — невесело усмехнувшись, сказал Зак. — Я просто хочу вернуться обратно к себе домой.

Он опять поднялся и ушёл в джунгли. Он не возвращался около двух часов. Я лежала в своём гамаке и гадала, где же он может быть. А если, пока его нет, я буду съедена ягуаром сегодня ночью.

Но он все же вернулся, не говоря мне ни слова. Он просто лег на землю около огня и закрыл свои глаза. Я

раскачивалась в моём гамаке, смотря на звезды в отражении джунглей, которые были, как будто высечены на поверхности реки. Звуки ночного леса усыпляли меня, птицы и ночные обезьяны призывали друг друга, издавая характерные звуки, лягушки квакали любовные песни, сверчки оживлённо стрекотали. Некоторые люди думают, что это слишком громкие звуки, но мне это нравится. Это для меня, как успокаивающий монотонный шум, и я начала погружаться в сон.

Перед тем, как мои глаза бы крепко закрылись для сна, я медленно повернула свою голову и внимательно посмотрела на Зака. Во-первых, я посмотрела на его лицо и обнаружила, что он еще тоже не спит и любуется теми же звёздами, что и я. Мой взгляд не спеша проследовал по его груди, и я была ошеломлена, обнаружив, что его рука находится между ног. Его член был полностью возбужден, и он, не издавая ни звука, ласкал себя правой рукой, другая рука небрежно закинута за голову, в то время как он наблюдает за ночным небом.

Он не издал ни звука, и как будто речь шла о вполне обычных вещах, а не о впечатляющей эрекции, которая

медленно скользила между его ладонью, мне оставалось только догадываться, всегда ли он так себя удовлетворяет...

Я знала, что должна была бы отвести глаза, пока он себя ласкает, но ЧЕРТ… Это все происходило под бескрайним, звездным небом, он был абсолютно голым, не считая его руки вокруг члена, и то, что я увидела, было потрясающе, от восьми до девяти дюймов твёрдой стали, покрытой нежным бархатом...

Грудь Зака напряженно поднималась и опускалась вверх-вниз маленькими рывками, ускоряя темп и ритмичность ласк его руки на возбужденной плоти, но ни единого звука от удовольствия так и не сорвалось с его чувственных полных губ. Его член был покрыт влагой, в свете огня я могла увидеть капли смазки, выступающие на возбужденной головке. Насчет остальных чувств, он был тих и спокоен, и я совершенно точно поняла, что Зак обладал удивительным самоконтролем, что касалось его тела и чувств.

Пока я смотрела, как Зак себя удовлетворяет, я не могла вмешаться и помочь ему, но я могла представлять, что

именно моя рука скользит по его возбужденной длине. Потом я представила, что я беру его в рот… затем, что он был глубоко во мне. Я никогда не была с кем-то, у кого был такой внушительный размер, но я подумала, как меня бы наполнило, и я бы почувствовала удовольствие от боли именно так, как это было мне нужно.

Я почувствовала, как влага от возбуждения пропитала мои трусики, мое тело стало напряженным и требовало удовлетворения. Мои соски напряглись, и низ живота скрутило от сильного желания. Двигая моё тело на другую сторону, я слегка вздрогнула, когда гамак протяжно скрипнул, но Зак, казалось, даже и не заметил. Он так и продолжал удовлетворенно ласкать свой член, смотря на звезды.

Давление от дикого возбуждения быстро нарастало между ног, и я могла поклясться, как чувствовала, что кровь с пульсирующей скоростью проходит через клитор, делая его твердым и жаждущим, причиняя мне неприятное ощущение от неудовлетворенности. Я нуждалась в таком же освобождении, каким сейчас был занят Зак.

Я нуждалась в этом больше, чем в воде, когда изнывала от жары джунглей…

Казалось, мой мозг полностью отказывался здраво соображать, в моих движениях не было никакого смысла. Я медленно положила руку на живот и начала работать пальчиками с пуговицей на штанах, и в итоге расстегнула ее. Опустив молнию на штанах вниз, я была благодарна шуму джунглей, который скрывал все звуки. Влажный воздух коснулся низа моего живота, и я не стала тянуть и опустила свои пальчики за резинку моих хлопковых трусиков, смотря в это время на Зака, ласкающего себя.

Его рука стала работать быстрее, и его дыхание стало более прерывистым, но он был все же пугающе молчалив. Я должна была догнать этот момент, потому что он оставил меня далеко позади в моём желании, так что я опустила мой указательный пальчик именно в то место, которое так изнывало от влажного желания, проглатывая свой всхлип, я поняла, насколько я была мокрой от желания. Вытаскивая свою руку из трусиков, я задела пальцем свой напрягшийся клитор, и мои бедра приподнялись вверх, вызывая шорох в гамаке. В

следующую секунду я готова была запаниковать, что Зак может прервать такой момент, но он полностью игнорировал меня.

С тихим вздохом я снова немного потерла свой клитор. Это было настолько потрясающе, что мне пришлось втянуть в лёгкие воздух. Господи, это никогда не было настолько чувственным занятием. Я никогда не чувствовала себя так восхитительно. Но конечно, я ни разу в жизни тайно не мастурбировала с красивым незнакомцем, лежащим от меня всего в паре шагов, пока я смотрела, как он себя удовлетворяет с абсолютным равнодушием к происходящему вокруг.

Уверенная, что Зак даже понятия не имел, чем я тут занимаюсь, или потому что ему было все равно на происходящее вокруг, я начала немного увереннее ласкать свой клитор, водя по нему круговыми движениями. Я даже не смогла мгновенно среагировать, когда Зак повернул свою голову ко мне, давая мне чётко понять в этот самый момент, что он был курсе того, что я тут делала с собой. Его рука так и замерла на члене, и он пристально посмотрел на меня с вожделением во взгляде.

— Это приятно? То, что ты делаешь с собой? — его голос был пропитан жадным любопытством, и мне почему-то показалось, может быть, он никогда не видел до этого момента, что женщины это делают…

Я уставилась на него с удивлением и начала потихоньку вытаскивать руку из моих трусиков.

— НЕТ, — сказал он мне грубым повелительным тоном. — Не прекращай делать то, что ты делаешь. Я даже отсюда могу сказать тебе, ты течешь от желания. Я чувствую запах твоего возбуждения, я даже могу ощутить, насколько кипит от напряжения твоя кровь.

Моя рука так и осталась в трусиках, я не двигалась. Я замерла от чувства стыда, сковавшего меня.

— Я спрашиваю опять, Мойра. То, что ты делаешь со своим телом, тебе приятно? Хорошо так же, как и то, что я делаю со своим? — спросил он, проводя рукой в нетерпении несколько раз по своему члену.

— Да, — прошептала я тихо, нажимая на напряжённый клитор своим пальцем. — Это очень приятно чувствовать.

— Тогда ты можешь продолжать, — просто сказал он, отворачиваясь от меня снова, чтобы посмотреть на небо.

Его рука опять начала себя ласкать, томительно медленно, как будто начиная наслаждаться своим удовольствием снова и снова.

Посмотрев на него ещё немного, я была поражена тем, что ему совершенно неинтересно, что я делаю. Помню, я тогда подумала, что ни один здоровый, полный сил американский мужчина никогда бы не отвернулся от женщины, которая настолько эротично ласкает себя.

Странно, я поняла, что его равнодушие ко мне совсем меня не устраивает.

Все это неправильно.

Часть меня отчаянно хотела просто вытащить мою руку у себя между ног, лечь и уснуть в разочарованной тишине. Но так как мой клитор до сих пор пульсировал диким желанием удовлетворения под моим пальчиком, я решила, что желанное удовольствие, которое я дам самой себе, будет оценено моим телом.

Моя рука снова начала двигаться в трусиках. Я касалась моего бугорка, медленно кружа пальцем, но не трогая внешние края моей самой чувствительной плоти. Я наблюдала за Заком, пока ласкала себя, замечая, что он

начал двигать своей рукой быстрее, скручивая у основания и поглаживая большим пальцем пульсирующую от возбуждения головку члена, когда его рука поднималась вверх, лаская плоть.

Прикасаясь все ближе к моему клитору, я скользила пальцами по набухшему бутону, иногда проникая пальчиком глубоко в себя. В итоге я проникла в себя двумя пальцами, погружая их в мою мокрую киску, конечно же, я не смогла сдержать глубокого и мягкого стона, что вырвался из моего горла.

Голова Зака медленно поворачивается в сторону издаваемого мной шума, и его глаза широко открыты и смотрят на меня с удивлением. Теперь я нахожу его внимание очень возбуждающим. Полностью игнорируя последствия того, как это может сказаться на наших будущих рабочих отношениях, я начинаю в яростном желании потирать сильнее свою жаждущую ласки плоть. Мои бедра приподнимаются напротив моей руки, и я начинаю стонать чаще с каждым следующим разом, как прикасаюсь к себе, не отрывая своего взгляда от Зака.

Опять, мы смотрим друг на друга сквозь пылающий огонь, наши взгляды наполнены похотью и нотками соперничества.

Глаза Зака сузились, когда он посмотрел на меня. Его рука начала двигаться более жёстко на его члене, который он крепко сжал, толкаясь к себе в руку. Я начинаю чувствовать доказательство того, что он, в конце концов, потерял хоть немного своего железного чувства контроля, яростный стон срывается с его губ. Он мгновенно втягивает ещё больше воздуха, его грудь начала резко вздыматься, когда он потерялся в своём удовольствии. Это был первый раз, когда он издал хоть какой-то звук, когда занимался сексом, я почувствовала, что-то похожее на женскую гордость, от того, что это было неким ответом на моё собственное сексуальное наслаждение.

— Ммм, — простонала я в тяжёлый ночной воздух, чтобы посмотреть насколько далеко могут завести мои действия по лишению его контроля. — Как это приятно.

Зак наградил меня громким стоном в ответ, и его спина немного выгнулась, приподнимаясь от земли.

Это восхитительно. Будоражит кровь. Очень возбуждает.

Моя чувственность увеличивает удовольствие Зака, заставляя терять контроль. Это совершенно отличается от его поведения в ту первую ночь, когда у него был секс с той женщиной. Смотря на Зака, начинаю чувствовать себя полностью беспомощной, потому что, смотря на меня и слушая меня такую беспомощную, он разжигает во мне страсть.

Мои вдохи выходили на уровне грубого материала брюк, мои бедра толкались напротив моей руки, и я не сдерживала ни единого звука, так как я начала двигаться быстрее и быстрее, я знала, что я собиралась кончить яркой вспышкой оргазма.

Больше смазки стало выделяться на кончике члена Зака, особенно после того, как он жёстко начал толкаться им. Он стал стонать почти с каждым движением, которым он проводил рукой по своему члену.

Его стоны наслаждения были музыкой для моих ушей, и именно они разбили последние преграды на пути к освобождению моего удовольствия. Все моё тело застыло

без единого движения, когда мой оргазм просто накрыл меня с головою. Я закричала хрипло в ночь, моя спина неуклюже изогнулась в гамаке, в то время как блестящий от желания взгляд Зака словно пил мое удовольствие. Я наблюдала, как тяжелые от желания яички подтянулись и напряглись, в это время мелкая дрожь сотрясала мое тело после испытанных ощущений, Зак запрокинул свою голову назад, приподнял свой зад от земли, закричал от освобожденного желания и кончил.

Сперма брызнула из кончика его члена, стекая по руке и разбрызгиваясь по животу, пока он все ещё ласкал рукой свой напряженный ствол. Он издал ещё один громкий стон и крепко закрыл свои глаза, получая окончательное освобождение и расслабляя свою хватку на члене.

Я наблюдала за ним в полном изумлении, пока его тело успокаивалось. В свете огня я могла увидеть, как его грудь быстро поднималась и опускалась, бьющаяся жилка на его шее с силой гнала кровь по артериям. Но в остальном он оставался совершенно спокойным и тихим.

Я аккуратно вытащила руку у себя между ног, застегивая молнию на замке и пуговицу на штанах. Я не могла не смотреть на Зака, но он так больше и не просмотрел на меня. Держа одну руку также за головой, а другую на его пропитанном влагой от его освобожденного удовольствия животе, он просто закрыл глаза и заснул.

Я убираю свою голову, прислоняющуюся к стеклу такси как опоре, и часто моргаю, чтобы прогнать прочь из моей головы соблазнительные воспоминания. Чувство стыда пропитывает мое тело, когда я думаю о том, что я сделала.

Я все ещё хочу сделать это ещё раз с Заком.

Доктор Мойра Рид, уважаемый антрополог и помощник профессора в Северо-Восточном университете. Получившая чрезвычайно щедрый грант от Рэнделла Кенонна, филантропа, мультибиллионера и крестного отца Захариаса Истона, для того, чтобы забрать его с Амазонки и помочь адоптироваться к жизни здесь.

И единственная вещь, которой я смогла его до сих пор научить, это то, что значит смотреть, как мастурбирует женщина. В то время, как технически половые отличия

наших культур Зак должен был почерпнуть из книг, но никак не наблюдая за такого рода представлением.

Если Рэнделл когда-нибудь узнает об этой маленькой интерлюдии, он будет в ярости, я в этом просто уверена. И это не только значит потерю гранта, который он мне дал, чтобы я смогла напечатать мою работу — исследование связанное Заком, но это ещё значит потерю моей карьеры, если он по правде захочет меня наказать за развращение своего крестника.

Господи, какая же я идиотка! Я должна поклясться себе, впредь соблюдать только рабочие отношения с Заком. Моя карьера слишком важна, чтобы рисковать ею, так далеко выходя за рамки приличий.

Глава 3

Зак

— Зак, обед готов, — я слышу голос Мойры из-за закрытой двери своей спальни.

Я не сразу ей отвечаю, вместо этого я продолжаю пристально глядеть в потолок надо мной. Часть меня совершенно не хочет присоединяться к ней, потому что для меня это значит больше болезненных попыток начать разговор с этой женщиной, которая меня так привлекает, несмотря ни на что.

— Зак? Ты слышишь меня? — спрашивает она.

— Я спущусь через минуту, — говорю ей кратко и потом слышу, как ее шаги удаляются от моей комнаты.

Мы приехали в ее дом в Эванстоне. Это маленький белый дом с чёрными ставнями и милыми цветами в горшках, расставленными беспорядочно по всему крыльцу. Это немного напомнило мне маленький родительский домик в Джорджии и разбудило множество разных воспоминаний о том, как моя мама работает в своём саду на заднем дворе дома. На меня нахлынули все эти воспоминания, когда такси подъехало к ее дому.

После того как Мойра расплатилась с водителем, я последовал за ней, неся свой немногочисленный багаж, лежащий в рюкзаке. Эту покупку она сделала специально для меня, чтобы я мог сложить туда пару своих вещей,

которые я забрал из Амазонки. Но там не было ничего, кроме родительских вещей и новой одежды, которую купила для меня Мойра, и ещё небольшого расшитого красивыми бусинками ожерелья, что дала мне Оела, маленькая карайканская девочка, перед тем как я покинул деревню. Лук и стрелы, так же как и мой мачете не были допущены при проверке в самолёт, на котором мы летели обратно в штаты. Я был так зол на неё, что не смог сдержаться и начал проклинать ее на португальском за то, что чувствовал в тот момент. Это казалось, заняло вечность, но она только спокойно смотрела на меня своими зелеными глазами, пока я не выдохся. Затем она спокойно извинилась за то, что так все получилось, сказав, что она убедится в их сохранности и целостности до того момента, пока я не вернусь.

Какая хитрая женщина... говорит о моём возвращении, когда я знаю, что ей не доставит удовольствия видеть, что я сделаю это. Но я ещё немного поиграю в ее маленькую игру... пока.

Я поспешно скатываюсь с кровати, обернутый вокруг бедер влажным полотенцем, которое свободно свисает на

моей талии. Душ был первой вещью, которую я сделал, когда Мойра показала мне дом и попросила чувствовать меня здесь, как дома.

Я проворчал ей в ответ и решил, что приму душ, используя возможность освободиться от своего напряжения, поласкав себя до моего полного удовлетворения, все это время, представляя в эротических фантазиях, чтобы я сделал с телом Мойры, если бы у меня была такая возможность. Я пришёл в полное замешательство от того, что даже ни разу не подумал о Тукабе, вместо этого я представлял в своих фантазиях, как огненные волосы Мойры будут рассыпаться по ее плечам и обнаженной спине, пока я буду брать ее сзади. Я кончил тяжело и жёстко, но я был все так же молчалив, я контролировал себя, в то время как моя сперма брызнула капельками на плитку душевой.

Осматриваюсь вокруг в поисках одежды, которую я доставал из рюкзака, я потрясен внезапной сумасшедшей идеей, пришедшей мне. Мойра сказала чувствовать здесь себя, как дома. Но также она дала мне чётко и ясно понять, что на людях, в людных местах, мне нужно быть

полностью одетым все время, но вне всяких сомнений, если бы я был дома в карайканской деревне, я был бы полностью голым.

С хитрой улыбкой я развязываю узел полотенца на талии и даю ему упасть на пол, перед тем как выхожу из моей спальни.

Мойра на кухне. Она стоит ко мне спиной, пока что-то готовит на плите. Я сразу смог вспомнить свою маму, стоящую около плиты в нашем доме и достающую печенье из духовки, я даже смог ощутить тонкий аромат шоколада и ванили, тех вещей, которые давно забыты мной. Мой рот наполняется слюной и, поддавшись мимолетному желанию, мне хочется спросить Мойру, а сможет ли она для меня приготовить печенье.

Но затем я подавляю своё желание, потому что я не хочу просить ее ни о чем.

Я подхожу к кухонному столу и когда начинаю отодвигать стул, Мойра слегка пугается и затем медленно поворачивает голову через плечо с лёгкой улыбкой.

— Я надеюсь, ты голоден. Я…

Казалось, Мойра полностью лишилась дара речи, и ее глаза открылись широко в удивлении, пока она смотрит на меня, стоящего перед ней голым. Ее красивый ротик ошеломленно открыт, пока ее глаза медленно опускаются, рассматривая сантиметр за сантиметром моё тело. Когда наконец ее взгляд достиг моего члена, он немного вздрагивает от возбуждения под ее взглядом, начиная вставать, что несколько удивило меня, так как всего час назад я как следует усмирил этого зверя.

— Что ты делаешь? — спрашивает она хриплым голосом, пока ее взгляд фокусируется на моём лице.

— Я готов обедать, как ты и сказала, — отвечаю я без единой эмоции на моём лице.

— Но… ты не можешь… тебе нужно надеть что-нибудь на себя, какую-нибудь одежду, Зак, — говорит она мне, пока ее взгляд быстро пробегается по мне.

— А я не хочу, — это все, что я ей отвечаю, перед тем как сесть на стул. Я вытягиваю ноги перед собой и складываю руки на животе.

Мойра тяжело сглатывает.

— Но это никуда не годится, ходить голым.

Пожав плечами, я смотрю на неё насмешливым взглядом.

— Ты сказала мне чувствовать здесь себя как дома. У себя дома я ходил бы голым. Поэтому сейчас я голый и здесь, ты мне сказала называть это место моим домом.

Она открывает рот, чтобы сказать что-то, но тут же закрывает его, скрежеща зубами от лёгкого чувства досады. Мойра прикрывает глаза, делает глубокий вдох. И когда она открывает глаза, она улыбается мне той же приятной улыбкой, которую я видел пару тройку раз за последние несколько дней, когда я отказывался выполнять то, что она просила меня.

— Хорошо… на сегодня достаточно. Мы поговорим об этом позже.

Отворачиваясь от меня, чтобы помешать что-то в кастрюльке на плите, что, я должен был признать, пахло просто потрясающе аппетитно, она тихо пробормотала:

— Просто не подходи и не открывай, когда кто-то постучит в дверь.

Я усмехаюсь себе довольною улыбкой, потому что поставил ее в неудобное положение. Это ещё самое малое,

что она заслуживает, еще с самого первого момента, как я обратил на неё своё внимание, она украла у меня мой покой. И если я могу отплатить ей за эту услугу, я сделаю все возможное, что в моих силах, чтобы отдать ей это сполна.

Мойра занята у плиты, что-то постоянно помешивая в кастрюльке. Затем она берет две тарелки из шкафа и половником разливает каждому в тарелку порцию. Беря в руки обе тарелки, она поворачивается ко мне и говорит:

— Это конечно не что-то особенное, это просто Hamburger Helper («Ужин с гамбургером»; гамбургер с гарниром — лапшой, томатами и острым перцем или с острым перцем, печеным картофелем и бобами, бефстроганов, лазаньей и др.) Но у меня толком нет продуктов. Завтра сходим в супермаркет за продуктами.

Она берет тарелку и ставит передо мной. Я глубоко вздыхаю, так как смотрю на гору незнакомой мне еды. Она достаёт из отделения для столовых приборов две вилки и кладет одну около моей тарелки, которую я конечно игнорирую.

Я не стал дожидаться, пока она сядет за стол, чтобы начать есть, я сразу же погружаю мои пальцы в большую гору только что приготовленной еды и пытаюсь удержать ее в пальцах. Она выскальзывает из моих пальцев и падает опять в тарелку.

Когда я смотрю на Мойру, она легко берет свою вилку и набирает ею немного еды, затем аккуратно кладет ее к себе в рот. После того как она пережевывает и глотает пищу, она говорит мне:

— Это намного легче делать с помощью вилки.

Я лишь хмыкнул ей в ответ. Затем медленно взял тарелку в руки и поднес ее близко ко рту. Своими пальцами я начал собирать еду и заталкивать к себе в рот, наслаждаясь ее ошеломленным взглядом и полным неверием в происходящее.

Возвращая тарелку обратно на стол, я пережевываю с набитым ртом то, что так восхитительно вкусно. Я улыбаюсь ей своей самой красивой улыбкой, перед тем как проглотить пищу,

— А что такое Hamburger Helper? — спрашиваю я.

— Это всего лишь макароны, немного соуса и рубленный говяжий фарш. Ты когда-нибудь пробовал такое в детстве?

Качая отрицательно головой, я беру опять тарелку и кладу еще немного еды себе в рот.

— Такого что-то я совсем не помню, — отвечаю я с набитым ртом. Она корчит милую рожицу, и эта мелочь делает меня счастливым.

Мы едим в полной тишине, и со своей порцией я справляюсь очень быстро. Когда я замечаю, что моя тарелка пуста, я понимаю, что все ещё голоден.

— Я бы хотел ещё добавки.

Она в удивлении приподнимает брови, смотря на меня, и я вижу блеск в ее глазах, такого я ещё не видел у нее. Улыбаясь мне, она говорит:

— Там на плите еще много. Пожалуйста, угощайся.

Я быстро смотрю на плиту и потом обратно на Мойру. Самому положить еду? Она что серьёзно?

— Зак, я была не против помочь тебе с первой порцией, потому что сама была голодна и накладывала в свою тарелку, но тебе нужно учиться все делать самому.

В следующую секунду я смотрю на неё очень пристально, интересно, что я могу ей сказать в ответ. Моё воспитание предполагает, чтобы женщина обслуживала меня во всем, но это привычный ход вещей в нашей деревне, так как мужчины обеспечивают едой племя. Здесь, все по-другому... Мойра не только обеспечила нас едой, но и приготовила ее.

Согласившись коротким кивком, я встаю из-за стола, облизав перед этим свои пальцы дочиста, за что она награждает меня ещё одним недовольным выражением лица. Я беру свою тарелку, подхожу к плите и накладываю себе ещё сырно-говяжую массу.

— А ты будешь ещё? — спрашиваю я, предлагая помощь, и сразу же меня шокирует, что я вообще спрашиваю это. Слава Богу, она говорит «нет», так что я кладу себе остатки еды.

Заканчиваем обед ещё в большей тишине, и Мойра смотрит на меня. После того как последний кусочек прожеван и проглочен, я встаю из-за стола и иду мыть руки в раковине. В то время как я наслаждаюсь тем, что веду себя за столом как дикарь, отказываясь использовать

столовые приборы и салфетку, я всегда мыл руки водой после того как поем, это кажется для меня таким естественным сейчас.

Я направляюсь на выход после того, как заканчиваю, но голос мойры останавливает меня:

— Нам нужно поговорить, Зак.

Игнорируя ее, я продолжаю идти по направлению к спальне, но ее голос все-таки останавливает меня.

— Пожалуйста... всего пять минут.

Что-то в ее голосе... он звучит устало... он полон разочарования. Пока часть меня наслаждается этим, малая часть не испытывает больше всех этих ощущений, потому что в глубине души, я все-таки понимаю, что это была не ее идея привезти меня сюда. Ее участие в этом во всем сводится лишь к тому, чтобы помогать, и я это все понимаю и принимаю на общем уровне. Я решаю уступить ей в этой просьбе, поэтому я повернулся и посмотрел на нее.

В этот раз она смотрит прямо в глаза, а не между ног, так что я понимаю, что разговор будет серьёзным.

— Нам нужно обсудить с тобой все то время, которое ты проведешь тут. Мы должны установить общие правила поведения.

Я легко киваю и подхожу обратно к стулу, который только что был мною освобожден, и опять сажусь, расставляя широко ноги, смеясь над ней мысленно, как она пытается сосредоточиться на зрительном контакте со мной. Она бы никогда не смогла удержать свой взгляд на моем лице, если бы я сейчас спустил руку и начал ласкать свой член, но я не буду этого делать. Я лучше покончу с этой ситуацией сейчас, просто смотря на неё, ожидая какое разочарование она готовит для меня на этот раз.

— Зак, я знаю и понимаю, ты совсем не хочешь здесь находиться, — сказала она мягко. — В конце концов, мы должны прийти к компромиссу. Сейчас ты здесь. Ты обещал Парайле и я, конечно, в полной мере ожидаю, что однажды ты вернешься все-таки домой, но правда в том, что мы будем проводить много времени вместе. И тебе лучше было бы воспользоваться этой уникальной возможностью и получить выгоду.

— Я не хотел этой возможности, и никогда бы не захотел, — говорю я твердо.

— Да, я знаю. Но ещё у меня есть работа, которую мне нужно сделать, и она состоит в том, чтобы помочь тебе приспособиться к жизни здесь, в Америке. Может если бы ты сказал, чему хотел бы научиться, мы бы начали именно с этого. Я научу тебя всему, чтобы ты хотел узнать.

Ее голос полон стремления помочь мне и научить меня всему, и я понимаю, что ох, вот она моя возможность, стоит передо мной сейчас. Она воспринимает моё маленькое сопротивление, как разрешение, чтобы продолжить дальше.

— Все, что ты захочешь. Мы сделаем это удовольствием для тебя, мы можем начать это делать постепенно, а можем начать прямо сейчас. Только дай мне знать, чтобы ты хотел сделать, и я тебе обещаю, мы сделаем это. Вот увидишь... Это может стать восхитительным опытом, если ты только дашь мне шанс.

Бедная, наивная заблуждающаяся на мой счёт Мойра. Она даже и не представляет, что предлагает мне.

— Всему-всему? — спрашиваю я с недоверием.

— Да! Есть так много того, что мы могли бы посмотреть и сделать, но мы можем начать со всего, что тебе большей всего нравится. Мы могли бы сходить в ресторан, посетить музей в Чикаго или сходить в зоопарк. А что насчёт библиотеки? Там полно книг и ты бы мог читать, пока тебе не надоест. Но я просто хочу, чтобы ты дал шанс мне и этой идеи.

Я улыбнулся ей медленно, немного лениво, дьявольской улыбкой.

— Хорошо. Я дам этому всему шанс, но я уже знаю, чему бы хотел научиться сначала.

Она наклонилась немного вперёд в радостном возбуждении:

— Отлично!! Положись во всем на меня!

— Я хотел бы узнать о сексе, как вы занимаетесь сексом в современном мире.

Мойра моргает, смотря на меня глупым непонятливым взглядом, встряхнув немного головой, как бы давая понять, что она не понимает, о чем я сказал.

— Прости? Ты хочешь узнать о сексе?

— Да.

— Но… но… Ты же уже знаешь, как заниматься сексом, — сказала она смущенно.

Я приподнялся и наклонился вперёд на моём стуле, так что моё лицо было всего в нескольких сантиметрах от ее лица. Мой голос низкий и оживленный с лёгким грубым оттенком:

— Да, я умею. Ты видела меня в деле. Но я же хочу научиться, как современные люди занимаются сексом. Это немного отличается, ведь так?

Она тяжело сглатывает, и я вижу вспышку страха в ее глазах.

— Да, это по-другому. Но я не думаю…

— Ты спросила меня, что я хочу, и я тебе это сказал. Если ты научишь меня тому, как цивилизованные люди занимаются сексом, я обещаю, я буду играть с тобой в твою маленькую игру по обучению меня новой культуре. На самом деле, я даже буду пытаться вести себя соответственно с вашими общепринятыми культурными нормами, если это сделает тебя счастливее.

В следующее мгновение Мойра смотрит мне в глаза, и я даже могу видеть, как крутятся колесики в ее голове,

обдумывая моё предложение. Наконец, она медленно кивает и тихо говорит: — Хорошо… я принимаю твоё пред...

Я быстро вскакиваю со стула и в следующую секунду слышу вздох подчинения мне. Моя рука хватает ее за затылок, и я тяну ее вверх, чтобы она встала. Она не сопротивляется, только ее глаза широко открыты в удивлении.

— Тогда давай начнём, — я говорю это в то время как прикасаюсь носом к ее шее, вдыхая ее сладкий запах. Я отстраняюсь на мгновение, поймав ее затуманенный взгляд, и потом с силой давлю ей на шею, опуская ее вниз на пол. — Стань на колени.

Ее тело начинает медленно опускаться вниз, следуя моему приказу, я сразу же возбуждаюсь, моя длина напрягается и делается твёрдой, представляя картину, как она становится на колени передо мной. Я не думал, что она так лёгкого сдастся, и моя внутренняя доминирующая часть начинает разгораться с новой силой.

Когда она уже почти опустилась на пол, я начинаю думать, как лучше всего раздеть ее… может быть, я

просто прикажу ей, чтобы она разделась, пока она будет стоять на коленях, но вдруг она, сопротивляясь мне, поднимается со слезами на глазах.

— НЕТ, ЗАК! Мы не можем этого сделать, — она практически кричит на меня, ее глаза наполнены диким страхом.

— Почему нет? Ты сказала, ты меня всему научишь, что касается секса.

Держа обе руки передо мной, защищаясь, она качает головой.

— Я сказала, что научу тебя, но не говорила, что буду спать с тобой.

Я приподнимаю бровь, вопросительно смотря на неё, совершенно сбитый с толку такой реакцией. Мои глаза неторопливо опускаются по ее телу, заставляя краснеть ее щеки и задерживаясь на ее груди с напряженно торчащими сосками, я совершенно теряюсь. Она точно этого хочет… я точно могу это сказать.

— Ты хочешь меня, — я говорю ей просто и спокойно. — Я знаю, ты хочешь.

Она упрямо покачала головой.

— Нет… я не могу сделать это.

— Не можешь? Но ты хочешь этого? — спрашиваю я, потому что мне нужно чётко знать, что за границы она установила у себя в голове.

Делая глубокий вдох и медленно выдыхая, она говорит:

— Это совсем не имеет никакого значения, что я хочу. Я была нанята твоим крестным отцом, чтобы присматривать за тобой. Учить тебя, как приспособиться жить сейчас. Когда-нибудь я планирую написать работу об этом. И это перечеркнет все как моральные, так и профессиональные стороны этого вопроса, если у нас с тобой будет секс. Я попробую научить тебя по-другому.

— Как? — я спросил ее скептически. Не то чтобы мне до этого было хоть какое-то дело. Я совершенно не хотел учить все эти нормы сексуального поведения. Я просто использовал это как способ получить то, что я хотел… жёстко входить в ее желанное тело.

— Ну… есть множество способов. Фильмы… книги. Я могу отвечать на твои вопросы. Я могу находить ответы на твои самые курьёзные вопросы, но абсолютно точно мы не можем заниматься сексом.

Я вспоминаю ту первую ночь, когда я увидел Мойру. Она смотрела на меня, пока я был с Тукабой. Затем я вспомнил, как она ласкала себя в ночь на реке Жутаи, получив такой же потрясающе яркий оргазм, что и я. Я уверен, что Мойра страстная по своей натуре. Она хотела меня оба раза, и я просто уверен, что и сейчас она меня хочет.

Может быть, она ещё не совсем готова подчиниться мне, стоя на коленях передо мной, но я уверен, что получу ее, покорную мне в таком положении. Мой подбородок приподнимается, пока я смотрю на нее, и внутренне… для себя… я принимаю ее вызов.

Скорее всего, мне предстоит немного постараться, но я обязательно поставлю ее на колени перед собой … скоро… и она будет умолять меня об этом.

Глава 4

Мойра

Зак все ещё молчал, когда я утром зашла на кухню, чтобы выпить чашечку кофе. Я познакомила его с кофе «Ява», когда мы были в Бразилии, и он просто влюбился в него. Я сказала ему, что у нас есть планы на сегодня, для которых обязательна одежда, на что он только ухмыльнулся.

Но покорно пошёл и принял душ, появившись одетым в шорты цвета хаки и легкую голубую футболку, надев ко всему этому пару кроссовок, которые я ему купила. Сегодняшние дела включали в себя покупку большего количества одежды, потому что я купила ему всего пару комплектов, пока мы были в Бразилии.

Его длинные каштановые волосы лежат в беспорядке грязными волнистыми прядями на плечах. Это совершенно не сочетается с его аккуратным внешним видом. Я просто уверенна, что любой, кто посмотрит на Зака внимательнее, заметит это. Он создаёт впечатление дикаря, который жил последние восемнадцать лет в тропическом лесу. Я могла бы снова предложить ему сходить подстричься, но точно чуть позже. Он отверг эту идею, когда я предложила ему ее пару дней назад, сказав,

что для карайканского мужчины — это гордость, иметь такие длинные волосы.

У нас очень занятое утро, и Зак терпеливо позволяет отвести его в торговый центр, чтобы пополнить его гардероб. Нижнее бельё, шорты, джинсы, носки и футболки. Он тихо и спокойно принимает то, что мне нравится, примеряя, насколько это ему подходит. Его молчание сводит меня сума и лишает спокойствия, пока мне отчаянно хочется узнать, насколько ему это нравится и что он думает. Он не задал мне ни единого вопроса, не говоря уже о том, чтобы показать хоть какие-то радостные или удовлетворенные эмоции.

После нашего диалога вчера вечером, когда он настойчиво попросил меня научить его современному сексу, к сожалению, секс — это единственное о чем я могу сейчас думать. Он видел, как моё тело реагировало на его прикосновения и на его близость. Он знает, что я хочу с ним заниматься сексом, так же как и тогда, в первую нашу встречу, я хотела этого, когда он трахал ту, другую женщину, при свете огня. Но я все решила для себя, я не могу. Я не могу упустить такую возможность

только лишь потому, что моё тело кричит от желания узнать, что это такое, когда тебя полностью подчиняет мужчина.

Но не просто любой мужчина.

А именно такой мужчина, как Захариас Истон, который ходит по дому, блистая своей наготой, гордясь ею, с его огромной впечатляющей эрекцией, раскачивающейся достаточно уверенно и соблазнительно при каждом его шаге.

Он убивает меня. Он просто убивает меня. Прошлой ночью я пошла в кровать, продолжая думать о том, как он быстро двигался, хватая меня за шею и толкая на пол. О, боже, позор мне, я хотела сдаться его воле и желанию. О, господи, это плохо, это просто ужасно, а моё предательское тело изнывало от чувства разочарования и нехватки секса, мой мозг кричал: «остановись, не совершай эту ошибку». Чуть позже, когда я полностью разделась и залезла в кровать, а все моё тело изнывало от желания, я протянулась к моему ночному столику возле кровати и достала оттуда мой проверенный временем и оргазмами розовый вибратор кролик. Я была так увлечена

делом, вспоминая голод и желание, которое читалось в глазах Зака, когда он схватил меня за шею, что моя разрядка не заставила себя долго ждать, через какие-то наносекунды я уже кричала в подушку, надеясь, что Зак меня не слышит.

Зак все-таки показал мне свою чрезвычайную заинтересованность, когда мы пошли в супермаркет, в овощной отдел. Он мне сказал, что он помнит, как делал то же самое с родителями после церкви по воскресеньям. В тот момент, пока мы прогуливаемся мимо продуктовых стеллажей, он берет в руки разные товары, чтобы рассмотреть их. Когда мы подошли к полкам, где лежат крупы, сухие завтраки и каши, он вдруг улыбнулся, взяв в руки коробку с сухими шоколадными воздушными завтраками.

— Тебе это знакомо? — спрашиваю я его.

Он согласно кивает.

— Моя мама всегда покупала мне такое. Это мои любимые.

— Ну, тогда, не думая, клади это в тележку, — говорю я ему, а сама чувствую, как будто внутри танцую

победный танец, потому что он нашел хоть что-то, что напоминает ему о связи с его корнями.

После того, как мы набрали продуктов, которых бы хватило накормить целую армию, я повернула тележку и покатила ее в сторону кассы.

— Может быть, ты хочешь что-то ещё, пока мы тут? — спрашиваю я Зака немного позже, чем следовало бы.

Взгляд Зака уперся в пол в несвойственной ему манере, отражающей некоторую неуверенность на его лице. Он один из самых уверенных и независимых мужчин, которых я когда-либо знала, и сам факт того, что он опустил взгляд, заставил меня насторожиться.

Я терпеливо жду, чтобы он опять посмотрит на меня и ответил. И когда он все-таки снова смотрит на меня, то спрашивает:

— А ты знаешь, как готовить шоколадное печенье?

Я улыбаюсь ослепительной улыбкой ему и говорю:

— Конечно. Ты хочешь печенья?

Он улыбается мне в ответ неуверенной улыбкой, но я точно могу сказать это то, что является очень личным для

него. Это полная победа, ведь он поделился со мною чем-то, что является частью его.

Он кивает мне, улыбаясь более уверенно:

— Если ты не против.

— Ну, конечно же, нет! — я пытаюсь успокоить его, немного более эмоционально, чем когда-либо, потому что он показывает мне свою заинтересованность в чем-то, кроме того, что постоянно хмурится на меня.

— Пойдем, возьмем все ингредиенты, которые нам нужны для печенья, и я приготовлю его сразу же, как только мы придем домой.

— А ты очень умная и хитрая женщина, — говорит мне Зак, рассматривая ресторан, который я выбрала для нас на ланч. В то время как его слова кажутся сладким и милым комплиментом моей предприимчивости, его тон говорит совершенно об обратном.

— Что ты имеешь в виду? Я не понимаю тебя, — говорю я, разворачивая сэндвич, который мы только что приобрели.

— Приводя меня в ресторан, где подают только еду, которую вы едите руками, — говорит он мне с ухмылкой.

Я ничего не могу с собой поделать — я смеюсь. На загорелом лице Зака сияет весёлая улыбка, а в уголках глаз виднеется россыпь морщинок, какой он все-таки красивый. Улыбаясь, он разворачивает свой сэндвич.

— А ты подловила меня. Я бы не мог нигде больше рисковать чавкать и есть с твоей тарелки руками.

Зак больше ничего не отвечал мне, он просто постепенно ел свою порцию еды, наблюдая за людьми, окружающими нас. Я ем в полной тишине, смотря, как Зак воспринимает обстановку вокруг него. Он может вести себя, как будто не хочет иметь ничего общего с этой новой, навязанной ему жизнью, но он чрезвычайно любопытный человек. Он наблюдает за людьми и их действиями со скрытым наслаждением, учась всему постепенно.

— Смотри, та пара, вон там, — говорит Зак, поворачивая голову немного в сторону, где сидит пара. И я смотрю туда, куда указал мне посмотреть Зак. — Они целовались.

— Да, — соглашаюсь я, но я не говорю ни слова больше, просто потому что пока не могу понять, почему это так заинтересовало Зака.

— А почему люди целуются? Я вспомнил, что мои родители целовались, но мы не делаем этого в племени. Мне просто интересно, в чем смысл этого всего.

Глотая еду и запивая ее водой из бутылки, я пытаюсь сообразить, как правильно объяснить Заку про поцелуи и зачем это делают. Он спросил меня о таком сложном ритуале, но мои антропологические исследования необязательно и не всегда направлены на рассмотрение сексуальных норм в племенах, которые я изучала. Но я знаю точно, что многие культуры проявляют своё влечение и показывают свою заинтересованность в партнёре через поцелуй.

Взглянув на пару, которая более или менее оставляют на губах друг друга мягкие, нежные дразнящие поцелуи, пока они нежно, но крепко держатся за руки, я говорю Заку:

— То, что они сейчас делают, этот тип поцелуя показывает влечение к кому-то и некую заботу, что ты

даришь другому человеку, своей паре. Обрати внимание, что их губы долго не задерживаются на губах друг друга. Посмотри, как они улыбаются и смеются, глядя друг на друга.

— Да, они как будто в своём собственном мире, где только он и она, — замечает Зак, и я улыбаюсь, потому что он не упускает ни одной детали.

— Да… они смотрят только друг на друга, не замечая больше никого.

— Также целовались передо мной мои родители, — говорит он с нотками грусти в его голосе.

— Я это понимаю, знаю, они были очень влюблены друг в друга, — говорю я Заку. — Ну и кроме этого, мне это рассказывал Рэнделл.

При упоминании имени Рэнделла глаза Зака стали жестче, они наполнились холодом и отчужденностью, он кусает другой кусочек сэндвича, очень аккуратно. После того, как он прожевывает и глотает, он еще раз спрашивает:

— Но ведь есть и другой вид поцелуев?

— Да, — отвечаю я ему с улыбкой. — Ты можешь целовать кого-то при приветствии или когда ты прощаешься, говоря «пока». Ты можешь поцеловать болеющего ребёнка в лоб, чтобы успокоить его. Существует множество вариантов.

— Вы целуетесь, когда занимаетесь сексом? — спрашивает он с вызовом в голосе.

Я тяжело сглатываю, нервничая, потому что это похоже на то, что мы продолжаем наши секс уроки прямо посреди ресторана. С дрожью в голосе я отвечаю ему:

— Да, мы целуемся, когда занимаемся сексом. Но почему ты спрашиваешь? Ты что видел, как твои родители этим занимались?

— Нет, конечно, нет, я никогда не видел ничего такого.

Теперь он вызывает во мне ужасное любопытство с точки зрения культурных норм. Откуда мог знать мужчина, что поцелуи являются частью секса, если он ни разу в жизни не видел настолько интимных и чувственных поцелуев?

— Но что тогда заставляет тебя предполагать, что поцелуи могут быть частью секса?

Он пожимает плечами, пытаясь предать себе безразличный вид, посылая мне полу улыбку полу насмешку.

— Потому что… Я думаю, что хочу тебя поцеловать, но поверь, ты мне не нравишься вообще. Просто я думаю, в этом должен быть некий сексуальный подтекст, что-то, что возбуждает, потому что с другой стороны, почему тогда я думаю о тебе и о поцелуе с тобой?

Чёрт возьми, что это такое. Я была наполовину обижена его словами, да, меня задело, но мне было и очень приятно его желание. Но не зависимо от переполнявших меня чувств, мне нужно было ответить, как его учитель, как наставник.

— Да, поцелуи могут быть связаны с занятиями любовью и сексом. Много людей используют их как прелюдию, это очень возбуждает, когда два человека хотят поцеловать друг друга.

Зак кинул взгляд на ласкающуюся пару ещё раз.

— Они совсем не выглядят, как будто хотят заняться сексом.

— Сексуальный тип поцелуя немного другой, — сказала я ему, покраснев. — Как бы тебе это объяснить... он немного глубже… при этом поцелуе задействован язык…

— ЯЗЫК?! СЕЙЧАС ЖЕ ПОКАЖИ МНЕ! — говорит он настойчиво с жадным блеском и голодным желанием в своём взгляде, и что-то подсказывает мне, что мне пора молиться, судя по тому, что я вижу в его глазах.

— Нет! — восклицаю я и качаю головой. — Мы же в людном месте!

— Тогда покажи мне, когда мы вернёмся домой, — настаивает он.

— Нет, Зак. Это невозможно.

Он выглядит расстроенным и разочарованным тем, что я ему сказала, но я сразу же стараюсь успокоить его, потому что это первый и пока единственный раз, когда он так открыто общается со мной.

— Но я держу пари, что могла бы найти какие-нибудь видео на YouTube, когда мы вернёмся домой.

— YouTube? — переспрашивает он, и я вижу, что пробудила его любопытство ещё раз.

— Это… это такой способ поиска, где можно найти множество видео в интернете, — говорю я ему

— Видео?

— Да… как фильмы. Ты помнишь, что это такое?

Он кивает, но быстро спрашивает:

— А что такое интернет?

— Это то, что ты можешь смотреть на компьютере и где можешь получить ответы на многие интересующие тебя вопросы, оттуда ты можешь узнать все, что тебе захочется, — это все, что я смогла ответить ему, запинаясь. — Ну а вообще, если серьёзно… — Как вы сможете объяснить человеку, что такое «интернет», который ни разу про это не слышал?

— Дает нам ответы на все?

— Да, — говорю я. — Почти на все.

— Тогда зачем ты мне нужна, в тебе нет смысла и надобности. Дай мне компьютер с этой штукой, и я смогу узнать все, что меня интересует.

Я смотрю на Зака, не зная, что же на это ему ответить. Потому что он был прав. Я могла бы просто посадить его перед компьютером, обучив его основным навыкам

поиска по сети, и он мог бы узнать и изучить все сам, все, что он бы только захотел узнать об этом новом для него мире.

Встряхнув своей головой, чтобы хоть немного привести в порядок мои мысли, потому что я запуталась, я сказала ему:

— Я могу научить тебя, как пользоваться компьютером, но ты не сможешь всему научиться оттуда. Тебе нужно пытаться некоторые вещи попробовать сделать самому или с моей помощью, чтобы научиться.

— Как, например, научиться целоваться? — говорит Зак с медленной и немного коварной улыбкой.

— Я не буду учить тебя, как нужно целоваться! — протягиваю я, немного хмурясь, зато его глаза смотрят на меня с веселым блеском.

— А кто тебе сказал, что я хочу или что мне нужно, чтобы именно ты научила меня целоваться. Одну вещь я точно понял за все то короткое время, пока я нахожусь здесь: ТЫ НЕ ЕДИНСТВЕННАЯ ЖЕНЩИНА, МОЙРА РИД, В ЭТОМ НОВОМ, СОВРЕМЕННОМ МИРЕ!!

Я просто ошеломлена, я открыла рот в удивлении, после того что он мне отвечает, но это была правда. Тут так много всяких вещей… да, и секс, в частности, ведь Зак бы мог с кем-нибудь другим научиться этому. Он и правда не нуждался во мне, это меня расстраивает. Может и правда все, что нужно, это просто познакомить Зака с кем-нибудь, и пусть все идёт свои чередом и природа возьмёт свое.

Но нет… это же просто смешно?! Зак в данный момент совершенно не готов вступать в какие-либо отношения с кем угодно. Не смотря на то, что он очень независимый, смелый и отважный карайканский воин, здесь и сейчас он как ребёнок, только что родившийся, который только делает свои первые шаги в вопросах отношений и сексуального опыта, ну и всего остального.

И кроме этого… мысль о том, что он будет с какой-то другой женщиной находиться наедине и делать все те вещи, которые пытался сделать со мной, по какой-то причине не давала мне покоя.

— Сейчас это твой первый урок по современной культуре взаимоотношений, — говорю я Заку, вставляя

DVD диск в Blu-ray плеер ноутбука. — Тут просто несколько уроков по видам поцелуев, они могут заинтересовать тебя, ну поблагодарить ты можешь меня позже.

После обеда у нас был очень насыщенный день. После того, как мы остановились взять фильмы на прокат, мы пришли домой, и я начала подготавливать тесто на шоколадное печенье. Пока оно пеклось в духовке, я вытащила свой лэптоп и начала искать в YouTube видео с поцелуями.

Конечно, было несколько видео, которые мы смотрели заинтересованно некоторое время, он даже рассмеялся… такой приятный и мягкий, красивый звук... когда мы смотрели про одного очень эмоционального немецкого парня, который, по-видимому, объяснял все типы поцелуев и показывал их на его девушке. Мы совершенно не понимали, о чем он говорил, но мы провели отличное время вместе, смотря это, в этом не было ни единого сомнения.

Зак пошёл за шоколадным печеньем и пропал. Я в это время была занята просмотром моей электронной почты, с

первым укусом приготовленного мной печенья я услышала вздох удовольствия. Я улыбнулась сама себе, но не отрывала глаз от монитора.

Сейчас Зак сидит на одном из моих диванов, его длинные красивые мускулистые ноги вытянуты перед ним. Солнце только начало садиться за окном, и золотистый свет рассеивается по комнате и мягко покрывает его тело. Он очень привлекательный мужчина, я никогда не устану им любоваться. И я очень благодарна его забывчивости, что он хоть на время отложил свою «нет одежде в доме» политику. А если серьезно, я даже и не представляю, как бы я сидела на другом конце дивана и смотрела спокойно фильм, если бы он был абсолютно голый.

Мне и так достаточно тяжело сосредоточиться на фильме, который идёт в данный момент. Мой взгляд постоянно возвращается к Заку, и я смотрю на него снова и снова, пока он, как мне кажется, полностью сосредоточен на фильме, но только так я могу заметить и понять, насколько тщательно он за всем наблюдает.

Сегодня, я сделала большой шаг вперёд на пути общения с Заком. Я точно не знаю, может из-за сухих шоколадных завтраков, купленных ему и связывающих его с прошлым, или может быть из-за того, что он, в конце концов, увидел, что этот мир может быть хоть чуточку интересен для него, но сегодня он не так держит оборону и не такой замкнутый, как обычно. И я только могу надеяться, что дальше все так и пойдет, что он также будет открыт экспериментам в его новой жизни.

Кино потихоньку подходит к моменту, когда Ноа и Элли целуются на пирсе под проливным дождем, и мой взгляд плавно возвращается и скользит по Заку. Он сидит в той же позе, его ноги также вытянуты перед ним, а руки лежат на его крепком твердом прессе. Он не двигается, и ничего не говорит о его новых знаниях в области поцелуя. Сцена меняется, Ноа и Элли в доме, страстно целуются, пока он прижимает ее к двери. Зак продолжает спокойно и без каких-либо эмоций смотреть фильм, ни один его мускул не двигается, он не произносит ни одного звука.

Ноа нежно и аккуратно несёт Элли наверх, и потом они занимаются любовью, лежа на кровати и целуясь с

голодным страстным желанием. Зак хотел знать, какой вид поцелуев задействован в сексе, и теперь у него есть на это ответ. Хотя он, кажется, совсем не увлечен чувственной сценой, которая происходит перед нами на экране, к сожалению, я даже не могу представить, что будет, если Зак меня поцелует так же. Будет ли ему приятно? Будет ли это для него лишь новый приобретенный опыт или может прелюдия? Или может он относится к тому типу мужчин, которые получают наслаждение и удовлетворение только от того, что берут женщин сзади, совершенно не заботясь об их удовольствии?

Из-за этих мыслей я сижу, немного ерзая в кресле, но я заставляю себя терпеливо досидеть и досмотреть остаток фильма, но грязные и похотливые мысли вовсю крутятся в моей голове.

Когда, наконец, пошли титры, я встаю, беру пульт и выключаю телевизор. Поворачиваюсь к Заку и спрашиваю:

— Ну, что ты думаешь о фильме?

— Он был очень нудным и скучным, — отвечает он.

Я весело улыбаюсь ему в ответ и говорю:

— Мои поздравления. Ты только что пережил просмотр сопливо-мелодраматичного фильма про любовь.

— Сопливо-мелодраматичный? Что это значит?

— Это так мы называем фильмы, которые снимаются только для женщин, а не для мужчин.

Он кивает мне в понимании.

— Я помню, однажды смотрел фильм с родителями. Я не помню, как он называется, но он был про маленького мальчика, который играл во что-то, по типу игры, с маленькой девочкой, и его унесло в игру, перенесло в джунгли. Он там прожил много лет и превратился из маленького мальчика во взрослого мужчину. Затем, другие дети нашли игру и начали играть опять, мужчина был возвращен из джунглей в современный мир.

Я открываю рот от удивления и пристально смотрю на Зака, полностью прибывая в шокированном состоянии от его воспоминаний, и насколько они оказались ироничными, касаясь фильма из его детства.

— Да, я помню этот фильм… он называется «Джуманжи». В главной роли снялся Робин Уильямс, он потрясающий актёр, кстати, мой любимый.

Зак пожал плечами.

— Я не помню его имени, но точно помню, что этот фильм мне понравился, когда я был ребенком. У тебя есть этот фильм?

Я качаю головой и с хриплым голосом, наполненным глубокой печалью из-за него, отвечаю ему:

— Нет. Но мы можем его найти для тебя, если ты хочешь посмотреть.

Зак пожимает ещё раз плечами, как будто его совершенно не интересуют наши планы, и встает с дивана.

— Я иду спать.

— Хорошо, — говорю я кратко, желая разделить с ним его эмоции и чувства относительно этих воспоминаний, потому что я хорошо понимаю пугающую схожесть воспоминаний о фильме с его реальной историей жизни и как должно быть ему тяжело сейчас.

Вместо этого, я просто стою и смотрю, как он уходит по коридору, ведущему в его спальню.

И перед тем, как он совсем исчезнет из моего пристального внимания, направленного на него, он внезапно поворачивается и говорит:

— Часть с поцелуями была очень интересной в том фильме, который мы смотрели.

— Ты теперь понял, какая роль поцелуев в сексе? — спрашиваю я, и мой голос звучит на учительский манер.

— Я увидел, но толком я ничего не понял. Но как ты сказала, я должен попробовать сделать некоторые вещи, чтобы понять, что к чему, правильно?

— Я полагаю, наверное, да, — немного уклончиво отвечаю я.

— Я с нетерпением жду, когда я научусь этому виду поцелуев… с тем, кто по-настоящему сможет и захочет научить меня, — говорит он абсолютно искренне и серьёзно, затем он разворачивается и уходит.

Глава 5

Зак

Уже прошла целая неделя с того момента, как я прибыл в дом Мойры, и ни разу она меня не оставляла одного.

До сегодняшнего дня.

И я обязательно извлеку из этого свою выгоду.

Первое, что я сделаю, я раздеваюсь полностью, наслаждаясь прохладным воздухом, ласкающим мою кожу. Я не ходил раздетым столько, сколько предполагал в самом начале, но это было не потому, что я не хотел обижать или как-то расстроить Мойру. Это меня совершенно не волновало.

Нет, просто я стал носить одежду чаще, потому что стал к ней привыкать. Мойра везде водила меня, по разным местам, причём каждый день, все больше и больше погружая, и знакомя меня со своей культурой. И конечно, это подразумевало под собой одежду, и чем чаще я ее носил, тем больше мне это уже казалось не таким обременительным и неприятным.

Она водила меня в такое количество новых мест, что иногда моя голова шла кругом от нервных перегрузок.

Она показала мне самый центр Чикаго, и я могу абсолютно точно сказать, что я просто ненавижу это место. Заполненное железом, бетонными зданиями, и так много людей, чтобы просто это понять и принять. Очень шумно... но шум не такой прекрасный и не наполненный голосами животных, как в джунглях, тут все переполнено шумящими людьми и сигналящими автомобилями. Эти звуки режут мои чувствительные к такому непривычному шуму уши, пока я не начинаю иногда ощущать, что они даже начали кровоточить от этого всего.

Другие же места были не настолько плохими. Мы сходили в кино посмотреть фильм, она водила меня посмотреть на место, где она работает, в Северо-восточном университете. Мы с ней часто ходили в рестораны, и если честно, я все-таки сдался и начал использовать столовые приборы, и это только потому, что после того, как я замечал, как она пользуется ими, я признал, что это легче и чище для рук. Она показала местную библиотеку в Эванстоне и показала мне, как искать и проверять книги, которые в данный момент есть в наличии. Это совсем не далеко от ее дома, она даже

разрешила мне самому туда ходить, как только я захочу или что-то мне понадобится в библиотеке. И я… как-нибудь схожу, но после нашего первого визита туда, я ушёл оттуда примерно с десятью книгами, и я до сих пор не прочитал ни одну из них.

И да… одна из книг, предложенных ею, называлась «Как научить вашего ребёнка понятиям о сексе», я пролистал ее, но после трёх первых страниц сдался и бросил читать. Мне очень смешно, потому что если она думает, что сможет отделаться от меня, предложив мне вместо ее обещаний обучать меня всему печатную книгу, то она очень ошибается.

То, чему она хотела научить меня, иногда было настолько правильно и поучительно, хотя она не отказывалась отвечать честно на интересующие меня вопросы. Каждый день я пытался придумать какой-то новый вопрос для неё, только так я мог видеть ее сбивчивое и прерывистое дыхание, и как ее лицо покрывалось милым красным оттенком стыда.

— Мойра, а как вы называете, когда, например, моя сперма выходит с конца моего члена?

Хотя она очень покраснела и практически чуть не поперхнулась хлопьями, которые она ела, откашлявшись и прочистив своё горло, она сказала:

— Это… это называется оргазм.

— А есть специальный термин, как это ещё обозначают?

— Да, есть, некоторые это называют «кончить» или «кульминация».

— «Кульминация» я ещё понимаю. Но «кончить»?

— Да, именно «кончить» — говорит она, опять сильно краснея.

— А женщины тоже испытывают оргазм? Это то, что ты испытала в джунглях, когда трогала себя между ног?

— Да, Зак. Женщины тоже могут испытывать оргазм.

— Но у тебя же нет члена. Что ты трогаешь у себя, чтобы получить оргазм?

У женщин есть то, что называется «клитор». Я так думаю, что ощущения те же самые, как когда вы трогаете свой член.

— А где находится клитор?

— Так, хорошо Зак… на сегодня, я думаю, достаточно разговоров про секс, — Мойра хмурится и резко встает со стула.

Я внутренне улыбаюсь, потому что знаю, я достал ее и засмущал.

Мойра не обязана меня обучать сексу и всему подобному, поэтому и я не должен об этом думать. Но это единственное, о чем я могу думать, когда я нахожусь рядом с ней. В моём мире секс — это когда мужчина доминирует над женщиной, он подчиняет ее, и не важно, в какой момент и когда он расположится сзади неё и решит утолить своё желание. Но тут мне кажется все безумно интересным, что есть и другие виды занятия сексом.

Я думаю, что даже больше, чем я хочу признаться в этом себе, я хочу поцеловать Мойру. Тот фильм, что она мне показала,… когда те двое целовались, это заставило меня задуматься, на что будет похоже ощутить ее язык, переплетающийся с моим.

И если уж говорить о языках, я думаю, если мой язык прекрасно может освоиться в ее рте, то, наверное, он

может проникнуть и во все остальные более интимные места. Ее грудь, которую я не видел ещё, но очень хотел бы или это маленькое магическое место, которое она называет «клитор»? Конечно, пальцы, активно работающие на нем и ласкающие нежные складочки вокруг него, это просто восхитительные ощущения, но я хочу узнать, что чувствует мужчина, медленно облизывающий и посасывающий клитор. Я так хочу узнать, на что похож этот неповторимый вкус и если честно... я хотел бы почувствовать ее язык на моём члене.

Возможны ли эти все вещи, можно ли их воплотить в реальность? Я добавлю их к моему объемному листу вопросов, предназначенных для нее.

Сегодня у Мойры назначена встреча с врачом, и потом она сказала, что встречается с другом, и они пойдут обедать. Я сказал ей, что хотел бы провести обеденное время с ней, потому что мне нравится пробовать новые продукты, неизвестные мне, и новые интересные блюда в месте, которое она называет «рестораном».

— Не сегодня, Зак, — сказала она. — Я сегодня иду на свидание.

— Свидание? — спросил я немного смущенно. — Что это значит?

Она немного покраснела и смутилась моему вопросу, поэтому я сделал для себя вывод, что это должно быть как-то связанно с сексом, потому что она всегда смущается, когда мы говорим о сексе, и больше ее ничего не может смутить или немного удивить...

— Это, когда два человека, которые нравятся друг другу, идут куда-нибудь, чтобы приятно провести время в компании друг друга.

— Чтобы потом заняться сексом? — я спрашиваю ее, не принимая саму мысль того, что она может заниматься сексом или просто касаться другого мужчины.

— Не всегда, — отвечает она кратко. — Иногда, просто для того, чтобы поговорить или пообщаться.

— Так ты собираешься заниматься сексом сегодня на этом «свидании»? — мой гнев начал закипать, словно лава, я не мог понять почему, в чем причина моей резкой злости и недовольства. Потому что в остальные дни я с трудом выносил ее компанию, так как в ее присутствии я острее ощущал свою сексуальную неудовлетворенность, и

я до сих пор был очень зол на то, какую она играла роль в моём спровоцированном отъезде из дома.

— Это не твоё дело, но я отвечу тебе, нет. Я не собираюсь заниматься сексом сегодня с кем-либо. Мы решили выйти, чтобы просто вкусно пообедать вместе

— Но получается, иногда твои свидания заканчиваются сексом?

Мойра раздраженно и устало вздыхает, но все-таки отвечает:

— Иногда, да. Все зависит от того, насколько нас связывают близкие отношения.

Я задал другой вопрос, но она меня прервала, настаивая на том, что она может опоздать на назначенную встречу со своим врачом. Она спросила немного обеспокоено, все ли будет со мною хорошо, если я останусь один дома, я сказал, что все будет просто отлично. Она повернулась к своему ноутбуку, запуская программу, которой она меня научила пользоваться, и которая называется Firefox. Пару дней назад Мойра потратила приличное количество времени, показывая мне, как правильно нужно искать информацию в интернете. Она познакомила меня с

программой под названием Википедия, электронная энциклопедия, и сказала мне, что даже если я иногда могу и не верить в какую-то информацию, рассказанную ею, то я точно могу доверять всем фактам, собранным там, и это отличное место, откуда стоит и можно начинать поиски того, что хочется узнать.

Пока я не могу печатать также быстро, как Мойра, а ее пальцы порхают над клавиатурой так быстро, как будто ягуар гонится за своей добычей, но я буду тоже хорошо печатать. Я узнал множество вещей с того момента, как получил доступ к этой удивительной вещи под названием «интернет». Я узнал о президенте Обама, прочёл о войне в Ираке, о скоропостижной смерти Майкла Джексона, о танцах Майли Сайрус в стиле тверкинг, о катастрофе во Всемирно-торговом центре. Я прочёл и изучил тщательно историю Америки, уделяя особое внимание индейским племенам в этой стране, и я даже изучил информацию о тропических лесах Амазонки. Я был ужасно расстроен тем, насколько они были уничтожены, это было отвратительно, так издеваться над живой природой. Я знал, что современный мир покушается на нашу

спокойную жизнь там, но никогда не думал, что это настолько быстро происходит и с такими катастрофическими последствиями. Да, интернет был нескончаемым источником знаний под моими жаждущими учиться и изучать пальцами.

Я так думаю, что у меня есть около трёх часов в запасе перед тем, как вернётся Мойра, поэтому первая вещь, которую я сделаю, это пойду и полностью обследую ее спальню. Это единственное место в доме, которое я ещё тщательно не осмотрел, я лишь окинул его быстрым взглядом, когда Мойра показывала мне свой дом, когда мы приехали. Я нашёл множество баночек, бутылочек с кремами и лосьонами, расставленными на ее туалетном столике, и каждую из них я открываю и нюхаю. Я открываю шкафы и просматриваю ее одежду, уделяя особое внимание тому, что меня заинтересовало больше всего — нижнее бельё, которое сшито из крошечных кусочков шелка и кружев, что на ощупь на моих пальцах чувствуется нежно и ласково, скользя и приятно холодя кожу. Я открываю ее тумбочку у кровати и нахожу там странную и необычную вещь, по форме и размеру

напоминает мужской член с двумя изогнутыми стеблями в передней части. Так же на нем чуть ниже имеется кнопка, я нажимаю ее, и он начинает жужжать и вибрировать в моих руках.

Непонятно и странно.

Я не нашёл больше ничего интересного, но я взял эту розовую штуковину, по форме напоминающую неживой член, на кухню и положил на стол рядом с собой. Я очень хочу спросить у Мойры насчёт этого позже, когда она придёт.

В итоге, я сел полностью раздетый на кухонный стул и поставил ноутбук на край стола, теперь я мог снова изучать современный мир.

Мои пальцы готовы ввести в поле поиска, интересующее меня слово, но на минуту я останавливаюсь в нерешительности, но потом ввожу «секс» в поиске Википедии. И результатом на мой запрос стала длинная и скучная статья, в которой рассказывается о животных, растениях, грибах, у которых появляется разные типы оплодотворений и секс. Я быстро просмотрел ее и потом попытался последний раз ввести в

строчке поиска последнее слово, которое я узнал «оргазм».

Намного лучше.

Я узнал о женских клиторах, тут даже была представлена диаграмма для таких, как я, где показано точное расположение клитора. Я прочитал о точке G, для чего она и как ее можно найти и нащупать, я узнал разницу между проникающим и не проникающим сексом. Я узнал, что то, что я с собой делаю, когда получаю оргазм, называется «мастурбация». Я несколько раз повторил это слово, и оно приятно ощущалось на моём языке и для моего слуха, я прочёл, как можно по-другому сказать слово мастурбировать — «ручная работа, дрочить, отполировать перила, отшлепать обезьяну», последнее выражение заставляет меня рассмеяться, смотря на картинку.

В рамках этой же статьи, есть внизу синяя активная ссылка, как меня учила Мойра, она потянет за собой и откроет ещё одну статью, которая близка по теме к этой, с заголовком — «секс игрушки». Я нажимаю на нее, и тут открывается ряд фотографий и некоторые вещички на

фото похожи на игрушку Мойры, которую я вытащил из ее ночного столика совсем недавно.

Очень интересно и познавательно.

Но когда статья закончилась, я решил продолжить расширять горизонты своих знаний, ведь не просто так Мойра тратила на меня время, обучая этим хитростям. В дополнение к тому, что я узнал в Википедии, я решил воспользоваться силой Гугла. Открываю эту программу и ввожу в строке поиска «секс», просматриваю прилагающуюся информацию, и я вознагражден большим количеством информации, чем могу прочитать.

Я познакомился с камасутрой и понял, сколько же существует поз для занятий сексом, чтобы быть вместе со своей парой. Хотя меня никак не может оставить фантазия о том, как я властно сжимаю шею Мойры и заставляю ее опуститься на колени передо мной. Я изучаю неспешно позы, рассматриваю фото, делаю закладки, чтобы спросить Мойру обо всем этом, когда она придёт домой. Я не могу дождаться, чтобы посмотреть, как покраснеют ее щеки, как она занервничает, увидев это, и как же она будет пытаться объяснить мне это.

Я нашёл интересную ссылку на статью о сленговых названиях интимных частей тела, я смог узнать много всего, особенно как называется мужской член. Член, одноглазый монстр, джойстик, меч, ствол.

Но слово член стало моим любимым.

Затем я познакомился со словом, которое полностью изменило все мои полученные из компьютера знания о сексе.

ПОРНОГРАФИЯ.

Википедия говорит, что это совокупность, представленная в виде изображения сексуального материала для того, чтобы испытать чувство возбуждения, и тут же прилагается огромное количество видео ссылок, от этого даже мои пальцы задрожали в удивлении, а что я увидел дальше. Я без всякого стеснения и сомнения нажимаю на первую ссылку, открывается видео, и от того, что я увидел, мои глаза широко открываются в изумлении, я никогда не видел такого, что там вытворяли.

Женщина, лежащая на спине, и мужчина, держащий ее ноги широко разведенными, в своих руках. Его мощный член глубоко и резко врезается в неё, и ее большая и

упругая грудь подскакивает от каждого мощного толчка. Когда она издает крик наслаждения, верхняя часть ее груди приподнимается, и она судорожно хватает ртом воздух. Я узнал эту позу, она была в камасутре.

Я нажимал одно за другим видео, просматривая их, и прошло совсем немного времени, прежде чем я сжал руку вокруг моего твердого члена и начал поглаживать его в такт тому, что происходило на экране ноутбука, большим пальцем растирая капли возбуждения, выступающие на головке. Но одно видео удивило и потрясло меня больше всего, там женщина занималась сексом сразу с тремя мужчинами, и одновременно принимая три члена в себя.

Я наклонил голову немного в бок, даже прекратил поглаживать себя, потому что я до конца не уверен в том, что вижу. Женщина сидит, широко раздвинув ноги на мужчине, его член толкается в ее киску — киска — ещё один термин, выученный мной. Она наклонилась вперед, так что она может взять в рот ещё один член другого мужчины, который стоит на краю кровати. Но то, что повергло меня в ещё больший шок, третий мужчина стоит за ней и ритмично трахает ее — в ее анус?

Все трое мужчин одновременно работают своими бедрами, жёстко вонзаясь в ее дырочки, и она стонет, совершенно не сдерживая криков страсти. Вид передо мной настолько захватывающий, что мой член, одноглазый монстр, меч… да к черту, какая разница, как его называть, если он тверже и более возбужден, чем когда бы то ни было.

Моя рука начинает двигаться быстрее, с кончика члена выделяется обильное количество смазки, мой пульс подскакивает, дыхание сбивается. Я растираю по головке и размазываю по всему члену смазку, поглаживая все быстрее и быстрее, ускоряя темп, пытаюсь не отставать от мужчин, которые вколачиваются в тело женщины в сумасшедшем ритме, и я готов испытать оргазм… кульминацию… я готов кончить.

Я тяжело кончаю, моя сперма брызгает на стол и к счастью не попадает на ноутбук Мойры. Я выкрикиваю ругательство, ещё одно новое слово, которое я узнал сегодня: «Черт»! Я продолжаю жёстко и в быстром ритме водить рукой по члену, стволу, по своему «парнишке».

Через несколько минут мое дыхание восстанавливается, становится размеренным, и я встаю, вытаскивая свои дрожащие ноги из-за стола. Я беру пару бумажных полотенец и вытираю весь беспорядок, который я устроил на кухонном столе, смотрю пару минут на монитор.

Это было чистое сумасшествие. Это за гранью моего понимания, я не могу этого понять. Все, что до этого я знал о сексе, это просто детский лепет, сейчас у меня в два раза больше вопросов к потрясающей Мойре, чем было до этого.

Для меня действительно важно все, что я сегодня узнал, и теперь у меня есть беспроигрышная идея, как заполучить Мойру на коленях передо мной, потому что так я ее хочу больше всего. А если я ее хочу, я должен получить ее.

По крайней мере, так я буду ее глубоко трахать в первый раз.

Уже почти два часа по полудню, когда я слышу шелест шин по гравию, машина Мойры подъезжает к дому. Прежде чем уйти, она сказала мне, что сегодня вечером мы пойдём ужинать, затем встретимся с ее друзьями в

ночном клубе, она хочет показать мне, как взаимодействуют, общаются друзья между собой в группе. Я думаю, это связано с тем, что она хочет мне показать разницу, как проводили время мы с соплеменниками в карайканской деревне, и как можно провести вечернее время сейчас. Я рассказал ей, что проводил каждый вечер, охотясь или рыбача, и потом рассказывая разные истории на протяжении целого вечера. Тогда это было так легко и желанно для меня, сейчас все гораздо сложнее.

Я думаю, она хочет показать мне саму суть слова «друзья», как налаживать связь и поддерживать отношения здесь, в Америке, чтобы я мог оценить преимущества и завести сейчас реальных друзей в новом современном мире. Но это трата времени и ее сил по обучению меня, потому что, если я и заведу друзей, это не показатель того, что я останусь.

Я не собираюсь оставаться.

Когда Мойра открывает входную дверь, она заходит в дом и видит меня, сидящего на диване. Я надел одежду после моего «эксперимента» ранее на кухонном столе и

подготовил себя противостоять ей в обсуждении тех вещей, которым я сегодня научился.

Она улыбается, приветствуя меня, и потом ее глаза смотрят вниз на розовый вибратор — еще одна вещь, про которую я сегодня узнал и который я держу в моей руке. Я нажимаю кнопку, и он начинает вибрировать, я хищно улыбаюсь.

— Что ты делаешь с этим? — спрашивает она в гневе, и ее лицо заливает краска стыда.

Я отключаю кнопку и пожимаю плечами.

— Я нашёл это в твоём комоде.

Она бросает свою сумочку на пол и подходит ко мне, забирая вибратор из моей руки.

— У тебя нет никаких прав рыться в моих вещах!

Я пожимаю плечами ещё раз, совершенно не обращая внимания на ее гнев.

— Ты никогда не говорила, что твоя комната это запретное место и туда нельзя входить. Ты сказала чувствовать себя здесь как дома.

Мойра что-то тихо бормочет, затем замолкает и закрывает рот.

— Хорошо, но больше так не делай! С настоящего момента моя комната для тебя табу!

— Хорошо, — успокаивающе заверяю я ее, потому что все, что я хотел увидеть, я уже увидел.

Мойра идёт к себе в комнату. Я даже отсюда могу слышать, как она бросает вибратор обратно в ящик ночного стола и с шумом закрывает дверцу. Когда она возвращается, она кажется немного более спокойной. Она входит на кухню и открывает холодильник, достает графин холодного чая со льдом, она всегда держит его полным. Я встаю с дивана и иду к ней.

После того, как она наливает себе стакан холодного чая, она поворачивается ко мне и спрашивает:

— Так чем же ещё ты занимался сегодня?

— Ты имеешь ввиду, после того, как я нашёл твою секс-игрушку?

— Да, — говорит она немного раздраженным голосом. — После того, как ты нашёл мою секс-игрушку.

— Так, давай посмотрим, с чего бы начать… Я мастурбировал около кухонного стола и кончил на него.

— ТЫ ЧТО? — спрашивает она меня, стоя с открытым от удивления ртом.

Я киваю головой.

— Да, это случилось после того, как я узнал, что такое порнография, найдя некоторые видео и посмотрев, как женщину трахают в ее киску и в ее задницу, пока она сосёт член другого парня, который глубоко толкается им в ее горло.

Я впечатлен собой, насколько легко новая терминология слетает с моих губ, и я очень рад видеть, как Мойра становится все краснее и краснее, настолько смущенной я ее ещё не видел.

Она подходит к одному из кухонных стульев и садится на него.

— О. БОЖЕ. МОЙ, — шепчет она. — Ты же не смотрел порно в интернете?

— Это было более поучительно, и намного интереснее чем все то, чему ты меня учила до этого. Я практически узнал весь лексический словарь терминов и множество новых слов, просто за пару часов поиска и просмотра.

Она роняет голову к себе на ладони. Затем качает головой из стороны в сторону.

— Рэнделл меня убьёт.

— Скажи мне, Мойра… хорошо ли ощущать для женщины, когда занимаешься анальным сексом. Это смотрится потрясающе горячо, с мужской стороны, а да, кстати,… есть ещё одно слово, которое я выучил сегодня. Трахаться. Оно мне нравится. Можно употреблять в разных значениях одно слово.

Я думаю, я мог нарушить ее привычный ход мыслей тем, что говорю, потому что она покачала отрицательно головой и тихо сказала:

— Я не знаю. Я никогда и ни с кем этого не делала.

Мойра встаёт из-за стола и ее ноги немного дрожат. Она поднимает свои глаза, я внутренне ухмыляюсь ее попыткам посмотреть мне в глаза. Она говорит обычным голосом:

— Зак... эти вопросы о сексе надо прекратить. Я не могу больше обсуждать эти вещи с тобой. Мы прекратим это прямо сейчас.

Один шаг, и я стою перед Мойрой. Я резко вытягиваю вперёд руку и хватаю ее за горло, мягко сжимаю его, чтобы привлечь ее внимание. Я поглаживаю ее нежно пальцем по щеке и замечаю, как она прикрывает глаза от удовольствия.

Я шепчу ей хриплым голосом, наполненным похотью, обжигая ее горячим дыханием:

— Наоборот, Мойра. Все только начинается.

Глава 6

Мойра

Я думаю, что могу потерять сознание, и это не связано с тем, что Зак держит меня за горло. Он держит меня так нежно, что я могу только чувствовать грубость и шероховатость его ладони на моей коже, ничего больше. Он не груб, он подчиняет, но это настолько нежно, что хочется расплавиться, как воск под его руками.

Нет… его слова, как он мне их говорит, животный голод в его глазах, желание женщины, как он мне

приказывает, это все не прекратится, для нас все только начинается…

Он ничего не говорит, ни слова… он не заставляет меня делать что-либо, что я не хочу. Но то, как он себя ведет, этот магнетизм, огонь в его глазах, смотря в которые мне хочется опуститься перед ним на колени и исполнять все, что он захочет, делать так, как он скажет…

Сегодня, когда мы обедали с Майклом, на нашем мини свидании, я не могла думать ни о чем другом, кроме Зака, сидящего у меня дома. Возможно полностью обнаженным. Возможно, он обхватил свой твердый, возбужденный член и его рука неторопливо скользит по его плоти. Я знаю, что у Зака огромный сексуальный аппетит, пару дней назад он рассказывал с тоской, как ему не хватает Тукабы — той женщины, которую он трахал передо мной — он мог брать ее каждый день, иногда по несколько раз за день, мог взять, где захочет. Он стал чаще надевать одежду, передвигаясь по дому, но иногда все ещё ходит абсолютно голым, и я не могу ничего с собой поделать, мой взгляд притягивает его огромная

эрекция, которую он любит показывать мне, особенно по утрам.

Он всегда замечает мой взгляд, даже когда я стараюсь скрыть его, и когда он ловит меня в ловушку своих глаз, он только хитро улыбается мне и направляется в ванну. Как он говорит: «принять душ», уже обхватывая рукой свой твердый, изнывающий от желания член, пока отходит от меня.

Зак сводит меня с ума, я никогда не хотела никого так сильно, как его… я испытываю два чувства — похоть и стыд в равной степени, причём стыд испытываю за свою похоть. Я полностью запуталась, я готова ему сдаться.

Несколько раз во время нашей встречи за обедом, Майкл спрашивал меня, ничего ли не беспокоит меня, почему я такая растерянная. Мне приходилось моргать, чтобы вытащить себя из моих фантазий о Заке, и пытаться сосредоточится на разговоре с Майклом.

Мы работаем в одном университете, Майкл — профессор на факультете математики, и мы были даже друзьями какое-то время. Незадолго до того, как я уехала в Амазонку, Майкл пригласил меня сходить на свидание,

и я подумала, а почему бы и нет? Он был привлекательным, успешным и очень веселым человеком с отличным чувством юмора. На наше первое свидание он пригласил меня на ужин, и это было мило. Он поцеловал меня, желая спокойной ночи, когда проводил до крыльца дома, и я помню, подумала тогда, что он отлично целуется, и мне было очень интересно попробовать и посмотреть, к чему это все может привести. Но позже я была нанята Рэнделлом прежде, чем мы смогли увидеться ещё раз. И я полетела в Амазонку, чтобы забрать Зака.

С того момента, как я вернулась, Майкл давил на меня, принуждая встретиться ещё раз, но я отклоняла его предложения раз за разом, придумывая все новые и новые оправдания. В конце концов я ему сказала, что не могу с ним пойти, потому что мне нужно проводить много времени с Заком, чтобы он смог привыкнуть и приспособиться к современному миру и обстановке вокруг него. Но Майкл не сдавался, и все-таки склонил меня принять его предложение пообедать с ним.

Я продолжала говорить себе, что причина, почему я не рада видеть Майка, в том, что у меня много сил и эмоций

уходило на работу с Заком. Но в глубине души я знала, что я не заинтересована в Майкле, как в романтическом любовнике и не представляла с ним дальнейших отношений. Ни тогда, когда мои мысли полностью сосредоточены на откровенно-соблазнительных эротических ощущениях, которые Зак заставляет меня ощущать день за днём, просто находясь поблизости.

Но потом я подумала и решила, что, может быть, для меня будет намного лучше встретиться с ним, чтобы избавиться от этих навязчивых фантазий и влечения к Заку. Может, если я пойду на свидание с Майклом, мы сможем заново наладить наше общение и восстановить привязанность, тогда я смогла бы соблюдать границу между моей заботой и влечением, удерживая ее твердо на месте, и мне не пришлось бы испытывать эту пытку желанием.

Сейчас это не кажется мне хорошей идей. Хотя Майкл и подарил мне страстный поцелуй перед тем, как я собралась поехать домой. После нашего обеда, я поняла, что все еще очень хочу сдаться и подчиниться желаниям Захариаса Истона.

— Я сегодня узнал много из Камасутры, — Зак говорит спокойно и не торопясь, смотря в мои глаза, я же не могу выдержать его взгляда и моргаю. — Я узнал, что существует так много разных поз. Намного больше, чем тот единственный способ, которым я беру женщину.

— Зак… тебе не следовало узнавать все эти вещи из интернета. Это может запутать тебя, и ты можешь понять все неправильно.

Он игнорирует мои слова и нежно прикасается носом к чувствительному месту ниже уха, вдыхая запах моего тела, и его жаркое дыхание вызывает волну дрожи по телу.

— Я узнал много нового о женском теле. Теперь я знаю, где находится твой клитор и знаю, как доставить тебе удовольствие, чтобы ты испытала оргазм… кончила… достигла пика желания.

Его слова отдаются эхом в моей голове, моя грудь с чувствительными сосками поднимается от напряжения, чтобы наполнить легкие кислородом, потому что его короткая речь лишила их воздуха.

— Мойра, хочешь, чтобы я показал тебе все, чему я сегодня научился? Разреши мне попробовать с тобой, показать твоему телу все, что я видел на компьютере…

Моё тело кричит ему: «да», но я вопреки желанию отрицательно качаю головой: «нет».

— Мы не можем… нам нельзя… это неправильно…

Зак выпрямляется, поднимает голову и смотрит на меня сверху вниз, затем нежно сжимает моё горло. Его глаза жёсткие и властные, он не хочет спорить и обсуждать, он хочет меня.

— Ты должна мне что-то дать Мойра. Дай мне своё тело… Я умираю от желания.

— Это неправильно, — еле слышно говорю я, но знаю и ощущаю всем телом, это будет так хорошо.

Издав стон разочарования, Зак отпускает меня. В его глазах отражается гнев, он опускает свои руки, в раздражении сжимая и разжимая кулаки, поднимает руку и проводит ею по волосам.

— ТОГДА ОТВЕЗИ МЕНЯ ОБРАТНО В ДЖУНГЛИ, ДОМОЙ! НЕ ДЕРЖИ МЕНЯ!

Там я смогу делать все, что я хочу, и мне не придётся жить по твоим глупым правилам, я делаю все, как ты хочешь. Отвези меня к Тукабе, дай мне попробовать мои новые знания на ее теле, на той, кто хочет меня! Ты отвергаешь меня на каждом шагу, я не подхожу тебе?

МОЙРА, ОТВЕЗИ МЕНЯ ДОМОЙ, ГДЕ МЕНЯ ПРИМУТ ТАКИМ, КАКОЙ Я ЕСТЬ!

Его слова тяжело врезаются в мой разум, и я чувствую горечь одиночества, тоску в его голосе.

— Нет, Зак, — я умоляю его, мне стало страшно от его слов, я боюсь потерять его. — Еще очень рано возвращаться. Ты должен увидеть намного больше, столько всего ты ещё не узнал… и Рэнделл хочет познакомиться с тобой.

— Отвези меня домой, не мучай меня, или давай делать так, как ты мне обещала. Ты сказала, научишь и покажешь мне вашу сексуальную культуру и все остальное, но единственная вещь, которую я получил от тебя на данный момент, это глупые детские книжки.

— Я не могу заняться с тобой сексом, Зак! — говорю, терпеливо объясняя ему. — Не могу, потому что… просто

не могу, и все… — Я не могу делать это и сохранять здравомыслие. Я знаю, что в ту минуту, как я сдамся его желанию, все, к чему я стремилась и сделала, разрушится и не будет восстановлено. Я знаю, когда я поддамся влечению, я предам свои обязанности помощи ему в воссоединении с новым современным миром и его родными. Это будет подлым и неправильным, все сведется к похоти и удовлетворению наших желаний.

— Тогда утоли мой голод по-другому, — сказал он быстро, я не уверена, правильно ли я почувствовала или нет, но мне почему-то показалось, что он давно ждал, чтобы сказать эти слова, а все до этого было лишь спланированной игрой…

— Как именно? Что ты имеешь в виду? — спросила я нерешительно.

— Разреши мне посмотреть на тебя еще раз. Дай мне посмотреть, как твои пальчики прикасаются к твоему клитору, и как ты кончаешь. Научи меня обращаться с женским телом, как ты доставляешь всеми способами себе удовольствие и дай мне посмотреть на это. Научи меня всему этому и мне будет достаточно.

Я внимательно посмотрела на Зака, ошеломленная его просьбой. Это все ещё кажется мне ужасной идей, но тут хотя бы будет граница, которая его сдержит… Он не прикоснется ко мне… я не почувствую его член, тесно прижимающийся у меня между ног…

Взгляд на лице Зака был непреклонным. Он поставил меня перед выбором и если я ему не дам то, что он хочет, он уедет, и тогда я подведу Рэнделла. И потеряю свой большой грант.

Я потеряю Зака. Он покинет меня навсегда.

Прежде, чем я смогла себя остановить, сдержать вопрос, я спросила:

— Ты только хочешь посмотреть на меня? Никаких прикосновений?

— Разреши мне только посмотреть, ничего больше, — сказал Зак негромким голосом и прошелся языком по своим губам в предвкушении. — Это будет настоящий урок для меня…

О, Боже… Я не могу поверить, что я собираюсь на это согласиться, и когда я понимаю, что отвечаю ему положительно, я растеряна.

— Хорошо. Я согласна, я покажу тебе это. Но, обещай мне Зак, что после этого… Мы покончим с этим. Мы больше не будем говорить об этом, и ты согласишься продолжить обучение культуре и поведению, как мы это запланировали.

— Я согласен, Мойра, — сказал он решительно и потом схватил меня за руку. Ведя меня по коридору в направлении моей спальни, он сказал:

— Я хочу, чтобы ты лежала на кровати с широко раздвинутыми ногами, чтобы я все мог видеть.

Открывая дверь и толкая меня в комнату, Зак отпускает меня и приказывает глубоким хриплым от возбуждения голосом:

— Снимай одежду.

Мои руки начинают дрожать, как осиновый лист на краю перед падением, под звуком его голоса и под плавящим огнём его глаз. Я делаю глубокий вдох и стягиваю быстро футболку через голову, не желая, чтобы моё обнажение превратилось в соблазнительный стриптиз.

Это не больше, чем наглядный урок, убеждала я себя.

С большей решительностью я сбрасываю свои босоножки и снимаю коротенькие шорты, заставляя их упасть на пол и потом ногой отбрасываю их в сторону.

Глаза Зака жадно рассматривают моё тело, его взгляд останавливается на нежно-голубом шелковом лифе и крошечных трусиках бикини, которые я надела сегодня утром.

— Ты знаешь, — сказал он напряженно после пары минут, как рассматривал моё тело. — Я видел голых женщин все время, я привык к голому телу, но что-то есть в этих маленьких кусочках нежного материала, они притягивают мой взгляд к твоему телу, мне доставляет большое удовольствие смотреть на них на твоём теле. Но я хочу посмотреть, что под ними. Сними их.

Я протянулась руками за спину и расстегнула застежку бюстгальтера. Наклоняя мои плечи вперед, я позволила шелковому кусочку ткани сползти по моим плечам и упасть на пол. Зак смотрит на мою грудь и делает шаг вперёд. Я не двигаюсь, оставаясь стоять на месте, веря его обещанию, что он не будет прикасаться ко мне.

— Твои соски такие красивые, они нежно-розовые, — говорит он в восхищении. — Они не коричневые, как у караек. А что это за маленькие пятнышки на твоём теле?

— Веснушки, — произношу я, но звук моего голоса похож на сильный скрежет металла. Я откашлялась, прочищая горло. — Они называются веснушки.

— Они прекрасны, — сказал он с тёплой нежностью в голосе. Я не знаю, что именно он имел в виду, веснушки или мои соски, но по венам разливается жидкий огонь, и я таю от того, как трепетно он это сказал.

— Теперь сними все остальное, — говорит он торопливо, и его глаза, наполненные терпким желанием, опускаются к моим трусикам.

Неторопливо я опускаю пальчики под кромку шелкового материала, немного наклоняюсь, чтобы стянуть их. Когда я спускаю их до уровня колен, я трясу ногами, чтобы заставить их упасть на пол, затем, также подцепив крохотную тряпочку носком ноги, я отбросила ее в сторону.

Глаза Зака широко открываются в удивлении, и он опускается на колени передо мной, приближая своё лицо

близко к моей обнаженной плоти. Я краснею, и моя кожа пылает под его заинтересованным смелым взглядом, меня никогда ни один мужчина не рассматривал так близко и с таким жадным интересом.

— У тебя здесь нет волос, — говорит он, протягивая руку к моей мягкой и гладкой плоти. Его пальцы останавливаются в паре сантиметров от прикосновения, и мне приходится контролировать движение своих бедер, чтобы не податься вперёд к его руке, ощутить его горячие пальцы.

— Я полностью депилирую тело, — говорю я ему, — чтобы избавиться от волос.

— Это выглядит так нежно и мягко, — бормочет он. — Чувствуется ли это настолько мягко, как смотрится?

О, чёрт. Все эти приказы, произнесенные сексуальным голосом, а сейчас его невинный интерес в таких интимных вопросах делает меня слабой, подвластной ему.

— Да, Зак. Это нежная мягкость.

Он смотрит на мою киску ещё пару секунд, затем его взгляд возвращается ко мне. Интерес в его глазах прошел,

ему на смену приходит трепет, жар и всепоглощающее желание.

— Забирайся на кровать Мойра, так я смогу все увидеть.

Я делаю, как он мне сказал, не спеша ползу на коленях в центр кровати и ложусь на спину. Зак поднимается с пола и подходит к краю кровати, забирается на нее и становится на край на коленях. Его возбужденная эрекция упирается в материал шорт, но все видно, несмотря на то, что материал достаточно плотный. Он отклоняется на пятки и садится, говоря мне:

— Раздвинь ноги для меня.

Кровь начинает бежать по венам, распространяя желание по всему телу, я чувствую лёгкое головокружение и жар во всем теле. Я развожу свои ноги в стороны, когда глаза Зака опускаются к моей киске, и я загораюсь под этим взглядом, возбуждение отдается в нижней части моего живота.

— А теперь покажи мне, Мойра. Покажи мне, где находится твой сладкий клитор. Я думаю, что я уже знаю,

где он находится, но я хочу, чтобы ты дотронулась до него своими пальчиками.

Я не могу сдержать стон, рвущийся из моего горла, и глаза Зака впиваются в мои. Его губы растягиваются в чувственной улыбке, а взгляд опускается к киске.

— Сделай это, — приказывает он. — Потрогай себя.

Опуская обе руки вниз, я раздвигаю ноги ещё шире, смотря на Зака. От возбуждения он прикусывает нижнюю губу, вонзаясь в неё зубами, пристально смотрит на меня, его глаза полны голодного желания, пока я второй рукой раздвигаю влажные складочки.

— Красиво, — еле слышно говорит он, когда я открылась ему, обнажая свою плоть. — Твоя киска блестит от влаги. Что это значит?

Я чуть не закашляла от его невинного вопроса, но отвечаю ему:

— Это значит, я возбудилась. Я сексуально возбуждена.

Он кивает в понимании, даже не отрывая своего взгляда от моей киски, и говорит дальше:

— Продолжай.

То, что началось так невинно, как урок по изучению женского тела, превратилось во что-то более греховно возбуждающее. Теперь вместо того, чтобы показывать Заку, где мой клитор и объяснять физиологические особенности, мне нужно утолить свое желание.

Опускаю другую руку между ног и аккуратно проскальзываю указательным пальцем в свою влажную киску. Меня не удивляет, что я потекла от желания, палец с легкостью погружается в горячую влажность. Я издаю лёгкий стон-хрип, губы Зака дергаются, но он не отрывает взгляда от моих действий.

Вытащив свой палец, я нерешительно провожу им по бугорку клитора, покрывая его влагой, которой увлажнена моя киска, готовая к длительному сексуальному приключению. Первое прикосновение к клитору заставляет меня сильно вздрогнуть, немного приподнимаясь на кровати, мои бедра с силой поднимаются вверх, и я издаю тихий крик удовольствия.

— Да, — прошипел Зак сквозь сжатые зубы. — Сделай так ещё раз.

Я не чувствую стыда, потому что моё кричит от желания удовлетворения. Опуская два пальца на мой клитор, начинаю потирать пальчиками возбужденную плоть круговыми движениями. Моё дыхание становится прерывистым, когда я ласкаю себя при Заке, стоящем на коленях между моими ногами, который наклонился и смотрит на меня горячим взглядом. Я чувствую пульсацию по всему телу, основание спины обдает жаром в приближении оргазма. Я начинаю сильнее потирать припухший клитор, мои стоны повторяются чаще, вырываясь из груди.

Так близко, я сейчас кончу.

Мои бедра двигаются в такт моим движениям, мои пальцы неистово кружат по верхней части клитора, и я чувствую, что меня затягивает в тёмный туннель с ярким светом оргазма в конце.

— Прекрати, не касайся себя! — рычит Зак, хватая меня за руку, чтобы прекратить мои действия.

— Нет… — хнычу я, из-за отсутствия пальцев на моей киске, чувство разочарования окатило волной моё тело.

— Насколько ты близко к тому, чтобы кончить? — спрашивает Зак. — Ты хочешь кончить?

— Да! — я почти срываюсь на крик. — Я так близко. Разреши мне кончить.

— Нет, — грубо говорит мне он, усиливая жестче хватку на моём запястье. — Мне нужно поговорить с тобой кое о чем, что заинтересовало меня.

— Что значит «нет»?! — я практически рычу на него срывающимся голосом, пытаясь приблизить руку, хоть на сантиметр к моей киске, которая изнывает от желания прикосновения моих пальцев. Другая рука все ещё на месте, приоткрывает мои складочки, держа их открытыми для него, но он очень крепко держит меня, не давая двинуться.

Зак наклоняется и приближает своё лицо, где я широко открыта для него. Он сжимает свои губы и легко дует на мою возбужденную чувствительную плоть, и я вскрикиваю от восхитительных ощущений.

— Мне нравятся все те вещи, которые ты делаешь своими пальцами, но ведь там может прикоснуться и язык?

Я громко застонала от мысли, как язык Зака касается меня, что вызвало спазм удовольствия по моему телу.

Зак подул опять.

— Ответь мне, Мойра. Язык работает также хорошо, как и пальцы?

Святой Боже, пожалуйста, спаси мою душу.

— Лучше, Зак, — прошептала я. — Ощущать его там намного лучше.

Он поднял свои глаза, и наши взгляды встретились, и читаемое желание в его глазах выворачивало меня.

— Освободи меня, Мойра. Освободи от моего обещания не прикасаться к тебе. Я буду ласкать тебя лишь языком, я обещаю. Ничего больше.

Я попаду в ад. Именно туда мне дорога, но моё тело не могло больше терпеть это мучительное желание. Оно хочет то, что Зак предложил мне, и я принимаю это предложение.

— Да! — кричу я на выдохе, одолеваемая сильным желанием. — Я разрешаю тебе.

Зак не торопится и опускается на матрас, лицо находится между моих раздвинутых ног. Он отпускает

моё запястье, потому что, веря его словам, что он не будет использовать руки, я пододвигаюсь к нему и открываюсь для него опять.

Он мгновенно проникает своим языком в меня, прикрывая и раздвигая лепестки малых половых губ, я издаю громкий стон удовольствия от его действий, когда он начинает меня трахать своим языком, погружая его туда и обратно во влажную плоть. Прерывистые хныкающие звуки вырываются из моего рта, мои бедра прижимаются к нему сильнее.

Он вытаскивает свой язык и обрушивается ртом на мой клитор и, как будто он был мастером и занимался этим годами, обхватывает его губами и начинает сильно посасывать. Затем он перемещает язык, чтобы дразнить меня, кружит языком вокруг бутона моего клитора, подразнивая сильнее, быстрее, жестче… быстро и властно, вот как он завладел мной.

Издав ещё один крик удовольствия, я попытаюсь заглушить его. Глаза застилают слёзы от невероятного ощущения того, как Зак лижет мою киску, так не делал ещё ни один мужчина до него. Он полностью завладел

моим телом, исчезая и повелевая им, только лишь ударом языка по клитору.

Мышцы стали напряженно сжиматься вокруг его языка, ощущение удовольствия между ног стало невыносимым.

Зак продолжает завладевать мной.

Посасывает клитор…

Облизывает…

Ударяет по нему языком…

Глубоко трахает меня им…

Опять ударяет.

Посасывает нежно, облизывая, жёстко захватывает клитор и сосёт сильнее.

Он быстрыми движениями ласкает мой клитор. Я вздрагиваю всем телом, когда меня захватывает оргазм. Я хватаюсь и погружаю пальцы в длинные волосы Зака, притягивая его лицо и прижимаясь к нему бедрами. Он стонет напротив моей киски, и погружается глубже в меня языком. Я кончаю, содрогаясь всем телом, такое ощущение, что каждая клеточка моего тела чувствует это наслаждение.

Ощущая, насколько я сейчас чувствительна, Зак нежно захватывает мою плоть языком и приникает к ней в поцелуе, я кончаю на его языке. Когда дрожь проходит, я отпускаю его волосы, и мои руки устало опускаются на кровать.

Зак в последний раз нежно захватывает мой клитор губами, посасывая, чем посылает дрожь по телу, от ещё не схлынувшего наслаждения. Отклоняясь и присаживаясь на пятки, он смотрит на меня с улыбкой с оттенком превосходства и не спеша подносит руки ко рту, вытирая его и проводя языком по пальцам, пробуя меня еще раз.

Мои глаза опускаются, рассматривая его, от его рта к твердому, накаченному прессу, и ниже… я не могу не заметить его массивную эрекцию, которая упирается в шорты. Он даже не трогал себя.

Когда я поднимаю свои глаза, и наши взгляды переплетаются, он удивляет меня еще больше, кратко кивая мне, поднимается и спускается с кровати.

— Спасибо за урок, Мойра. Сегодня я многое узнал.

Я ошеломленно открыла рот, наблюдая, как он разворачивается и выходит из моей спальни, аккуратно закрывая за собой дверь.

Подняв руки, я закрываю ими лицо и издаю стон отчаяния.

Что, чёрт возьми, я только, что натворила?

Глава 7

Зак

Даже когда я принял душ и дважды помастурбировал, потому что был сильно возбужден из-за того, что делал с Мойрой, я не стал чистить зубы перед нашей встречей и ужином, я хотел запомнить и сохранить ее вкус на своем языке.

Она была слаще и вкуснее, чем я мог себе представить, и я сходил с ума от болезненного желания медленно погрузить свой член в ее киску и трахать ее, после того как она кончила у меня на языке.

Но я обещал ей, что не прикоснусь к ней и не стану ничего больше просить, кроме этого, но когда я буду брать ее, а я точно знаю, это будет, в первый раз будет так, как я хочу. Она будет стоять на коленях передо мной, и я буду крепко держать ее шею, лишая всякой возможности бороться, что она обязательно попытается сделать.

Да, я возьму ее лишь тогда, когда она полностью отдаст свой контроль и доверит себя, когда она подчинится мне, и не раньше.

Мойра выглядит, словно испуганный кролик, когда я выхожу из своей спальни. Пока мы готовимся пойти на ужин, она не смотрит мне в глаза, и моя грудь раздувается от гордости. Она уже на пути к полному подчинению, но она даже и не подозревает об этом.

Внезапно я замечаю, во что она одета. Она сказала, что после ужина мы пойдем в ночной клуб, где будем танцевать, и я так думаю, что она оделась соответственно клубу.

Она одета в платье лазурного цвета, которое плотно облегает ее стройное тело, приподнимая грудь, теперь я

точно знаю, что у нее самая красивая грудь с сосками клубничного оттенка, о которых я мог только мечтать. Мой язык сводит от острого желания прикасаться к ее соскам, что я и сделаю, в свое время.

Ее волосы огненной массой рассыпаются по ее спине, и то, что она нанесла на свои губы, делает их такими соблазнительно блестящими. Такими же блестящими, как ее киска, когда она была возбуждена и покрыта влагой для меня во время нашего наглядного урока после обеда.

Оказывается, мне нравится мой новый запас слов. Член, киска и трахаться. Три моих новых любимых слова на английском.

Я хочу войти членом в ее киску и жестко ее оттрахать.

Да, я хорошо преуспел в изучении американского сленга.

— Ты очень красивая, — сказал я ей, и она посмотрела на меня в удивлении. Я никогда не говорил таких слов другим женщинам за всю мою жизнь. У меня никогда не было желания сказать эти слова, до этого момента.

— Спасибо тебе, — тихо говорит она, когда берет свою маленькую сумочку и ищет в ней ключи. — Ты готов к сегодняшнему вечеру?

— Да, я готов, — говорю я ей, следуя за ней до дверей ее машины.

Мойра привела меня в маленький итальянский ресторанчик недалеко от ее дома. Она спросила меня, помню ли и пробовал ли спагетти, когда я был ребенком, и внезапно обрывки моего прошлого всплывают в моей памяти. Я вспомнил, как с удовольствием ел спагетти с томатно-чесночным соусом.

После того, как мы сделали заказ официанту из меню, Мойра была непривычно молчаливой на протяжении всего времени, и я догадываюсь, что она сожалеет о том, что позволила мне сделать с ней. Я не хочу терять связь, что мы успели установить за время нашего общения и недавних событий, потому что у меня в планах сделать с ней намного больше, поэтому я пытаюсь наладить потерянную нить нашего общения, дав ей возможность учить меня правилам современной культуры.

— Я толком ничего не помню о родителях и их миссионерской деятельности, но я точно помню, что мама была со мной дома все время, пока отец был на работе. Я думаю, она не работала нигде, она посвящала все свое время мне.

Мойра сделала глоток воды и кивнула.

— Рэнделл рассказывал мне, что твоя мама была домохозяйкой. Ее работой было ухаживать за тобой.

— Как и карайканские женщины, — сказал я, задумчиво посмотрев на нее. — Их работа — это заботиться о детях, доме и своих мужчинах.

— Да, но в этом и разница. Здесь, в Америке, твоя мама легко бы могла пойти работать, если бы она этого захотела. У нее была возможность делать то, что она хотела больше всего в своей жизни.

— Ты отличный пример современной независимой женщины, — говорю я ей задумчиво. — Ты занимаешь престижное место в обществе, и ты учишь других. Ты получаешь деньги за свою работу, что позволяет тебе покупать еду и обеспечивать себя. Это было бы похоже на то, как если бы карайканские женщины ходили на охоту с

мужчинами и были с ними наравне, мне все еще трудно это понять.

Наконец, Мойра достаточно легко включается в наш разговор и говорит с легкой улыбкой.

— Я могу потратить недели, рассказывая тебе о борьбе женщин за свои права и независимость. У нас до сих пор их нет... мы обладаем ими только частично. Борьба все еще продолжается.

Я задумчиво киваю и продолжаю размышлять:

— Может в том, как живет мое племя, есть определенный смысл. Там все проще, тебе так не кажется? У каждого в племени есть определенная роль и отведенное ему место, никто не стремится получать больше того, что он имеет. Нет ожидания, что что-то пойдет не так, нет страха, что тебя могут предать или навредить. Все люди работают как единый организм — слаженно, на благо племени.

— Это отличный способ, чтобы выживать и жить, — соглашается Мойра с улыбкой. — А теперь скажи мне, пожалуйста, после того как ты тут находишься уже на

протяжении двух недель, по кому больше всего ты скучаешь из своего племени?

Закрывая глаза, я переношусь в своих мечтах в Амазонку.

— Я скучаю по многому. По ярким насыщенным краскам, по цветам, которые цветут там круглый год, радости от процесса охоты и удовлетворения от того, что смог добыть еду, по насыщенному влажному воздуху, который успокаивал и дарил ощущение свежести моим легким, — я умолкаю и делаю паузу, улыбаясь ей греховной улыбкой. — Я скучаю по телу Тукабы и ее готовности подчиняться и давать мне то, что я хочу в любой момент.

Ее улыбка исчезает с лица, и уголки губ опускаются в печальном выражении, но для меня нет смысла врать. У меня не было секса на протяжении двух недель, и я, конечно, скучаю по желанию Тукабы находиться в моем полном подчинении, когда я этого хочу. Я продолжил после короткой паузы:

— Но больше всего я скучаю по Парайле. Я бы отдал все, о чем я скучаю, взамен на то, чтобы быть рядом с ним

и вернуться домой. Он для меня все… мой отец… он был моим защитником на протяжении долгого времени, потому что в самом начале племя меня не принимало. Он спасал мою жизнь не один раз, он сделал меня тем, кто я есть на данный момент — мужчиной. Да, я скучаю больше всего по Парайле.

Глаза Мойра наполнились грустью, и с чувством стыда она смотрит на меня.

— Прости меня, что я увезла тебя из твоего дома, Зак. Я понимаю, насколько тебе тяжело.

Я пристально смотрю на нее в течение нескольких минут, улавливая и пытаясь почувствовать, насколько искренне звучит ее голос. Я чувствую раскаяние и сожаление за то, что заставил ее пройти, через все мое сопротивление и отрицание нового, и это вызывает во мне гнев за ее участие во всех последних событиях в моей жизни. Конечно, часть моего гнева и злости на нее рассеялось, когда я ласкал ее киску сегодня. Это помогает немного успокоиться и даже простить ее.

Принесли наши блюда, и спагетти оказались такими же вкусными, как я их и запомнил, и я был благодарен себе,

что я в свое время сдался ее напору и начал пользоваться столовыми приборами. Это смотрелось бы ужасно, если бы я пытался есть и вытягивать спагетти пальцами. Мойра дает мне попробовать немного лазаньи, и у меня вырывается стон удовольствия, когда я откусываю кусочек. Я точно закажу это блюдо, когда мы придем в итальянский ресторан в следующий раз.

Мы поддерживали непринужденный разговор в течение всего ужина, она рассказывала мне больше о своих друзьях, с которыми мы сегодня должны встретиться. Лекси работает медсестрой в городской больнице, а Келли так же, как и она — профессор в северо-восточном университете, только она преподает английскую литературу. Она убедила меня, что они обе очень милые и очень хотят познакомиться со мной, необязательно было это говорить, чтобы снять некое беспокойство и волнение. Я очень хочу пойти сегодня в то место, про которое она рассказывает мне, «ночной клуб». Она говорит, что люди приходят туда, чтобы веселиться и танцевать, выпивать, но она уточняет, что мы не будем пить. Я никогда в жизни не пробовал алкоголь, и она говорит, что не хочет, чтобы

я пробовал это при данных обстоятельствах, потому что это может ослабить мое состояние контроля.

На самом деле я даже и не представляю, что такое алкоголь и для чего он нужен. Но если это что-то подобное тому галлюциногенному растению, которое использует шаман нашего племени, вдыхая его носом, и потом видит огромных комаров размером с наш длинный дом, тогда мне это было абсолютно безразлично. Мне совершенно не нравилась мысль о потере контроля.

После ужина мы с Мойрой едем в ночной клуб, и кажется, что неловкость, которая была за ужином, растаяла, после искреннего извинения прошло не так много времени, и сейчас я чувствую некую эмоциональную и душевную связь с ней. И может даже я смогу насладиться ее компанией, что, черт возьми, никак не входило в мои планы.

Я точно знаю, что мне очень нравится смотреть на нее, и мне понравилось трахать ее своим языком, нежно лаская влажные складочки. И я уверен в том, что мой член будет наслаждаться каждым дюймом ее сладкой киски, но мне

кажется здесь уже что-то большее, и я начинаю получать удовольствие от тех вещей, о которых мы говорим.

Когда мы приезжаем в клуб, я ослеплен и оглушен шумом и светом, который повсюду отдается гулким ритмичным шумом у меня в груди. Когда мы входим внутрь, мы идем через темное помещение, затем появляются вспышки света, которые пересекаются в центре клуба на танцплощадке и периодически ослепляют глаза, я не мог ничего видеть вокруг себя. Я сразу задумываюсь, было ли это правильным, прийти сюда.

Много народу толпится в определенном месте этого здания, двигаясь, покачивая своими телами в такт музыке. Само понятие «танец» мне незнакомо, хотя у нас в племени было много танцев и песен, которые мы исполняли. При помощи танца мы показывали нашу радость от завершения удачной охоты или рождения ребенка. И даже отмечали начало первых месячных у девушки и то, что она становится женщиной, это тоже было поводом для праздника. Конечно, на протяжении всего праздника она сидела немного поодаль на подушке из пальмовых листьев, это было ее место, пока у нее был

период менструации. Когда она немного позже подходила к женщинам, они должны были надеть ей на голову повязку из чёрных перьев, что обозначало, что она перешла на новую ступень, она стала женщиной и теперь была готова для замужества. Все вокруг неё танцевали и пели, отмечая это событие.

Мойра и я говорили об этом весь вечер. Что в карайканском племени женщина готова к браку и имеет на него право сразу же после наступления ее первых месячных. Наши отношения в племени полигамны, этот термин представила мне Мойра, когда я ей рассказал о том, что у нас принято иметь больше одной жены. Она сказала мне о том, что такая практика проживания в США является незаконной, как и секс с девушкой, не достигшей 18 лет.

Я понимаю, что это правильно, потому что в нашем племени молодая девушка может выйти замуж раньше этого возраста, и чтобы предохраняться от беременности, она должна пить земляной чай с коры дерева яраса. Этот напиток препятствует появлению нежелательной беременности до того момента, пока она не станет старше

и войдет в стадию, когда может выносить ребенка. Да, скорее всего, что-то общее было между нашим и их обществом — женщины должны были принимать определенные средства, чтобы не забеременеть.

Я спросил Мойру о том, принимала ли она что-нибудь, и она призналась, что принимала. Она назвала это «противозачаточные таблетки», так же рассказала и описала другие способы контрацепции, которые существуют у них. Это был достаточно занимательный диалог, и я был рад узнать, что когда, наконец, я трахну Мойру, мне не придется беспокоиться, не забеременела ли она, тем более, у меня не было никакого желания зачать здесь ребенка, в этом странном мире; ребенок стал бы ниточкой, соединяющей меня с этим миром.

Нет, если я и хотел, чтобы женщина забеременела, ей бы стала Тукаба, с которой я планировал заключить брак по племенным обычаям, как раз, перед тем как меня обнаружили и увезли. Тукаба присоединилась к нашему племени меньше месяца назад, незадолго до приезда Мойры, как раз в то время я осознал, что готов взять свою первую жену. Она была хорошей, готовой к подчинению

женщиной, хотя родом из племени Поурно, которое находилось рядом с рекой Амазонкой. Племя Поурно было более современным, чем Карайканское, они поддерживали жизнь в племени, приняв торговые отношения с туристами. Некоторые из их племени даже работали за плату на крупные лесозаготавливающие компании, которые вырубали тропический лес.

— Я вижу Лекси и Келли, — сказала Мойра, схватив меня за руку, и повела через толпу народа.

Это было приятно… ощущать мою ладонь в ее. Ее кожа такая нежная, по сравнению с ощущением, как она держит меня за руку. Я ощущал сладкое наслаждение, когда она толкалась в попытке приблизиться к моему лицу, когда я пробовал ее киску, и даже прижимала мое лицо к себе, когда кончала. Я никогда не смогу представить, что карайканская девушка решится испытать такие смелые ласки, но в этом и была разница, которая мне нравилась в Мойре.

Когда мы подошли к ее подругам, она отпустила мою руку и каждую обняла в теплом приветствии. Этот обычай был принят при приветствии, я заметил это за мое

недолгое пребывание тут, но как мне кажется, это применялось только к тем людям, которые знали друг друга достаточно хорошо.

Мойра указывает на дверь позади бара, и две девушки согласно кивают ей. Затем она поворачивается ко мне, приподнимается на носочки и говорит, пытаясь перекричать музыку, так что я, наконец, могу ее слышать.

— Мы пойдем в другой зал, где не так шумно.

Я киваю, следуя за ней и двумя другими девушками. Они одеты так же, как и Мойра. На одной из них обтягивающее черное платье с глубоким вырезом на груди, что позволят видеть ее грудь. У нее длинные светлые волосы, которые свободно струятся по ее плечам, она очень красивая. Другая девушка очень высокая, с короткими волосами, которые рассыпаются облаком кудряшек вокруг ее головы. Ее платье такое же обтягивающее, но ярко-красного цвета. Она тоже очень красивая, и я понимаю, что мне нравятся белые девушки в этом современном мире, тут мое влечение к женщинам сохраняется на таком же уровне.

Тем не менее, мой взгляд сосредоточен только на Мойре, которая идет впереди меня, ее бедра мягко покачиваются. И я понимаю, что она единственная в ком я по-настоящему заинтересован. Это означает, что она является чем-то большим, чем просто красивое лицо и аппетитное тело. У нас с Мойрой было достаточно интимных ситуаций, которые только укрепили и увеличили мое желание к ней. Все началось с того момента, когда наши взгляды пересеклись у костра, пока она смотрела, как я трахаю Тукабу. И за последние недели связь между нами стала только сильнее и крепче. Я понимаю, что я скучаю по Парайле и моему дому, но в тоже время мое влечение к Мойре только усиливается.

Когда мы входим в другой зал, где музыка звучит не так громко, я, наконец, могу снова ясно мыслить. Здесь было несколько довольно интересных столов, покрытых зеленым плотным материалом, и люди стояли, наклонившись над ними, ударяя по небольшим шарам длинными деревянными тросточками.

— Что это? — спросил я Мойру.

Она звонко рассмеялась.

— Это бильярдные столы. Я научу тебя играть.

Девушки нашли свободный столик в углу и, перед тем как сесть, Мойра представляет нас.

— Келли… Лекси… Познакомьтесь, это Зак!

Блондинка сделает шаг вперед, протягивая свою руку. Я видел этот обычай неоднократно, пока Мойра и я посещали разные места последние пару недель, и я протянул руку, чтобы пожать ее в ответ.

— Привет. Я — Келли. Очень рада, наконец, с тобой познакомиться. Мойра много рассказывала нам о тебе.

Я смотрю на Мойру и вопросительно, приподнимая бровь. Мне было интересно, рассказала ли она своим подругам, что я делал с ней сегодня.

Другая девушка также сделает шаг вперед и жмет мне руку.

— А я — Лекси. Добро пожаловать домой.

Крошечный укол боли поражает грудь при упоминании слова «дом», но я вежливо улыбаюсь девушке, пожимая ее руку.

После того, как мы все размещаемся за столом, Мойра садится рядом со мной, а девушки по обе стороны от нас.

Подходит официантка и спрашивает, что бы мы хотели выпить. Для меня и себя она заказывает по стакану воды, она знает, я не люблю газированные напитки, которые я пробовал еще в далеком прошлом. Лекси и Келли заказывают себе по бокалу вина.

— Итак, Зак, — спрашивает Лекси. — Как ты уже приспособился к жизни здесь?

Справедливый вопрос.

— Я замечаю, что узнаю много вещей, которые вижу. Я думаю, это все воспоминания, которые остались с того момента, когда я был ребенком здесь. Но остальные вещи довольно интересно узнавать для меня.

— Какие именно вещи для тебя в новинку и удивили тебя? — спрашивает Келли.

— Например, интернет, — говорю я ей с улыбкой. — Вы не можете себе представить, какие вещи можно узнать, если ввести в строку поиска интересующие тебя слова.

Мойра практически задыхается, смотря на меня, она старается сохранить терпеливый взгляд. Келли и Лекси очевидно даже и не представляют, насколько у меня был

сегодня творческий настрой на поиск, но я нашел всего лишь лишний повод напомнить Мойре о тех грязных пошлых штучках, которые я теперь знаю, умею делать, и которые еще очень приятно делать.

— Так какие же вещи ты сегодня узнал из интернета? — спросила Лекси. — Что тебе больше интересно, исторические события, или то, что происходит сейчас, а может быть современные вещи? Я представляю, как современная техника тебя поразила, я права?

Ох, она даже и не представляет себе, какие вещи я сегодня узнал, и насколько они удивили меня.

Прежде чем я смог что-то ответить ей, Мойра перебивает меня и отвечает:

— Зак впитывает все, как губка. Ему интересно все. Даже когда мы находимся с ним в ресторане, и он наблюдает за людьми. Он узнал несколько культурных норм поведения, которые я и не думала объяснять ему. Я думаю, что именно посещая разные места и знакомясь с тем, что происходит вокруг, он получает самые ценные знания.

— На самом деле, Мойра права, — говорю я девушкам, смотря озорным взглядом на Мойру. — На днях мы ходили в ресторанчик, и я наблюдал, как целуется влюбленная пара, я не понял, зачем они это делают, так как у нас в племени не было никаких поцелуев. Так что Мойра показала мне парочку видео, а затем она заставила меня посмотреть фильм, чтобы я смог понять, что такое страстный поцелуй. Это было очень познавательно, — говорю я, подмигивая Мойре.

Лекси начинает хихикать и, шутя, хлопает Мойру по руке, говоря:

— Отличная работа, доктор Рид. Твои антропологические знания сводятся к тому, чтобы научить Зака смотреть сопливо-мелодраматичные фильмы.

Мы все смеемся, включая меня, теперь я знаю, что такое сопливо-мелодраматичные фильмы, благодаря Мойре.

Официантка приносит наши напитки, и Мойра протягивает ей деньги.

— Так, этот раз был за мной. Лекси, ты следующая.

— Ммм, чудесно, — говорит Лекси, делая глоток вина. — С тобой и Заком, пьющими воду, этой ночью я могу себе позволить все.

— Кстати о том, что могу позволить, — Келли протягивает с загадочной улыбкой. Лекси и Мойра улыбнулись так же, как будто Келли собиралась им рассказать большой секрет. Я делаю также, чтобы не пропустить что-то важное, что она может сказать. — Я просмотрела пару симпатичных красных лодочек на Нордсторме (1), они будут смотреться потрясающе с тем черно-белым сарафаном, который я купила на свадьбу.

Лекси пищит и хлопает в ладоши.

— Серьезно, я просто не могу дождаться, чтобы посмотреть, как это будет выглядеть вместе.

Мойра кивает и отвечает:

— Я тебе говорила, что красный будет отлично смотреться вместе с тем сарафаном.

Я смотрю, не понимая, о чем они говорят и спрашиваю:

— Что такое «лодочки»?

Все три девушки уставились на меня в удивлении, потом начинают смеяться. Мойра кладет свою маленькую ладошку ко мне на колено и нежно гладит, тепло улыбаясь.

— Добро пожаловать на девчачьи посиделки, Зак. Это когда мы говорим о всяких глупостях, например, обувь — что и значит слово «лодочки» — это туфли, а все вместе это называется мода.

— И горячие сексуальные красавцы, — добавляет Лекси.

— И секс, — говорит Келли. — Да, да, мы много говорим о сексе.

— Нет, мы не говорим, — быстро говорит Мойра, но я уже наклонился, потянувшись через стол к Келли.

— Давайте поговорим о сексе, — говорю я ей. — Мойра меня научила кое-чему.

— Нет, я не учила его никаким вещам. — Мойра практически завизжала, отрицая мои слова.

— Да, ты учила, — говорю я рядом с ней. Смотрю на нее решительным взглядом и поворачиваюсь опять к девушкам. — Мойра смогла понаблюдать за нашими

сексуальными обычаями в деревне, кстати, надо сказать, что она очень терпеливый учитель, когда дело доходит до объяснений различий между культурами.

— О, расскажите, — говорит Лекси.

— Серьезно, может, не будем об … — начинает Мойра говорить, но я ее перебиваю.

— Хорошо, — соглашаюсь я, надеясь, что достаточно смог напугать Мойру тем, что могу раскрыть наш маленький секрет, чем мы занимались сегодня. Но я не собираюсь этого делать, потому что это очень личные и интимные моменты, которые могут обсуждаться только между нами. В то время как публичное проявление доминирования имеет место быть там, откуда я родом, я знаю, что здесь это будет неприемлемо из-за разности культур и взглядов на те или иные вещи. — В моем племени, мужчина — это доминант, подчиняющий себе женщину. Женщина удовлетворяет его за то, что он обеспечивает ей безопасность и благополучие.

— Что это значит? — спрашивает Келли. — Доминант?

— В моем племени это значит, когда я хочу женщину, я беру ее прямо здесь. Никаких вопросов. Никаких отказов.

Она становится на руки и колени передо мной, я рукой прижимаю ее к земле, держа за шею и тут же трахаю.

Лекси шумно втягивает в себя воздух, а Келли прерывисто вздохнула:

— О. БОЖЕ. МОЙ. Это звучит горячо.

Мойра стонет и закрывает лицо руками. Я не могу удержаться и смеюсь, но потом я решаю успокоить ее, переводя все в шутку.

— Но Мойра очень терпеливо обучала меня нашим культурным отличиям. Даже когда у меня миллион вопросов, она всегда отвечает на них, тщательно все объясняя. Она дала мне парочку интересных книг, которые оказались достаточно познавательными.

Мойра смотрит на меня благодарным взглядом, и я подмигиваю ей.

— Так, так минуточку, — вмешивается в разговор Лекси. — Я хотела бы вернуться к вопросу доминирования, потому что как-то я встре…

— Так, хватит разговоров о сексе, — перебивает ее Мойра, поднимаясь из-за стола, и берет меня за руку. — Пойдем, Зак, я научу играть тебя в бильярд.

Глава 8

Мойра

Для того, кто никогда не играл в бильярд, Зак играет очень хорошо. Это значит, что у него очень зоркий взгляд, он понимает, в какой угол нужно сделать удар, хорошо может видеть расстояние, все дело в том, сказал мне Зак, что он тренировался каждый день в стрельбе из лука. Несколько раз мне пришлось наклониться над бильярдным столом перед ним и показать ему, как правильно нужно бить и держать кий, после этого он сам взял кий и начал играть.

В чем я точно была уверена, так это в том, что Зак очень умен. Как-то на днях я специально выделила время, чтобы проверить его общие знания и навыки, и он рассказал мне, как отец Гоуль учил его многим вещам на протяжении этих лет. Он приносил Заку потрепанные книги, написанные на английском языке, чтобы он изучал его, и художественные произведения, чтобы он читал и

обсуждал. Когда я достала банкноту из кошелька и показала Заку нашу валюту, он с легкостью узнал ее, он легко складывал и вычитал, он даже знал деление и умножение.

Зак рассказал мне, что он любил читать и с жадностью прочитывал все книги, которые приносил ему отец Гоуль. Отец Гоуль приносил ему книги только на английском, чтобы он продолжал общаться и не забывал свой родной язык, настаивая на том, что Зак не может знать, когда ему понадобятся его знания. Я улыбнулась, когда Зак мне сказал, как называется его любимая книга — «Зов предков», и я подумала про себя: «ну конечно, это была его любимая книга».

Зак и я играли в команде против Келли и Лекси. Хотя они и выиграли первые три игры, но чем больше они пили, тем мы лучше играли. Я могу честно сказать, смотреть, как играет Зак, было пыткой. Он выглядел таким привлекательным сегодня вечером с его длинными темными волосами, которые сексуально спадают на лицо и в джинсах, которые так обтягивают его задницу, когда он нагибается над столом, чтобы сделать удар.

— Серьезно, Мойра, я не могу поверить, что ты еще не потрогала его задницу и не объездила этого красавца, — говорит Лекси, слегка ударяя меня по плечу, и шепчет мне на ухо: — Ты не говорила нам, что Зак настолько потрясающий.

— Зак не игрушка, — бормочу я сердито, впиваясь взглядом в Зака, когда он обходит вокруг стола, чтобы сделать еще один удар. — К тому же… это было бы неуместно…

— Кто придумал это глупое правило? — спрашивает Лекси. — Это написано в твоем контракте, что ты не можешь переспать с ним?

— Будь серьезней, Лекс. — говорю я ей укоряющим тоном. — Я — его учитель. Он — мой ученик. Это будет смотреться так, как будто я воспользовалась им.

— Детка, разве ты не видишь, как он на тебя смотрит весь вечер? Он очень хочет, чтобы ты воспользовалась им. Вернее, он очень хочет воспользоваться тобой. Он смотрит на тебя, как будто ты его добыча или что-то в этом роде.

Я закатываю глаза и подхожу к моему столу сделать глоток воды. Когда я присаживаюсь на диван, я говорю ей:

— Он вообще никак на меня не смотрит. То, как он смотрит на меня, не отличается от того, как он смотрит на вас с Келли.

— Ну, детка, если он смотрит на меня так же, как на тебя, тогда я непременно должна этим воспользоваться.

Я поднимаю руку и слегка ударяю ее ладошкой по лбу.

— Оставь его в покое. Он как маленький растерявшийся ребенок, когда это касается современных уверенных в себе женщин.

— Как раз, как я люблю, — говорит она и потом начинает тихо переговариваться с Келли. Они что-то шепчут друг другу, бросая быстрые взгляды на Зака. Я качаю головой, несмотря на то, что девочки любят обсудить все в подробностях, они никогда не станут с ним флиртовать. Они очень хорошо понимают все, что касается Зака. Поэтому они никогда не воспользуются ситуацией. Но это не значит, что они не могут помечтать об этом… в эту самую минуту.

Зак наклоняется над столом, и я загипнотизировано смотрю на его мускулистые руки, и как он держит кий. У него есть привычка, немного вытаскивать кончик языка изо рта, пока он бьет по шару, чтобы лучше сосредоточиться, и конечно, я не могу смотреть на его язык и не думать, что он делал со мной этим языком.

Мне никогда в жизни не дарили такого удовольствия, когда лизали и посасывали мою киску, как сегодня делал Зак. Мое лицо покрывается нежным румянцем, когда я думаю, что я так легко скинула всю одежду перед Заком, а затем начала доставлять себе удовольствие, пока Зак смотрел на меня так близко. Я настолько возбудилась, так потерялась в своем желании удовлетворения, что когда он попросил меня освободить его от обещания не прикасаться ко мне, я, не раздумывая, сказала ему «да». Я хотела, чтобы он прикоснулся ко мне своим языком больше, чем думала о своей репутации и идеальной работе на тот момент.

Я пыталась понять себя и свои мотивы, убеждала и спорила до посинения, что я согласилась только затем, чтобы показать Заку наши сексуальные различия. Или я

могу оправдать себя тем, что это был единственный шанс оставить Зака здесь, в США. Но если говорить начистоту, я сказала «да», потому что я этого хотела и ни по каким другим причинам. Последствия будут ужасными.

— А вот и моя девочка, — я слышу, как кто-то шепчет мне на ухо, и чьи-то руки обнимают меня. В течение первых секунд, волнительных секунд, я думаю, что это Зак. Но нет… это не может быть он, потому что я сейчас смотрю прямо на него, как он играет в бильярд в эту самую минуту.

Поворачиваюсь и понимаю, что это Майкл обнимает меня и опускается подбородком ко мне на плечо. Я быстро смотрю на Зака, он отвлекается от бильярда и смотрит на нас с любопытством, но его глаза холодны.

Встряхивая плечами, отхожу от Майкла, сбрасывая с себя его объятия и прикосновения. Поворачиваюсь к нему и говорю:

— Что ты здесь делаешь?

— Ты упоминала, что сегодня придешь сюда со своими подругами, и вот я тут, решил сделать тебе сюрприз. Мой

приятель, Филипп, и я решили прогуляться сегодня вечером в городе.

Я пытаюсь улыбнуться, но мои губы лишь растягиваются в подобие улыбки. Да, конечно, Майкл отличный парень и встречи были приятными, но было всего каких-то пару свиданий. Я не готова отвечать на его взгляды, и мне было неприятно, как он оценивающе смотрит на мое тело, мне неудобно, тем более что с нами находится Зак.

— Вообще-то, это вечер для девочек, — говорю я ему, улыбаясь осуждающе.

Майкл показывает на Зака и говорит:

— Все говорит об обратном.

— Да, ладно тебе. Ты прекрасно понял, о чем я говорю. Этот вечер наш с девочками и Зак мой гость, так что он сможет посмотреть и попробовать, что такое ночная жизнь.

— Ну… если ты не хочешь меня тут видеть, — говорит Майкл, смотря на меня глазами побитого щенка, — конечно, мы уйдем. Без проблем.

Он разворачивается и начинает уходить, но чувство вины наполняет меня, поэтому я поворачиваюсь и хватаю его за руку.

— Нет, я не это имела в виду. Конечно, вы можете остаться. Ты и Филипп можете поиграть с нами в бильярд.

Майкл радостно смотрит на меня, и затем зовет своего друга, чтобы познакомить нас. Келли и Лекси тоже подходят, чтобы познакомиться, хотя Келли и Майкл знают друг друга через университет. Когда я поворачиваюсь и ищу взглядом Зака, я вижу его стоящего, облокотившись бедром о бильярдный стол, его руки крепко держат кий. Я делаю шаг в его сторону и машу ему рукой, чтобы он подошел к нам.

Он отталкивается от стола с легкостью и невероятной грацией, все расстояние, которое он проходит до нас, он внимательно смотрит мне в глаза.

— Зак… я хотела бы представить тебе Майкла, а это его друг Филипп.

Все мужчины жмут друг другу руки, и Майкл говорит с насмешливой улыбкой:

— Я рад, наконец, с тобой познакомится Зак. Мойра сегодня мне о тебе рассказывала за обедом. Держу пари, ты сделал шаг выше в своем развитии и в том, к чему ты привык, так, приятель?

Я толкаю Майкла за необдуманные слова и жду, что Зак разозлится, но он поворачивается ко мне и смотрит на меня вопросительным взглядом.

— Это то самое сегодняшнее свидание?

— Да, — говорю я тихо, стыдливо опуская взгляд, из-за несдержанности Майкла, но в это время Майкл слышит, что Зак знает о том, что мы ходили на свидание.

— Да, именно так, — говорит Майкл, и обнимает меня за плечи в собственнической манере. — Я просто умирал от желания побыть наедине со своей девочкой.

Чувство гнева заполняет меня из-за того, что Майкл считает меня своей собственностью. Да, конечно, мы были знакомы в течение нескольких лет, ну и ходили на пару свиданий. Но я не его девушка.

Я сбрасываю его руку с моего плеча, делаю шаг вперед к Заку и забираю кий из его рук.

— Сейчас моя очередь?

— Вообще-то, сейчас очередь Келли, — говорит Зак, затем поворачивается к Майклу и говорит: — Что насчет твоего вопроса… Нет. Это не новая ступенька в моем развитии и да, это не то, к чему я привык. Я думаю, что жизнь в современном мире скучна большее количество времени, она вас не стимулирует ни к каким действиям.

— Не понял? — говорит Майкл в недоумении.

— Современный мир, в котором вы живете. Вам все доступно тут, протяни руку и возьми, вам ничего не надо делать, чтобы это получить. Вы не узнаете, что такое чувствовать настоящую жизнь, пока вам не нужно будет сосредоточить все ваши жизненные силы на выживании. Пока вы наслаждаетесь очередным ужином, мне приходится добывать еду к моему столу, выслеживая и убивая. Вы не поймете, что такое бороться за свою жизнь, за выживание, за каждую минуту того времени, что вы дышите, пока вы не пойдете по привычному пути, по которому вы ходите каждый день, где в любой момент вас может атаковать змея и укусить за ногу. Да, конечно, у вас есть быстрые машины, громкая музыка и дорогие

блюда в ваших высококлассных ресторанах, но знаете, что я об этом думаю?

Майкл качает головой, открыв от удивления рот.

— Я нахожу это скучным, — говорит Зак. — Это не полноценная жизнь. Искусственная попытка ощутить всю энергию жизни, показать насколько ты удачлив. Все подделка.

— Я не думаю, что это именно то, что я пытался сказать тебе, — говорит Майкл, запинаясь на каждом слове.

Голос Зака звучит угрожающе и насмешливо, хотя я знаю, его слова на мгновение ошеломили Майкла, но также я уверена, что он не будет реагировать на сомнительные слова Майкла. Я поднимаю руки и кладу их на грудь Майкла, разворачивая его в сторону бара.

— Слушай, почему бы тебе и Филиппу не сходить и не выпить, а потом вы, парни, можете сыграть сами между собой в бильярд.

Майкл посмотрел быстро на Зака, опустил голову и сказал:

— Я не хотел обидеть его. Тебе он не кажется немного раздражительным?

— Все хорошо, — заверяю я его, только чтобы увести его подальше от Зака. — Он принимает все немного близко к сердцу. Я же тебе говорила, для него было сложно покинуть дом.

— Конечно, — говорит Майкл и направляется к бару.

Когда я поворачиваюсь к Заку, он стоит там же.

— Твоя очередь. Келли уже была…

Я кладу руку ему на плечо, и говорю:

— Зак… Мне очень жаль. Я не приглашала Майкла сегодня. Я извиняюсь за его глупые слова.

Зак пожимает плечами.

— У нас тоже есть такие идиоты в деревне, Мойра. Я слышал вещи и похуже.

— Спасибо за хорошую игру, — говорю я ему, немного сжимая его руку, прежде чем отпустить.

— Мойра, пойдем! — зовет меня Келли с другого конца бильярдного стола. — Заканчивай трепаться и пойдем играть.

Я разворачиваюсь к бильярдному столу, но Зак быстро перехватывает мою руку и держит за запястье. Я поворачиваюсь к нему, и его глаза горят решительно.

— Что значит для тебя этот мужчина?

— Ну… он друг.

— Но ты ходила с ним на свидание. Он тебя трогает и много обнимает. Ответь мне, ты хочешь с ним секса?

Я делаю медленный глубокий вдох, и на выдохе говорю:

— Нет, Зак, я не хочу этого с ним.

— Мне не нравится то, что я чувствую сейчас, — четко говорит Зак, проговаривая каждое слово, и он напряженно сдвигает брови. — Мне не нравится смотреть, как он трогает тебя.

— Он для меня ничего не значит, — я пытаюсь его убедить в своих словах, хотя мне так приятно ощущать его собственнические чувства и ревность, которые он испытывает в данный момент.

— Нет, Мойра, это имеет значение. Я смотрел большое количество раз, как мои соплеменники трахали Тукабу на грязной земле всего в нескольких шагах от меня. Но это

никогда не имело для меня значения. Но то, что он делает с тобой, как прикасается, имеет значение.

Чувство удовольствия разливается по телу теплой волной от макушки до кончиков пальцев, когда я понимаю, что все то время, когда Зак рассказывал мне о потере Тукабы, она была для него не больше, чем маленький механизм, который служил для удовлетворения его потребностей. Я думала, он рассматривает меня также, но теперь мне стало абсолютно ясно, что Зак испытывает чувства ко мне.

Его слова должны были встревожить меня, потому что это все усложняет. Но я, наоборот, чувствую себя легко, это дает мне чувство уверенности в том, что Зак тоже заинтересован в чувствах, которые зарождаются между нами, подтверждая тот факт, что все произошедшее сегодня было чем-то большим, чем случайность или урок, под этим скрывалось настоящее чувство.

— Черт возьми, Мойра… Сколько еще ждать, — зовет меня Лекси.

— Мы поговорим об этом позже, хорошо? — говорю я Заку, и он кивает.

Подходя к бильярдному столу, я оцениваю возможные варианты. У меня есть два хороших хода для удара, но мы и так намного опережаем Келли и Лекси, и я выбираю самый сложный. Наклоняясь, я целюсь в лузу, в которую я планирую забить шар номер пять, но тут я совершаю ужасную ошибку, я поднимаю глаза на Зака. Он внимательно смотрит на меня, и наши взгляды встречаются. Я знаю, наш разговор сегодня может быть неудачным, и может, он не будет иметь смысла. Я вижу в его глазах… голод, голодным взглядом он смотрит на меня еще пару секунд, перед тем как его взгляд скользит по моей груди, и дрожь возбуждения проходит по моему телу.

Я опускаю свои глаза к шару, ударяю кием по направлению к лузе.

И промахиваюсь, мой шар откатывается далеко от лузы.

Лекси и Келли хихикают позади меня, я улыбаюсь Заку виноватой улыбкой и подхожу снова к нему. Он неуверенно улыбается мне, но в его взгляде больше нет той нужды во мне.

Краем глаза я замечаю, что Майкл и его друг подходят к нам, и Майкл протягивает мне шот с загадочной улыбкой.

— Возьми, Мойра. Я купил тебе шот текилы. Думаю, это немного расслабит тебя.

— Я сегодня не пью, — отвечаю я ледяным тоном, и не могу не заметить, что он ничего не предложил Заку.

— Мне больше достанется, — он смеется и быстрым движением забирает назад, так же отодвигая и вторую руку, в которой он держал второй шот для себя, выпивает их залпом, громко ставит обе рюмки на стол и говорит: — Про что я и говорю. Давайте уже начинать вечеринку.

Я закатываю глаза, но замираю в полу движении, когда рука Майкла притягивает меня за талию и он прижимает мое тело к себе. Наклоняясь ко мне, он прижимается лицом к моей шее, и я чувствую, что от него пахнет не только двумя выпитыми рюмками текилы.

— Могу ли я надеяться, что ты поедешь сегодня ко мне?

Я вырываюсь из его объятий, которые только раздражают меня, и отталкиваю его.

— Прекращай, Майкл. Что с тобой сегодня случилось?

Но он опять хватает и тянет меня к себе с одной из своих глупых улыбочек.

— Да, ладно тебе, Мойра. Расслабься.

Перед тем, как он меня успевает обнять, Зак подбегает с потемневшим от гнева лицом. Затем все происходит словно в замедленном кадре, Зак замахивается со всей силы кулаком, и он летит в лицо Майклу. Он ударяет его по челюсти, и Майкл начинает падать назад, ударяясь о бетонный пол. Но на этом действия Зака не заканчиваются. В следующее мгновение, он запрыгивает на Майкла, садясь и блокируя его движения, обхватывая его крепко ногами с двух сторон и хватая за горло. Перенося весь вес своего тела, чтобы удерживать его, он усиливает свою хватку, и глаза Майкла расширяются от страха.

Все, что я вижу, кажется мне таким нереальным. Глаза Майкла мечутся в панике, его пальцы впились в руку, стараясь ослабить хватку. Лицо Зака остается устрашающе спокойным. Ни злости. Ни ярости.

Полностью беспристрастен, он придавливает всем телом его к полу и душит.

Наконец, Филипп подбегает к ним и пытается оттащить Зака, но Зак слишком большой и очень сильный для него. Девушки рядом начинают звать на помощь охранников, и наконец, Филиппу удается схватить Зака сзади со спины, ограничивая его движения.

Но это совершенно не срабатывает. Зак просто усиливает хватку на его шее, и Майкл становится красным из-за отсутствия доступа кислорода к его легким.

О, боже мой… он его убьет.

Выйдя из ступора, я подбегаю и хватаю Зака за руку.

— Зак… прекрати! Прямо сейчас, отпусти его!

Зак не обращает на меня никакого внимания, он продолжает спокойно смотреть на Майкла, у которого лицо становится фиолетово-багрового оттенка.

Я продолжаю яростно оттягивать Зака, слезы наполняют мои глаза в панике. Я наклоняюсь низко вперед, опуская лицо так, чтобы оно было на уровне его глаз, так что он вынужден смотреть на меня. Когда, наконец, он смотрит на меня, я умоляю его:

— Зак… я умоляю тебя, пожалуйста, отпусти его, пожалуйста.

«Пожалуйста» было для Зака волшебным словом, он разжимает хватку на шее Майкла, но он все еще не закончил с ним. Даже когда Майкл кашляет и что-то пытается сказать, а одной рукой держится за шею, пытаясь отдышаться, Зак наклоняется к его лицу и рычит:

— Если тронешь ее еще раз, я тебя убью.

Две пары здоровых и сильных рук двоих охранников хватают и оттягивают Зака от Майкла, но он и не сопротивляется им. Вместо этого он сверлит Майкла взглядом, пытаясь убедиться, понял ли он его.

— Что за херня, Мойра? — орет Майкл. — Посмотри, твой псих из джунглей пытался убить меня. Он долбаный придурок. Мне нужно, чтобы кто-то вызвал полицию.

Я хотела что-то сказать, объяснить ему, открыла рот и сразу закрыла его, не сказав ни слова. Я потрясена, что Зак сделал такое, так же я знаю, если бы я не вмешалась, Майкл, скорее всего, пострадал бы. А все это потому, что Майкл пытался схватить меня. Я дрожу всем телом, и тошнота подкатывает к моему горлу.

— Все хорошо. Тебе надо идти, приятель, — сказал один из охранников и начал тащить Зака на выход из клуба.

— Я настаиваю на том, чтобы вы вызвали полицию!! — кричит Майкл охранникам, когда встает с пола. Я вижу фиолетовые отметины от пальцев на его горле.

— Если хочешь вызвать полицию — вызывай, — сказал один из охранников через плечо. — Но делай это снаружи. Мы не хотим здесь этого дерьма.

Оглядываясь в панике, я хватаю сумочку и ищу глазами Лекси и Келли, которые стоят рядом в шоке с открытыми ртами.

— Убедитесь, что с Майклом все хорошо и сделайте все что угодно, только убедите его не привлекать власти. Заку такие проблемы сейчас ни к чему.

— Мойра… мне кажется, тебе не следует ехать с ним домой. Он опасен, — говорит Лекси с беспокойством, что отражается в глубине ее глаз

— Все будет хорошо, просто ситуация вышла из-под контроля, — говорю я им, и разворачиваясь, ухожу.

Келли единственная, кто подбегает ко мне и хватает меня за руку.

— Нет, Мойра. Это глупо ехать с ним домой. Ты видела, что сейчас произошло?? Он бы убил Майкла, если бы ты не вмешалась. Он может причинить тебе вред.

Я робко улыбаюсь ей и говорю:

— Я обещаю, со мной все будет в порядке. Зак никогда не причинит мне вреда. Поверь мне.

Я отхожу от них, слыша, как кричит вслед Лекси:

— Позвони нам, когда доберешься до дома, хорошо?

Я быстро киваю ей головой и выбегаю из клуба, потому что мне необходимо выяснить, что охранники сделали с Заком.

Глава 9

Зак

Мойра молчит, пока мы едем домой, но я чувствую, как гнев и растерянность волнами накатывают на нее. Однако и я сам не чувствую себя спокойнее. Думаю, что у меня

даже не ускорился пульс, когда я пытался убить этого ублюдка за то, что он прикасался к Мойре, хотя она ему ясно дала понять, что не хочет этого.

Он был бы уже мертв в эту самую минуту, если бы Мойра не умоляла меня прекратить. Это впервые, когда женщина умоляла меня что-то сделать, и я без раздумий исполнил то, о чем она меня просила. Страх в ее голосе, паника в ее глазах. Я ослабил свою хватку на этом ублюдке — еще одно новое слово, мое любимое слово — и все закончилось.

Запомните, что я вам скажу. Гарантирую вам, что Майкл больше не будет крутиться вокруг Мойры.

Дорога до дома была короткой, мы быстро доехали, и вот я иду за Мойрой в дом. Я подготавливаю себя к тому, что она будет говорить мне грубые слова. Но я все-таки надеюсь на ее понимание, потому что я совершенно не в настроении слушать то, как она собирается отчитывать меня. Я и так пошел сегодня на уступки ради нее, ради ее мольбы отказавшись от решительного настроя убить. И сегодня вечером она не получит от меня никаких поблажек.

Положив свою сумочку на кухонный стол, она проходит в гостиную и садится на диван, расстроено вздыхая. Из-за этого движения ее платье приподнимается до середины бедра, плавно скользя вверх по ее ногам, а я не могу остановить себя и смотрю на ее шикарные длинные нежного сливочного оттенка ноги.

— Зак, нам необходимо поговорить о том, что только что произошло в клубе, — говорит она нерешительным и дрожащим голосом, и мои глаза поднимаются вверх по ее телу и останавливаются на ее лице. У нее мрачное и недовольное выражение.

— А о чем тут говорить? Я отпустил его, — пожимая плечами, говорю я и прислоняюсь к стене, граничащей с ее гостиной и коридором.

Она хмурит брови, и они сходятся вместе, между ними образовывается напряженная морщинка. Она выглядит встревожено из-за моей незаинтересованности в этом разговоре. Мойра вскакивает с дивана и подбегает ко мне. Ее лицо выражает злость, но присутствует и еще одна эмоция — страх. Страх не меня, а страх за меня. Я могу

сказать с уверенностью, что перспектива ожидающих меня неприятностей здорово ее напугала.

Указывая пальцем мне в грудь, Мойра говорит:

— Ты не можешь просто так ходить и нападать на людей, потому что они тебе по каким-то причинам не нравятся. Ты не можешь пытаться убивать каждого, кто попытается схватить меня или прикоснуться ко мне. Ты меня хорошо понял?

— Я без разговоров убью любого, кто прикоснется к тебе и кто захочет причинить тебе вред, — прервал я ее речь, быстро вскинув руку и схватив ее затылок. Я слегка встряхнул ее, показывая ей тем самым слушать меня внимательно. — Я сам себе хозяин, Мойра. Никогда не забывай об этом.

— Зак… Но ты не можешь убивать. Всегда есть последствия того, что ты делаешь, и это не обязательно связано с законом, это также может затрагивать твою душу. Отнимая жизнь, ты совершаешь непоправимую ошибку. Ты хороший человек. Я думаю, для тебя это было бы подобно смерти — не забывай о том, как это скажется

на твоем будущем. Тюрьма… Тебя запрут в камере… Никакой свободы.

Я притягиваю Мойру ближе к себе, пододвигаю ее лицо к своему, так что ей приходится немного привстать на носочки.

— Я знаю, что такое убить кого-то. Я делал это раньше и никогда, запомни меня, никогда не сожалел об этом, так что попридержите свою лекцию, доктор Рид.

— Что? Ты убил кого-то? — спрашивает она с недоверием, и в ее голосе намного больше страха, чем мне бы того хотелось. Что одновременно пугает и злит меня.

— Давай назовем это еще одним культурным отличием. Мое племя воевало с племенем Матика долгие годы. Мы нападали друг на друга и проливали кровь, убивали. Это наша форма правосудия, и когда я вернусь обратно домой, я сделаю это снова.

От моего признания Мойра бледнеет, и моя хватка на ее затылке становится сильнее. Я хочу ее шокировать, напугать, напомнить ей, что я все еще дикое и непокорное животное, а не человек, хотя бы тогда, когда мы сравниваем наши общества. Но я не хочу, чтобы я ей был

противен. Я не хочу, чтобы она смотрела на меня взглядом полным стыда и разочарования.

— Позволь я расскажу тебе о последнем человеке, которого я убил, — мягко говорю я ей.

— Нет… Я не желаю слушать это, — ее голос почти срывается на крик, и она пытается вырваться из моей хватки.

— Ты выслушаешь меня, — приказываю я ей и еще сильнее сжимаю пальцы на ее шее, рывком притягивая ее ближе ко мне. Ее грудь плотно прижимается к моей груди, и по моему телу волной прокатывается болезненное желание. Я немного отступаю назад, хотя бы до того момента, пока Мойра не поймет, насколько я дикий. — Где-то за месяц до твоего приезда в Карайканскую деревню, чтобы забрать меня, мужчины моего племени напали на племя Матика. Это было нападение с целью спасения и отмщения. Однажды, незадолго до этого, пока мы были на охоте, в нашу деревню ворвались десять человек из племени Матика. Они изнасиловали некоторых женщин и украли троих мальчиков, жестоко убив мать этих детей, которая

пыталась защитить молодые жизни ценой своей собственной.

— Я не хочу этого слышать, — кричит Мойра.

— Может, ты и не хочешь, но тебе нужно это услышать. Мы планировали свое нападение, очень тщательно все продумывая. Целью было не просто вернуть то, что у нас отняли и украли, но и наказание за то, что они напали на наших женщин и детей. Мы шли туда с желанием убить в ответ.

— Это неправильно, — говорит Мойра, смотря на меня широко открытыми глазами.

— Может, это и не вписывается в твое понимание правильного, но для нас это правильно и это то, что мы должны были сделать. В конце концов, мы не только забрали у них наших мальчишек, но мы вернули им долг в десять убитых жизней. Я с гордостью смотрел на то, как мой приемный брат, Коурло, возвращал своих украденных сыновей и убил того человека, который их выкрал и жестоко поиздевался над его женой, а потом убил.

Мойра дрожит в моих руках, но сейчас в ее глазах я вижу чуточку понимания.

Я наклоняюсь, чтобы прошептать ей на ухо:

— А хочешь знать, кого убил я?

Она отрицательно машет головой, но не останавливает меня, когда я начинаю говорить.

— Когда вошел в их деревню, я увидел Тукабу, с головы до ног перепачканную грязью. Она была раздета, и вся внутренняя и внешняя часть бедер была в крови из-за многочисленных повторных изнасилований, которые она пережила. Ее украли из своего родного племени Поурно, где она росла и воспитывалась. И она была почти при смерти, когда я нашел ее, но при этом достаточно сильной, чтобы выжить, когда ее забрали из этого племени к нам в деревню. Мы посадили их в грязи перед длинным общим домом, связав руки за их спинами. Тукаба указала нам на тех мужчин, которые ее украли и насиловали. Мы с моими братьями по племени использовали все наши стрелы, стреляя в них до того момента, пока они не были мертвы — так было отмщено за Тукабу.

Из глаз Мойры скатилась крошечная слезинка, но я увидел что-то новое в ее лице. Сострадание после рассказал о Тукабе, что, я надеялся, означало понимание совершенных мной поступков.

— Иногда я забываю, насколько отличается твоя жизнь и существование там от моей, — мягко говорит Мойра. — Ты так хорошо адаптировался здесь, что я забываю, насколько это должно быть для тебя тяжело: жить здесь, пока твое сознание наполняют те образы и все то, что тебе пришлось пережить.

Ее слова укутывают меня мягкой волной понимания моих поступков, потому что в ее голосе больше нет и намека на непонимание или обвинение. Может, она и не согласна с моим желанием справедливости и мести, воспитанных во мне племенем, или даже с моим желанием утолить мой гнев такими неправильными действиями. Но она понимает на самом простом уровне, что то, как я вел себя в некоторых ситуациях в моей жизни — это вполне нормально и оправдано… По крайней мере, для меня.

— Я знаю, ты думаешь, я не хочу вести себя так, как это принято у вас. Но, Мойра, это не так. Я достаточно видел, достаточно прочел, чтобы отличить белое от черного, как верно и как нет относительно ваших культурных норм поведения. Но это и не значит, что я буду соблюдать все ваши правила.

Несмотря на то, что я крепко держу ее за шею, Мойра кивает мне.

— Но, пожалуйста, пообещай мне, что ты не сделаешь ничего подобного. Пожалуйста, не впутывай себя больше в такие неприятности, как эти.

Я улыбаюсь соблазнительной улыбкой, в которой кроется немного понимания в ответ на ее просьбу; хотя я и понимаю ее позицию, я не могу с ней согласиться.

— Я согласен с тем, что такого больше не повторится, Мойра. Но я никому никогда не позволю… а особенно обществу… контролировать мои действия. Это одна из самых главных причин, по которой я хочу вернуться в свою деревню… Потому что там я полностью свободен, и делаю то, что я хочу.

Мойра открывает рот, чтобы возразить что-то, но я быстро притягиваю ее к себе, пока ее тело не прижимается к моему. Медленно наклоняясь к ней, легко прикасаюсь губами к ее виску и задерживаясь в коротком поцелуе. Низким хриплым голосом я говорю ей:

— Если честно, я безумно хочу тебя забрать с собой, чтобы ты была доступна моим желаниям везде, где бы я тебя ни захотел. Я бы никогда не разрешил тебе носить даже крошечный кусочек ткани, и твои колени и твоя киска саднили бы от моего обладания тобой. Но потом бы я прикоснулся своим языком к твоей сладкой киске и нежно вылизал бы всю ту боль, которую бы причинил.

С губ Мойры срывается прерывистый вздох и обдает теплым прикосновением мою ключицу; по ее телу пробежала легкая дрожь. Она возбудилась от того образа, который я только что нарисовал, что я мечтаю с ней сделать.

Ее тело полностью расслаблено, а ее отказ поддерживается лишь ее страхом. Я буду трахать ее десятью различными способами в воскресенье, но сегодня я хочу ее именно так. Я прижимаюсь к ней.

— Встань на колени, — приказываю я, потому что знаю: она хочет находиться в моем подчинении. Это то, чего она хочет, я в этом уверен.

— Нет, — упорно шепчет она, и я внутренне улыбаюсь. То, каким голосом она это говорит, говорит об обратном.

Я нежно сжимаю ее шею, чтобы напомнить ей, что она стоит передо мной здесь, потому что я ей это приказал.

— Не смей мне больше говорить «нет», — прорычал я ей в лицо. Используя свою хватку на ее шее, я отталкиваю ее от себя и разворачиваю ее спиной ко мне. Слегка толкая, я заставляю ее опуститься и хочу расплакаться от чувства радости и победы, когда она не сопротивляется мне, а начинает сама опускаться на колени.

Я сгибаю колени и опускаюсь на пол вместе с ней. Сначала ударяются, коснувшись пола, ее колени, затем мои, я продолжаю ее нагибать вперед до тех пор, пока ее щека не соприкасается с мягким ворсом ковра, а ее попка становится высоко приподнятой для меня.

— Ты помнишь, как впервые увидела меня? — шепчу я и нежно сжимаю ее шею рукой.

— Да.

— Это возбудило тебя, да?

— Да.

Ты хотела, чтобы я трахал тебя так же, да?

— Да.

— Ты хочешь этого сейчас?

— О боже, да, — стонет она, и мое тело становится наполненным чувством победы и похоти. Мой член, который сейчас возбужденный и твердый, как никогда, выпирает сквозь жесткую ткань джинсов.

— Тогда расскажи мне, — говорю ей повелительным тоном, наслаждаясь тем, как ее решимость исчезает по крупицам.

— Рассказать тебе что? — прерывисто втягивая в себя воздух, спрашивает она.

— Расскажи мне все про тот первый раз, когда ты меня увидела. Расскажи мне ту историю, моя сладкая Мойра, и тогда я обещаю подумать, чтобы дать тебе то, что ты хочешь.

Затем Мойра покорно рассказывает мне, как она смотрела на меня сквозь яркий огонь костра, трахающего Тукабу, и желая, чтобы это ее тело было подо мной. С

тихим стоном возбуждения она рассказала, как ее кровь наполнил жидкий огонь желания, и она едва могла дышать, потому что то, как я смотрел на нее, выбивало весь кислород из ее легких. Она рассказала мне, как представляла мой член у себя между ног, она шептала мне это все, не стыдясь и без сожаления, что она хочет почувствовать, как мой оргазм сотрясает мое тело.

— Это отличная история, Мойра, — говорю я ей, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно и искренне, чтобы она не догадалась, насколько я близок к потере контроля над собой.

— Я это запомнила так, — говорит она, и в ее голосе проскальзывают нотки смелости и решимости. Хотя я добиваюсь ее подчинения, думаю, что мне нравится, как Мойра не сдается моей власти без боя.

— Ты тогда хотела меня, так ведь?

— Да, — выдохнула она.

— Так же, как хочешь меня сейчас?

— Да.

— Тем же самым способом?

— Тем же, — соглашается она, и я знаю: сейчас она принадлежит мне.

Свободной рукой я тянусь к подолу ее платья и приподнимаю его, обнажая ее округлую попку и бедра. Медленно тяну его выше и вижу самое красивое и сексуальное кружевное белье, какое бы я только мог представить на женщине. И еще одно слово пополняет мой словарный запас — белье.

Когда ее сексуальная попка и поясница обнажены, я говорю ей:

— Прежде чем я дам тебе это, скажи мне кое-что еще.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? — спрашивает она меня. Я сильнее сжимаю ее шею, потому что мне кажется, ее голос звучит требовательно. Она толкается в мою руку, которая держит ее, но я только усиливаю мою хватку.

— Я хочу, чтобы ты сказала самое главное, что выучила обо мне, с тех пор как увезла меня из дома.

— Я выучила, что ты… Закари Истон… дикарь.

— Да, — шепчу я ей, ослабляя свой захват на ее платье, и начинаю нежно дразнить, оттягивая кружево ее нижнего белья. — Ты хорошо училась.

Мгновение Мойра молчит, и потом говорит:

— Зак?

— Хм-м-м?

— Научи меня большему, — шепчет она.

Мое сердце так стучит, будто хочет выскочить из груди от звука ее голоса, наполненного мучительным желанием. Поддевая пальцем кружево ее трусиков, я тяну их по ее бедрам и по округлой попке и опускаю вниз.

— О, детка… Я собираюсь показать тебе, каково это — быть оттраханой во власти дикаря.

Она мягко и нетерпеливо стонет, когда ее кружевные трусики спущены до колен, а я придвигаюсь к ней ближе и вижу влагу, которая покрывает ее киску. Под моим взглядом ее складочки смотрятся так красиво. Я поднимаю руку и — это для меня впервые — медленно погружаю в нее палец, чувствуя жар ее возбуждения.

Мое дыхание вырывается шипящим звуком сквозь стиснутые зубы.

— Такая влажная для меня.

— О боже мой, — Мойра вскрикивает и толкается бедрами назад.

— Не двигайся, — строго приказываю я ей, пока мой палец скользит в ее киску снова и снова. Она остается стоять в той же позе, но ее тело дрожит, и ее стоны становятся все более частыми.

Я быстро убираю руки с ее шеи и от ее киски, стягиваю футболку, потому что я не хочу, чтобы было что-то лишнее, что может мне помешать наслаждаться ее готовностью для меня. Я расстегиваю пуговицу и аккуратно тяну вниз молнию на джинсах, потому что мой член твердый, как никогда, его покалывает от желания и тверже в этой комнате нет ничего. Быстро спустив джинсы и боксеры до колен, освобождаю свой член.

С головки выделяется обильное количество смазки, и взяв его в руку, я медленно вожу им по ее попке, между ягодиц, растирая смазку, прикасаясь своей длиной к ее складочкам, оставляя влажный след желания на ее коже.

— Видишь, я тоже возбужден для тебя.

— Пожалуйста, — умоляет Мойра.

Я придвигаюсь ближе, настолько, что могу чувствовать ее обнаженную кожу, хватаю и удерживаю ее затылок.

— Пожалуйста, что?

— Пожалуйста, трахни меня, Зак.

— Сейчас, детка, — обещаю я ей.

Я направляю свой член в ее киску, возбужденной головкой приоткрывая ее чувствительные складочки. Ощущения, что переполняют меня, заставляют напрячься каждый мускул в моем теле, от головы до пальцев ног. Я медленно толкаюсь вперед бедрами, погружаясь еще на дюйм.

Она такая тугая, и ее скользкая влажность засасывает мой член, чтобы он протолкнулся немного дальше. Я вижу, как ее попка вздрагивает в ожидании меня, ее пальцы цепляются за мягкий ворс ковра. Сейчас я чувствую, что ее мышцы расслабились и привыкли к моему размеру, я отпускаю свой член и хватаю ее за бедро, вдавливая пальцы в ее мягкую кожу. Я останавливаюсь лишь на пару секунд, чтобы насладиться плавными изгибами ее тела сзади и тем, как ее огненные волосы рассыпаются по ковру. Ее голова повернута в бок, ее профиль выглядит изящным. Глаза приоткрыты, губы изогнуты в удовлетворенной улыбке. Я никогда не забуду этот момент.

Быстрым движением я отстраняюсь от нее, почти полностью выходя из ее киски, и резко вонзаюсь в нее до упора, глубоко погружаю член одним толчком, прижимаясь бедрами к ее ягодицам.

Из моего горла вырывается стон удовольствия, потому что первое, что я почувствовал — как ее тугая киска сжимает мой член, и это было намного лучше, чем я мог себе представить. Мойра мягко и негромко вскрикнула и зажмурила глаза.

Я остановился, не двигаясь, мышцы ее киски сокращались вокруг меня, сжимая приятно мою длину.

— Черт! — рычу я, потом судорожно подаюсь бедрами назад и вхожу в нее снова, пытаясь удержать этот сладкий момент.

Мойра издает протяжные и долгие стоны, и я хочу слышать эти звуки как можно дольше. Я начинаю ритмично двигаться, выскальзывая и входя в нее снова. Но я чувствую, что вот-вот потеряю контроль, поэтому останавливаюсь и делаю глубокий вдох. Я не могу потерять контроль. Теперь мои движения становятся мягкими и размеренными, кружась в сильном танце

нашего желания, я утверждаю свою власть и показываю ей мою силу.

Я готов вытащить член из ее тугой киски: так я могу излиться на ее тело и продолжать дальше свою изысканную пытку.

— Зак? — мягко говорит Мойра.

— Да?

— Не выходи из меня, не сдерживайся, — говорит она нуждающимся голосом. — Отдай мне всего себя

— Черт!

По моему телу проходит дрожь, вызванная ее словами и жаждой желания, которую я могу ощутить. Это поддерживает во мне мою силу и власть. Ее слова призывают мое тело сжаться от желания и необходимости начать двигаться в жестком темпе, трахая ее. Я закрываю глаза и представляю себе наши медленные и неспешные движения, но Мойра снова убивает меня:

— Пожалуйста, Зак.

— Черт! — я издаю шипящий звук и толкаюсь в нее, трахая ее с такой силой, что она немного качнулась,

продвигаясь на ковре на пару дюймов, и с каждым жестким толчком мои яички ударяются о ее плоть.

Из нее вырываются стоны:

— Да, да… — и это все для меня.

Меня охватывает животное желание. Еще сильнее хватаясь за ее шею, я начинаю быстро и жестко врезаться в ее тело, мое тело ударяется об нее с такой силой, что эти звуки похожи на раскаты грома. Я опускаю глаза и смотрю, как мой член входит и выходит из ее киски, полностью покрытый ее влагой, и чувствую, как последние остатки контроля покидают меня.

Я трахаю ее настолько жестко, что начинаю испытывать страх, что могу поранить ее изнутри, но я не в силах остановиться. Мое тело прижимается к ее, грудь вздымается, а член жестко пронзает ее плоть.

Мойра пытается извиваться и двигаться вместе со мной, но я ее крепко держу. Если бы не ее стоны и вскрики, я бы начал серьезно волноваться, что причинил ей вред, но я не уверен, может ли хоть что-то остановить бурю, которую я сейчас обрушил на нее.

Глубокие, проникающие толчки.

Соприкасаясь, тела издают шлепающие звуки. Ее мышцы сокращаются вокруг меня, доводя меня до безумия. Запах нашего возбуждения проникает во все мои чувства

Когда накрываю ее всем телом, я не могу сдержать вырывающиеся из меня звуки, напоминающие мне в этот момент, что я больше животное, нежели человек.

Я ритмично врезаюсь в нее своим членом, с каждым ударом выпуская из своих рук все больше и больше контроля.

Мягкие всхлипы Мойры — «Да, да, да…» — подпитывают меня с каждым следующим толчком в ее тело.

По телу Мойры проносится спазм удовольствия, и стенки ее влажной и горячей киски сжимают мой член, словно тисками — я понимаю, что она кончает. Она кричит настолько громко, что я знаю, ее горло будет завтра болеть. Я чувствую, как мои тяжелые от желания яички подтянулись и напряглись, готовясь отдать себя до последней капли ее телу.

Я ослабляю хватку на ее шее и опускаю руку, сжав ее бедро. Изменяя угол моего захвата на ее бедрах, впиваюсь пальцами в ее мягкую попку, развожу ее ягодицы и смотрю, как мой член входит до упора в ее сладкую готовую киску, он покрыт ее влажным желанием. Я начинаю врезаться в нее грубыми движениями, о которых так молила ее ноющая киска.

Мой собственный оргазм был уже близко, и теплая волна омывает мое разгоряченное тело. Начинает кружиться голова, когда я вдалбливаюсь в нее снова и снова, пока, наконец, мое семя не заполняет ее. В изнеможении я опускаюсь на ее спину, принуждая ее лечь на пол, пока я продолжаю кончать. Я потерял контроль над собой. Даже когда волна за волной мое наслаждение накрывает меня с головой, мои бедра продолжают толкаться в нее сзади. Мой член лениво и неглубокими толчками двигается внутри ее киски, но мы продолжаем двигаться в едином ритме, пока ее тело полностью не иссушает меня

Даже когда я опустошен, маленькие спазмы продолжают сотрясать мое тело — это самый длинный и

самый сильный оргазм, который мне приходилось испытывать за всю свою жизнь.

Я не представлял.

Я никогда не знал, что это может быть так

Я никогда не знал, что терять контроль может быть настолько приятно.

Глава 10

Мойра

— Пожалуйста, не останавливайся, — умоляю я Зака, крепко держа его за волосы, когда его язык начинает яростно ласкать мою киску.

Он медленно поднимает голову и смотрит на меня тяжелым взглядом.

— Просто наслаждайся ощущениями.

Я захихикала, как девчонка... это произошло быстрее, чем я успела подумать, и он улыбается мне мягкой нежной улыбкой с блеском влаги на губах. Затем я

подтягиваю его за волосы опять к моей умоляющей о внимании киске, чтобы он снова мог ей наслаждаться.

Не прошло и пяти минут, как мои крики заполняют комнату.

— Стоп, Стоп, нет!!

Я потрясена тем, что Зак лег на мое тело, обнимая, после того как пару минут назад кончил в меня. Он скатывается с моего тела и ложится рядом со мной на ковер. Я поворачиваю голову и растерянно смотрю на него, вижу удовлетворение и мягкую улыбку, пока он смотрит в потолок, в надежде успокоиться после нашего марафона, даже когда его грудь тяжело поднимается, наполняясь кислородом.

Он поворачивает голову в мою сторону и смотрит на меня, и под его взглядом мое сердце делает кувырок, когда я вижу в его глазах все еще тлеющее пламя желания и сладкую нежность.

Схватив за плечи, он переворачивает меня на спину, опуская руки к моим ногам, и полностью стягивает с меня трусики. Перед тем, как я успеваю что-то возразить ему, он уверенно разводит мои ноги в стороны и располагается

между ними. Смотря жадным взглядом на мою киску, он говорит:

— Я хочу прикоснуться к ней своим языком.

— Стой! — пытаюсь сказать ему я, перед тем как он начинает опускаться ниже к моей плоти.

— Нет, — твердо отвечает он мне и медленно проводит языком по моему клитору, погружаясь в мой жар и нежно захватывая языком мою влажность и его сперму, которую я чувствую на моей киске.

Я поднимаю руки, пытаясь оттолкнуть его.

— Зак… стоп. Дай мне принять душ.

Он немного отодвигается лишь для того, чтобы сказать:

— Нет, — и с новой силой опять обрушивается на мою киску, скользя по ней языком.

Я полностью шокирована, потрясена, даже возбуждена, от того, что он не против прикоснуться, после того как излился в меня.

Не то чтобы для меня это было жесткой границей. Просто это то, что я никогда не ожидала от мужчины, что он может захотеть это сделать, но Зак тот, кто устанавливает собственные правила.

Я никогда до этого не спала с мужчиной без презерватива. Но я даже и не сомневалась и не задумывалась об этом в тот момент, когда Зак жёстко вошёл в меня. Он прошёл полное медицинское обследование, когда мы были в Бразилии, хотя как я и предполагала, у них в племени нет никаких болезней, передающихся половым путем, но дополнительные объяснения доктора, что Зак здоров, и ему можно заниматься сексом без презерватива, сделали своё дело, и я решила, а почему бы и нет.

Даже сейчас я не могу собраться с силами и подумать о том, что я разрушила свои собственные границы морали, когда подчинилась Заку. В тот момент, когда он прижал меня к полу, я знала, что у меня уже не осталось сил для борьбы. Я не могла думать ни о чем другом, кроме как о желании чувствовать его внутри меня, зная о том, что я сознательно своими решениями уничтожаю все, чего добилась в жизни.

Сейчас это не имеет никакого значения.

Я слишком сильно хочу Зака, чтобы бороться против него.

Ох, боже, какие вещи умеет делать языком этот мужчина. Хоть он ещё только учится, как это нужно делать, но у него уже существует свой собственный стиль. У меня никогда не было мужчины, который бы был так увлечен моим нежным местечком между ног.

Зак напоминает мне животное, и я представляю его как сильного гладкого ягуара, которой смотрит на меня как на сексуальную жертву. Его язык кружит, ласкает, посасывает и трахает мою киску. Когда он издает стон наслаждения, вибрации отдаются лёгкими прикосновениями напротив моей киски. Он полностью растворился в своём удовольствии. Ни один миллиметр киски не остается без внимания, пока я крепко хватаюсь за его волосы, от меня исходят мольбы «прекрати» и «еще».

И он даёт мне больше, захватывая губами мой клитор, и сильно начинает посасывать. Меня пронизывают острые ощущения, бедра приподнимаются над кроватью в попытке приблизиться к его лицу.

— Черт, да! — стонет он в тот момент, когда поднимает рот от моей киски, но лишь для того, чтобы

наброситься на неё с ещё большей силой, как будто он изголодался по мне.

Могу сказать вам, мне показалось, что это длится целую вечность, но я настолько возбуждена тем, как меня хочет Зак, и его желанием дарить мне ласки, наблюдая за этим, что ещё один оргазм сотрясает мое тело, как электрический ток, так же быстро, как он и начался. Я дергаю его за волосы вверх и приподнимаю к его лицу свои бедра, и даже когда моё тело опускается на ковер в изнеможении, он все ещё продолжает атаковать меня своим языком и губами.

— Хватит! — вскрикиваю я и отталкиваю его.

Он смотрит на меня, улыбается ленивой улыбкой и кладет свою щеку мне на лобок. Его рука медленно гладит мой живот.

— Я ещё не закончил с тобой.

Приподняв брови, я отвечаю:

— Ах, вот как… Что же ещё ты мне приготовил?

Поднимаясь и меняя позу, в которой он лежал, он отклоняется на пятки.

— Я опять чертовски твёрдый как камень, благодаря тебе.

Его внушительных размеров эрекция возвышается у него между ног, я тяжело сглатываю образовавшийся в горле комок. Я не могу поверить, что эта огромная штука вся уместилась во мне. Своим огромным членом он трахал меня сзади, но смотреть на неё совсем вблизи… это совсем по-другому. И, несмотря на то, что я испытала недавно потрясающий оргазм, я чувствую, как начинаю течь для него, смотря на этого восхитительно сложенного мужчину.

Поднимая свою ногу, я грациозно выпрямляю ее и провожу своей ступней по его массивной длине.

— Мы можем попробовать позу: я лежу на спине, а ты надо мной… это называется миссионерская позиция.

Зак хитро ухмыляется и кладет руки на мои колени, разводя ноги широко в стороны.

— Давай назовём это как-нибудь по-другому. Слово «миссионеры» заставляет меня вспоминать и задумываться о моих родителях, а это самая последняя вещь, о которой я хочу думать, трахая тебя.

Опускаясь на колени, он двигается вперёд, подхватывая мои согнутые ноги в коленях и разводя их шире. Он отпускает мою ногу, но лишь для того, чтобы взять свой набухший член, подводя его к складочкам киски. Когда он проталкивает массивную головку между моих складочек, то отпускает свою твердую плоть и снова подхватывает мою ногу, поднимая ее.

Его взгляд медленно опускается на член, и решительным движением бедер он резко входит в меня.

— О, Господи, это восхитительно, — прерывисто выдыхаю я.

— Нереальные ощущения, — хриплым голосом говорит Зак.

Он поднимает свои глаза на меня. Когда наши взгляды сталкиваются, он начинает ритмично двигать своими бедрами. Не спеша, смакуя каждый толчок, он входит в меня и отклоняется назад, дюйм за дюймом. Он отстраняется, неторопливо выходя из моей киски, и наклоняется надо мной, чтобы немного изменить угол проникновения, из-за чего мои колени опускаются и прижимаются к моей груди, а бедра к животу. Я

буквально лежу согнутая пополам. Дышать становится очень тяжело, но становится ещё тяжелей, когда Зак вколачивается в меня с дикой силой глубокими проникающими толчками.

Зак смотрит на меня, он совсем близко, похоже как будто он рассматривает моё лицо. Я испытываю большое искушение закрыть глаза, потому что я хочу полностью погрузиться в него, ощущая его каждую частичку. Я возвращаюсь в то время, когда мы впервые встретились, и он смотрел с дикой страстью на меня через языки пламени костра, когда трахал Тукабу передо мной. Я снова чувствую эту тонкую связь, и она не является соперничеством, чтобы я сдалась и отвела взгляд. Нет, сейчас там другие чувства, он хочет, чтобы мы испытывали одновременно ощущения невесомости и удовольствия, которые в этом диком танце создают наши тела.

Хватая мою руку, Зак опускает ее между нашими телами.

— Потрогай себя, — требует он.

Вместо того чтобы подчиниться, я обхватываю его бархатную длину чуть ниже основания, когда он отодвигается, трахая меня и тяжело вдыхая.

Его взгляд становится темнее, когда я сжимаю его.

— Я сказал тебе, потрогай себя, Мойра. Сделай это прямо сейчас.

Но в ответ на его слова я сжимаю его член ещё сильнее, закрываю глаза и издаю стон.

Зак резко выходит из моей киски, оставляя внутри ноющую пустоту. Я широко открываю глаза и смотрю на него в полном недоумении, он тоже сверлит на меня, его губы жёстко сжаты в прямую линию.

— Никогда не отказывай мне, когда я говорю тебе сделать что-то, — говорит он, чётко проговаривая каждое слово.

Гнев, сексуальная неудовлетворенность, и да, женская гордость, которая ведет войну с моим мозгом, моими чувствами и мыслями в попытке победить и самоутвердиться. Гнев побеждает.

— Ты не владеешь мной, — говорит мне Зак. — В этот самый момент, мне принадлежит каждая частичка твоего

тела, — шипит он, стискивая мои ноги до боли, которые все еще находятся в его руках. — Если ты хочешь, чтобы я продолжил тебя трахать, тогда ты сделаешь то, что тебе говорю.

В эту же минуту Зак подается вперед бедрами, прижимая головку члена к моему входу. Я задерживаю дыхание в ожидании его действий, но он не двигается дальше. Я прижимаюсь к нему бедрами в попытке соблазнить его на дальнейшие действия. Он же лишь спокойно смотрит на меня.

— Ты знаешь, что нужно сделать, Мойра, если хочешь почувствовать мой член внутри себя.

Я вздыхаю в отчаянии. Я продолжаю с ним войну «кто кого пересмотрит». Он толкается немного вперед, но мгновенно отстраняется на то же расстояние, дразня меня, заставляя мою плоть трепетать от сильного желания и от возбуждения.

Он продолжает ждать моих действий, и наконец, я больше не могу терпеть.

— Хорошо, — резко отвечаю я на выдохе, опуская мою руку между нашими телами прямо на горошинку клитора.

С первым же прикосновением мои бедра вздрагивают и подаются вверх, Зак вознаграждает мою покорность и неумолимо врезается в меня.

— Хорошая девочка, — бормочет он, заполняя меня полностью, затем он снова отстраняется.

Мои пальчики начинают кружить по клитору, и молниеносно другой оргазм начинает разгораться, я чувствую его большой член во мне, он трахает меня именно там, где я трогаю мой клитор, и я переполнена разными чувствами. Наши действия пронизаны неповиновением, борьбой и соперничеством, каждые следующие пару толчков мои указательный и средний пальцы, которые соприкасаются с его телом около чувствительной кожи по обеим сторонам от члена, создают дополнительную стимуляцию, когда он проникает и выходит из меня.

Это первый раз, когда я вижу, как он скалит зубы и шипит на меня, шумно выдыхая, но он ни на мгновение не останавливается. Это потому что он потерялся в дымке похоти и чувственности, от которой в тоже время страдаю и я.

Он приближает свои бедра и начинает вколачиваться глубже. Мои пальцы яростно кружат по клитору, наше дыхание смешивается и становится грубым и тяжелым, я даже боюсь, что кого-то из нас может поразить сердечный приступ.

— Я уже скоро, Зак! — выдыхаю я и двигаю пальчиками на клиторе сильнее.

— Ты кончаешь? — стонет он, вдалбливаясь сильнее.

— Да, а ты?

— Еще немного, — отвечает он, закидывая мои ноги себе на плечи и опускаясь всем весом на меня. Он кладет свои руки по обе стороны от моего тела на уровне груди и отдается полностью своим действиям.

Зак начинает так сильно меня трахать, что клянусь, я чувствую, как мой позвоночник вдавливается в пол, но это даже приятное сочетание боли и удовольствия, которое он создает внутри меня, пока заполняет все мое тело, и от этого я хочу кричать, настолько это потрясающее чувство.

Хриплые вздохи, гортанные стоны и влажное шлепанье плоти, его яички ударяются о мою киску, а мои пальчики продолжают ласкать мою влажность.

Это похоже на безумие, сумасшествие, дикость и нереальный секс.

Это просто сказка, я больше не могу терпеть.

— Я сейчас кончу, Зак.

Он гортанно застонет и, это невероятно, но он начинает двигаться чуть быстрее, стремясь достичь своего удовлетворения.

Ворвавшись в моё тело в последний раз, Зак замирает и запрокидывает свою голову назад, от чего его длинные красивые волосы рассыпаются по спине в беспорядке.

— Черт, я кончаю, — он издает хриплый стон, когда каждый мускул на его теле напрягается.

Абсолютно поглощающее и райское наслаждение отражается на его лице, и мне кажется, это и есть моя погибель — наше удовольствие, и я вместе с ним погружаюсь в экстаз. Мои руки скользят по его телу вверх, и я хватаю его бицепсы, мои ногти впиваются в его кожу, моё тело подрагивает на короткий момент, потом я

испытываю самый сильный оргазм, который проходит немного болезненно.

Я понимаю, что Зак подарил мне три оргазма меньше чем за час, но до сих пор мы так и не поцеловались. Чёрт, мы даже никогда не были полностью раздетыми — самое большее, что он сделал, это стянул бельё с моего тела. Зак дважды прикасался к моей киске своими чувственными губами, но ни разу я не чувствовала его губ на своих губах.

Это просто фантастически, что происходит между нами. Сексуальные отношения у нас продвинулись вперед, но потом я вдруг осознала, что все происходит на его условиях, не на моих, потому что соответственно нашим культурным традициям и нормам прелюдия в сексе начинается с поцелуя. А прелюдия, к которой привык Зак, начинается со схватки за затылок.

Это очень интересный материал для исследования, но с научной точки зрения — потеря времени, потому что я никогда не смогу опубликовать свои исследования.

После того, как он удовлетворил своё желание, он аккуратно вытаскивает свою плоть из моего тела и

смотрит на меня внимательно в течение какого-то времени, протягивая руку, он заботливо гладит меня по нижней части живота и затем бормочет:

— Я собираюсь принять душ.

Он поднимается на ноги и без лишних слов направляется в гостевую ванную, закрывая плотно за собой дверь.

Я поворачиваюсь, приподнимаюсь и подтягиваю под себя колени, вставая на ноги. Я издаю хныкающий звук от жёсткой боли в моей шее и бедрах, это все было итогом не слишком нежного обращения Зака со мной во время секса. Я нагибаюсь и поднимаю трусики, затем направляюсь в свою ванную, сперма медленно стекает по ногам.

Ещё одно различие в наших культурах. Я же наблюдала, как Зак брал Тукабу. Это не было чем-то личным… все было отстранённым и без эмоций… это было удобным способом удовлетворить своё желание, показать и утвердить свою силу и власть перед соплеменниками. Когда он трахнул ее, он, не задерживаясь ни на долю секунды, просто встал и пошел,

оставив ее, лежащую в грязи. Учитывая, этот лишенный эмоций барьер между карайканскими мужчинами и женщинами, неудивительно, что Зак так холодно покинул меня. Я не могу представить такого мужчину, как Зак, после секса обнимающим свою любовницу.

Это расстраивает меня. Потому что каждая частичка власти, с которой Зак воздействовал на меня, заставляя реагировать на его действия, была желанна мной, но как женщина, как современная независимая женщина, я ощущаю эмоциональную сторону близости… и в данный момент я нуждаюсь в тёплых объятиях, нежности и заботе.

Включая душ, я жду, пока вода станет горячей, и захожу, позволяя ей полностью намочить мои волосы. Я мою их шампунем и ополаскиваю кондиционером, затем полностью мою тело, прохожусь по нему мягкой губкой, намыливая гель с ароматом гардении.

Немного ранее Зак смотрел на меня по-другому, и я могу поклясться, что я видела в его взгляде что-то, что было похоже на любовь. Это было достаточно противоречиво, если сравнить с его высокомерным

выражением лица, с которым он на меня смотрит, и это даёт мне надежду, что это не просто одноразовый трах.

И я знаю, что этот взгляд я могла наблюдать более трех раз.

Но то, как Зак встал и ушёл? Так холодно и отстраненно… не заботясь о моменте близости, который мы только что разделили. Теперь я даже не догадываюсь, что он может чувствовать, и ощущение беспомощности одолевает меня.

Я быстро мою нижнюю часть тела, скользя рукой по шелковистым складочкам у меня между ног, но потом дрожь от воспоминания проходит по моему телу, как Зак касался меня.

С растерянным вздохом, я смываю все с моего тела и выхожу из душа. Чищу тщательно зубы и быстро вытираю волосы полотенцем, там, где они ещё слегка влажные. Возвращаясь назад в спальню, я надеваю хлопковую маечку и натягиваю пару пижамных штанов, и затем ложусь на кровать.

Когда я начинаю дремать, я вспоминаю момент, когда мы покидали карайканскую деревню, прощание Зака с

остальными соплеменниками. Он не сделал ничего, кроме как посмотрел на каждого из стоящих там людей. Столько теплоты было в его глазах, он пожал каждому из мужчин руку, и затем крепко обнял Парайлу, прижимая лицо старика к своей груди и сжимая его сильнее. Слёзы стояли в моих глазах, я осознала, насколько этот момент прощания был горьким и трудным для Парайлы.

Так что я знаю, в глубине души Зак испытывает сильные эмоции. Он показал их мне, когда покидал тех, кто дорог ему. Я видела выражение любви и боли на его лице. Я поняла его эмоции, когда он крепко обнимал Парайлу.

У Зака в душе очень много чувств, но, наверное, это не совсем те чувства, которые он испытывает ко мне в данный момент. Я думаю, в этом все дело… можно определённо сказать, что может быть, моё тело было ничем иным, как просто неким приспособлением, чтобы он смог утолить свою жажду…

Это не должно меня беспокоить.

Но, чёрт возьми, меня беспокоит.

Глава 11

Зак

Выйдя из парикмахерской, я прохожусь пальцами по своим, теперь уже коротким, волосам. Я подвергся минутному порыву, покинув библиотеку около получаса назад, и не спешил возвращаться домой к Мойре. На улице была отличная теплая погода, и я чувствовал, что мне нужно немного пространства, нужно отгородиться от рыжеволосой соблазнительницы.

Я вспоминаю прошлую ночь…

Нет слов, чтобы описать это. Ни на английском, ни на португальском мне не хватит слов, чтобы показать, как это было невероятно опьяняюще, когда я впервые погрузился в ее тело. Я почувствовал внутри свободу. Говоря это, я имею в виду не только оргазм, поразивший меня с такой силой, что могу уверенно сказать, такого у меня еще не было. Я ощутил, как что-то внутри меня уступило напору нашего желания, почти разбивая мою душу на части.

Я был чертовки напуган и поражен тем, что произошло, я попытался найти что-нибудь, за что я могу схватиться в своих мыслях в надежде на спасение. Я подумал на короткий момент о тропическом лесе и добрых глазах Парайлы. Я попытался вспомнить захватывающее ощущение от охоты и общения, дружбы, как я делил это все со своими соплеменниками в Карайканской деревне. Я напрягал свой разум снова и снова, пытаясь вспомнить то состояние комфорта, которое вызывали эти воспоминания, но я понял, что это пустая трата времени.

Затем я повернул голову на бок и посмотрел на Мойру, лежащую рядом со мной на ковре. В ее красивых глазах еще пылал огонь желания, а выражение прекрасного лица светилось удовольствием. Как только чувства во мне стали утихать и успокаиваться, один взгляд на эту женщину пробудил во мне неистовое желание прикоснуться к ней.

Ласкать ее языком.

В этом желании не было особого смысла и, через мгновение я совершил действие, похожее на бросок змеи,

я оказался у нее между ног, пробуя ее… пробуя себя… снова теряясь в удовольствии.

Наш второй секс был таким же страстным, но все же и более интимным, более личным, чем до этого. У меня была прекрасная возможность смотреть ей в глаза и наблюдать мириады эмоций, которые сменялись на ее лице яркими вспышками удовольствия, когда я погружался в нее. Я чувствовал, как контроль уходит из моих рук, и пытался из последних сил схватиться за него, для этого я приказал ей потрогать свой клитор, но этим только продлил свои мучения, когда она отказалась, и мне пришлось отстраниться от нее. Но, в конце концов, она все-таки подчинилась мне, и я мог позволить себе трахать ее тело разными другими способами.

После этого я толком не знал, что мне делать. Внутри меня все кричало от желания прикоснуться к ней. Возможно, даже крепко обнять ее, но сейчас я не знал, было ли это приемлемо. Еще остается так много вещей, которых я не знаю. Так много вещей, которых мне предстоит узнать. Я четко понимал свои инстинкты насчет того, что мне нужно делать с ее телом, они

казались мне совершенно естественными, но что мне делать и что говорить ей, когда ослепительный момент нашего соединения погас, я не имел ни малейшего понятия.

Вместо этого я просто поднялся и ушел от нее, надев маску безразличия, так же, как я покидал Тукабу после нашего взаимного удовлетворения. Но сейчас я не чувствую, что поступил верно, потому что я никогда не делал таких вещей с Тукабой. Я не хочу делать все эти вещи с Тукабой.

Я хочу делать их лишь с моей Мойрой.

И сейчас я не могу понять: это новая культура так повлияла на меня, или я просто нахожусь под чарами обаяния Мойры? Для меня оба варианта кажутся привлекательными.

Поэтому, когда я проснулся утром, я оделся, взял деньги, которые Мойра оставляла мне на всякий случай, и просто ушел прогуляться. Дверь в спальню Мойры была все также плотно закрыта, и я не стал беспокоить ее и оставлять записку. Она сказала мне, что я могу приходить

и уходить, когда мне захочется, ну и кроме этого, я не знал, что сказать ей.

Моя первая остановка была в кофейном магазинчике, который находился несколькими кварталами ниже библиотеки. Я вошел туда и был ошеломлен обилием выбора, который был доступен покупателям. Мокко, латте, капучино. Я не понимал, что все это могло означать, поэтому я просто заказал чашечку черного кофе и оплатил свой заказ. Я разместился на улице перед магазинчиком за маленьким столиком, который находился под зонтиком, чтобы хоть как-то защититься от палящего солнца, наблюдая за людьми, которые торопятся по своим делам. Я пристально рассматривал женщин, сравнивая их всех с Мойрой. Пытаясь понять, что делает ее такой особенной, что делает ее столь интригующей для моих чувств…

Я так и не смог ответить себе на этот вопрос.

Наконец, я допил свое кофе и направился в библиотеку. Я просто бесцельно бродил между книжных стеллажей, вытаскивая одну за другой книги с полки и читая на

обороте содержание, затем ставил ее назад. Ничего так и не приглянулось мне, поэтому я ушел.

В тот момент, когда я заметил парикмахерскую на другой стороне улицы, протискиваясь через плотный поток машин, я направился быстрым шагом по направлению к ней.

Смотря через большое окно, я видел, как парикмахер подстригал мужчину. Я растерянно провел по своим длинным волосам, думая о гордости, с которой носил свои длинные локоны, как караец. Что это могло значить, если я подстригусь? Будет ли это связывать меня с моими корнями? За исключением того, что это не было моим истинным наследием. Не совсем верно. Все-таки я американец, отсюда берут начало мои истинные корни. Хотя, я замечал, что много мужчин, которые приезжают в Америку, ходят с различными прическами. Кто-то с длинными, кто-то с короткими, а у других и вообще что-то среднее между этими двумя прическами. Это никак не связано с определением мужской природы. Это ведь все лишь… волосы.

Может и в нашем племени это просто волосы…

Я стою еще пару минут, пытаясь решить, что же мне делать. В конце концов, я думаю о Парайле и о том, чему он меня учил, когда я был маленьким мальчиком, когда один из старейшин племени умирал.

По обычаю, на тело наносили символы, которые обозначили, что человек направляется в последнее свое путешествие в этой жизни. Венок из сплетенных бамбуковых листьев помещали над его головой, вкладывали ему в руки цветок дикой орхидеи. Так его помещали лежать в центре погребального костра, и затем его тело сжигали, пока не сгорало все, кроме костей.

Когда угли остывали достаточно, чтобы к ним можно было прикасаться, женщины просеивали золу и собирали кости, которые оставались после сожжения. Затем, их перетирали в каменной ступке, пока они не превратятся в пыль. Добавляли молоко, смешанное с растолченным бананом, и завершался ритуал погребения тем, что каждый человек в племени делал по глотку этого напитка, пока он не заканчивался.

— Почему мы пьем напиток, сделанный из костей умершего? — спросил я Парайлу, когда мне передали сосуд с напитком.

Положа мягко руку мне на плечо, он проговорил:

— Ты знаешь, что дает начало новой жизни, это когда женщина и мужчина ложатся вместе, правильно Кордейро? (прим. Сынок)

Я кивнул, потому что понимал это. Это было одним из первых вещей, которые рассказал мне Парайла, после того как я впервые увидел, как соединяются мужчина и женщина.

— Смотри, этим действием мы возвращаем душу умершего к жизни. Мы употребляем напиток из костей, чтобы сделать его частью нас. Затем, когда зарождается новая жизнь, часть умершей души человека возвращается, и его дух навсегда остается с племенем. Он с нами, жизнь не прерывает своего круга. Ты всегда будешь возвращаться в том или ином обличии. Все возвращается, в конце концов, на свои места.

Пока я смотрел, как парикмахер берет кисточку и аккуратно смахивает остатки волос с его шеи, я думал над

тем, чему меня учил Парайла. Все, в конце концов, возвращается на свои места.

Я не стал раздумывать больше ни минуты. Войдя, я спросил, во сколько мне обойдется стрижка и затем отдал нужную сумму.

Когда он развернул меня в кресле, и я увидел себя в зеркале, я ждал, что печаль и сожаление настигнет меня из-за того, что я обстриг свои волосы, потому что именно они обозначали меня, как карайца. Но сожаления не было. Я смотрел на себя с интересом, ничего, что было немного коротковато по бокам, зато он оставил немного длиннее спереди. Мои волосы были волнистыми и без длинных локонов, которые спускались бы по плечам, вытягивая их, они закручивались на концах по-разному, десятками способов. С этой прической я выглядел моложе, я так думал, и, в общем, я был доволен.

Стоя снаружи около парикмахерской, я смотрю налево и направо, пытаясь решить, что мне делать дальше. Нет сомнений, что Мойра уже проснулась, но я все еще не был готов встретиться с ней. Я не знал, на каком этапе сейчас

находятся наши отношения, и я определенно не был готов выяснять это прямо сейчас.

Поэтому я разворачиваюсь и иду в противоположном направлении.

Мне необходимо больше времени, чтобы подумать.

Внезапно, я понимаю, что потерялся.

Как, черт возьми, это случилось?

Я ориентировался по Амазонке большую часть моей жизни, прорубая дорожки моим мачете и исследуя неизведанные места. И всегда находил дорогу обратно.

Но после прогулки в пригороде Эванстона штата Иллинойс, черт, если бы я только мог представить, где я нахожусь.

Повернув на новую улицу, я надеюсь увидеть что-то знакомое, но абсолютно ничего, новые достопримечательности и новые звуки. Я прохожу еще пару кварталов, пока не выхожу на новую улицу, на которой находятся всевозможные маленькие магазинчики и кафе. Маленькая закусочная, Антикварный магазин — даже и не представляю, что это может означать, и

слесарная мастерская. Так же не представляю, что это может значить.

Ниже по улице находится маленькая парковка, там я вижу две полицейских машины, припаркованные рядом друг с другом и смотрящие в противоположные стороны. Имея представления, что это они, я направляюсь к ним. И тут меня настигает внезапное и точное воспоминание о том, как офицер полиции приходил к нам в школу, когда я был маленький. Я точно не помню, зачем именно он приходил туда, но он общался и вел диалог с нашим классом, и я отчетливо запомнил, что он занимал положение, связанное с властью и защитой. Я понимаю, что они мой лучший вариантом выяснить, как добраться до дома Мойры.

Когда я подхожу к машинам, я вижу, что стекла опущены, и они переговариваются друг с другом. Их взгляды перемещаются на меня, и один из офицеров улыбается мне.

— Могу я вам помочь?

Почесав голову, потому что это неудобно и стыдно спрашивать, я отвечаю ему:

— Да… Я вроде как потерялся и не могу найти дорогу к дому моего друга.

Офицер приподнимает бровь.

— Впервые тут?

— Можно и так сказать, — отвечаю я.

— Скажите нам адрес, и мы укажем вам верное направление?

Адрес? О, черт!

— Ммм… если честно. Я не знаю адреса. Это белый дом с черными ставнями.

Я вижу, как беспокойство появляется на лице полицейского, он открывает дверь и выходит из машины.

— Ты не знаешь адреса? — спрашивает он скептически. — И ты говоришь, это дом твоего друга?

Я улыбаюсь самой дружелюбной улыбкой.

— Хорошо, я знаю, это звучит немного странно… Я вообще-то жил в Бразилии последние восемнадцать лет, и женщина, у которой я сейчас нахожусь, была нанята, чтобы доставить меня на родину в Штаты и помочь мне адаптироваться к новой незнакомой для меня культуре. Я живу в ее доме.

По-видимому, и после моего объяснения дела обстоять лучше не стали, потому что я вижу, как увеличилось недоверие полицейского после того, как он услышал мой рассказ. Сейчас уже другой офицер выходит из своей машины и аккуратно закрывает дверь, находясь лицом ко мне. У меня появляется ощущение, что в любой момент они могут достать пушки или сделать что-то еще, что заставляет меня нервничать. Может это и не такая хорошая идея, но я делаю шаг назад.

— Тебе нужно помочь адаптироваться, в чем? Твой английский достаточно хорош, как по мне, — говорит полицейский.

Я делаю глубокий вдох и затем выдыхаю, пытаясь восстановить дыхание.

— Вообще, я жил на протяжении долгого времени в Амазонке с местным племенем. Это впервые, когда я вернулся в современный мир. Женщина антрополог из северо-восточного университета была нанята моим крестным отцом, чтобы «спасти» и привезти меня обратно в Штаты.

Теперь оба офицера приподнимают брови от удивления. Один из них говорит:

— Ты что разыгрываешь нас?

— Нет, сэр. Я совершенно не шучу над вами, я же не хочу, чтобы вы меня подстрелили, — отвечаю ему с усмешкой.

Другой офицер начал смеяться и направляется к своей машине.

— Я выясню ее адрес, Картер, и отвезу его туда.

Коп, чье имя было Картер, кратко кивает и подходит к своей машине.

— Проходи и садись на заднее сиденье. Он подвезет тебя.

Облегченно вздохнув, я благодарю его и сажусь в машину к другому офицеру. Когда я закрываю дверь, он говорит:

— Я офицер Стивенс. Как твое имя, приятель?

— Захариас Истон, — отвечаю я.

— А имя твоего друга?

— Мойра Рид, — я замолкаю и потом добавляю: — Я, правда, очень благодарен вам за это. Я не могу поверить, что я потерялся.

— Это может случиться с каждым из нас, — говорит он, пока что-то набирает на маленьком компьютере, встроенном в приборную панель автомобиля. — Так ты и, правда, жил в Амазонке восемнадцать лет?

— Да. Мои родители были там миссионерами, и они погибли, когда мне было всего восемь лет. Племя взяло под опеку и приняло меня. Я даже и не имел понятия, что меня кто-то разыскивает в штатах. Я многого не помню о жизни здесь.

— Это просто невероятно, — говорит он задумчиво. — Хорошо, вот оно. Мойра Рид… она живет на Копула стрит.

— Точно! — добавляю я, услышав знакомое название.

— Хорошо, — говорит он и завел машину. — Пристегни ремень, парень, и я довезу тебя за считанные минуты до дома.

Когда мы подъезжаем по подъездной дорожке к дому Мойры, чувство абсолютного облегчения проходит по

всему телу. Это долбанное чувство того, что ты потерялся, и у тебя нет контроля над ситуацией, начинает покидать меня. Я пытаюсь открыть дверь, но она заблокирована.

— Подожди, — кидает мне офицер Стивенс. — Я открою ее снаружи.

Он выходит из машины, пока я отстегиваю ремень и, когда дверь открывается, я выхожу следом на бетонную подъездную дорожку.

— Спасибо вам, я действительно это очень ценю.

— Не беспокойтесь, — говорит он с улыбкой. — Но я все-таки провожу тебя до двери.

Аххх. Понятно. Он хочет убедиться, что Мойра действительно меня знает, и что я ни какой-то ненормальный, пытающийся убить ее. Очень впечатляюще.

Прежде чем мы успеваем подняться на крыльцо, дверь открывается и выбегает Мойра. Она выглядит сногсшибательно. Ее волосы собраны в высокий хвост. Она одета в нежно-желтый сарафан с белыми цветами, которые расположены по кайме.

— О, слава Господу, Зак. Я безумно волновалась о тебе. Где ты был? Что произошло?

Она моргает и ее взгляд мечется между мной и полицейским, и когда она опять смотрит на меня, говорит удивленно:

— Ты подстригся?

Я поднимаю руку и провожу пальцами по коротким волосам.

— Да… Похоже на то.

Она быстро улыбается и говорит:

— Мне нравится.

Поворачиваясь к офицеру полиции, она говорит:

— Все в порядке?

— Да, отлично, мэм, — заверяет он ее. — Он просто потерялся и не мог вспомнить, как добраться сюда. Я решил убедиться, знаете ли вы его.

— Да, он живет у меня, после приезда из Бразилии.

— Он рассказал мне историю. Это невероятно, — говорит дружелюбно полицейский. — Так, мне пора уезжать. Вы двое, берегите себя!

Мы вдвоем говорим «до свидания», стоя на крыльце и смотря, как офицер отъезжает. Когда он совсем скрывается из виду, я поворачиваюсь и смотрю на Мойру.

— Прости меня за то, что ты волновалась. Я пошел прогуляться и не знаю, как я потерялся.

Прежде, чем я понимаю, что происходит, Мойра быстро обнимает меня, прижимаясь своим соблазнительным телом к моему. Ее голова покоится на моей груди, а ее руки обнимают меня за талию. Крепко держа меня в объятиях, она говорит мне:

— Я чуть не сошла сума от волнения. Я не знала, что произошло с тобой.

Я поднимаю руки и неуверенно обнимаю ее. То, как смело она прикасается ко мне, немного смутило меня. Это совсем не сексуальное прикосновение, а больше теплые объятия облегчения. Все-таки приятно иногда теряться.

— Вот что, — говорит она решительно, когда отпускает меня из объятий и тянет в дом за собой. — Мы прямо сейчас пойдем и купим тебе сотовый телефон, и тогда ты мне сможешь позвонить, если что-то подобное случится еще раз.

— Звучит отлично, — отвечаю ей с усмешкой. — Я знаю, что на каждом перекрестке меня не будет поджидать полицейский, который всегда будет готов мне помочь.

Мойра поворачивается и направляется обратно в дом. Я следую за ней, ее плечи все еще выглядят напряженными, поэтому я догадываюсь, что ее что-то тревожит. Она заходит на кухню и берет свою кружку с кофе, которая стояла на столе. Я наблюдаю, как она выливает содержимое в раковину и ополаскивает ее.

Я тихо подхожу к ней сзади и, когда она поворачивается, я не сомневаюсь ни секунды. Я нежно беру ее лицо в свои руки и притягиваю ее ближе. Ее глаза становятся большими от удивления, и рот медленно приоткрывается.

Идеально.

Я немного опускаю лицо и касаюсь своими губами к ее.

Наш первый поцелуй.

Мой самый первый поцелуй с женщиной.

Мойра вздыхает от легкого прикосновения, и мои инстинкты берут верх. Я скольжу языком между ее губ.

Она открывается мне, и, когда мой язык нежно касается ее языка, я издаю стон наслаждения ей в рот. Мои губы нежно прикасаются к ее, наши языки переплетаются. Она на вкус, как кофе и сахар. Невероятно, насколько нежные ее губы.

Обнимая меня за шею, Мойра притягивает меня немного ближе, и наши губы сплелись в более диком и яростном поцелуе. Моя кровь быстрее несется по венам, разливаясь жаром, когда я ласкаю прикосновениями ее тело и, опускаясь с ее лица, останавливаюсь на бедрах, в попытке прижать ее тело ближе к моему. Мой член становится твердым от желания, и теперь я понимаю… как нежный и сладкий поцелуй может превратиться в более смелый, становясь чувственным, что секс может быть следующей ступенькой этих ласк.

Да… Секс, определенно, следующий в списке. Это не было моей первоначальной целью, когда я впервые поцеловал ее, но определенно об этом мои мысли сейчас.

В действительности, это единственная мысль, которая на данный момент пульсирует в моей голове.

Опуская руки, я быстро приподнимаю край сарафана, и мои пальцы начинают ласкать внутреннюю сторону бедра. Мойра задыхается от ощущений, постанывая мне в рот, ее бедра прижимаются ближе ко мне, умоляя о моих прикосновениях. Я не спеша приближаюсь к краю кружевных трусиков, отодвигаю нежную ткань в сторону, и мой палец прижимается к ее киске. Горячая и влажная… чертовки идеальная.

Я проскальзываю пальцем в нее, Мойра вздрагивает под моими прикосновениями. Она прерывает наш поцелуй и кусает меня за нижнюю губу. Я смотрю на нее немного с удивлением, и ее глаза бросают мне вызов продолжить наши сладкие поцелуи.

Черт, да! Я могу принять ее игривый укус. Когда мой палец продолжает двигаться внутри, входя и выходя из нее, я обрушиваюсь на ее губы в дикой потребности.

Руки Мойры тянутся к кнопке на моих шортах, и она действует с безумной страстью, почти разрывая молнию, она резко опускает замок вниз. Ее нежная, теплая ручка тянется к моему члену и о, черт… неземное ощущение.

Никогда еще женская рука не прикасалась к моему члену. Это чертовки потрясающе.

Мойра гладит и сжимает мой член, от чего я начинаю сильнее проникать в ее тугую горячую киску, моя голова кружится. Я чувствую, что могу кончить, если она еще пару раз проведет по моему члену своей рукой, поэтому я отстраняюсь от нее, моя грудь тяжело вздымается в попытке удержать контроль.

Мойра стоит передо мной, нежный румянец покрывает ее щеки, ее взгляд затуманен от желания, и дыхание такое же тяжелое как у меня.

Я перевожу взгляд на свои руки, и они дрожат.

Черт, дрожат.

— Зак? — говорит мягко Мойра.

Мои глаза поднимаются к ее лицу.

— Я хочу кое-что сделать для тебя, — говорит она еле слышно, хриплым голосом. — Я хочу взять тебя в рот.

Черт!

От того, что я услышал, дрожь проходит по всему телу, по масштабам похожая на землетрясение. Да, да, да. Я очень хочу этого. Чтобы ее сладкий ротик был вокруг

моего члена — сосал, ласкал, облизывал — так же, как я видел в том видео. Образы, как Мойра делает это со мной, это слишком, чтобы спокойно принять и позволить ей сделать это. Я не уверен, что смогу сохранить контроль. Я почти уверен, что эти ласки сломят меня.

— Нет! — грубо отвечаю ей. — Не сейчас.

— Что? — спрашивает она потрясенно. — Но я хо…

— Развернись, — четко приказываю ей. — Нагнись над кухонным столом, руки на стол.

— Зак? — говорит она неуверенно.

— Просто сделай это, — повторяю свой приказ. — Я хочу трахнуть тебя сзади.

Потому что, долбанный боже, это слишком интимно, смотреть в ее лицо, когда я глубоко в ней. Я не смог бы сдержать чувства, которые хотели прорваться сквозь остатки контроля.

Горькое разочарование наполняет ее глаза, на краткую долю секунды, я передумал, я хотел кричать «да». Но я не мог отдать в ее руки контроль. Это единственная вещь, которая осталась нетронутой от моей настоящей

сущности, и если она заберет это, тогда она отнимет все, что еще осталось у меня.

Мойра пытается восстановить дыхание, она медленно вдыхает через нос и выдыхает не спеша через рот, прежде чем отвернуться от меня. Но она не подходит к столу, она не делает то, что я приказал, вместо этого она проходит мимо меня к столику у двери, чтобы взять свою сумочку. Она расстроено хватает ее и резко отрывает дверь.

— Я пойду покупать тебе сотовый телефон. Буду чуть позже.

Она даже не оборачивается посмотреть на меня, когда выходит на улицу и закрывает за собой дверь.

Глава 12

Мойра

Уже третий день я избегаю разговаривать с Заком. Это было не так уж и трудно, потому что после того, как я отказалась подчиниться ему, он перестал со мной общаться. Я предлагала ему пройтись, прогуляться, но Зак

отказался, сославшись на то, что у него есть интересные книги, которые он хочет прочесть. Он полностью уединился в своей комнате и выходил только поесть, обедая в полной тишине и отвечая на мои вопросы короткими и односложными ответами.

Я знаю, я шокировала его тем, что отказалась подчиняться ему на следующий день после нашего первого секса, я так сильно хотела, чтобы он трахнул меня сзади, как он приказывал, но что-то внутри меня отказывалось подчиняться. Зак отрицает всю интимность занятия любовью, пытаясь взамен этого удержать свой контроль. Я чувствую, что если буду давить на него, то он утратит свою привычную манеру поведения, а это будет для него слишком тяжело пережить, я не хочу, чтобы он чувствовал себя некомфортно.

Я не могу быть единственной, кто подчиняется и уступает, не могу исполнять каждое его желание. Я не такая по характеру. Не смогу подчиняться его воле постоянно.

Я никогда не пожалею, что подчинилась в первый раз, позволяя удерживать меня на полу и проявлять

доминантную сторону со мной. Это было моей навязчивой идеей с самого первого раза, когда я его увидела. Я знаю, что Зак по своей внутренней природе склонен доминировать, подчинять, и даже когда у нас должен был случиться секс во второй раз, он пытался заставить меня исполнять его желания.

После того, как тонкая преграда надломилась во мне, я поняла, что пути обратно уже не будет. Я бы никогда не совершила то, что между нами произошло, если бы сама этого не хотела. И я хочу это повторять снова и снова, и только с ним. Но у меня тоже есть свои желания: я хочу, чтобы у нас были отношения, доверие и взаимность, хочу, чтобы он принимал мою сексуальность и позволял проявлять инициативу. Мне нравится, как отдавать свою любовь и чувства, так и получать взамен. К сожалению, мне кажется, Зак этого не хочет. Все, что для него важно, это пустой секс.

Все-таки, я — женщина, давайте не будем забывать об этом. Эта черта характера Зака меня убивает, особенно, когда он просто, черт побери, просто встал и ушел в первую и единственную ночь секса, когда я еще была на

пике удовольствия. Все фантазии о Заке заканчивались тем, что я находилась у него в руках, он нежно обнимал меня и ласково гладил успокаивающими движениями по волосам, и это казалось таким правильным. Но реальность оказалась другой.

К тому же, я не знаю точно, когда он уедет от нас. Я так запуталась в своих чувствах по отношению к нему, но я должна сосредоточиться на конечном результате, на адаптации Зака. Ситуация, которая складывается на данный момент, показывает, что Зак отлично влился в новый мир, с которым он столкнулся по нашей вине. Я не смогу ему помогать адаптироваться, если сосредоточусь на наших чувствах и привязанности, из-за которой непонятно, как нам вести себя друг с другом. Проблема заключается в том, что я не знаю, как найти подход к Заку, поэтому я просто храню затянувшееся молчание и жду подходящего часа.

К сожалению, время подошло к концу. Рэнделл Кэннон настаивает, чтобы мы приехали к нему в Атланту, и я больше не могу оттягивать этот момент.

Подойдя обратно к комнате Зака, я мягко стучу в дверь.

— Зак?

Я слышу скрип кровати, а затем глухой звук шагов. Он открывает дверь в нескольких дюймах от меня и внимательно смотрит.

— Есть минутка поговорить?

— Конечно, — говорит он напряженно, пропуская меня в спальню и следуя за мной. Он одет в шорты карго (2) оливкового цвета, и больше ничего на нем не было. Они сидят низко на бедрах, я знаю, если бы было время, то я бы обязательно воспользовалась возможностью и взглянула, как он будет выглядеть без них. Когда я думаю об этом, мою голову заполняют пошлые фантазии, и пересыхает во рту…

Мы одновременно садимся на диван в противоположные стороны — я занимаю место в начале, а он удобно устраивается на другом конце дивана — усаживаясь лицом ко мне и расслабленно опуская руку на черную диванную подушку.

— Рэнделл звонил сегодня утром. Он очень хочет, чтобы мы приехали к нему, как ты, наверное, уже догадался. Я хочу заказать билеты на завтрашний рейс.

Я ожидаю сопротивления со стороны Зака, потому что он пытался всеми возможными способами отгородиться от Рэнделла. В глубине души я не прекращала считать, что Зак все-таки винит меня за мое участие в смене его места жительства, он до сих пор испытывает горечь от расставания со своим приемным отцом.

— Как долго мы там пробудем?

Я растерянно пожимаю плечами.

— Я точно не знаю. Может пару дней. Твой крестный очень хочет познакомиться и лучше узнать тебя.

— На данный момент у меня нет никакого желания знакомиться с ним, — колко бросает он мне в ответ.

— Я понимаю, — тихо говорю я, разочарованно вздыхая. — Так, давай побудем у него пару дней, а затем решим, что и как, мы можем всегда вернуться, если ты захочешь.

— Договорились, — отвечает он и начинает подниматься с дивана.

— Подожди минутку, — говорю я с отчаянием в голосе, потому что я не могу смириться с тем, как он холодно со мной общается. Я так скучаю по

непринужденному юмору, который наладился не так давно между нами, я тоскую по его умению удивляться простым вещам, по нашим беседам и по многим другим вещам, которые он мог делать своими руками и языком.

— Ты на меня сердишься… потому что я не сделала так, как ты мне сказал?

Зак садится обратно и откидывается на спинку дивана, проводя руками по волосам, и смотрит на меня.

— Нет, я не сержусь. Да, я растерян, но не сержусь.

— Прости меня, — говорю я ему, не тая ни одного слова и не скрывая ни одной эмоции. — Я была не права. Просто я… я другая, отличаюсь от всех тех женщин, к которым ты привык, я просто не могу подчиняться твоим приказам все время.

— Я знаю, Мойра, — говорит еле слышно Зак… с горечью в голосе. — Я считаю, это было отличным напоминанием для меня, что я не принадлежу этому месту. Ты такая, какая ты есть… независимая и уверенная в себе. Ты хочешь определенных вещей, и ты знаешь, как лучше для тебя. Тебе не нужен мужчина… не очень нужен, я не нужен тебе. Это для меня трудно принять.

Мое сердце наполняется отчаянием от его слов, потому что я внезапно понимаю всю обреченность в его голосе. Я хочу спорить и ругаться, кричать, доказывать ему, что он не прав. Я так хочу попытаться открыться и рассказать о новых чувствах, которые начала испытать, я хочу дать нам шанс. Но я не могу сделать этого. Это будет спор из-за чего-то, что я хочу, но это не принесет пользы Заку. Я здесь не для того, чтобы менять его, я здесь только для того, чтобы помочь ему понять вещи, которые с ним происходят и окружают его. Когда до меня доходит смысл его слов, я чувствую, что он понимает все, что происходит между нами достаточно четко, и это значит, что пришло время все оставить так, как есть.

— Так, — говорит Зак напряженно, поднимаясь с дивана. — Я пойду собирать свои вещи. Дай мне знать, когда мы будем готовы выезжать в аэропорт, я буду готов к этому времени.

— Хорошо, — бормочу я, испытывая сильное желание продолжить наш разговор, но сердцем я понимала, мне больше нечего сказать.

***

Перелет до Атланты прошел без происшествий, и после двадцати минут тряски в такси, мы, наконец, подъезжаем до невообразимо длинной подъездной дорожки, по обе стороны от которой располагаются дубовые деревья, своеобразная аллея. Она тянется почти четверть мили, затем мы поворачиваем на кольцевой поворот, открывающий вид на великолепие огромного особняка в стиле Тюдоров. Такое ощущение, что он был бесконечным, с круто покатыми крышами и фахверковыми колонами (3), кладка на кирпичной облицовке которых выполнена «елочкой» (4). Огромных размеров парадное крыльцо, которое может вместить не меньше ста человек, и высокие венецианские окна (5) , которые отражают ярко-золотистые лучи полуденного солнца.

Такси медленно скользит, шелестя шинами, по большой кольцевой подъездной дорожке, ведущей к дому, и останавливается перед парадным входом, двери особняка быстро открываются, когда мы начинаем

выходить из машины. Я замечаю Рэнделла, который сбегает по ступенькам нам навстречу, он одет просто, в тщательно выглаженные шорты хаки, белую футболку поло и коричневые лоферы (6) . За Рэнделлом следует мужчина, на вид которому около сорока, он одет более строго, в черные брюки и белую рубашку.

— Сэм, возьми их сумки и отнеси в их комнаты, — сказал Рэнделл мужчине, который даже не обращал на нас никакого внимания, но все-таки кинулся выполнять просьбу хозяина.

— А вот и вы, — говорит он, тепло приветствуя нас. Я чувствую, как Зак занервничал рядом со мной. Рэнделл жадно изучает Зака, рассматривая его. Когда он смотрит ему в глаза, то он немного озадачен, видя его холодный взгляд и отстраненность. Затем Рэнделл поворачивается ко мне и мягко говорит: — Это чудесно, видеть Вас здесь, Мойра.

Я легко пожимаю его руку и поворачиваюсь к Заку.

— Рэнделл… Это Зак Истон.

Рэнделл радостно улыбается и протягивает руку Заку, который недовольно, но все-таки вежливо пожимает ее.

— Ну, конечно, это Зак! Он совсем не изменился. Добро пожаловать, Зак! Добро пожаловать в мой дом, но я очень хочу, чтобы ты чувствовал себя здесь, как будто это и твой дом!

Зак пытается выдавить из себя улыбку, но не говорит ни слова. Рэнделл отпускает его руку, и образовавшаяся тишина между нами становится неловкой.

— Мм… Да, ну что ж, проходите в дом! Я уверен, вы очень устали после поездки. Я скажу Сэму, чтобы он показал вам ваши комнаты, и мы собираемся поужинать около семи сегодня. Зак… у меня есть много фотографий твоих родителей, я очень хотел бы их тебе показать и, конечно, я очень хочу узнать тебя заново.

Зак все еще молчит, и, по-видимому, не собирается отвечать, черт бы его побрал, упрямец, поэтому я вмешиваюсь.

— Это звучит отлично, Рэнделл. Я думаю, мы немного отдохнем перед ужином, верно, Зак?

— Да, — это все, что он выдавливает. Мы следуем за Рэнделлом в дом.

Мы проходим в холл, ступая по блестящему мраморному полу, впереди двойная винтовая лестница, которая ведет на второй этаж. Стены выкрашены в богатый цвет под красное дерево и украшены дорогими картинами, написанными маслом. Большой круглый стол располагается в центре холла с композицией из свежих тигровых лилий, которые достигают в высоту примерно четыре фута и наполняют комнату характерным для них тяжелым ароматом.

— Сэм… не мог бы ты показать Заку его комнату? Я хочу поговорить немного с Мойрой.

Потянувшись, я прикасаюсь к руке Зака.

— Я зайду, посмотреть, как ты, немного позже, хорошо?

Он кивает и следует за Сэмом по лестнице.

— Давайте пройдем в библиотеку, — предлагает Рэнделл, и я послушно иду за ним, когда мы входим в комнату, то она ошеломляет меня своим богатством и размахом. Высотой в три яруса, библиотека занимает место от пола до потолка, все это пространство заполнено книжными полками, тут также все было отделано под

красное дерево. Каждый ярус располагается на отдельном этаже с балконом, шкафы занимают все место до стены; большая спиралевидная лестница тянется вверх, позволяя вам выбирать этаж и спокойно получать доступ к миллионному книгохранилищу. Поражает меня мебель из мягкой кожи насыщено голубого цвета, уложенная подушечками для большего удобства, что вписывается идеально в интерьер комнаты. На одной из стен, я замечаю встроенный камин, но на данный момент, он был в нерабочем состоянии, потому что сейчас примерно середина лета на юге. Фигурный деревянный стол, по форме напоминающий подкову, находился в конце комнаты, на нем стоял ноутбук.

От комнаты веет элегантностью и роскошью, но она также несет атмосферу комфорта и уюта, библиотека выглядит так, как я и ожидала. Она полностью подходит и отражает ее хозяина, Рэнделла, и я невольно вспоминаю, как я впервые встретила его в офисе в Атланте.

— Доктор Рид… Мистер Кэннон сейчас Вас примет, — услышала я от секретарши и посмотрела, как она улыбается мне.

Я встала с гладкого обтянутого кожей стула и последовала за ней по широкому холлу, который был украшен дорогим ковровым покрытием. Стены были как будто обтянуты мягким материалом, такой эффект создают картины-постеры, которые расположены на стенах и напоминают мне работы музея «Метрополитен».

Нервно потерев руки о ткань моих брюк, я сделала глубокий вдох.

Встреча для меня была решающей.

Она могла полностью изменить мою карьеру, я была готова сделать все, что угодно, чтобы только эта сделка состоялась.

Открыв огромную деревянную дверь, секретарь отошла в сторону и пропустила меня в офис. Я быстро оглядела интерьер комнаты: темно-зеленое ковровое покрытие с золотистой каемкой по краю было использовано вместо ковра. Огромных размеров фигурный стол располагался в центре комнаты с насыщенно-бордовыми кожаными креслами. В огромном панорамном окне простирались прекрасные виды Атланты, штата Джорджия, с голубым,

чистым небом и мягкими, пушистыми облаками, покрывающими небо, словно взбитые сливки.

— Доктор Рид, — услышала я низкий, немного грубоватый голос. Повернувшись, я увидела невысокого мужчину с белоснежно-серебристыми волосами, который направлялся ко мне. Он был одет в ошеломительно дорогой черный костюм, сшитый на заказ, рубашку и бледно-голубой галстук, который — я могу поставить сотню баксов — стоил больше, чем все, что было сегодня на мне надето.

Он протянул мне руку, и я пожала ее.

— Рэнделл Кэннон, — представился он, пока мы приветственно пожимали руки. — Очень приятно познакомиться.

— Мне тоже, Мистер Кэннон, — сказала я вежливо. И это было… честно, все это было мне по душе, я словно попала в сказку, потому что мужчина, связавшийся со мной по телефону три недели назад, предлагал мне шанс, который я ждала всю свою жизнь.

— Пожалуйста, называйте меня Рэнделл. И проходите, не стойте там, проходите… садитесь, пожалуйста.

Все еще удерживая мою руку, он проводил меня до низкого диванчика из черной кожи и жестом предложил присесть. Сам он сел напротив меня в свое кресло, нас разделял кофейный столик из красного дерева. Он был полностью сервирован, чтобы мы могли насладиться нашей беседой и выпить чашечку чая

— Вы будете кофе? Чай? Воду? — спросил он у меня.

— Нет, нет, спасибо, — я очень нервничала.

Он немного подался вперед, и я наблюдала за тем, как он быстро, умелым движением наливает себе чай, добавляя в него кусочек сахара.

— Я очень хотел познакомиться с Вами, чтобы обсудить идеи, которые у меня имеются.

Знал бы ты, как хотела я познакомиться. На протяжении последних трех недель, пока я заканчивала проводить занятия в Северо-восточном университете, я ощущала скуку. Несмотря на то, что я любила свою академическую деятельность и радовалась, что занимаю должность адъюнкт-профессора, я чувствовала, что мой мозг простаивает от бездействия, я делаю привычную работу день за днем, а хочется попробовать сделать что-то

новое, незнакомое для меня, поучаствовать в чем-то, что пугает и одновременно возбуждает, будоражит.

И когда Рэнделл связался со мной по поводу антропологического проекта, в котором, как он полагал, я буду заинтересована, я была даже больше чем заинтересована, я просто мечтала услышать, что он мне готов предложить.

Рэнделл Кеннон в свои шестьдесят пять был сказочно богатым человеком. И, несмотря на его возраст, он выглядел привлекательно со своими снежно-серебристыми волосами, был подтянутым и спортивным, на вид ему не дашь больше сорока пяти. У него был живой и немного насмешливый, лукавый взгляд, его кожа была гладкой и нежной. Я прочла про него, прежде чем прийти на встречу, узнав, что он сделал свое состояние, владея огромнейшим супермаркетом. Сейчас он владел сетью магазинов по всей Америке.

Он не был никогда женат, но в соцсетях, я видела, мелькали его фотографии, на которых он был с молодыми длинноногими красотками, держал их за руку и просто где-то отдыхал. У меня сложилось впечатление, что он

встречается с красавицами, которые младше его, и это наделяло его еще большей властью.

— Я очень хочу услышать о вашем планируемом проекте, — проговорила я ему с некоторым волнением. Я смотрела, как он удобнее устраивается в своем кресле, пытаясь удержать чашечку с чаем обеими руками.

— Я провел достаточно времени в поисках подходящего человека, прежде чем связался с Вами, — властно продолжил он. — Ваши познания в коренных племенах Амазонки как раз то, что мне нужно.

— Существует очень много антропологов с такими же познаниями в сфере туземцев, как у меня, — смущаясь, произнесла я.

— Да, Вы абсолютно правы, но всего пара из них специализируются на исследованиях в сфере культурного развития и адаптации в современном мире. Многие просто хотят знать, как это, существовать и выживать, а не как помочь привыкнуть к непривычным условиям за пределами племени и Амазонки.

Да… это он точно подметил. Потому что на территории Амазонки происходила непрекращающаяся вырубка леса,

что заставляло коренное население покидать родные места и перебираться в современный мир, многие исследователи наблюдали за этим процессом и описывали в своих работах. Многие индейцы шли работать лесорубами на лесопилку, зарабатывая, таким образом, деньги, но это не сулило им ничего хорошего в отношениях с соплеменниками, когда они возвращались домой в джунгли.

У меня был другой профиль работы, я не просто наблюдала и описывала, что и как происходило, я помогала людям привыкнуть и выжить, наблюдала за ними с того момента, как они покидали свое племя и отправлялись в самостоятельное плавание в современный мир. Моя основная тема кандидатской диссертации была: изучение пяти коренных индейцев с Амазонки, которые перебрались в большой город и всему учились с нуля. Я наблюдала за ними целый год, начиная с обучения новому языку и до того момента, когда они учились пользоваться столовыми приборами. Трое из моих подопечных вернулись в свои племена, не справившись с нагрузкой, не смогли наладить отношения с окружающим миром. Двое

же отлично адаптировались, а один даже окончил обучение в университете в Рио.

— Вы сказали, у Вас есть ко мне предложение, близкое к теме моей диссертации, — сказала я ему твердо, не желая больше откладывать разговор.

— Да, конечно. Это немного необычная история, кто-то не верит в то, что я рассказываю, но это чистая правда. Верите ли Вы в чудеса, доктор Рид?

— С научной точки зрения, к сожалению, нет! Но с духовной, конечно, да. Я верю в вероятность. Без возможной вероятности нет надежды на чудо.

Рэнделл легко улыбнулся мне.

— Ну что ж… чудо случилось со мной, Доктор Рид. И мне нужно рассказать Вам историю от начала и до конца, чтобы вы поняли, что предстоит вам делать, и какая возможность Вам выпала.

Мой живот скрутило от ощущения паники, я начала думать, что мужчина, сидевший передо мной, религиозный фанатик и собирается склонить меня к какой-нибудь вере и увезти в джунгли. У меня было всего две экспедиции по Амазонке с того момента, как я

защитила диссертацию два с половиной года назад, но это не значило, что теперь я эксперт по Амазонке.

— Это лишь мое чувство юмора, не пугайтесь, — проговорил он с пониманием, когда заметил на моем лице выражение сомнения и скептицизма.

— Хорошо, — сказала я осторожно. — Расскажите мне о Вашем чуде.

Наклонившись вперед, чтобы поставить свою чашку на столик, он удобно расположился в кресле с легкой улыбкой.

— Это история началась тридцать лет назад… Когда я был достаточно молодым пареньком, можно сказать проще, просто глупым мальчишкой. Я был самовлюбленным богатым засранцем, который чувствовал вседозволенность.

Я усмехнулась, потому что разве не все мы такие в молодости?

Однажды вечером, после прогулки на яхте с моими псевдо друзьями, я ехал домой, достаточно пьяный, когда вдруг что-то пошло не так, и я не справился с управлением, машину занесло на дикой скорости,

перевернувшись, она упала в широкую и глубокую канаву, наполненную дождевой водой. Я был без сознания, алкоголь сделал свое дело, машина быстро заполнялась водой. Я бы точно утонул, если бы не молодой человек, который увидел аварию и решил спасти меня, прежде чем могло случиться что-то ужасное.

Мне не показалось это каким-то чудом или о чем там он говорил, просто мир улыбнулся ему, даря шанс, чтобы выжить.

— Мужчину звали Джейкоб Истон. Он недавно окончил библейский колледж и ехал на ранние вечерние занятия с группой. Излишне говорить, что я обязан ему жизнью. Я предлагал ему денег, предложил купить им с невестой дом, но он вежливо отказался. Я предложил ему весь мир, все, что он пожелает, но он ничего не хотел. Джейкоб просто хотел искренней благодарности и спасибо, которые он и получил, этим он был вполне доволен. Он был уверен, что Господь направил его на ту дорогу в конкретное время, чтобы он смог спасти меня.

— Я сожалею, Рэнделл, но ученый во мне не может промолчать, это не было никаким чудом. Может

совпадение, может удача, но не уверена насчет чуда и божьего проведения.

— О, моя дорогая доктор Рид, это не чудо. Дайте мне продолжить историю.

Я кивнула ему, мысленно подсчитывая, сколько по времени займет эта встреча, потому что из всего рассказанного я не услышала ничего, чтобы касалось проекта, который должен меня заинтересовать.

— Наше общение продолжалось следующие несколько лет и успело перерасти в крепкую дружбу. Несмотря на то, что, Джейкоб и я были очень разными — он страстно следовал за зовом Господа, а я все так и оставался транжирой, который был счастлив тратить и зарабатывать деньги. Но все же… мы стали очень близкими друзьями, навещали друг друга, долго беседовали о Боге, о возможных событиях в нашей жизни, о человечности, — Рэнделл замолчал, и его глаза наполнились глубокой нежностью и привязанностью к человеку, о котором он мне рассказывал.

— Он был моим лучшим другом, — сказал Рэнделл очень грустно, и я не упустила того, что он говорит в

прошедшем времени. Прочистив горло, его голос стал немного мягче. — К общей радости, Джейкоб женился на его возлюбленной по колледжу, Кристин, и они стали миссионерами. Они работали с туземскими племенами в Бразилии, и даже однажды ездили в Африку.

Теперь мое внимание вновь ожило, потому что он сказал два важных слова, которые вернули мой интерес к теме разговора.

Туземские племена.

Они путешествовали по этим странам большее количество времени в году, но всегда возвращались в штаты, приезжали провести у меня пару недель, наша дружба только крепчала. Я был так рад, когда Кристин забеременела и ждала их первого ребенка, когда они попросили меня стать крестным отцом. Понимаете… Джейкоб был сиротой, большее количество своей жизни его перебрасывали, как мячик, из одной приемной семьи в другую. Родители и близкие родственники Кристин отказались от нее, потому что она посмела выйти за мужчину, который увез ее в джунгли.

Рэнделл немного помолчал, затем потянулся за чашкой и сделал маленький глоток.

— В то время как некоторые женщины-миссионеры были настолько одержимы своей работой, что продолжали вести свою деятельность, будучи беременными, Джейкоб не был от этого в восторге. Поэтому они прожили со мной до того момента, пока его жена не родила им сына, которого назвали Закариас, затем они купили маленький домик недалеко от того места, где я живу. Они оставались в США еще три года после рождения Зака, Джейкоб работал разнорабочим, Кристин была домохозяйкой. А я? А я продолжал испытывать судьбу на прочность, но все равно мы проводили очень много времени вместе. Я приглашал семью Истонов на мои шикарные празднества, а они в свою очередь приглашали меня в свой крошечный счастливый домик на субботние ужины. Где я мог наблюдать, как маленький Зак подрастает. Я любил его, как собственного сына, он, по сути, и был моим сыном, мы были вместе очень часто.

Рэнделл резко встал и направился в сторону огромного шкафа. Он потянулся и достал что-то внутри, маленькую

коробочку. Когда он подошел к дивану, он сел рядом со мной.

Открыв коробочку, я вытащила пачку с фотографиями и начала просматривать их.

— Вот, смотрите, это Джейкоб, Кристин и Зак, когда ему был годик.

Я взяла фото и начала его рассматривать. Джейкоб был блондином с легкой и веселой улыбкой. У Кристин были красивые длинные темные волосы и светлые глаза, цвет которых я не могла разобрать. Зак был милым малышом… хотя все маленькие дети такие. У меня толком не было опыта в обращении с детьми, но у него были такие же темные волосы, как и у его матери, и милые пухленькие щечки.

Рэнделл дал мне еще одну.

— Это, когда Заку уже было три годика.

Я взяла в руки фото, и сразу же узнала на нем Рэнделла, он держал малыша, и они мило корчили рожицы на камеру.

— Я заботился о Заке, когда они поехали в первую поездку по делам миссии. Они не хотели брать его в

джунгли, их поездка длилась всего три месяца. Они оставили малыша со мной без колебаний. Зак называл меня «дядя Рэнделл», и я был более чем счастлив, быть с ним, он был для меня всем, моей жизнью, я был счастлив помогать моим друзьям, потому что считал его своим сыном.

Мы с Рэнделлом посмотрели немного на фото и взяли другое. На этом фото я увидела, что Зак был намного старше. Рэнделл объяснил мне, что Джейкоб и Кристин только вернулись с очередной поездки из Бразилии, когда Заку исполнилось пять, они начали говорить, что он достаточно взрослый, чтобы, наконец, брать его с собой и они намерены взять его в следующую поездку. Истоны даже рассказывали мне о детях других миссионеров и говорили, что некоторые живут там целыми семьями, и кроме того там много детей, с кем он может играть.

— Я не был в восторге от этой идеи, также и от их рассказов о семьях и детях там. Я знал, что Зак их сын, их ребенок, но он был и мои сыном, ведь мы жили так близко, и когда они уезжали, он был со мной. Но я понял, что там мое мнение не будет учитываться, я мечтал о дне,

когда он приедет после поездки и будет со мной, я так ждал…

По тону Рэнделла я почувствовала, что эта история не закончилась счастливым концом.

— Но…?? Что дальше?! Почему вы молчите?! Они забрали его? Увезли? Отвечайте! — я нервничала, сама не понимая, почему.

— Да… когда ему исполнилось семь. И я больше никогда не слышал о них. Я потерял моего мальчика.

Я вздрогнула всем телом, я не ожидала такого. Я повернулась к Рэнделлу, и его лицо было грустным

— Что произошло дальше?

— Никто не знает. Я задействовал все доступные мне ресурсы, в безуспешной попытке найти их. Большинство племен кочуют с места на место в попытке найти лучшие условия для существования, уходя все глубже и глубже в джунгли. Я посылал на их поиски пару экспедиций, но это не принесло никакого результата. Затем я связался с каждой церковью в том районе и с каждой миссионерской организацией с просьбой о поиске этих людей, чтобы они держали руку на пульсе и если будет информация, то

сообщили мне. Ничего… Ни одного гребанного напоминания, что они вообще были там. Конечно, я боялся самого ужасного… что они могли быть жестоко убиты индейцами.

Сделав глубокий судорожный вдох, Рэнделл поднялся на ноги и посмотрел на меня.

— Моя жизнь продолжалась, и мое разбитое сердце потихоньку затягивалось, но оставляя глубокие и болезненные шрамы. Я все еще поддерживал контакты с группами миссионеров, отправляя им просьбы о помощи, но после пары лет бессмысленных поисков и вопросов, на которые я не получал ответы, я потерял всякую надежду. Я признал, что они мертвы.

— Но они не умерли? Не погибли? — я начала задавать вопросы, понимая, в чем заключалось то самое чудо, про которое мне твердил в начале разговора Рэнделл.

На губах Рэнделла растянулась улыбка.

— Печально… Джейкоб и Кристин мертвы. Их убила лихорадка Денге. Я связался с католическим священником по имени отец Гоуль пару месяцев назад… как раз перед тем, как связаться с Вами… который

помогает карайканскому племени, которое проживает в северо-восточной части Амазонки. Но в дождь он пострадал и сломал ногу. Тогда он был доставлен в госпиталь в Сан-Паулу, где он и узнал о моих поисках Истонов. Другой священник пришел навестить его, и просто в его рассказе случайно проскользнула эта информация, затем тот священник поинтересовался, а не знает ли отец Гоуль что-нибудь о пропавшей семье Истонов.

— И он знал! — я даже хлопнула в ладоши, настолько я была рада слышать это.

— К тому же… он работает с карайканским племенем и сказал, что там есть светлый мужчина, которому двадцать пять лет и его имя Закариас.

— Сын Кристин и Джейкоба жив… после всех этих лет, — проговорила я дрожащим голосом, наполненным трепетом.

— Да… Зак жив и живет в карайканском племени. Но я хочу вернуть его домой, я хочу вернуть моего мальчика. Он мой крестник, он мой сын, он самый близкий мне человек. Я хочу, чтобы у него была другая жизнь.

Покачав головой, я не могла представить, что может случиться впоследствии. Американский ребенок, который впервые появился на свет здесь, провел восемнадцать лет в полной нищете и чужом обществе, у которого своя культура, свои традиции, сейчас вернется в современный мир?

У меня закружилась голова.

— Мне нужна Ваша помощь, Доктор Рид! Я хочу, чтобы вы направились в экспедицию с отцом Гоулем в Бразилию и вернули мне моего Зака домой! Затем, я хочу, чтобы вы помогли ему адаптироваться. Вы единственная, у кого есть понятие и навыки, как это сделать. Заку нужен кто-то, кто будет понимать до мелочей культурные различия и как научить его им. Мне нужно, чтобы вы помогли сделать его цивилизованным, искоренили привычки дикаря.

— Зак, не рад находиться здесь, — говорит Рэнделл расстроенным голосом, вырывая меня из воспоминаний.

Я улыбаюсь ему доброй улыбкой.

— Нет, он не рад. Но давайте дадим ему шанс. Он отлично адаптируется, и я думаю, он постепенно даже

научится находить маленькие радости от пребывания здесь.

Я надеюсь, что ему понравилось проводить время со мной… когда он так жестко трахал меня, что я натерла свои коленки о ковер.

— Я хочу пригласить вас двоих остаться у меня на тот период времени, на который вы посчитаете нужным. Я знаю, что Вы взяли отвод от преподавательской деятельности на пару месяцев.

— Да, я взяла. Я останусь тут настолько долго, насколько этого захочет Зак, или так долго, как это потребуется.

— Насколько ему тяжело? — спрашивает Рэнделл.

— Вообще, если честно, он потрясающе адаптируется. Он помнит многие вещи из детства, конечно, еду, слова и привычки. Он как-то потерялся, когда решил пройтись и внезапно эта ситуация помогла ему вспомнить, что офицер полиции — это тот, кому можно доверять, офицер доставил его домой. Он очень умный, отличный ученик, любопытный и схватывает все налету, любая новая

информация быстро принимается им, он всегда задает вопросы и интересуется.

— Это отлично! — восклицает Рэнделл с гордостью. — Я не ожидал ничего другого от него. Он очень хороший парень.

— Вам нужно дать ему немного времени. Немного пространства. Он зол на Вас, что Вы лишили его дома, его карайканской семьи. У него все еще в планах вернуться.

Улыбка Рэнделла на минуту погасла.

— Я все понимаю. Я не буду давить на него.

— Это было бы отлично. Он очень упрямый мужчина, — проговорила я с легкой улыбкой, вспоминая наши маленькие споры, и то, как он соблазнял меня.

— Сегодня все будет очень по простому. Придут племянник и племянница. Они близки по возрасту Вам с Заком, поэтому вам будет, о чем поговорить. Я подумал, что это было бы прекрасно, если бы я смог окружить его друзьями.

— Звучит прекрасно, — поддерживаю я его. — Так, ну что ж, я, наверное, пойду приму душ, если Вы не возражаете, и увидимся с Вами в семь за ужином.

— Спасибо большое, доктор Рид, — произносит он эмоционально. — За то, что привезли моего мальчика домой.

— Пожалуйста! — отвечаю я, но честно, он так заблуждается, думая, что Зак дома.

Глава 13

Зак

Я слышу мягкий стук в межкомнатную дверь, которую я заметил ранее, но не знал, куда именно она вела. Я растеряно открываю ее и вижу Мойру. Мы должны спуститься к ужину через пятнадцать минут. Я не удивлен, увидеть ее, но немного растерян, что она стоит в этой комнате, я не понимаю, откуда она пришла.

— Кажется, наши комнаты соединены, — говорит Мойра, как бы между прочим, возвращаясь обратно в свою комнату. Я разворачиваюсь и иду к кровати, но по правде, я наблюдаю за ней, смотря через плечо.

— Интересно, — говорю я достаточно громко, хотя мои мысли уже крутятся вокруг того, как проскользнуть в ее спальню сегодня ночью.

Черт, я совсем схожу с ума от желания обладать этой рыжеволосой девушкой, хотя я даже не уверен, будет ли она рада принять мой член. Я был так зол и растерян ее отказом, что не хотел иметь с ней ничего общего, но мой член был определенно не согласен с моими доводами.

Мои препирательства с самим собой продолжались еще пять минут.

Затем я вернулся к полностью сумасшедшему, всепоглощающему желанию. Все те последние три дня я провел, ругаясь, осуждая себя за глупость, и даже, когда внутренне я кричал на себя, мысленно я стремился к ней. Мы слишком разные. Я не могу позволить себе потерять контроль. Она хочет получить то, что я не могу дать.

И у меня до сих пор нет никакого долбаного варианта, как прекратить эту пытку.

Мойра проходит мимо меня в комнату. Я вижу, что она надела белую юбку до колена, которая обтягивает ее красивые бедра и при движении скользит и

приподнимается вверх, обнажая ее стройные ноги. Сверху она дополнила ее светло-голубой, обтягивающей кофточкой, благодаря которой, я мог видеть россыпь веснушек, украшавших ее плечи. Она привычно распустила прямые длинные волосы, которые при свете искрились блеском, и я умирал от желания запустить в них пальцы и нежно прогладить огненные локоны.

Хотя, я предпочитаю опустить Мойру на колени, с влажной и открытой киской, постепенно подчиняя ее тело каждым следующим толчком, трахая ее сзади.

Но нет, это еще не все. Не все, что я желаю. В ту минуту, когда Мойра сказала, что хочет взять мой член в рот и отсосать мне, я стал одержим этой идей, этой фантазией, желанием почувствовать ее рот, сладкие губы, неспешно ласкающие мою плоть. Тогда, я сразу отбросил эту идею, потому что не думаю, что смог бы сдержать себя и не потерять ни капли чертового контроля, который, как мне кажется, я утратил с первой минуты нашего знакомства. Но долбанные фантазии не покидали меня ни на минуту, я представлял, как я погружаю пальцы в ее шелковистые волосы, которые рассыпаются каскадом по

спине, держа ее лицо и проводя пальцем по нижней губе, и когда она приоткрывает свой ротик, она проводит дерзким язычком по головке, принимая меня глубже, лаская и обводя языком мой член, я начинаю двигать бедрами… да, вот так, хорошо… Признаюсь, у меня встал, и мне срочно нужно подумать о чем-нибудь другом.

— Сколько тебе лет, Мойра? — спрашиваю я, потому что мне всегда было интересно, она выглядят очень, очень молодо.

Она подходит к моей кровати и садится на край. Смеясь, она отвечает мне:

— Культурный урок номер один: когда дело касается женщин, никогда не спрашивай их возраст.

Я не смог сдержаться, и улыбка появляется на моих губах, я быстро отвечаю:

— Да что ты. И почему это?

— Потому что современные женщины очень чувствительны к вопросам возраста. Твой прямой вопрос подразумевает под собой такое значение: ты выглядишь

старой и морщинистой. Может тебе стоит воспользоваться ботоксом?

— Что такое «ботокс»? — непонимающе интересуюсь я.

Мойра хихикает и качает головой, улыбаясь глазами.

— Это то, что используют женщины, чтобы сделать себя моложе и привлекательнее. Но я отвечу на твой вопрос, мне двадцать восемь.

— Ты старше меня на три года, но это совсем не заметно, — рассуждаю я вслух.

— Ты упускаешь возможность, — поддразнивает она меня, поднимаясь с кровати. — Ты должен был сказать: Мойра, ты выглядишь на двадцать один, и тебе не нужен никакой ботокс.

И на этот раз я не могу сдержаться и опять улыбаюсь на ее шутку.

–Тебе не нужно этого говорить, ты и так это знаешь.

Подходя и останавливаясь передо мной, Мойра легко хлопает меня по плечу.

— Видишь ли, Зак. Женщины временами очень ранимые создания. Мы все нуждаемся, слышать что-то приятное.

— Только не ты, ты сильная, — парирую я. — Ты самая независимая женщина из всех, что я знаю.

— В сравнении с карайканскими женщинами, — подчеркивает она. — Конечно, я самая независимая, кого ты знаешь.

— Я встречал много других женщин за последние две недели. Поверь мне, никто не сравнится с тобой в этом отношении.

— Но сейчас это не интересует тебя, — говорит она тихо, внезапно опуская вниз взгляд.

Я моргаю и смотрю на нее ошеломленно, не из-за ее слов, а из-за того, насколько покорно она опускает глаза. Передо мной стоит не та уверенная в себе Мойра, которую я знаю.

— Это не раздражает меня.

— Нет? — говорит она нерешительно, с вызовом в голосе, когда она пристально прожигает меня взглядом. — Ты не разговаривал со мной несколько дней. Ты не

захочешь меня до того момента, пока не поставишь на колени в позу покорности, которая тебе приятна и угождает твои желаниям. Я не Тукаба, ты знаешь это, если ты ищешь это во мне, я никогда не буду такой.

Протягивая руку, я беру ее ярко-огненный локон, и когда он проскальзывает между моими пальцами, я чувствую приятную мягкость. Я так тщательно изучаю и рассматриваю его, особенно мне нравится, как блики света танцуют в ее волосах. Когда, наконец, я поднимаю глаза и смотрю на нее, и говорю то, что давно не дает мне покоя.

— Не смей никогда думать, что я тебя не хочу, Мойра. Просто я не уверен, что могу любить тебя и не потерять себя.

— Зак… но я не хочу, я никогда не хотела, чтобы ты терял себя. Я никогда не хотела, чтобы ты был другим, я всегда желала только тебя, такого, как ты есть — настоящего. Пожалуйста, не думай так.

Я отпускаю ее шелковистую прядь и отступаю назад.

— Я знаю. Но я так же понимаю, что ты та женщина, которая не станет подчиняться мне полностью, не сможет

отдаться моей власти. Если ты не подчиняешься, значит, все моё внутреннее понимание того, как надо жить и любить — неправильное! Я не знаю, как жить по-другому.

— Это не правда, — поспешно говорит Мойра, и ее рука тянется к моей, переплетая наши пальцы. — Ты должен делать, как считаешь нужным, Зак. Но ты можешь учиться новому, если захочешь. Так ты должен относиться ко всему в жизни, даже если ты знаешь и умеешь что-то, то не будет ошибкой попробовать что-то новое и попытаться научиться этому.

Я замолкаю на некоторое время и смотрю на наши переплетенные пальцы, насколько мне нравится ощущение ее руки в моей, эта теплота. Ее прикосновения такие заботливые, отдаются теплотой в душе, это создает состояние мира и покоя.

— Я не хочу тебе причинять боль, — говорю я честно. — С тобой я чувствую себя на грани, я могу потерять контроль в любую секунду. Я хочу обладать тобой всецело: твоим телом, душой, сердцем, но я боюсь того, что я могу сделать тебе больно. Я животное. Дикарь.

— Но ведь не сделал пока.

— Потому что я контролирую себя все время, пока нахожусь с тобой, Мойра. Если я отпущу свой контроль, кто защитит тебя от меня? Ты меня еще не знаешь…

Поднимая наши соединенные руки, Мойра нежно целует костяшки на моей руке, и это так ласково.

— Ты не причинишь мне боль. Я доверяю тебе. Но давай поговорим об этом после ужина… ночью. Сейчас нас ждут внизу.

Я киваю ей, и она отпускает мою руку. Направляясь к двери, которая ведет в холл. Внезапно Мойра оборачивается и смотрит на меня.

— Зак… Я не думаю, что Рэнделлу стоит знать о нас. Я имею в виду, насколько близки мы стали… в интимном плане.

— Я хотел бы, чтобы он вообще обо мне ничего не знал, так что не волнуйся о том, что я что-то выдам.

— Просто… то, что я сделала… что переспала с тобой. Это неподобающий поступок для девушки, которую наняли на работу, по мнению Рэнделла. Он не поймет этого.

Я улыбнулся ей.

— Наш секрет будет сохранен. Так что не волнуйся об этом.

Она вздыхает с облегчением, и улыбка сияет на ее лице.

— Спасибо тебе.

***

Когда мы спускаемся на самую нижнюю ступеньку, мы видим, что Сэм ждет нас там.

— Все в библиотеке, если вы хотите, вы можете присоединиться к ним и выпить по бокалу вина перед ужином.

Я киваю мужчине и пропускаю жестом Мойру идти вперед. Я следую за ней по направлению библиотеки, ругая себя за участие в бесполезном вечере. Я не хочу знать Рэнделла Кэннона. Я просто хочу домой… в Бразилию, к моим людям.

Кроме того, это было впервые, когда я подумал о доме, но признал, что от мысли, что я покину Мойру, у меня образовалась тяжесть в груди. Пока я не представлял, куда заведут нас наши отношения, и есть ли они у нас, я не был готов покинуть ее.

Мойра открывает двойные французские двери, и когда я захожу вслед за ней, я вижу, что там стоит Рэнделл с парнем и девушкой, которые были одного возраста со мной. Оба высокие и с золотистыми светлыми волосами. У парня, как и у меня, короткие волосы, а у девушки длинные, но уложенные в аккуратный пучок на затылке. Она очень симпатичная, с большими голубыми глазами и нежными чертами лица.

— А, вот и вы! — Рэнделл шумно приветствует нас и показывает нам подойти ближе, говоря: — Проходите. Проходите. Я хочу представить вам мою племянницу и племянника. Кара и Клинт Кэнноны.

Я следую за Мойрой, останавливаясь позади нее. Она улыбается парню и девушке и протягивает руку, приветствуя их.

— Привет. Я Мойра, — мягко говорит она. — Очень приятно познакомиться.

Затем она отступает в сторону, чтобы я мог поприветствовать их. Клин делает шаг вперед и легко пожимает мою руку. С белозубой, ослепительной улыбкой, он говорит:

— Очень рад знакомству, Зак. Дядя Рэнделл много рассказывал нам о тебе. Я думаю, мы сможем повеселиться этим летом.

Я не знаю, что на это ему ответить, потому что Мойра сказала, что мы уедем через пару дней, поэтому я улыбаюсь ему радушной улыбкой и поворачиваюсь к девушке.

Я протягиваю ей руку, но она игнорирует ее, подходит вплотную и обнимает меня, оборачивая руки вокруг моей шеи, прижимаясь всем телом ко мне. Крепко обняв меня, она потирается и прижимается ко мне своими бедрами, это немного шокирует меня.

— Очень приятно с тобой познакомится, Зак. — Она отпускает меня из объятий и внимательно рассматривает, пробегаясь взглядом по моему телу, и произносит: — Мой… мой… дядя Рэнделл не сказал, что ты такой привлекательный. Это приятная неожиданность.

— Честно, Кара… уймись, — бормочет Клинт.

Не зная, что ответить на это, я говорю первое, что мне приходит на ум:

— Что значат эти термины… племянник, племянница и дядя?

Рэнделл смеется и хлопает меня по плечу.

— Мой младший брат, Стенли Кэннон, это отец Кары и Клинта. Поэтому я их называю племянником и племянницей.

— Это обозначения, — поясняет Мойра, — которые характеризуют кровное родство.

Я киваю, понимая объяснения.

— Мне тоже очень приятно познакомится. — Я перевожу взгляд на Клинта, который выглядит радостно, как щенок, который без ума от счастья, что я тут, когда я бросаю взгляд на Кару, она раздевает меня взглядом.

Я быстро смотрю на Мойру и замечаю, что от нее не укрылось, как Кара пялилась на меня. Мойра пристально сверлит Кару взглядом, как будто хочет повырывать этой глупышке все волосы, я внутренне рассмеялся. Теперь, возможно, Мойра поймет, что я чувствовал, когда Майкл посмел прикоснуться к ней и обнять ее. Я бы хотел посмотреть на то, как две девушки дерутся из-за меня… я

был только за, если бы они согласились сделать это голыми. Я не знаю, почему мне пришла эта идея в голову.

— Чтобы ты хотел выпить? — спрашивает Рэнделл. — У меня огромный выбор вин и пива. Может, хочешь попробовать бурбон?

— Я налью, — поспешно говорит Клинт, подходя к деревянному бару, заполненному различными дорогостоящими бутылками с вином и разными по размеру стаканами. — Кара… ты будешь бокал бурбона? И водку с тоником для дяди Рэнделла. Что будете Вы, Мойра?

— Я буду бокальчик белого вина, мне без разницы марка и выдержка.

Клинт улыбается и кивает, начиная разливать алкоголь по бокалам.

— Что насчет тебя, Зак?

— Я тоже попробую бурбон, — отвечаю я, но понятия не имею, что это означает…

Я бросаю быстрый взгляд на Мойру, и она ободряюще улыбается, затем подходит ближе и шепчет на ухо, ее шепот отдается дрожью по телу и член моментально

становится твердым, я думаю, что серьезно попал с этой девушкой:

— Я тебе советую выпить не больше одной порции. Ты можешь быстро опьянеть.

Затем я прижимаюсь к ней и шепчу в ответ:

— Мне нужно немного храбрости, чтобы пережить этот вечер.

Она тихо хихикает, и мне нравится, что мы возвращаемся к тем отношениям, когда мы могли шутить и смеяться. А может и что-то больше?

После того, как Клинт разлил напитки, он передает каждому по бокалу. Я делаю маленький глоток бурбона, и на вкус это почти приятно. Отдается хвойными, терпкими нотками… и совсем немного сладкими.

— Мне хочется сказать тост, — говорит Рэнделл, — за возвращение Зака домой. Я так счастлив, что он вернулся туда, откуда он родом.

Клинт и Кара зовут нас:

— Идемте сюда, идемте сюда, — но Мойра не говорит ни слова. Она прекрасно знает, что я не счастлив здесь.

Каждый делает по глотку, кроме меня. Я прямо смотрю на Рэнделла.

— Прости меня, Рэнделл. Но это не мой дом и никогда им не будет.

Теплая улыбка гаснет на его лице, он шагает ко мне. Его глаза печальны.

— Прости меня, Зак. Это было бестактно с моей стороны. Я знаю, ты, наверное, сейчас очень зол на меня, но я надеюсь, что ты простишь меня и примешь мою дружбу и нежную привязанность, у меня нет детей, Зак. Ты мой сын. Я всегда считал тебя своим сыном, все 18 лет я не переставал искать тебя. Я только хочу знать, что все хорошо у тебя. И что ты принял мое приглашение сюда, тебя ни к чему не обязывает, если ты не хочешь оставаться, я не буду настаивать, ты можешь вернуться, когда пожелаешь. Но до этого, я надеюсь, что ты разделишь мои воспоминания о твоих родителях и тебе, и получишь отличный опыт, перед тем как вернуться к себе домой.

Если честно, этот мужчина даже ничего. В принципе, даже хороший, я ощущаю теплоту по отношению к этому

старику. Я киваю и делаю попытку выдавить из себя улыбку, но прежде чем что-то успеваю сказать ему, Кара подходит ко мне и берет меня под руку.

— Ох, бедняжка! Зак так тут проведет время со мной, что не захочет возвращаться никуда. Я в этом просто уверена.

Затем она прижимается ко мне всем телом. Она с мягкими красивыми формами, и от нее приятно пахнет, но я бы предпочел, чтобы так стояла рядом со мной Мойра, прижимаясь ко мне своей грудью и бедрами. Кара, конечно, красивая и у нее стройное тело, но она меня не волнует так, как Мойра.

Никто не волнует меня так, как Мойра.

— Ну что ж пойдемте ужинать? — подытоживает Рэнделл и предлагает провести Мойру до столовой. — Зак, ты можешь провести Кару, а я сам проведу нашу красавицу, доктора Рид.

Я чувствую, как волоски на шее становятся дыбом, когда смотрю, как Мойра берет его под руку, но он не имеет ничего дурного на уме насчет моей женщины, кроме милого и теплого отношения, поэтому я мысленно

даю себе команду «стоп, не делай глупости». Но все-таки я замечаю, как Клинт идет позади Мойры и пялится на ее попку.

Это выводит меня из себя, и я хочу убить ублюдка, но я знаю, что Мойра не обрадуется моим действиям.

Кара ведет меня в большую столовую с огромным столом, расположенным в середине и примерно, бегло подсчитываю количество мест, рассчитанным на двадцать пять человек. Подведя меня к стулу, который почти в самом конце, она отпускает мою руку. Она стоит и смотрит на меня, я же, как последний болван, не понимаю, чего она от меня хочет.

Пожимая плечами, я выдвигаю стул и сажусь, затем я смотрю, как Рэнделл подводит Мойру к ее месту напротив меня и выдвигает ей стул, предлагая присесть. Хорошо… этой традиции я не знал. Я снова посмотрел на Кару, но она уже сама отодвинула свой стул и села рядом со мной.

— В приличных кругах, Зак, — говорит она чопорно, — джентльмен всегда выдвигает стул для леди.

Мойра прикрывает рот своей маленькой ладошкой, скрывая улыбку, и я не могу промолчать и говорю:

— Я очень долго жил в мире дикарей, мисс Кэннон. Я не принадлежу к приличным кругам.

Рэнделл звучно смеется и садится в самом конце, справа от меня, в то время как Клинт занимает свое место рядом с Мойрой.

Не теряя ни секунды, обслуга начинает сервировать стол, располагая перед каждым из нас тарелки и серебряные столовые приборы, ставя на тарелку в виде купола салфетки. Когда перед каждым были разложены приборы, они все берут свои салфетки и легким движением расправляют их. Я пялюсь, как идиот, на свою тарелку, не зная, что делать дальше с чертовой салфеткой.

— Сегодня у нас на ужин запеченная утка со спаржей и пальчиковый сладкий картофель (7), — Рэнделл говорит негромко, специально для меня, но, наверное, он заметил, что я не совсем понимаю, о чем идет речь и поэтому поспешно добавляет: — Но если тебе не понравится, я уверен, мы сможем найти что-то, что будет тебе по вкусу.

— Я уверен, все просто отлично, — заверяю я его, потому что за свою жизнь в джунглях мне приходилось

есть все, что угодно. — Это выглядит намного лучше паукообразной обезьяны.

Мойра смеется, а Кара откашливается и спрашивает с отвращением:

— Ты ел обезьяну?

— А также обезьяну-ревуна, — с усмешкой говорю я. — И еще змею, аллигатора и личинок червей.

Она вздыхает и морщит свой нос.

— Это звучит омерзительно.

— Это довольно вкусно, — поддерживает меня Мойра, тепло улыбаясь. — Во всяком случае, аллигатора и обезьяну я пробовала, и мне очень понравилось. Ну, я бы не отказалась попробовать и змею… кстати, одну Зак убил, как раз, когда она пыталась укусить меня за щиколотку.

Я легко смеюсь, вспоминая ту картину, и киваю.

— Если бы я этого не сделал, ты бы была отличной закуской для нее, — говорю я, подразнивая ее и возвращая улыбку, которая предназначалась только нам.

— Тогда, давайте поблагодарим Бога за созданный здесь комфорт и уют, — бормочет Кара.

— Зак… к чему было наиболее сложно приспособиться здесь? — интересуется Клинт, когда я только начинаю разрезать свой кусок утки. Я кладу сочный кусочек в рот, и это восхитительно вкусно.

После того как я прожевываю и глотаю, я отвечаю ему:

— Я скучаю по простой жизни в карайканской деревне.

— Как это? — удивляется Рэнделл.

— Здесь каждое действие подразумевает под собой правила. Вы живете на свободной земле, но в тоже время обременены таким огромным количеством правил и ограничений, которым иногда трудно следовать. К примеру, я хочу перейти улицу, но мне сначала нужно дождаться зеленый свет, чтобы перейти. В Амазонке я иду, куда я хочу, когда я хочу, и мне никто не говорит, как следует и как неправильно.

— О, но правило, про которое ты говоришь, про зеленый свет, создано для нашей же безопасности, — подмечает Кара.

— Полностью согласен. Я понимаю, это очень хорошо, но это результат того, что так много людей и так много техники. Ваша жизнь тут основывается на каких-либо

знаниях, ученых степенях, поэтому у вас сплошные правила.

— Ты привыкнешь к этому, — снисходительно бросает мне Кара.

Я кладу в рот еще кусочек, и тут я слышу, что говорит Мойра:

— Я думаю, что Зак пытался сказать, что в Амазонке он вырос в абсолютной свободе. Он не сдерживался ни правилами, ни ограничениями, он жил так, как ему хотелось, он был независим в своих решениях и желаниях. Иногда, чем проще, тем лучше.

Я внимательно смотрю на Мойру и удивляюсь, насколько она понимает меня. Сначала, я думал, что она пытается изменить меня, требует от меня то, что я не могу ни сделать, ни дать ей, но вместо этого, она уважает культурные отличия, которые мне близки.

Она принимает их.

Я вернул ей благодарную улыбку и продолжил свой ужин.

Остаток ужина я просто наслаждаюсь разговорами Кары и Клинта. Рэнделл сел позади, чтобы не беспокоить

и не надоедать мне, а я слушал пустую болтовню Кары о последнем походе по магазинам, и рассуждения Клинта о его новой спортивной машине. У меня создалось впечатление, что эти двое не делают ничего, кроме как тратят деньги, которые они не заработали.

— О, у меня есть прекрасная идея, — восклицает Кара, широко улыбаясь. — Мы с Клинтом можем взять Зака на прогулку на лодке. Это будет весело.

— Мойра тоже может к нам присоединиться? — потому что у меня возникло чувство, что Мойра была намеренно не приглашена.

— Конечно, это было бы прекрасно, — говорит Клинт, бросая в сторону Мойры похотливую улыбку, это меня взбесило. Я обратил внимание, что Каре не пришлась по душе идея взять Мойру, и она немного расстроена.

— Только не завтра, — слышу я голос Рэнделла. — Я хочу, чтобы Зак провел время со мной. Он планирует пробыть тут всего пару дней, и я хочу поговорить с ним о его родителях, хочу отвести посмотреть его дом, где он рос мальчишкой. Но если он планирует задержаться на

большее количество времени, я думаю, ваш план отлично подходит для завтрашнего дня.

Я поворачиваюсь в удивлении к Рэнделлу.

— Мои родители жили где-то неподалеку отсюда?

Рэнделл кивает и тепло улыбается.

— Вообще, я купил этот дом, когда они пропали. Я оформил права собственности и выкупил его, и держал его всегда готовым, в надежде, что они вернутся. Когда я выяснил, что ты жив. Я оформил дарственную на твое имя. Он принадлежит тебе, Зак.

Я тяжело проглатываю комок, который образовался в горле, эмоции переполняют меня. В моих воспоминаниях я видел обрывки и кусочки, связанные с маленьким домом, но я и не надеялся, что увижу его когда-нибудь. Я положил свои приборы, вытер рот салфеткой. Очень цивилизованно.

Когда я убираю ее на колени, я продолжаю:

— Спасибо, Рэнделл. Это очень много значит для меня, я очень хочу посмотреть его завтра.

— Конечно, — заверяет он меня. — Мы с тобой пойдем после завтрака.

Впервые с того момента, как мы прилетели в Джорджию, я думаю о том, чтобы задержаться тут на еще пару дней, что изначально не входило в наш план. Так я смогу воспользоваться возможностью и посмотреть все, что касается моего прошлого.

В этом случае, я не знаю, что делать дальше, потому что с каждым днем появляется все больше ниточек, которые крепко связывают меня с современным миром. Смогу ли я поставить точку в наших отношениях, когда придет время уезжать. Но я уверен в одном, как только я приеду в карайканскую деревню, мне станет легче, и я все забуду.

Глава 14

Мойра

Я придирчиво рассматриваю себя в макияжное зеркало, когда сижу и расчесываю волосы. Мне было грустно, потому что в данную минуту я сидела тут одна, частично ожидая, что Зак придет ко мне в комнату, когда закончит

с ужином. Я не уверена почему, но подозреваю, причина в том, что сегодня мы возобновили наше общение.

Ужин прошел лучше, чем я ожидала, несмотря на непрекращающуюся болтовню и заигрывания Кары с Заком. Она точно запала на него и это мне немного не нравилось… Она, несомненно, была стройна, красива, но не отличалась умом, эдакая богатая глупышка. Я была убеждена, что она легко подчинится желаниям Зака, что делало ее еще более привлекательной в его глазах. Я уверена, что он почувствовал это в ней, желание подчиняться и принимать все, что он может дать. Закариас — мужчина с огромным сексуальным аппетитом. Он дал мне четко понять, чего и как он хочет.

После ужина мы все прошли в библиотеку и решили выпить еще по бокалу, за исключением Зака, он решил воздержаться. Сделав первый глоток бурбона, он сморщил нос, и так и не допил до конца, оставив половину нетронутой. Я выпила еще один бокал вина, потому что нервы шалили, когда я смотрела на то, как Зак пытается наладить общение с Рэнделлом, как Кара пытается соблазнить Зака, и в довершение ко всему

Клинт, посылающий мне лукавые неоднозначные взгляды. Я была благодарна богам, когда мы признали, что уже ночь и пора расходиться. Зак поднялся со мной в наши комнаты, а Клинт и Кара поехали обратно в Атланту, где они жили и делили общую квартиру.

Когда мы с Заком подошли к его двери, оказалось, что двух бокалов вина, которые я выпила ранее, было недостаточно, чтобы сказать ему все, что планировала, кроме как промямлить невразумительное: «Спокойной ночи». И быстро скрыться в моей комнате, мягко прикрывая за собой дверь.

Я могу видеть соединяющую наши комнаты дверь в отражении зеркала. Я посматривала на нее раз или два, гадая, что могло бы случиться, если бы я просто поднялась и подошла к ней… затем открыла и вошла в комнату Зака.

Был бы он обнаженным? Поглаживал бы он свой член? Что, скорее всего, естественно, если бы он был раздетым, да? Что бы он сделал, если бы я поднялась к нему на кровать и взяла его член в рот, который я просто умирала от желания пососать.

От этой мысли пробежала дрожь возбуждения по телу, и я с большей силой начала водить расческой по волосам, находя удовольствие оттого, что массирую кожу головы жесткой щетиной расчески, что в каком-то смысле отвлекало меня от назойливых мыслей.

Наконец, я положила расческу на ночной столик и посмотрела в последний раз на себя в зеркало. Я смыла макияж и надела мятно-зеленый атласный пеньюар, который мягко обнимал мое тело. Он был длиною до колен и с глубоким вырезом на груди. Я думаю, что сегодня нет смысла одевать белье, потому что я не слышала, чтобы хоть какие-то звуки доносились из комнаты Зака, и не важно, насколько я хочу открыть соединяющую наши комнаты дверь и войти к нему, могу поклясться, этого не произойдет.

Отойдя от зеркала, я подхожу к кровати и откидываю одеяло. Только я поднимаю колено, чтобы забраться на кровать, я слышу, как поворачивается ручка на межкомнатной двери, и мой взгляд возвращается к двери. Она медленно открывается, и там стоит Зак, очертания его

восхитительного тела вырисовываются на фоне приглушенного света, мягко льющегося из его комнаты.

Он выглядит изумительно и величественно полностью обнаженным, его член уже стоит по стойке смирно и смотрит гордо вверх. Он смотрит на меня не больше секунды, перед тем как решительно входит в мою комнату. Я опускаю ногу с кровати и стою, смотря ему прямо в глаза, мое сердце колотится в груди, как сумасшедшее. Его мягкий взгляд скользит вниз по моему телу, лаская его каждую черточку, легкая улыбка приподняла его уголки губ, одобряя мою сорочку.

Преодолевая расстояние парой больших шагов, он подходит ко мне, вторгаясь в мое пространство, наши глаза находят друг друга. Его руки прикасаются к нежному атласному кусочку белья на моих бедрах, затем он легким движением начинает приподнимать его. Наш чувственный взгляд прерывается лишь раз, когда он одним рывком стягивает пеньюар и отбрасывает его в сторону рукой, словно ненужную преграду, и он снова ищет мой взгляд.

Он наклоняется вперед, обнимает меня крепко за талию, притягивая к себе, и приникает ртом к моей правой груди. Его губы захватывают напряженную бусинку соска и начинают посасывать, лаская языком. Я притягиваю его за волосы, крепко удерживая на уровне груди, когда из меня вырывается гортанный стон.

Зак усиливает свою хватку на талии и отпускает из жаркого плена напряженную вершинку соска и поднимает меня на руки, словно пушинку. Поворачиваясь, он аккуратно бросает меня на середину кровати и, немедля ни секунды, забирается следом, накрывая меня своим разгоряченным телом. Я ложусь на спину, развожу ноги в стороны, давая ему пространство и одновременно открывая ему мою киску. Он расположился у моих складочек, его член ощущается невероятно твердым и горячим. Он нависает надо мной, удерживая свой вес на локтях, и пристально смотрит мне в глаза.

— Мне кажется, что в прошлый раз я не уделил должного внимания тем частям твоего идеального тела, которые изголодались по ласке, — произнес он просто.

От его слов во рту все пересохло, как в иссушенной солнцем пустыне, тело напряглось от жгучего желания. Преодолевая эту пытку, я отвечаю:

— И какие части моего тела нуждаются в тебе?

Он скользит взглядом по моей груди, бросая мне легкую подсказку.

— Во-первых, это твоя грудь. Я хочу уделить ей время, исследуя каждую ее частичку.

Во мне все сжимается от предчувствия ласки.

— Я тоже этого очень хочу, — шепчу я.

Лаская взглядом грудь, он останавливается на губах.

— И твои губы. Я не насладился ими в достаточной степени. Я собираюсь посвятить твоему сладкому ротику много времени, если ты, конечно, не против.

— Я нахожу это приемлемым, — говорю я с улыбкой, которую он моментально возвращает мне.

— Я все еще постараюсь контролировать тебя, подчинять тебя, — предупреждает он меня. — Но не потому, что я хочу этого, а потому, что ты сама этого хочешь.

— Да. Да, я все еще очень хочу этого, — быстро заверяю я его.

— Но я собираюсь дать и тебе немного власти, — говорит он, его взгляд при этом очень решительный, но в тоже время с оттенком робости. — Я очень, очень хочу ощутить на члене твои губы.

— О, боже, — бормочу я, отталкивая руками его твердые мышцы груди, принуждая его лечь на спину и починиться моей негласной просьбе, так я могу взять его в свой рот.

Но он остается на том же месте и качает головой, смотря на меня.

— Не сейчас. Я первый хочу немного насладиться тобой.

Из моей груди вырывается вздох разочарования, и он ухмыляется, наблюдая мою реакцию, перед тем как накрывает мои губы своими. Первое прикосновение несмелое, легкий едва чувствующийся шелест у губ. Он наслаждается поцелуем, то ослабляя, то усиливая его, лаская языком, он то придвигается ближе, то немного отстраняется, приникая к губам с новой силой,

обрушиваясь, сминает губы, я таю от его прикосновений, прижатая крепким телом к матрасу, от того, как он показывает нежную часть себя.

В конце концов, он атакует мои губы более настойчивым поцелуем, и я приоткрываю рот, поддаваясь его напору. Язык Зака проскальзывает и нежно, но кратко, сплетается с моим. Мои пальцы притягивают его за волосы, держа его у моих губ, пытаясь принудить его продолжить этот сладостный глубокий поцелуй. Я могу чувствовать его улыбку, и он подчиняется моей мольбе, с большей силой захватывая мои губы, и его язык завладевает моим.

Он действует, смело скользя своим поцелуем по моим губам, слегка наклоняя голову, благодаря этому мы углубляем наше нежное слияние. Поцелуй выходит диким и эротичным, и пламя страсти рассыпает по моему телу искорки желания. Я ощущаю твердую эрекция Зака между ног, которая скользит вверх-вниз по мои складочкам, отвечая на прикосновения, я приподнимаю бедра и потираюсь клитором о его член, что заставляет его простонать и целовать меня жестче. Он тянется рукой и

легко накрывает мою грудь, сжимая ее и затем дразня пальцем сосок.

Отрываясь от моих губ на короткий миг, он смотрит на меня.

— Мне так нравится целовать тебя. Это возбуждает меня, заставляет желать тебя больше, и я становлюсь твердым.

— Эта часть сексуальных игр называется «прелюдия», — объясняю я ему, размышляя, что я также могу дать ему и культурное объяснение, пока мы занимаемся этим.

— Так, если я возьму в рот и буду ласкать твои соски, то это тоже получается часть прелюдии?

— Оо, да, — выдыхаю я, пытаясь удержаться от того, чтобы не запустить пальцы в его волосы и не притянуть к моим напряженным вершинкам сосков.

— Интересно, — говорит он с хитрой усмешкой. — Я думаю, мне нужно попробовать прикоснуться к ним, как ты считаешь? — подмигивает он.

Я улыбаюсь, когда он опускается немного ниже, приникая ртом к моей груди. Его язык ласкает,

посасывает, дразнит, кружит вокруг соска, из-за чего низ живота запульсировал от желания, причиняя боль.

— А можно в ласках прикусывать соски? — спрашивает невинным голосом Зак, при этом слегка дует на них.

— О, Боже, да, — постанываю я.

Он любуется моими сосками, скорее всего, мысленно решая, каким образом еще можно их попробовать. Он удивляет меня, вместо ожидаемого легкого укуса он прижимается своей щекой, покрытой жесткой щетиной, к моему трепещущему от желания соску и потирается об него. Я вздрагиваю всем телом, он же смотрит на меня с самодовольной улыбкой.

— Нравится ли тебе это? Ответь, — пытаясь уточнить, спрашивает он.

— Мне нравится все, абсолютно все, что ты делаешь с моим телом, — заверяю я его, почти задыхаясь от сильных ощущений.

— Так много разных фантазий, так много хочу я попробовать сделать с твоим телом, которое покорно отвечает мне, — продолжает он. — Так много вещей, о

которых я и не думал никогда, пока жил в Карайке. Я думаю, существует бесконечное множество способов доставить удовольствие.

Боже, я надеюсь на это.

Зак опять опускается к моей груди, давая мне понять, разговор окончен, и неспешно обводит языком ореолу, когда второй рукой стискивает шелковистую грудь. Он продолжает пытку, посасывая, дразня, затем он слегка покусывает сосок, но достаточно, чтобы оставить приятную тянущую боль, затем он опять облизывает и покусывает.

Он чередует ласки, поочередно приникая то к одной, то к другой груди, иногда потирается щетинистой щекой об отзывчивую кожу груди, также он перекатывает мои соски между большим и указательным пальцами. Он ласкает мою грудь в течение долгого времени, покусывая, посасывая, облизывая и приятно царапая щетиной. Они стали настолько чувствительными, что я чувствую, что могу кончить до того, как он начнет прикасаться к ним.

Он опускает руку между нашими телами, мягко кладет ладонь на киску и поглаживает шелковистую кожу.

— Эту часть я тоже не могу лишить внимания, — говорит он, когда отпускает мой сосок из плена губ.

— Она определенно нуждается в твоем внимании, — соглашаюсь я и ощущаю его улыбку на моей груди, когда он опускается, чтобы продолжать свои поддразнивания.

Он тянется вниз рукой, поддевая край моего белья, опускает руку и легко поглаживает нежную кожу, перед тем как он начинает поглаживать пальцем клитор. Затем проводит пальцами по моим складочкам, приоткрывая их. Я чувствую, какая я влажная, как я теку для него, он не теряет времени даром, возвращается к моему пульсирующему клитору и порхает по нему пальцами, в то время как он мучает губами и дразнит покусываниями мои соски.

Ощущения удовольствия каскадом проходят сквозь меня, тело начинает содрогаться спазмами удовольствия. Его палец сильнее потирает складки, обнажая полностью клитор, пока он губами и языком кружит вокруг сосков. Даже не надо лишнего времени, перед тем как я начинаю хныкать, чувствуя удовольствие от разрядки. Зак продолжает свои нападки на мое тело и целует меня

жестко в губы, поглощая мои стоны от сильного оргазма, в то время как его палец продолжает ласкать меня.

Я дрожу всем телом под ним, электрические импульсы удовольствия проходят через каждый нерв в моем теле. Зак жестко продолжает целовать, сминать поцелуем мои губы.

В итоге, я издаю вздох полного удовлетворения. Он отрывается от моих губ и смотрит на меня, его глаза полны желания и гордости. Мы изучаем друг друга, выдыхая тихий шепот удовлетворения и поощрения.

— Как ты себя чувствуешь? — интересуется он с понимающей улыбкой.

— Невероятно, — отвечаю я. — Твои пальцы и рот волшебные.

Он согласно кивает, садится на корточки, его образ расплывчато вырисовывается надо мной. Его член готов, на головке выступают капельки вязкого желания, смазки.

— А теперь ты возьмешь мой член в рот, отблагодаришь меня? — спрашивает он, его глаза блестят жаром возбуждения.

— Боже, да, я хочу сделать это, — заверяю я его. — Это называется «минет». Ты еще не успел познакомиться с таким термином в Интернете?

Смотря на меня с улыбкой, он качает головой.

— Еще не имел удовольствия сделать этого. Но ты, насколько я понял, занималась оральным сексом? Кажется, это называется отсасывать?

— Да, я собираюсь отсосать... и сделать еще многое другое.

— Тогда почему они называют это минетом? — спрашивает он, склонив голову на бок.

— Понятия не имею, чуть позже мы можем заглянуть в Google, — говорю я ему и начинаю садиться. — Теперь, нужно лечь на спину.

Зак резко вскидывает руку с жесткими мышцами, подталкивая меня оставаться в положении лежа и не двигаться.

— Я хочу, чтобы ты отсосала мне, стоя на коленях. Я хочу твоей покорности.

Его лицо становится серьезным, и пока я воображала себе, что буду делать ему минет, когда он будет лежать на

спине, позволяя мне свободно действовать над его восхитительным телом, я просчиталась, мне точно придется подождать этого момента, пока еще не время. Зак все еще хочет удерживать часть контроля в своих руках.

Я подчинюсь и подожду, хотя бы на данный момент.

— Хорошо. Я буду на коленях, как ты хочешь, — отвечаю покорно ему, он быстро слезает с кровати и встает рядом с ней.

Он обхватывает рукой член и начинает медленно поглаживать его бархатную кожу, он ждет меня, пока я пододвинусь к краю кровати. Я пытаюсь выглядеть сексуально, пока двигаюсь к нему, но я не уверена, что это удается. Но его твердая эрекция ни на дюйм не опускается, поэтому я думаю, что моя попытка не безрезультатна.

Спускаясь к Заку, я беру его руки в свои, поднимаю их вверх и опускаю его ладони на мою голову, он пропускает свои пальцы сквозь мои волосы. Я провожу руками по его телу, по его твердым мышцам груди, идеальному прессу,

затем я легко толкаю его, намекая ему, что он может опустить меня на колени.

Без промедления он принимает правила игры и решительным движением подталкивает меня опуститься на толстый ковер, до того момента, пока я не оказываюсь перед ним на коленях.

Я приподнимаю взгляд, и вижу, что Зак пристально смотрит на меня, его глаза настолько темные от желания, что я могу кончить только от его взгляда прямо сейчас. Он опускает руку и большим пальцем проводит по моей нижней губе, приоткрывая мои губы, затем он проводит пальцем по моим зубам.

— Открой рот, — слышу я четкую команду.

Я облизываю губы, чтобы увлажнить их и делаю, как он приказывает. Мои руки тянутся вверх к его члену, но он кратко качает головой.

— Нет. Я сам хочу дать тебе попробовать меня.

Моя кровь взорвалась пламенем, словно лава, после его слов. Я кивнула ему в одобрении. Подаваясь вперед бедрами, он крепко обхватил член и поднес пульсирующую от желания головку к моим губам,

покрывая их своим возбуждением, размазывая смазку по ним. Он толкается чуть сильнее, и головка члена проскальзывает в мой рот. Мне приходится растягивать губы вокруг его плоти сильнее, принимая его, потому что, черт… его член большой, толстый, я чувствую каждый дюйм, пока заглатываю его глубже, пока он не ударяется о заднюю стенку горла.

Я не могу сдержаться и начинаю кашлять, Зак моментально выходит из моего рта.

— Все нормально, Мойра?

Я киваю и облизываю губы, пробуя его слегка мускусный вкус, одаривая его улыбкой.

— Да, не волнуйся. Просто это глоточный рефлекс, я не смогу взять тебя глубоко.

— Понятно, — говорит он немного мрачно. — Открой рот. Давай попробуем еще раз, я буду аккуратней.

Я счастливо и послушно открываю широко рот и позволяю ему погружаться в него. Зак вводит его нежно, затем останавливается, перед тем как толкнуться еще глубже и задержать член у задней стенки горла. Я инстинктивно прижимаю язык к его нижней части члена,

и он отстраняется немного назад, я начинаю его облизывать и сосать.

— О, черт! — Зак выдыхает и вздрагивает всем телом.

Я хочу улыбнуться, меня переполняет женская гордость, но мой рот занят его членом, а он настолько большой, что пошевелиться не представляется ни единой возможности. Зак усиливает хватку в моих волосах, удерживая меня на месте, и с нежеланием выходит из моего рта. Мои руки сводит от желания прикоснуться к нему, но… мне нужно подождать. Я должна убедиться, что он может принять эти ощущения.

Он двигается в своем ритме, проникая — толчок — отстраняясь — толчок — глубже, я вознаграждаю его ласками языка — сосу, затем аккуратно обвожу языком вены, наслаждаясь, он втягивает воздух через стиснутые зубы.

Он мягко проникает членом в рот, доходя идеально до задней стенки горла, я даже ни разу не кашляю и не давлюсь. Я продолжаю сосать, потому что просто не в состоянии сделать ничего больше, Зак крепко удерживает меня за волосы, и с каждым следующим толчком в мой

рот, я издаю стоны, за счет чего мое горло сжимает его, дополнительно стимулируя, точно знаю, ему это нравится, потому что он хрипло рычит от удовольствия.

Я тянусь в попытке прикоснуться к нему, пока Зак продолжает ритмично входить в мой рот, я провожу пальцами по его бедрам. Он напрягается всем телом от моего прикосновения, но не останавливается и продолжает толчки. Мои прикосновения принимаются, я смело тянусь одной рукой и обхватываю основание члена, кожа мягкая и бархатистая, мягко сжимаю. Он рычит и начинает двигаться быстрее.

Потянувшись свободной рукой, я подношу ладонь, приподнимаю яички, начинаю ласкать их пальцами.

Сдавленный звук вырывается из его горла, и я сжимаю еще сильнее.

— Не останавливайся, не останавливайся! — вырываются резкие слова, и я отвечаю ему, начиная сильно посасывать его плоть, в тоже время, перемещаю пальцы под яички и надавливаю слегка на нежную ткань. Зак, шокированный ощущениями от моего прикосновения, сильно подается вперед, врезаясь в меня

со всей силы, но быстро выходит, потому что видит, как мои глаза увлажняются.

— Прости меня, — бормочет он, но не прекращает вколачиваться в мой рот.

Я работаю над его членом своими руками, одной рукой я скольжу по его члену вверх вниз, влажному и покрытому моей слюной, вырывая из его горла стоны и хрипы, другой рукой я массирую, сжимаю, перекатываю в руках его мягкую плоть яичек. Я сосу, он одновременно дублирует это движениями члена в мой рот, я постанываю напротив его плоти, что просто сводит с ума от возбуждения. Дыхание из его груди вырывается толчками, оно прерывистое, и звуки, которые исходят из его горла, напоминают мне рев быка, каждый следующий раз, когда он врывается членом в мой рот. Его пальцы так крепко держат мои волосы, что я немного пугаюсь, ведь он просто может их вырвать, но все это… Все эти моменты наполнены дикостью, жгучим желанием; то, как он яростно трахает мой рот, заводит его настолько сильно, что этот минет и то, что я с ним делаю, кажется мне самой бесподобной лаской, которую я когда-либо дарила

мужчине. Зак думает, что он сейчас контролирует себя, потому что держит меня на коленях и устанавливает свои правила, задает темп, но, если честно, единственный, кто тут все держит в своем кулачке — я.

Он отдал его в мои руки в тот момент, когда попросил меня не останавливаться.

Его яйца сжимаются и подтягиваются в моей руке, и я понимаю, он близок к тому, чтобы кончить. Я быстро приподнимаю глаза и вижу, что он смотрит на меня с выражением чистого удовольствия на лице, в состоянии экстаза.

— Чертовски хорошо, Мойра, — прерывисто шепчет он, перед тем как прикрывает глаза, и еще сильней ускоряет темп, погружаясь членом глубже. Я чувствую первые капельки его спермы, когда он ударяется о заднюю стенку моего горла, и я начинаю глотать, даже, когда ею наполняется мой рот. На вкус он немного солоноватый, и я проглатываю и принимаю все до последней капли.

Зак издает мягкие стоны, когда он кончает, его рука ослабляет хватку в волосах и отпускает их, его пальцы ласкают и нежно поглаживают мое лицо.

Он вытаскивает член из моего рта и сразу же опускается на колени передо мной, крепко обхватывая мое лицо рукой, он приближает меня к себе, обрушиваясь на мои губы. Он целует грубо, в собственнической манере, глубоко погружая язык, я знаю, он чувствует свой вкус. Я ничего не могу поделать, и постанываю ему в рот от его диких движений, и я целую его в ответ, прикладывая все силы. Поцелуй долгий и затяжной.

Когда он отстраняется, его глаза светятся теплом, нежность и пресыщенностью от тех ласк, что они испытали.

— Мне очень понравилось.

— Мне тоже, — горячо прошептала я у его рта. — Мне тоже.

И мне кажется, это только начало того, что мы собираемся узнать друг о друге.

Глава 15

Зак

— Ну что ж, Мойра проделала отличную работу по твоей адаптации? — спрашивает меня Рэнделл, когда мы беседуем за завтраком. Мойры в данный момент нет с нами, я думаю, она решила дать нам время пообщаться наедине и узнать друг друга лучше.

— Да, она очень терпеливый учитель, — честно отвечаю я ему, рассеянно ковыряя вилкой яичницу в тарелке. — Она никогда меня не отталкивает и дает мне найти мой собственный способ многое понять и принять, — я говорю, упоминая прошлые моменты, чтобы дать ему понять, что он не сможет заставить меня делать то, что я не хочу.

Рэнделл кивает мне в понимании.

— Я знал, что она лучше всех подойдет для этой работы. Ее профессиональные качества на высшем уровне.

Об этом я не могу судить… По крайней мере, не с точки зрения ее уровня образования и опыта. Но одно я

знаю наверняка — она потрясающая любовница. Это было большим преимуществом, о котором я не мог и мечтать, что когда-либо смогу проводить время так.

Прошлая ночь была невероятной. Минет, который она мне сделала, напрочь лишил меня возможности здраво рассуждать. Если это именно то, что она испытывает, когда я лижу ее киску, тогда я могу вам сказать уверенно, что мы будем это делать друг другу и в будущем. Более того, если подумать хорошенько над тем, что я узнал о человеческом теле, я могу с точностью сказать вам, что мы можем ласкать друг друга нашими ртами одновременно. Я обязательно спрошу у нее об этом, только позже.

После того, как я смог восстановить дыхание, я потянулся и прикоснулся кончиками пальцев к ее ложбинке между грудью и провел ими ниже, нежно поглаживая ее тело, пока она смотрела на меня ленивым, обласканным взглядом. Я поцеловал ее в лоб и сказал:

— Спокойной ночи!

Но перед этим я увидел оттенок боли, который промелькнул на краткий момент в ее глазах. Я не знаю,

почему она так посмотрела на меня, потому что всего пару минут назад мы тонули в общем наслаждении. И я уверен, что она получила такое же удовольствие, как и я.

Когда я лежал прошлой ночью в моей постели, я задумался на краткий миг о том, что было бы очень приятно, если бы она лежала рядом со мной, и я бы обнимал ее. У меня были к ней некоторые вопросы, о которых я хотел расспросить ее, и подозреваю, что было бы достаточно приятно поглаживать пальцами ее кожу, когда мы будем обсуждать интересующие меня вопросы или просто разговаривать. Я даже хотел вернуться к ней в комнату, но потом отодвинул эту идею подальше. Хотя я был удивлен, что меня посещают такие странные и непривычные для меня мысли. Это ослабляет меня, ведь думать так достаточно не по-мужски.

Поэтому я оставил ее одну и вскоре заснул.

Сегодня утром я проснулся с сильным стояком, и, не задумываясь и не спрашивая себя, что я делаю, я встал с кровати и без промедления направился в комнату Мойры. Я открыл дверь без стука, одолеваемый желанием забраться к ней в кровать и войти в ее податливое тело, и

мне было совершенно наплевать, была бы она на коленях или лежала бы на спине.

Разочарование наполнило мое тело, когда я увидел, что ее кровать пуста. Я прошел дальше, надеясь, что она может быть в ванной, но и там никого не оказалось. Поэтому мне пришлось справиться со своей «проблемой» собственными руками. Затем я спустился на завтрак к Рэнделлу.

Он сказал мне, что Мойра взяла одну из его машин, чтобы разрешить некоторые накопившиеся у нее дела, поэтому я могу провести время с ним «один на один». Хотя, если быть честным я знал, что мне придется посвятить некоторое время этому странному человеку, которого я ненавидел, но по каким-то причинам я привязался к нему, виной всему вчерашний ужин и его упоминание о моих родителях. Я безумно желал, чтобы Мойра была рядом со мной в ту минуту, когда я столкнусь с моим прошлым. Я все понимаю, я мужчина и должен вести себя по-мужски, я очень сильный в моральном плане человек, но мне так хочется, чтобы Мойра была рядом со мной.

— Ты так сильно похож на свою мать, Зак, — говорит Рэнделл, вытягивая меня из мыслей о Мойре. — Я бы узнал тебя и в толпе, ты истинно ее сын.

Я даже не знаю, что ответить на это, пока чужому для меня человеку, поэтому я просто делаю глоток кофе.

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты чувствовал себя со мной свободно и мог задавать любые вопросы о твоих родителях, о твоей прошлой жизни, детали и важные факты которой ты можешь не помнить. Очень хочу, чтобы ты воспользовался данной возможностью и заполнил пробелы в своей памяти, также восполнил знания о твоем наследии, они пригодятся, когда у тебя появятся дети. Но я хочу, чтобы ты знал, Зак, я не хочу давить на тебя и заставлять остаться. Ну, я думаю, ты это уже и сам понял, и мне не нужно тебе пересказывать это по второму разу. Закариас, говори, может, есть еще что-то, чтобы ты хотел узнать?

Этот человек… Мой крестный отец, у него опять получилось вызвать во мне непреодолимое ощущение тоски, и я отступил от поспешных выводов, сделанных ранее. Я согласно киваю.

— Как вам уже известно, Рэнделл, у меня нет желания здесь оставаться навсегда, мое пребывание временно. Мой истинный дом в Карайке. Но я, естественно, принимаю ваше предложение остаться и узнать свои корни. Я готов уделить некоторое время этому, прежде чем настанет момент прощания. Парайла, мой приемный отец, просил меня остаться здесь на год, чтобы понять, принадлежу ли я этому месту, осталась ли моя душа тут. Я не уверен, что смогу выдержать год, но уделить некоторое время и провести его в Джорджии мне будет нетрудно.

— Вот это правильно, хорошее решение, Зак. Все может измениться, нельзя делать поспешные выводы, — говорит мне Рэнделл, слабо улыбаясь. — Как насчет того, чтобы после завтрака прокатиться в твой дом?

Я опять согласно киваю и накалываю кусочек бекона на вилку.

— Мойра рассказывала мне, что отец сохранил Вам жизнь?

Аккуратно вытирая рот салфеткой перед тем, как положить ее, Рэнделл отодвигает свою тарелку.

— Знаешь, Зак, хочу сказать тебе наперед, что я совершенно не верующий человек. Но твой отец был таковым до мозга костей. Но, хоть это может показаться глупо, я уверен, что Господь направил твоего отца оказаться в нужный момент в нужно время, что он выхватил меня из костлявых лап смерти.

Я жадно слушаю, когда Рэнделл рассказывает мне о вере моего отца в гедонистический принцип восприятия жизни, затем он продолжает рассказ о том, как он не справился с управлением, и машина сорвалась в канаву, заполненную дождевой водой, пьяный до беспамятства. Затем он продолжает свой рассказ, как увидел расплывчатый образ отца в боковом стекле, и готов был поклясться, что даже видел нимб над его головой, но это уже можно списать на действие алкоголя. Я даже улыбнулся, представив эту картину. В то время как мои родители были ужасно набожными людьми и закоренелыми христианами, я полностью отдалился от учения на многие годы. Но все же отец Гоуль хранил надежду, и каждый раз, когда приходил, он рассказывал мне отрывки из Библии. Спиритические сеансы в племени

производили на меня куда большее впечатление, чем библейские проповеди отца Гоуля, поэтому я просто принял для себя решение, что вера не важна для меня.

— Мне вообще трудно поверить в то, что Вы с отцом так тесно сдружились только потому, что тот спас вам жизнь. Вы совершенно разные люди, — подмечаю я после того, как Рэнделл рассказал мне историю о том, как они стали друзьями.

Рэнделл улыбается и кивает мне.

— Да, ты прав. Во многом мы вообще не имели ничего общего. Наши религиозные и политические убеждения отличались коренным образом. Но по иронии судьбы я и твой отец могли поддерживать хороший диалог, даже имея настолько разные точки зрения. Твой отец никогда не судил меня за то, что у меня была выработана собственная система ценностей. В большинстве своем, я думаю, что он стал таким отличным миссионером благодаря этому качеству — пониманию. Он понимал, что у людей есть свои убеждения и суждения, и их не просто будет изменить по чьей-либо прихоти. Твой отец был терпеливым и добрым человеком, Зак. Его характер так и

не изменился с возрастом, он был забавным, обладал хорошим чувством юмора. Он был человеком, который вызывал уважение.

— Я вижу, Вы очень любили его. Он, кажется, был достаточно хорошим человеком, — предполагаю я. — Я помню, что он всегда был в хорошем настроении, много смеялся. Плюс, он спас вам жизнь. Я понимаю, почему он Вам так нравился. Но все же я не могу понять, почему Вы нравились ему.

Я понимаю, этот вопрос был ужасно грубым, но я все еще достаточно подозрительно относился к этой его идее семейного объединения, восстановления отношений спустя столько лет.

Он смотрит на меня взглядом, наполненным теплотой, откидывается достаточно вальяжно на стуле, опираясь руками о край стола. Его голос очень тихий, но сосредоточенный, когда он мне отвечает:

— Я спрашивал твоего отца, Зак, огромное количество раз об этом, и знаешь, что он мне отвечал каждый раз?

Я качаю головой, потому что даже и не могу представить, что мог ответить человек, который, по сути, мне чужой.

Он улыбается, и его глаза наполняются теплотой.

— Твой отец отвечал мне, что несмотря на то, что я прожигал деньги и устраивал все те вечеринки, он ни разу не сомневался в том, что моя душа и дух были чисты, не испорченны и добры. Он говорил, что чувствует эти качества во мне. Конечно же, я думал, твой отец просто сошел с ума, если ему это даже пришло на ум. Я полагал большее количество времени, что твой отец не от мира сего, и эта мысль меня забавляла. Я думал, он просто шутит со мной, как часто и бывало. Но затем, позже, спустя три года, я все понял, я осознал, что имел в виду твой отец. Ты тогда был еще совсем крохой, когда они решили уделить немного времени себе и сходить на свидание, я остался с тобой. Когда они пришли со свидания, то увидели, что я сидел на диване, а ты спал у меня на груди. Твои родители прошли тихо в комнату, подошли к нам, тогда я открыл глаза… Я не знаю, что за выражение было на моем лице в тот момент, но твой отец

склонился над нами и совсем тихо сказал: «Вот видишь, Рэнделл, что я тебе говорил? Кротость, терпение и доброта в твоей душе занимают важное место».

Я приподнимаю в удивлении брови.

— Он сказал вам те же самые слова через столько лет?

— Да, что заставило меня осознать, что твой отец говорил их с осуждением. Он делал это намеренно, чтобы я смог понять и начать меняться. Это был первый раз в моей жизни, когда кто-то верил в меня, подстегивал быть лучше. Я думал, что невозможно больше любить и уважать твоего отца, но это стало возможно после той ситуации. И тогда я понял, что только он всегда, несмотря ни на что, верил в меня, принимал меня, поддерживал, помогал, направлял. Я бы умер за него.

Слова Рэнделла ударяют по мне с такой силой, что мне становится стыдно за свои мысли. Он не тот, каким я себе его представлял, и он не просто из забавы вытащил меня из джунглей, чтобы показать всем, что он благодетель. Он сделал это, потому что хранил преданность и верность слова моему отцу — заботиться обо мне!

После завтрака Рэнделл подводит меня к серебристой машине, марка которой была Астон Мартин, но это мне ни о чем не говорило. Мы выезжаем из его особняка и держим путь в родительский дом, который на данный момент стал моим.

Лето в Джорджии очень жаркое, воздух достаточно влажный, что заставило меня вспомнить тропические леса. Пока мы добираемся до дома, я размышляю над тем, насколько Рэнделл состоятельный человек.

— Откуда у Вас такое состояние? — спрашиваю я довольно язвительно.

Рэнделл заливается громким смехом, затем терпеливо начинает рассказывать.

— Мой прадед создал первый супермаркет в далеких двадцатых годах, который назвал Кеннон. Сейчас это уже наше фамильное наследие. Как я тебе и сказал, все началось с маленькой торговой лавки в Атланте, а теперь наши огромные супермаркеты находятся по всей Америке.

— Ммм, Рэнделл, простите мне мой вопрос, а что такое супермаркет?

— Зак, это такое место, где ты можешь купить все: одежду, продукты, обувь, разнообразные товары для дома. Мы с тобой съездим в один из них, пока ты еще здесь.

— И получается, Вы всем этим владеете?

— Нет, Зак, мы делим права владения с моим братом, Стэнли. Но, да, у меня решающее право голоса по всем вопросам, я главный генеральный директор компании, что означает, что я управляю ею, и все заботы ложатся на мои плечи. Стэнли, к великому сожалению, больше предпочитает тратить, чем пополнять семейный бюджет. Его владение компанией номинально.

— А Клинт и Кара, получается, работают на Вас, то есть работают на благо семьи?

Рэнделл тяжело вздыхает и говорит:

— Вряд ли, Зак. Они пошли по стопам своего отца, они в основном тратят деньги из их трастового фонда, они не работают.

В течение некоторого времени я остаюсь молчаливым, пытаясь понять все, что сейчас услышал. Мое первое впечатление о Клинте и Каре оказалось верным. Они

показались мне легкомысленными, желающими только обсуждать вечеринки и их дорогие игрушки. Ни один из них не сможет выжить в тропическом лесу и пяти минут. Выживание в экстремальных ситуациях может многое сказать о человеке, например, насколько он самостоятельный и здравомыслящий, ответственный. Это все было в моей Мойре. Моей?! Интересно, когда она стала моей?

Мойра другая, она не похожа на них. Она очень ответственная, несмотря на ее невнимательность, когда она пробиралась сквозь тропики джунглей. Я вообще думаю, что если бы она была оставлена волею судьбы, выживать в таких суровых условиях, она бы смогла справиться с опасностью. Эти мысли заставили меня гордиться Мойрой. Гордиться еще больше.

Вскоре Рэнделл поворачивает в живописное место, которое похоже на то, где живет Мойра. Деревья, конечно, может и другие, цветочные клумбы, но в целом такие же маленькие аккуратные домики, которые даже расположены в таком же порядке. После того как мы проезжаем пару улиц он, наконец, останавливается около

маленького желтого дома с темными ставнями и темной дверью. Веранда красивая, просторная, выкрашенная в светлый тон. Также тут стоят два кресла-качалки.

Мгновенно яркая вспышка воспоминания ударяет мой разум, и я вспоминаю, что это именно тот дом, где я жил до того момента, пока мне не исполнилось семь лет, и я не покинул Америку. Эмоции затопили мое сознание, кружась отдельными воспоминаниями. Я вспомнил, как играл в саду с маленькими пластмассовыми солдатиками. Я вспомнил, что на заднем дворе есть красивое раскидистое персиковое дерево, по которому мне нравилось лазить, я вспомнил, как мама серьезно мне говорила, чтобы я не ел персики, пока они не поспеют, потому что может разболеться живот. Непрошеные слезы собрались в уголках глаз. Столько всего… Столько всего я был лишен, ради прихоти моих родителей.

Я тяжело сглатываю образовавшийся в горле ком, когда Рэнделл останавливает машину, глушит автомобиль и открывает дверь. Я быстро открываю дверь со своей стороны и иду вперед, я не хочу, чтобы он видел мои слезы, мою грусть, я смотрю на красивые цветочные

дорожки, которые начинаются у самого тротуара и заканчиваются около крыльца.

Рэнделл спешно догоняет меня и протягивает руку. Я не сразу понимаю, что он протягивает мне ключ от дома. Я смотрю на ключ, а потом вновь на Рэнделла.

— Ну что, пойдем, посмотрим? — спрашивает он меня.

Я киваю и поднимаюсь на крыльцо, с тяжелым сердцем. Ключ плавно скользит в замке, пока я легко его поворачиваю. Когда захожу в дом, я сразу же все узнаю, воспоминания вихрем проносятся у меня в голове. В гостиной по-прежнему стоят те же диван и кресло с того времени, когда я там жил. Сейчас это все смотрится страшным и старым, покрытым коричнево-оранжевым материалом, на котором выбиты маленькие рисунки птиц. Половицы скрипят, когда я иду дальше, я практически вижу картины из прошлого, как мой отец сидит тихо на диване и читает отрывки из Библии, а я играю рядом.

Я поворачиваю голову и вижу кухню. Она все еще выкрашена в тот же нежно-желтый цвет, на окне висит кружевная занавеска, которая расположенна над раковиной. Я вижу, как моя мама склонилась над

духовкой, по кухне витает аромат шоколадного печенья, она аккуратно достает его.

Я вижу себя маленьким мальчиком, который бежит к ней по коридору с радостным криком:

— Мама, смотри, что я нарисовал!

Я доверчиво протягиваю ей рисунок, нарисованный фломастерами, на рисунке изображены мальчик и собака, которая сидит у его ног. Затем я смотрю на маму и спрашиваю:

— Мама, а можно мне собаку? Я так о ней мечтаю, пожалуйста!

Мама смеется, когда смотрит на рисунок.

— Зак, это очень красивый рисунок. Но, малыш, ты же знаешь, мы не можем завести собаку! В следующем месяце мы уезжаем в Бразилию, и за ней некому будет ухаживать!

— Дядя Рэнделл сможет присмотреть за ней и за домом. Я уверен, он согласится, он очень любит меня.

Мама немного взъерошила мои волосы и наклонилась, чтобы поцеловать меня.

— Я уверена, это так и есть, малыш. Но если мы заведем собаку, ты должен быть единственным, кто ухаживает за ней, потому что это именно твоя ответственность. Давай сделаем так, когда мы вернемся, то обязательно купим тебе щенка?

Разочарование переполняет меня, я хочу кричать. Я не хочу ехать по делам миссии вместе с моими родителями. Да, я люблю Господа, и его учение, я люблю все, что он делает для нас, как учили меня родители, но я не хочу покидать мой дом, моих друзей… дядю Рэнделла, он меня так любит. Я люблю быть здесь.

— Я не хочу ехать, — раздраженно выкрикиваю я маме. — Я хочу остаться здесь, с дядей Рендэллом, как и до этого!

— Но, Зак, мы уедем в этот раз почти на год! — говорит мне мама с доверчивой и доброй улыбкой. — Мы не сможем оставить тебя на такой долгий срок. Мы же будем скучать по тебе!

— Мне все равно! — продолжаю я гневно. — Я не хочу быть там!

Моя мама опустилась на колени и подняла меня, крепко обнимая и прижимаясь ко мне.

— Тебе там понравится, глупыш. Но если тебе там будет плохо и не понравится, тогда мы тебя больше не возьмем, договорились?

Я хотел кричать и топать ногами, что я не хочу туда, я не хочу все бросать, но я прекрасно знал, что так будет только хуже. Поездка была запланирована уже давно, поэтому никто менять планы не будет. Этот разговор происходил уже много раз до этого. Затем, мама опускает меня, дает мне теплое шоколадное печение, которое я так люблю и по сей день, и стакан молока. Шоколадное печенье всегда рассеивало горе, с ним все казалось лучше, но не в этот раз. Когда тебе есть, что терять, шоколад не сможет утолить твою грусть от потери. На этот раз приятный вкус чувствовался, как самая противная грязь.

Я моргаю, тяжело вырываясь из воспоминаний. Я совершенно позабыл, что я не хотел ехать в Амазонку с родителями. Что я так горько плакал и жалел, что не могу остаться здесь с моим крестным. Я медленно

поворачиваюсь к Рендэллу, который смотрит на меня добрыми глазами.

— Ведь я никогда не хотел ехать с моими родителями, — говорю я глупо.

Рэнделл кивает мне, понимая, и с тяжелым вздохом продолжает:

— Нет, ты не хотел этого. Ты был слишком мал, чтобы разделять их призвание и страсть помогать неграмотным индейцам. Но они тоже не могли оставить тебя здесь. Они очень любили тебя, даже когда совершили такую ошибку.

— Тем не менее, они бросили меня одного… когда умерли, — я говорю с такой острой горечью, что на самом деле удивляет меня. — Они оставили меня в странном мире, они заставили меня пережить все это. Они бросили меня незащищенным в том мире, где для меня было все чуждо!

Рэнделл быстро преодолевает расстояние, отделяющее нас, парой шагов, и опускает руки мне на плечи, пытаясь успокоить и унять мою боль.

— Не злись на них, Зак. Они умерли. Ты не можешь изменить ничего, и ты сам понимаешь, что они не хотели,

чтобы это все произошло с тобой. Они были уверенны, что делают правильные вещи.

— Что?! Вы слышите себя! Правильные для кого? Для них?

Вздыхая, Рэнделл немного сильнее сжимает мои плечи.

— Они думали, что это правильное решение для их семьи, и мы не можем изменить это, Закариас!

Я резко отступаю от Рэнделла и быстрым шагом направляюсь к себе в комнату. Голова идет кругом от обиды, мне стыдно за свои детские слова. Мне стыдно, потому что я так говорю об умерших родителях, стыдно потому что чувствую горечь от того, что покинул этот дом, потому что я был лишен многого. Мне так плохо, потому что испытываю то же самое чувство, что и месяц назад, когда мой приемный отец сказал, что я покидаю свой дом, своих родных людей.

Теперь я полностью запутался, потому что я не знаю, где мой настоящий дом! Я чувствую, что не принадлежу ни этому месту, ни тому, где я жил последние годы. Моя уверенность в себе с каждым шагом выскальзывает из-под ног, я не чувствую больше опоры. Я не знаю, кто я…

Я захожу в свою комнату, и здесь все так же, как и было, когда я был маленький. Маленькая кровать застелена одеялом и простыней, на которых изображен Бетмэн. Разные игрушки лежат в комнате, тут же бейсбольная бита, перчатка. Все очень чисто, нет ни единой пылинки, видно, что Рэнделл ухаживал за этим местом все эти годы, содержал в чистоте.

Выходя из комнаты, я направился в родительскую спальню. Я моментально узнаю все до мелочей в их комнате. Я вижу железную кровать, застеленную мягким светло-голубым и белым одеялом. На прикроватной тумбочке стоит множество наших фотографий, где мы улыбаемся и смеемся. Я закрываю глаза, и на меня накатывает непреодолимая тоска по упущенному времени, тому, чего нельзя вернуть; я могу поклясться, что я чувствую сладковатый запах духов моей матери. Вспышка боли и тоски просачивается в мой разум и тело.

Я поддаюсь порыву и иду по направлению к шкафу, резко отрываю дверцы, но там пусто… нет одежды.

— Зак, я избавился от всей одежды, но все остальное я оставил неизменно. Я нанял человека, она приходила и

убиралась все эти годы раз в неделю, содержала дом в прежнем состоянии.

Кивая растерянно головой, я отворачиваюсь от него и смотрю в окно на задний двор. Там по-прежнему растет персиковое дерево, но оно выглядит в десять раз больше, чем когда я видел его в последний раз, и на нем нет больше плодов.

Поворачиваясь к Рэнделлу, я прочищаю горло и откашливаюсь, так он не сможет почувствовать мою неуверенность и уязвимость на данный момент.

— Спасибо, что показал мне это сегодня. Но я думаю, я увидел достаточно, пора с этим заканчивать.

— Да, конечно, — бормочет Рэнделл. — Я могу свозить тебя на обед, мы могли бы пообщаться немного больше, если, конечно, ты хочешь.

— Вообще… Я бы предпочел вернуться домой, если вы не возражаете. Мне нужно побыть одному, если вы не против.

Рэнделл натянуто улыбается, но улыбка не касается его глаз, они печальны, и отвечает:

— Никаких проблем.

Я следую за Рэнделлом, когда мы выходим из дома и направляемся к машине в полнейшей тишине, я погружен в свои мысли.

Все неверно. Все, что сегодня произошло, мне неважно. Я пытаюсь убедить себя...

Мой настоящий дом в Карайке. Длинный общий дом, который поделен на секции, я построил его своими руками, моя комнатка находится рядом с комнатой приемного отца. Мой скромный гамак обеспечивает мне уют, в котором я нуждался, а лес обеспечивает меня едой. Все просто.

Мне совершенно неважно все, что сегодня показывал мне Рэнделл, мне это неважно. Это прошлое.

Глава 16

Мойра

Я стою перед дверью в спальню Зака, но не решаюсь войти. Я волнуюсь за него. Он не спустился к обеду, затем

мы провели вместе с Рендэллом тихий вечер, обсуждая все, что сегодня произошло.

Он тоже очень волновался за Зака.

Скорее всего, поездка в родной дом пробудила в нем горькие воспоминания. Рэнделл рассказал мне, что Зак вспомнил некоторые вещи очень ярко и точно. Он вспомнил, насколько не хотел ехать в Амазонку со своими родителями, и как он умолял оставить его с дядей Рэнделлом.

Я предполагаю, что Зак столкнулся во внутреннем конфликте с самим собой и с тем, что для него обозначает понятие «дом». Он был твердо уверен, что его единственный дом в Карайке, тот единственный, в который он верил и знал. Но сейчас он вспомнил такие важные для него вещи, что тут тоже его дом, и что он также его любил, и был расстроен, потому что пришлось покинуть его. Я даже не могу представить, как он чувствует себя сейчас. Сейчас под влиянием того, что он вспомнил, его чувства, эмоции — все разделилось на две равные части и давит на него.

Меня одолевают разные мысли о том, что он сейчас сидит в комнате, и в этот самый момент планирует свое немедленное возвращение в Амазонку. Это было бы самым легким способом преодоления всех чувств и болезненных воспоминаний, которые вернулись в его разум. Это будет так легко для него, принять такое решение… вернуться, забыть. Так для него будет наиболее комфортно. А для меня? Что будет со мной?

Я решаюсь и стучу в дверь.

— Зак… можно войти?

В ответ меня приветствует полная тишина, поэтому я воспринимаю это за своеобразное согласие и поворачиваю дверную ручку, она поддается мне. Дверь плавно открывается, и я замечаю, что комната погружена в полутьму, он задернул тяжелые портьеры, и только прикроватная лампа включена и источает легкий свет.

Я быстро оглядываю комнату, и наконец, слава Господу, нахожу его, сидящим в дорогом кресле, оббитым голубо-золотистым шелком. Он вальяжно раскинулся в нем, его мускулистые подтянутые ноги, обласканные золотистым загаром, вытянуты перед ним. Одна рука

покоится на бедре; другая на подлокотнике кресла, он сосредоточенно поддерживает ладонью щеку. Его глаза словно погружены в темноту, они поддернуты поволокой, когда он смотрит на меня.

— Ты не спустился к обеду, — говорю я как можно мягче, пытаясь не казаться назойливой.

Он продолжает молчать, игнорируя мой вопрос, продолжая сверлить меня взглядом. Но раньше в его глазах плескался и переливался живой огонь, наполненный страстью, жизнью, теперь там полное отсутствие эмоций.

Я легким движением прикрываю за собой дверь и нерешительными шагами направляюсь к нему, пока не останавливаюсь перед ним. Он поднимает взгляд и смотрит мне в глаза, но все равно хранит молчание.

— Зак, не молчи, ответь! С тобой все в порядке? Рэнделл рассказал мне о вашем визите в твой дом сегодня.

Губы Зака вытягиваются в тонкую линию, его взгляд меркнет.

— Он сказал тебе, что произошло там?

— Нет, нет, не волнуйся, он просто сказал, что ты кое-что вспомнил… единственное, что он сказал о воспоминании, что оно связано с твоим нежеланием уезжать отсюда.

Зак испускает болезненный смех, когда смотрит на меня.

— Это было гораздо больше, чем просто «не хочу», Мойра! Я практически умолял своих родителей не брать меня туда. Я так не хотел покидать дом… друзей. Я всего лишь хотел долбанного щенка и остаться тут с дядей Рэнделлом, но мое желание никого не волновало.

Мое сердце обливается кровью, когда я слышу его голос, смешанный с болью и обидой. Оно разбивается на осколки из-за того, что у Зака никогда не было настоящего выбора, остаться ему или уехать. Также, как и тогда, когда я приехала забирать его из его деревни, у него тоже не было выбора.

— Мне очень жаль, Зак. Это нечестно, что у тебя никогда не было выбора, нечестно, что у тебя забрали право решать и контролировать свою собственную жизнь, — мягко говорю я ему с большим сожалением в голосе.

Он смотрит на меня в течение некоторого времени, взвешивая сожаление и некое раскаяние в моем голосе, решая, что ему делать дальше. Миллионы мыслей и эмоций проносятся в эту минуту у него в глазах. Затем он резко кладет руки на подлокотники, отталкивается и грацией хищного зверя поднимается из кресла, в одно мгновение он уже стоит рядом со мной, возвышаясь, словно опасная тень. Я замираю, даже перестаю дышать.

— Это так забавно, — говорит он мне, немного растягивая слова, обходя меня, словно хищный зверь, когда осматривает свою добычу, не сводя с меня взгляда, его глаза становятся немного теплее.

— Что именно? — мой голос предательски дрожит.

— То, что ты используешь слово «контроль». Ты…и те все люди, которые понимают, что это слово значит для меня. Контроль — моя жизнь. Я всегда все держу в своих руках, я просто не могу позволить себе быть невластным над той или иной ситуацией или действием в моей жизни!

— Я понимаю тебя, — продолжаю я просто. — Сейчас, даже еще лучше, чем до этого, Зак! Ты же знаешь я всегда

на твоей стороне, я приму тебя, я попытаюсь сделать все, чтобы понять тебя.

Обходя меня в который раз, он протягивает руку и тыльной стороной ладони нежно поглаживает мою щеку. Он не сводит с меня взгляда, смотрит именно туда, где только что ласково коснулся меня, словно там остался невидимый след или отметина.

Когда он опять смотрит на меня, я замечаю, что его взгляд мягкий и нежный, с толикой заботы, но в следующую секунду все меняется, словно ураган проносится в его глазах, его ласка вдруг сменяется жесткостью, он становится словно айсберг, ледяной и безэмоциональный.

— Снимай одежду, — слышу я четкий приказ. Его голос низкий и глубокий, наполненный властью. У меня начинает покалывать кончики пальцев, и мурашки спускаются по спине.

Современная женщина во мне хочет кричать и сопротивляться, хочет развернуться и убежать от него, потому что я знаю, к чему это все идет. Он хочет восстановить потерянный контроль. Самый идеальный

для этого способ — это получить мое полное подчинение. Он желает доказать самому себе, что он такой же, каким был и до этого.

Но во мне уживаются две женщины, одна требует, чтобы со мной обращались уважительно, прислушивались к моему желанию, словам, а вторая мягкая и покладистая, она хочет контроля, желает отдать все в его руки, предоставить ему право выбора, хочет довериться и доверять. Она хочет доверить Заку свою свободу, чтобы он сделал свой выбор за меня. Я становлюсь готовой для него в тот момент, когда он приказывает мне раздеться…

Именно покладистая часть меня желает помочь Заку преодолеть его страдания, помочь вернуть ему контроль, дать то, что он так желает, что требует, хочет, чтобы он понял, что я страстно желаю дикую необузданную сторону его характера.

Не раздумывая ни секундой более, я стягиваю с себя кофточку и опускаю ее на пол. Затем я расстегиваю молнию на юбке, позволяя материалу растечься лужицей у ног. Я выхожу из нее и делаю шаг назад.

Его глаза наполняются блеском, он скользит взглядом по моему телу, по белому кружевному комплекту. Я стою, не двигаясь, жду его следующего приказа.

— Сними все! — рычит он.

Застежка бюстгальтера находится спереди, поэтому для меня не составляет труда дотянуться и одним движением расстегнуть его, расправляя плечи и позволяя ему легко соскользнуть. Аккуратно подцепляю пальчиком край кружевных трусиков и стягиваю их по бедрам, затем немного переступаю с ноги на ногу и позволяю им присоединиться к остальным вещам на полу. Еще раз делаю шаг назад.

Он пристально смотрит на меня, словно пытается понять в этот момент, затем его глаза неспешно скользят по моему телу. Я продолжаю ожидать его следующего приказа, мою кожу покалывает в ожидании его следующего действия. Что это будет? Поцелуй? Прикосновение? Я приму абсолютно все, что бы он ни захотел сделать со мной. Я просто умру, если он не сделает хоть что-нибудь.

Зак за пару шагов преодолел нужное расстояние до меня, обхватывая меня ладонью за шею, контролируя свою силу захвата, он разворачивает меня и толкает на пол. Я задерживаю дыхание от неожиданности, он опускается на пол вслед за мной, все также крепко удерживая меня за шею и прижимая к полу, пока я не касаюсь его щекой.

Пока одной рукой он удерживает меня, другой он расстегивает джинсы. Я прикрываю глаза и картинки того, как он быстро освобождает член и поглаживает его рукой, наполняют мое сознание.

Он проводит головкой члена по моей влажности, клитор пульсирует в ожидании удовольствия. И, не произнося ни звука, он толкается в меня, растягивая неспешно киску вокруг своего члена. Он втягивает воздух и легко выдыхает, обдавая мою спину легким касанием его теплого дыхания. Я чувствую, как от напряжения мое тело подрагивает.

Я жду… Я жду, пока он полностью не войдет в меня на всю длину, пока я не подстроюсь под его размер, я хочу его движения, но он медлит. Я приоткрываю глаза, но не

смею двигаться, потому что он безмолвно приказывает мне сохранять свое прежнее положение. Он нуждается забрать то, что заставит его чувствовать себя лучше.

Толчок.

Он входит одним резким толчком на всю длину, и мои мышцы сжимаются вокруг него, пульсируя яркой вспышкой боли от его жесткого проникновения, но в тоже время это удовольствие, ощущать его внутри. Я всхлипываю от переполняющих меня чувств, но тут же прикусываю губу, чтобы не издавать никаких звуков.

Я думала, что он будет трахать меня жестко, выплескивая все свои эмоции, утверждая право на меня, но нет, он неспешно выскальзывает из меня, чтобы наполнить меня снова. Он вторгается в меня в неспешном ритме, совершенно лишенный каких-либо эмоций, не так чувственно и жестко, как это было до этого, все его действия мне напоминают, как он брал на грязной земле Тукабу.

Без намека на какие-либо чувства.

Без эмоций.

Только стальное спокойствие и его стремление получить свое удовольствие.

Но я не могу противиться и отрицать, что все, что он делает, чувствуется приятным наслаждением, заставляющим меня возбуждаться снова и снова, но это наслаждение лишь для тела, для моей души — это неправильно.

Скупое действие, направленное на удовлетворение потребности. Не более.

Я желаю большего, потому что он открылся мне и показал себя, показал, что может дать мне, когда я подчиняюсь его власти и поощряю его контроль, я нуждаюсь хоть в каком-то подтверждении, что я не просто дырка или тренажер для траха.

Он продолжает входить в меня тихо, не издавая ни звука. Нет ни стонов, чтобы понять, насколько ему приятно быть со мной. Нет сбивчивого дыхания, чтобы иметь подтверждения, что я желанна для него.

Только размеренные движения его тела в моем. Он заполняет мое тело мучительно медленными ударами. Я

понимаю, что он остается полностью глух к моим чувствам и желаниям.

Мои глаза наполняются слезами, когда я понимаю, что не могу иметь с ним сексуальных отношений, построенных на поощрении и разделении наших желаний. Все, что происходит сейчас, полностью лишено всякой интимности, тут все основывается только на удовлетворении потребности.

Я опираюсь ладонями о ковер, и у меня возникает непреодолимое желание оттолкнуться от ковра и сказать ему, чтобы он прекратил, что это все не так, не то, это не мы… Внезапно, Зак вскрикивает: «бл*дь», и резко отшатывается от моего тела.

Я быстро приподнимаюсь и смотрю на него через плечо. Зак сидит на полу, руки расположены на бедрах.

Его глаза, словно кристаллы льда, он совершенно потерян в своих мыслях, грудь тяжело вздымается и опадает в попытке захватить больше воздуха.

— Прости, — бормочет он голосом, переполненным отвращения к самому себе.

Я замираю, когда понимаю, что страдания и вина переполняет его.

— Прости, прости, — повторяет он тихим голосом и отводит от меня взгляд. — Мне не следовало делать этого.

Я поворачиваюсь и двигаюсь к нему. Я останавливаюсь между его ног и поднимаюсь на колени, затем я ласково беру его лицо в свои ладони. Прижимаюсь к нему губами и целую его щеку, затем лоб, потом глаза.

— Все хорошо, все хорошо, — пытаюсь заверить я его.

Когда я отстраняюсь от него, он смотрит на меня неуверенно. Тихим еле слышным голосом он говорит:

— Я больше не знаю, кто я.

Мое сердце сжимается от боли за этого мужчину, потому что он в эту минуту такой потерянный. Я разворачиваюсь и присаживаюсь к нему на колени, обнимаю его и прижимаюсь к основанию шеи. Я хочу его успокоить, подарить ему уют и любовь. Мне становится легче, когда он оборачивает руки вокруг моей талии и крепко обнимает меня.

— Ты — Закариас Истон, — говорю я ему успокаивающим голосом, но в тоже время уверенно и

четко. — Ты мальчик, который был лишён своего дома. Ты мужчина, которого лишили жизни по его правилам. И оба этих человека и есть ты. Но, пожалуйста, не забывай, мой любимый, что у тебя в данный момент есть возможность быть тем, кем ты хочешь. Это всегда будет в твоей власти.

Я чувствую, как он вдыхает всей грудью, затем легко выдыхает. Его эрекция опаляет мою кожу, я так хочу, чтобы он оказался во мне снова. Немного склоняя голову, я оставляю легкий поцелуй на его шее. Он вздрагивает всем телом и прижимает меня к себе еще крепче. Затем я легко провожу языком по его коже, приникаю губами и посасываю, и слегка покусываю кожу на шее.

Низкий рык вырывается из его горла. Он подхватывает меня на руки и легко поднимается на ноги. Укладывает меня в центр кровати.

Я наблюдаю за тем, как он раздевается, его мышцы перекатываются от каждого движения. Все это время он не сводит с меня взгляд, обжигая меня своим желание. Когда он забирается на кровать, чтобы устроиться между моих ног, моя кровь взрывается, словно огненная лава.

Его тело просто идеально, когда он отклоняется на корточках, его член полностью возбужден и дерзко смотрит вверх. Его голубые глаза любовно осматривают меня, а мне в этот момент хочется просто провести руками вдоль его тела.

Зак легко раздвигает мои ноги в стороны, вставая между ними. Он ласково проводит руками по моим ногам, бедрам, плавно обводит изгиб талии, поднимаясь выше, захватывает ладонями мои груди и нежно их сжимает, перекатывает соски между пальцами. Тихий стон срывается с моих губ. Зак улыбается в ответ.

Накрыв меня своим телом, он берет мое лицо в ладони и приближается своими губами к моим губам. Сердце бьется с удвоенной силой, а от его рук, удерживающих меня, по венам проносится ощущение сильного желания. Он сладко и нежно целует меня, поддразнивая и вызывая ответную реакцию, погружаясь еще глубже, поглаживая языком, затем еще глубже углубляет поцелуй. Его поцелуй нежный и умелый, хотя он только недавно впервые поцеловал меня. Я упираюсь руками в жесткие мышцы груди, слегка поглаживая их, затем чувствую его

соски и немного потираю их подушечками пальцев. Он постанывает и начинает жестче целовать меня. Все внутри меня плавится. Между ног обжигает, я сжимаю его мускулистые плечи, пытаясь удержать себя в вертикальном положении.

Когда Зак разрывает наш поцелуй, он просто смотрит на меня, затем располагает руки с двух сторон от моего лица, упираясь ими в матрас, и говорит низким голосом:

— Я думаю, только что я понял кое-что очень важное для себя.

— И что же ты понял? Я тянусь и обхватываю его мускулистые руки.

— Раньше, когда я трахал женщин, у меня не было совершенно никаких эмоций, это все было механически, они давали, я принимал и удовлетворял свою похоть.

— А что же изменилось сейчас?

— Все стало по-другому с тобой. Я пытался все это время отгородиться от тебя, удержать свою власть и контроль, но я не могу. Каждый раз, когда я прикасаюсь к тебе, просто чтобы что-то спросить или приласкать тебя, я чувствую твой взгляд, и я не могу… я не могу тебе

сопротивляться. Ты забираешь всего меня. Даже пару минут назад, когда я пытался вернуть себе состояние покоя, состояние абсолютной власти, пытаясь взять тебя, как до этого брал многих женщин. Без эмоций, без чувств. Но я не могу так с тобой. Только не с тобой…

— Зак, все хорошо. Ты контролируешь абсолютно все, и меня тоже. — Я пытаюсь заверить, что все хорошо, поднимая руки, чтобы прикоснуться к нему и погладить его лицо.

— Нет, с тобой нет! — бормочет он. — Не совсем, я не могу постоянно контролировать себя. Когда ты рядом я... не могу быть отстраненным, все мои мысли о тебе.

— Зак... Я совершенно не против подчиняться твоим приказам, твоим желаниям, когда все, что происходит между нами, так интимно. Ты можешь ставить меня на колени, можешь приказывать мне, но когда в этом замешаны чувства. Пообещай мне больше никогда не сдерживать свои чувства от меня. Мне необходимо это.

Его глаза становятся нежнее, он ласково мне улыбается, когда согласно кивает.

— Я думаю, это возможно. — Зак накрывает одну грудь рукой и перекатывает, пощипывая сосок. — Но запомни, если даже у нас заходит разговор о чувствах, это не значит, что я не могу оттрахать тебя настолько жестко, что ты запомнишь это на долгое время. Ты будешь служить моему члену, будешь его рабыней. Твоя киска будет изнывать от того, что я буду ее брать раз за разом, снова и снова, твоя грудь и соски будут болеть от моих покусываний, но запомни одно, даже когда твое тело будет изнывать от усталости и пресыщенности ласками, ты будешь меня умолять сделать с тобою это еще.

Мои глаза расширяются, а жесткий пропитанный яростью голос возбуждает во мне дикое первобытное желание.

— Да, мой дикарь.

Да, я до боли хочу его. После того, как Зак ласкал меня языком и губами, поддразнивал мой клитор, целуя его, покусывая, он закинул мои ноги к себе на плечи и вколачивался в мое тело со всей жесткостью, подводя меня дважды к пику наслаждения. Он дразнил мое тело, меня, он доводил меня до состояния, когда я почти

умоляла его, чтобы я могла кончить, но он лишь хищно улыбался и отстранялся, сменяя ласки члена на свои руки и губы. Он осыпал мое тело поцелуями, поглаживал его нежными касаниями, разжигая вновь и вновь во мне огонь желания. Это была пытка, но настолько приятная, затем он снова проникал в мою киску членом. Все внутри нее, казалось, плавилось от удовольствия.

Да… он подчинил мое тело.

Он забрал все мои чувства, все, что принадлежало мне, стало в его власти.

Он стонал, его голос спускался до хрипа, удовольствие исходило от него волнами, я чувствовала, что я желанна, нужна. Стискивая до боли мою кожу, он обрушивал ласки языка, говорил непристойные слова, которые, скорее всего, он почерпнул в Google, что заводило меня только сильнее.

А затем он кончил, издавая нечеловеческий крик и забирая меня вместе с ним за грань реальности, перед тем как лег на меня. Я боялась, что Рэнделл может услышать и прийти в комнату. К счастью, скорее всего, комната

Зака находится в другом крыле дома, и ему не были слышны наши крики.

Зак скатывается с меня и ложится на спину. Он хрипло дышит, его кожа покрыта капельками пота. Я, не думая ни минуты, прижимаюсь и протираюсь о его тело, затем кладу голову на его твердую грудь. Он не делает никаких попыток прикоснуться ко мне, я просто лежу и слушаю, как быстро и шумно стучит его сердце, через некоторое время его дыхание восстанавливается.

Я приподнимаю руку и нежно прочерчиваю вниз кончиками пальцев линию по его торсу, между твердыми грудными мышцами и дальше, наблюдая за тем, как его мускулы сокращаются от каждого прикосновения.

— Мойра, могут ли спать вместе мужчина и женщина в одной постели до брака? Я помню, что мои родители спали в одной кровати, — спрашивает Зак, не смотря на меня.

Я улыбаюсь и сажусь, так я могу лучше видеть его выражение лица. Все еще поддразнивая его мышцы прикосновениями, я отвечаю:

— Не обязательно быть замужем, чтобы делать это. А почему ты спрашиваешь?

Зак пытается придать его голосу безразличный оттенок, и пожимает плечами.

— Просто интересно. Мы никогда этого не делали раньше.

— Ты хочешь, чтобы мы вместе спали? Ты хочешь, чтобы я осталась с тобой сегодня?

Зак поворачивается, хватает мои руки и опускает до того момента, пока я не чувствую пальцами его член. Эрекция спала, и он расслаблен, но все же его член большого размера, кожа Зака все еще немного влажная от капелек пота. Прижимая мою ладонь сильнее, он заставляет обернуть мои пальцы вокруг его длины. Его власть надо мной настолько сильна, что мне даже в голову не может прийти отказать ему или оттолкнуть его руку.

Я поглаживаю его член, и низкий стон вырывается из его горла. Член становится тверже под моей рукой.

— Я полагаю, у нас есть веский аргумент, чтобы ты осталась сегодня ночью, — шепчет он, и уголки губ

приподнимаются в улыбке. — Я думаю, что не закончил с тобой на сегодня.

Господи, пожалуйста, я так хочу верить, что он никогда не насытится мной и не уйдет от меня.

Глава 17

Зак

Я сижу в задней части лодки, которой управляет Клинт, и мы двигаемся по озеру, смотря на природу, окружающую нас. Мой взгляд падает то на Мойру, которая сидит слева, то на Кару, которая справа. И волей-неволей я сравниваю их, потому что это довольно занимательно, находиться в компании двух красивых девушек, из которых лишь одна мне нравится больше жизни, и лишь к ней меня влечет.

Что такого в Мойре, что делает ее настолько особенной?

Может то, что я знаю ее тело? Или может потому, что она знает меня лучше, чем Кара?

Или может потому, что она позволяет мне контролировать и владеть ее желаниями, удовлетворяя мою потребность во власти.

Я так не думаю… не совсем так, если быть точным, ведь состояние контроля и его желание, а так же подчинение, вообще что-то непостоянное, потому что иногда отпускать контроль бывает так же приятно, как и обладать им. Поэтому, скорее всего, мое влечение к Мойре не зависит от этого. Тогда почему она? Почему именно без нее мне трудно дышать, жить, и вообще, когда ее нет рядом, мне тяжело концентрироваться на чем-то.

К примеру, Кара достаточно симпатичная. Она сегодня одета в соблазнительное розовое бикини, которое не больше, чем три крошечных треугольника, едва прикрывающих ее грудь и киску, при желании можно даже не напрягаясь рассмотреть все до мельчайших подробностей. У нее длинные, прямые светлые волосы, которые плавно развиваются на ветру. Красивые, чувственные вишневого цвета губы, я могу поспорить, что она бы сделала отличный минет.

Но умом она явно обделена. Кара только и может, что говорить о себе, о лаке для ногтей и об ее загаре. Я еле сдержал смех, когда она положила мне на бедро свою ножку и спросила мое мнение о том, как мне ее педикюр.

Да мне на это совершенно плевать!

Когда Мойра увидела это, она закатила глаза.

В то время как Кара была практически обнажена, Мойра была одета в тоненький топ, под которым был купальник, и коротенькие джинсовые шорты. Пока Мойра не видела, я обратил внимание, что ее ноготки накрашены розовым лаком, что заставило меня захотеть погладить, размять и поцеловать каждый пальчик на ее ногах.

Клинт замедляет скорость лодки и поворачивается к нам:

— Ну что, Мойра, ты готова? Сейчас твоя очередь.

Мойра встает со своего места, улыбаясь азартной улыбкой, отвечает:

— Конечно, почему нет. Я не спец в катании на водных лыжах, но попробовать можно, так что я в деле.

Мы все уже прокатились. Кара и Клинт держались на воде просто отлично, как я понял, это потому что они

проводили все свое свободное время летом на водных вечеринках, которые включали в себя все эти виды развлечений, ну и конечно, плюс пиво, вино, да и просто они наслаждались тем, что нежились на солнышке.

Мне это тоже очень понравилось, и я справился отлично, когда подошла моя очередь. Это было достаточно захватывающе, мчаться по водной глади озера, когда тебе в лицо бьет ветер, и холодные брызги воды летят во все стороны, покрывая тело. Как сказала Кара, положив свою руку мне на бицепс, когда я вернулся на борт, я справился отлично, потому что у меня сильные руки.

Увидев это, Мойра закатила глаза еще сильнее и даже, я могу поклясться, фыркнула, из-за чего Кара презрительно на нее посмотрела.

Я не могу отвести взгляд, когда Мойра стягивает с себя тонкий топик и шортики. Она одета в более скромный купальник — более закрытый лиф, который показывает, что грудь меньше, чем у Кары, но это делает ее только более соблазнительной, ее сосочки дерзко выделяются, и трусики, которые прикрывают ее аппетитную попку, с

тоненькими ремешками на бедрах. Мне нравится этот вид, но от меня не укрывается взгляд Клинта, который просто пожирает Мойру глазами.

Черт, я вчера вечером уделил достаточно внимания ее бедрам, когда мои пальцы жестко сжимали кожу, когда мой язык и зубы покусывали нежную кожу там. Я удивлен, что не осталось никаких отметин и даже легких синяков.

Клинт помогает Мойре надеть и закрепить спасательный жилет, закрепляя ремешки спереди на уровне ее груди, я хочу закричать и зарычать от беспомощности, оттого, что я не могу оттолкнуть его и помочь ей сам. Мне не нравится, что он прикасается к ее телу. Но я ничего не могу с этим поделать, потому что именно Мойра не хочет, чтобы кто-то догадался, что мы спим вместе. И кстати, меня переполняет дикое желание схватить его и долбануть лицом о палубу, потому что этот мудак смеет стоять так близко к моей Мойре, но если я так сделаю, то всем точно будет ясно, кого я трахаю.

Кара встает со своего места и говорит:

— Пожалуй, в этот раз катер поведу я.

В то время как Кара усаживается за штурвал, Клинт своими мерзкими руками помогает Мойре надеть лыжи и перебраться за борт, не забывая при этом облапать ее. Придурок. Я смотрю на нее во все глаза, на лице нет ни тени беспокойства, когда она берет в руки ручку, которая крепится к эластичному фалу (прим.пер. веревка), кончики лыж возвышаются впереди, пока ее тело наполовину погружено в воду.

Она пристально смотрит на меня, и я приободряю ее улыбкой. Она кратко улыбается мне сияющей и искренней, наполненной светом улыбкой, и мой живот скручивает от чувства тоски, потому что я хочу увидеть ее эмоции снова. Да, улыбка — это точно именно то, что выделяет Мойру среди всех других девушек.

Кара смотрит через плечо и спрашивает:

— Ну что, готова?

Мойра кивает и кричит:

— Поехали!

Кара запускает двигатель, заводя лодку, и начинает вести на небольшой скорости, я наблюдаю за тем, как Мойра приподнимается над водой, трос натягивается. У

нее все получается так, как нужно, без каких-либо усилий и проблем, ее взгляд сфокусирован на лодке.

Кара немного увеличивает скорость, и Клинт кричит Мойре:

— Малышка, у тебя отлично получается. Теперь согни немного ноги в коленях.

Мойра делает в точности, как говорит Клинт, и держится довольно-таки устойчиво. Она наслаждается водными лыжами, ее лицо озаряет легкая улыбка, а я сижу, как влюбленный мальчишка, и не могу отвести от нее взгляд, любуясь красотой моей любовницы, пока она скользит по водной глади.

Я знаю, что у Мойры не настолько сильный плечевой пояс, поэтому она не сможет долго находиться в таком положении и крепко удерживать трос. Да, я все-таки немного волнуюсь за нее. Но если честно, я бы сам не отказался еще раз прокатиться. Это самое фантастическое занятие, что я попробовал с того момента как приехал сюда, конечно за исключением всех тех вещей, которые я делаю с Мойрой, когда мы наедине.

Внезапно, Кара выкручивает резким рывком руль вправо, и стопы Мойры немного выворачивает на внешнюю сторону, из-за огромной волны, которая образовалась при резком повороте. В тот момент, когда лыжи приподнимаются на самом гребне волны, я вижу, что Мойре не под силу удержать равновесие из-за высокой скорости, и она, в конце концов, падает в воду.

— Глуши мотор! — встревожено кричит Клинт Каре. Я смотрю, как она поворачивает ключ и глушит мотор, оборачиваясь, она смотрит, что происходит. Злая усмешка играет на ее лице, когда Кара наблюдает, как Мойра пытается удержаться на воде, делая гребки руками.

— Упс, — говорит она, смотря на меня невинным взглядом. — Я думала там кусок дерева в воде, было похоже на бревно, поэтому я резко развернула катер, пытаясь избежать столкновения.

— Боже, Кара! Ты ненормальная! — смеясь, говорит Клинт. — Ты ходячая проблема, особенно на воде! С этого момента дальше поведу я!

Кара аккуратно поворачивает лодку и направляется к Мойре. Когда мы подъезжаем к ней, я вижу, что она

совершенно не расстроена, а наоборот, даже хихикает, когда мы подъезжаем к ней. Я склоняюсь и протягиваю ей руку, легко поднимая ее из воды и прижимая к себе, затем усаживаю ее на сидение.

— Ты в порядке? — сочувственно произносит Кара.

— В полном, — коротко бросает ей Мойра, слегка ухмыляясь. — Конечно, сначала напугалась до чертиков, но хорошо, что я не поранилась и не сломала ничего. Я очень хочу попробовать еще!

Я замечаю, что Кара немного скривилась, все прошло не так, как она хотела. Пока Кара и Клинт меняются местами за штурвалом, я наклоняюсь к Мойре и едва слышно шепчу ей:

— Раз ты такая смелая девчонка, то я кое-что запланировал нам на вечер. Надеюсь, что ты не растеряешь свой воинственный настрой!

Мойра слегка прикрывает глаза, и с ее губ срывается тихий стон. Я воспринимаю это как знак согласия с ее стороны, но моментально отстраняюсь от нее, когда Кара направляется к нам.

— Зак, кажется, я немного сгорела на солнце. — Она протягивает мне бутылочку с маслом, которым немного ранее Мойра натирала свою кожу. Черт, как бы я хотел нежно втирать это масло в кремовую кожу Мойры. — Ты не будешь против, если я попрошу тебя намазать мне спинку лосьоном против загара?

Мне даже и не надо смотреть на Мойру, я чувствую отсюда, как она закатила глаза. Я внутренне рассмеялся. Я поистине наслаждаюсь, когда она ревнует, мне нравится ее провоцировать, но ничего, я сегодня попрошу прощение языком и не раз.

— Конечно, — говорю я с хитрой улыбкой и откручиваю крышечку.

Я даже уверен, что слышу, как Мойра бормочет: «Невероятно», перед тем как нырнуть в воду.

Клинт и Кара подбросили нас к дому Рэнделла, Мойра была молчалива на протяжении обратного пути, она сжала губы в плотную линию. Я думаю, все это из-за того, что я взялся натирать спину Каре лосьоном, а она провокационно развязала тесемки верха бикини. Затем

повернулась ко мне, придерживая его рукой и прикрывая грудь, проговорила:

— Я просто не хочу, чтобы лосьон запачкал мой купальник. Так будет удобнее.

Я быстро выдавил на ладонь маслянистую жидкость и растер аккуратными движениями по спине, затем она повернулась ко мне, завязывая тесемки вокруг шеи и позволяя мне детально рассмотреть ее грудь. Я вежливо улыбнулся ей, понимая, что все зашло слишком далеко в невинном желании поддразнить Мойру. Когда я посмотрел на нее, она лишь бросила на меня колючий взгляд полный тихой злости.

С того момента она полностью игнорировала меня и была холодна.

Когда мы входим в холл дома, Сэм встречает нас, говоря, что Рэнделл просил предупредить нас, что он задержится на деловой встрече, но будет ждать нас через пару часов в обеденной комнате к ужину.

Она, не обращая на меня никакого внимания, просто направляется в свою комнату. Я следую за ней,

отталкивая дверь, когда она безуспешно пытается закрыть ее прямо у меня перед носом.

— Ммм, ну вообще-то я бы хотела принять душ, что означает, мне нужно немного уединения, все понятно?

— Ну и отлично, — я пытаюсь сохранять спокойствие, лишь немного приподнимаю бровь, продолжая: — Я присоединюсь к тебе, думаю, помощь тебе не помешает.

— Оо, я совсем не в настроение, Зак, чтобы играть в твои игры, так что вот дверь, вот ручка, прошу на выход, — она хмурится на меня, затем разворачивается и направляется в ванную. Я понимаю, что я обидел ее, но не могу позволить ей спрятаться от меня.

Я следую за ней в ванную, опираюсь бедром о столешницу, наблюдаю за тем, как она включает кран и держит под водой руку, пока температура воды не становится для нее подходящей, затем резко разворачивается и сталкивается со мной взглядом:

— Что ты здесь делаешь? Я же сказала, что собираюсь принять душ, так что встретимся позже, за ужином.

Я рывком стягиваю с себя футболку и бросаю ее на пол. Мойра не сможет отделаться от меня, как бы она не

старалась. Ее глаза медленно осматривают мои жесткие мышцы, пока она не поднимает взгляд своих зеленых глаз и не встречается с моим — непреклонным и решительным.

— Нет, и еще раз нет, — говорит она запальчиво, отступая назад. — Я тебе еще раз говорю, я не в настроении, так что прошу на выход!

— Не надо мне лгать, Мойра, ты этого не умеешь. Ты в настроении, — бросаю я кратко и кивком указываю на ее грудь. — Я могу видеть отсюда, как напряжены твои соски, они как камушки выделяются через футболку.

— Нет, нет. Это все кондиционер, — бормочет она. — А если так хочешь трахнуть кого-то, то почему бы тебе не пойти к Каре, она охотно позволит тебе вставить в нее член, иди! Я уверена, она поможет тебе!

Я сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Ах, вот в чем дело, моя маленькая тигрица все еще сердится на меня и выпускает коготки, из-за маленького представления, которое я устроил с Карой.

— Я уверен в этом тоже, что она мне поможет, и не сомневаюсь, что она подчинится мне по щелчку пальцев,

— говорю я ей, поддразнивая, наблюдая за тем, как ее выражение лица становится более разгневанным. — Но вот какая досада, проблема в том, что я ее не хочу! Я хочу только тебя, поэтому маленькая злюка, лучше бы тебе быстрей избавиться от всей одежды! Сейчас. Быстро.

В глазах Мойры начинает полыхать огонь, когда она слышит, что я хочу только ее, но она дерзко вскидывает подбородок. Ее глаза блестят искорками неповиновения, когда она легко говорит мне:

— Нет.

— Нет?! — я переспрашиваю у нее, улыбаясь темной и соблазнительной улыбкой. Я опускаю руки и без промедления расстегиваю пуговицу на моих шортах и позволяю им упасть на пол. Мой член стал твердым и готовым для нее, как только я вошел в ее комнату. Я опускаю руку и поглаживаю его, проводя по нему в жесткой манере. Я вижу, как ее глаза с наслаждением наблюдают за моими действиями.

Я делаю быстрый шаг в ее сторону, это заставляет ее оторваться моего тела и смело встретить мой взгляд.

— Нет? — лукаво улыбаюсь я. — Ты смеешь мне отказывать?

— Именно так, — говорит она смело, хотя я чувствую в ее голосе явную провокацию, она пытается подтолкнуть меня к более смелым действиям.

— Ну, хорошо, я в этом не вижу проблемы, тогда я сам тебя раздену, — говорю я немного порочным голосом.

— Ох, ну тогда я буду сопротивляться изо всех сил, — бросает она мне вызов, поддразнивая.

Ну все, игра началась, теперь ты не уйдешь от меня. Мой член пульсирует от желания оказаться в ее узкой, влажной киске, что я понимаю, мне нужно как можно быстрее расстегнуть ее джинсовые шортики и стянуть это соблазнительное бикини, перед тем как я толкнусь в ее горячую дырочку.

Я быстро хватаю ее за талию и притягиваю к себе, как можно крепче, чтобы ее бедра потирались о мою эрекцию. Затем оборачиваю руки вокруг талии, опускаю голову, чтобы жестко поцеловать ее, но тут… она вскрикивает от боли…

Я сразу же отпускаю ее.

— Что случилось?

Мойра вздрагивает всем телом и осторожно приподнимает край топа, смотря через плечо на отражение в зеркале. Я смотрю туда и вижу, что ее спина приобрела розовый болезненный оттенок от долгого пребывания на солнце.

— Черт, — говорит она расстроено, — кажется, я сгорела.

Она аккуратно тянется и прижимает пальчик к нежной коже на бедре. На мгновение кожа там становится абсолютно белой, затем она убирает его, и кожа опять становится розовой.

Мойра разворачивается, и мы смотрим друг на друга, наша искорка борьбы и азарт проходят. Затем она ослепительно улыбается потрясающей, головокружительной улыбкой, как и этим утром, ее глаза светятся.

— Кажется, я испортила момент последующего потрясающего секса? Упс.

Я запрокидываю голову и начинаю смеяться, потом смотрю на нее нежно.

— Нет. Ничего ты не испортила. Просто теперь я буду с тобой немного нежнее…

Аккуратно, почти не дотрагиваясь до ее кожи, я стягиваю футболку, снимаю верхнюю часть бикини, освобождая ее грудь и не упуская момента, прикасаюсь к ее соблазнительным округлостям. Я опускаюсь на колени, легко расстегиваю ее шорты, заботливо стягиваю их, следом идут трусики. Когда она стоит передо мной обнаженная, ее шелковистая киска находится в чертовых сантиметрах от меня. Я склоняю голову и мягко приникаю поцелуем к низу ее живота.

Я захожу в душевую и немного убавляю горячую воду, делая более мягкий напор и слегка теплую воду, потому что я не хочу, чтобы ей было больно. Смотря на ее обожженную от загара кожу, меня переполняет чувство вины, потому что я так чертовски хорошо позаботился о спине Кары, но не удосужился предложить Мойре.

— Тебе очень больно? — заботливо спрашиваю я.

— Нет… совсем нет, просто немного щиплет кожу. Но это пройдет, я после душа нанесу на тело молочко с экстрактом алое вера, и будет лучше.

— Я потом сам сделаю все, а теперь давай я помою тебя, — я беру ее за руку и помогаю ей пройти в душевую кабину.

Ее душевая по размеру такая же, как и у меня в ванной комнате. Она выложена коричнево-серой плиткой из сланца, с различными вариациями душевых насадок и встроенных в стены гидра форсунок, что обеспечивает распыление и подачу воды в разных направлениях.

Мойра наклоняет голову, и вода каскадом ниспадает на ее огненные волосы. Когда она поднимает голову, капельки воды покрывают ее длинные ресницы и щеки. Ее яркие зеленые глаза блестят, она выглядит восхитительно. Сказка. Она — моя сказка.

Я беру с полки гель для душа и наливаю на ладонь.

— Сначала помоем твое тело спереди.

Мойра смотрит на меня тяжелым взглядом из-под полу прикрытых ресниц. Я начинаю не спеша мыть ее. Мои ладони проходятся по её шее, рукам, спине, груди, уделяя той особое внимание, мягкими касаниями я обвожу ореолы сосков, подушечками пальцев потираю соски, превращая их в напряженные пики. Я так возбужден в

данную минуту. Я чувствую, что мой член изнывает от потребности оказаться внутри нее, но я все же продолжаю мыть ее тело.

Я скольжу намыленной ладонью между ее ног, касаясь пульсирующего клитора и вымывая каждую складочку. Я легко проникаю пальцем в ее горячее от возбуждения лоно и делаю пару движений пальцем, каждый раз погружая его немного глубже…

— Ох, Зак, — она стонет, ее колени дрожат, и она пытается отклониться от меня.

Я выскальзываю из нее и легко задеваю пальцем жемчужину клитора, она задерживает дыхание. Бл*дь, это так сексуально.

— Повернись, — хрипло произношу. — Дай мне помыть твою спинку.

Она делает, как я сказал, аккуратно перекидывая свои мокрые длинные волосы через плечо. Я едва касаюсь ее невесомыми прикосновениями, намыливая ее спину, ее аппетитную светлую округлую попку, которая лишена загара.

Я поглаживаю двумя руками ее попку, обводя круговыми движениями и массируя ее снова и снова. Затем легко развожу ягодицы и проворожу медленно пальцами между ними.

Мойра напрягается на мгновение, но затем с ее губ срывается мягкий стон.

— Стой спокойно и не двигайся, а то твоя попа покроется нежно-розовым загаром от моего шлепка! — властно говорю я.

Я выпрямляюсь, прижимаясь к ней, опускаю руку на ее клитор и нежно поглаживаю его подушечками пальцев, прежде чем скользнуть в ее киску пальцем.

Мойра хнычет, всхлипывая от удовольствия и опираясь одной рукой о стену душевой, двигает бедрами в такт моим движением пальцев в ней. Пока одной рукой я трахаю ее пальцами, затем потираю напряженный, пульсирующий бутон клитора, я опускаю вторую руку между нашими телами, легко поглаживая ее попку. Затем немного раздвигаю ягодицы и провожу там до тугого колечка мышц, ласково обводя его подушечкой пальца.

Она вздрагивает от такого откровенного прикосновения и пытается отшатнуться и выскользнуть из моих рук.

— Я сказал тебе не двигаться, — говорю я ей укоризненно, затем жестче прижимаясь, потираю клитор, захватываю его между пальцами и немного сдавливаю, стон удовольствия вырывается у нее из горла. Резко убираю пальцы и легко шлепаю ее по истекающей от желания киске.

Она пытается удержать свое тело в том же положении, а я продолжаю свои нападки на ее чувственный клитор и попку, обводя колечко ануса раз за разом, пока она не начинает постанывать.

Я прижимаюсь к ней, склоняю голову и горячо шепчу:

— Я хочу трахнуть твою попку.

Мойра начинает стонать громче и тут же отрицательно качает головой.

— Не говори нет… просто это будет не сейчас, не сегодня. Но скоро она будет моей, каждая часть тебя будет моей. Твой рот, твоя киска, твоя грудь, попка, — хрипло произношу я.

Она опять отрицательно качает головой, даже когда начинает стонать еще громче, когда стоны переходят в полу крики. Я улыбаюсь и оставляю влажный поцелуй на ее шее.

— Да, обязательно я возьму тебя в эту тугую дырочку, — я продолжаю говорить ей, толкаясь пальцем в ее киску, а другим пальцем продолжаю стимулировать ее тугую дырочку, затем легко преодолеваю тугое колечко мышц, ввожу лишь кончик пальца. — Я знаю, знаю, не пытайся лгать мне, ты тоже хочешь меня.

Мойра всхлипывает:

— О, Боже… Зак, где ты научился делать так?

Я легко смеюсь, затем наклоняю голову и целую ее в уголок рта.

— Гугл.

— Я… Я не смогу, Зак… не смогу принять тебя сзади, ты такой большой.

— Шш, — я шепчу ей на ушко. — Всему свое время, красавица. Я подготовлю тебя, и ты сможешь принять его.

Я выскальзываю пальцем из ее киски и начинаю нежно массировать ее клитор, мягкими круговыми движениями,

другой рукой продолжаю ласкать ее попку, проводя вверх вниз по чувствительному месту между ягодиц, аккуратно обводя пальцем звездочку ануса, я толкаюсь кончиком пальца вовнутрь.

Приглушенные звуки вырывают из ее горла, когда она в попытке вобрать в себя новые ощущения толкается попкой на мой палец. От нахлынувшего удовольствия я на некоторое время теряю тот ритм ласк ее киски, но, несмотря на это продолжаю снова и снова прикасаться к ней, так же толкаюсь пальцем в ее тугую попку.

— О, как это приятно, — бормочет Мойра, и чувство гордости за свои действия пронзает мою грудь. Пока одним пальцем я порхаю по ее клитору, вторым не прекращаю нападок на ее сокровенную часть, мышцы которой крепко стягивают мой палец. Она настолько узкая и горячая, что я даже не знаю, как я переживу тот момент, когда проникну в ее задницу. Только от одной мысли, что я толкаюсь туда, я готов кончить.

Дыхание Мойры становится прерывистым, она издает хныкающие звуки, когда я в одном ритме начинаю ласкать и проникать в ее обе горячие дырочки. Я начинаю

толкаться в ее попку с большей силой, и в то же время я начинаю жестче и быстрее ласкать ее жадный до ласк клитор.

— Бл*дь! — стонет Мойра в исступлении, и тут я понимаю, что это впервые, когда она произносит это слово. — О, ох… Я сейчас кончу, Зак.

— Черт, да, детка, именно так, — говорю я, когда начинаю распалять ее сильнее и еще сильнее, трахая ее пальцами.

Мойра вздрагивает всем телом, хватает меня за бедро и вонзается ноготками в мою кожу, сдавливает ее до крови, а следом удовольствие ее накрывает словно лавина, и все ее тело сотрясается от оргазма.

Я наблюдаю будто со стороны за ее дрожащим телом, и тем как продолжаю вонзаться пальцами в нее, понимая, что больше просто не выдержу.

Из-за того, что ее кожа немного обгорела на солнце, я провожу рукой, едва касаясь ее, принуждая прогнуться, она упирается руками о стенку душа, чтобы держать равновесие. Я обхватываю рукой член, он настолько возбужден, что я чувствую, как он пульсирует, сгибая

ноги в коленях, я развожу членом ее припухшие влажные складочки и толкаюсь в ее горячую плоть.

— Держись крепче, сладкая, — проговариваю каждое слово на выдохе я. — Это не займет у меня много времени.

Я трахаю ее киску, жестко вколачиваясь, удерживая ее за бедра, чтобы не поранить ее кожу. Я не могу отвести взгляда от того, как мой член скользит в нее, покрытый нашим влажным желанием.

Так хорошо.

Бл*дь, как же это приятно.

Ощущение оргазма быстро пронзает мое тело, словно сильная молния.

Я опираюсь рукой о стенку душевой и, когда глубоко кончаю в ее тело, сотрясаясь в полном экстазе, я вскрикиваю:

— Бл*дь.

Никогда. Никогда, я не испытывал ничего подобного.

Она исключительная, особенная девушка. С ней я испытываю абсолютное чувство свободы, которое именно она создала между нами. Ее полное подчинение моим

желаниям, моей воле, позволяет мне прикасаться к ней в самых тайных и интимных местах. И она делает это не потому, что я требую это или приказываю, а потому что она сама этого хочет, она доверяет мне, уверена в том, что я не причиню ей вреда. Мойра не нуждается в том, чтобы я обеспечивал ее едой или домом, как все карайканские девушки. Нет, она нуждается во мне по-другому, она желает меня всего. Мою душу и тело. Осознание этого меня шокирует.

Я прижимаюсь к ней, крепко обнимая, поглаживая ласково ее грудь, живот, слушая, как громко бьется ее сердце, и понимаю, что меня, скорее всего, уничтожат мои же чувства к ней, когда я решусь уехать отсюда.

Глава 18

Мойра

Я ополаскиваю руки в ванной и смотрю в зеркало на свое отражение. Оттуда смотрит смелая и решительная девушка, ее глаза серьезно меня рассматривают,

вспоминая все, что вчера произошло между мной и Заком. Это было потрясающе… прекрасно. Мы освободили себя.

И во мне что-то изменилось.

Со мной еще ни разу так не обращался мужчина, ни разу в моей жизни ко мне так ласково и заботливо не прикасались, я полностью доверилась ему. Дикарю, который ни разу в жизни не заботился о женщине, ее удовольствии. Это было волшебно, потрясающе, что-то определенно изменилось между нами в тот вечер. Когда он выскользнул из меня, я почувствовала, что все стало по-другому.

Зак аккуратно завел меня под струи воды, смывая оставшуюся мыльную пену. Затем он налил в ладонь ароматный шампунь и начал мыть мне волосы, бережно массируя кожу головы, чтобы я расслабилась. Смыв волосы, он нанес кондиционер для волос, распределяя его по всей длине волос.

Он был так нежен со мной. Помогая выйти из душа, Зак не забыл обернуть меня в махровое полотенце, не дотрагиваясь до моей чувствительной спины. Положив меня посередине кровати на живот, он нежными

движениями начал втирать охлаждающее молочко алое вера в мою кожу. Я сразу же вздохнула от облегчения. Его пальцы так умело и ласково прикасались к моей коже, как будто он знал обо мне все наперед, где и как нужно прикоснуться, чтобы я захотела большего.

И хотя его пальцы были такими ласковыми с моей спиной, когда он массировал попу, он делал это более жесткими движениями. Я извивалась под его прикосновениями, безмолвно умоляя о большем, чтобы он прикоснулся ко мне в более интимном месте, и он повиновался моей просьбе. Он неспешно провел рукой между ног, легко разводя их в стороны. Я ощутила обжигающую волну удовольствия, когда он толкнулся в меня. Я чувствовала его движения: вошел, вышел, затем он легко потирал набухший клитор, посылая по телу несравнимую ни с чем волну удовольствия.

Зак трахал меня медленно и размеренно, каждый раз погружая член немного глубже, чередуя толчки, удерживая вес тела руками, которыми он опирался о матрас. Я сходила с ума от желания ощущать его тело,

обнаженную кожу на своей, но я знала, это было невозможно из-за неудачного загара.

Каждый раз, когда он погружался в меня своим членом, он полностью отдавал себя моменту чистого удовольствия. Я кончила сильно, до боли сжимая одеяло на кровати, его освобождение последовало вслед за мной, мое наслаждение толкнуло его через край. Он нежно наклонился надо мной и прижался в любовном поцелуе к чувствительному месту между лопаток.

Когда он выскользнул из меня, я мысленно задалась вопросом, уйдет он сразу в свою комнату или что-то последует далее, изменилось ли что-нибудь в наших отношениях. Мы провели вместе предыдущую ночь, но я не могла понять, было ли это вследствие эмоций, или потому что он устал, или все же он этого искренне хотел. Я страшилась спрашивать его об этом, потому что я просто боялась его откровенного ответа.

Вместо этого он скатился с меня, лег на спину, повернул голову в мою сторону и прошептал:

— Иди ко мне.

Я повернулась к нему и подвинулась, удобнее устраиваясь около него, прижимаясь всем телом, он крепко обнял меня рукой, в этот раз мне уже было гораздо легче, нежное молочко лосьона алое вера помогло идеально. Мы лежали некоторое время в тишине, затем я не вытерпела и задала вопрос.

— А откуда у тебя этот шрам? — спросила я, проводя ладонью по его идеальному прессу, затем мимо тазовой кости и до верхней части бедра, где находился шрам, который напоминал четыре коротких закругленных черточки, каждая из которых по пять дюймов в длину. Я заметила их еще в первую ночь нашего знакомства в Карайке, хотя шрамов у Зака было огромное множество на теле, но почему-то именно этот заинтересовал меня наиболее сильно.

Зак приподнял голову от подушки и лениво посмотрел туда, где находились мои пальчики.

— Аа, этот. Это оставила мне на память зеленая анаконда, которая хотела разорвать меня и проглотить.

Я приподнялась на локте и посмотрела на него, удивленно приподняв брови.

— Ты что, шутишь?

Он посмотрел на меня в упор.

— Нет, даже и не думал. Я вполне серьезно.

— Мать твою, а как это произошло?

Зак улыбнулся, крепче притянул меня к себе и положил голову обратно на подушку.

— Мне было на тот момент двенадцать. Вроде, точно не помню, но я с мальчишками из племени пошел на охоту. Мы не были настолько хорошими охотниками, все, на что мы были способны, так это поймать обезьяну, если бы смогли попасть в нее из лука. Вот тогда мы случайно наткнулись на анаконду на берегу реки Итуи. Она свернулась калачиком, подсунув голову под тело, поэтому мы не могли видеть ее самой уязвимой части.

— Ее? А как ты вообще узнал, что она девочка, ну в смысле самка? Ты что, приподнял ей юбку? — спросила я с сарказмом.

— Нет, всезнайка! Просто самки этой особи всегда превышают по размеру самцов, а эта крошка была огромная. Мне кажется футов двадцать, если судить исключительно по тому, во сколько колец она свернулась.

Во всяком случае, они всегда остаются в воде, когда охотятся, там они наиболее быстры и проворны. Но эта была довольна медлительной, а может она была просто старой... кто знает, но все, о чем я тогда мог думать, что она будет отличной едой для моего племени, когда я убью ее.

Я вздрогнула всем телом от его слов. Не только потому, что он столкнулся с такой опасностью в столь раннем возрасте, а еще и потому, что на его плечах лежал груз ответственности. Это было очень важно для него, добыть еду своим людям.

— У каждого из нас были лук и стрелы, но мы знали, что они тут нам просто бесполезны. Мы должны были парализовать стрелами голову змеи. Но проблема заключалась в том, что мы не видели ее. Но Каурло придумал хитрый план, привлечь внимание анаконды камнями. Мы должны были бросать в нее камни, чтобы разозлить ее, и она бы подняла свою голову.

— Кидать камнями в огромную двадцатифутовую змею, чтобы она подняла голову? Вы что, больные?

Зак рассмеялся.

— Да, думаю, мы были очень глупы, когда согласились на эту авантюру. Но это, как ни странно, сработало, и в итоге она все-таки приподняла свою огромную голову. Она не выглядела злой, она была сонной.

Развернувшись, она заскользила к реке.

— Я бы, наверное, отпустила ее, пусть бы ползла, — сказала я с содроганием. Я даже не могла представить такую огромную змею, а тут еще, чтобы охотиться на нее.

— Нет. Это был наш обед, я бы не отпустил ее ни за что. Когда она поползла к воде, мы бросились за ней с криками, вытащив наши мачете. Я был самым быстрым. Настигнув ее, я размахнулся, но она была проворнее. Резко метнувшись, она кинулась, обнажив острый ряд зубов, и схватила меня за бедро. Это было настолько стремительно, что я даже не успел отреагировать. Я упал на землю, точнее сила ее броска и укуса принудила меня рухнуть на землю, я выронил из руки мачете, — задумчиво вспоминал Зак.

— Милостивый Господи. И что же случилось дальше?

— Да я просто заорал во все горло. У анаконды два ряда зубов с каждой стороны, они острые, как иголочки, и

немного изогнутые. У нее очень мощные челюсти, она может удерживать огромную добычу, когда она вонзает в тебя свои зубы, вырваться просто невозможно. Кстати, ее зубы совсем не ядовиты, хотя она относится к змеям. Она должна действительно крепко впиться в добычу, чтобы начать закручивать ее витками своего мощного тела, чтобы в итоге задушить жертву.

— Тебя спас кто-то из мальчишек?

Зак громко рассмеялся.

— Они все были напуганы до чертиков и побежали в джунгли звать на помощь старших. К великому счастью, Парайла оказался поблизости и прибежал на помощь. Когда он увидел, что случилось, что я лежу на земле, а ко мне прицепилась водная змея огромных размеров, он начал ругаться на португальском: «Глупый, глупый мальчишка!» К тому времени, когда он подбежал ко мне, змея начала закручиваться в смертельные удушающие кольца вокруг моего живота, он еле нашел место, где смог разрубить мачете ее тело, не поранив при этом меня!

— Слава Господи. Но я так понимаю, ему это удалось, — подытожила я.

— Естественно, я же перед тобой! Эта змея была разозлена не на шутку. Парайле пришлось пропиливать ее мачете, пока она душила меня. Когда он ее убил, то довольно долго расцеплял ее зубы с моего бедра, два даже обломились, и их пришлось вытаскивать позже.

— Господи, Зак… Ты же мог погибнуть… — мой голос надламывается на последних словах.

— Да, причем дважды… сначала от самой змеи, а затем от глубоких ран, что она нанесла мне, потому что в них попала инфекция, и они загноились.

Печаль обрушилась на меня, потому что ему пришлось прожить тяжелую жизнь, судьба была к нему достаточно сурова. Он не должен был пройти через все это. Не тот милый, хороший мальчик, который до ужаса не хотел оставлять свой дом и ехать в незнакомую Амазонку.

— У тебя была очень тяжелая жизнь, — говорю я ему мягко.

— Да не совсем, — говорит он, пожимая плечами. — Я смог приноровиться к жизни там.

— Ты научился выживать.

— Я стал там мужественнее, я смог взрастить в себе мужчину, — тихо добавляет он.

Да, Зак очень точно сказал, он взрастил и открыл в себе мужчину. Я проигрываю в голове этот разговор, когда продолжаю смотреть на себя в зеркале.

После его рассказа мы спокойно уснули в объятьях друг друга. Я проснулась утром со стоном, который сорвался с моих губ, когда Зак ласкал меня рукой, неторопливо и нежно, между ног, пробуждая меня ото сна утренним оргазмом. Он был ненасытным, но я не жалуюсь.

К тому времени, когда мой оргазм начал утихать, я ощутила его твердый бархатистый член внутри себя, он вколачивался с такой силой, что минутами позже его настигло собственное освобождение. Как только он излился в меня до последней капли, он рухнул сверху, прижимая лицо к подушке, и прокричал мое имя, слава Господи, что гусиный пух заглушил его крик.

Мои ноги подрагивали от схлынувшего оргазма, когда я прошла в ванную комнату, где пописала и умылась, а

теперь стою и смотрю на себя в зеркало, вспоминая то, что с нами произошло.

Зак словно загадка. Он был рожден милым и невинным мальчиком, позже он превратился в мужчину, который источает дерзкую опасность и стальную сдержанность. Своенравный, покрытый шрамами и с дикой жаждой к жизни. Он смог принять все, что уготовила ему жизнь и да, он превратился в потрясающего мужчину.

Сейчас он здесь со мной, он в пределах моей досягаемости, он в этом мире, я могу протянуть руку и коснуться его. Я так рада, что мы продолжаем наши отношения, если бы не они, думаю, он бы давно уже вернулся к себе в Амазонку. И я говорю это без доли самоуверенности, и конечно, по большому счету, я расстроена такой перспективой его возвращения туда, да, я не скрываю, я бы хотела, чтобы он остался и был со мной. Но для него это лишь секс, который неизвестно сколько продлится.

Я смотрю на себя в отражение в зеркале, и у меня нет ответов на мои вопросы, поэтому я вытираю печально руки и прохожу в комнату. Зак лежит на кровати и

смотрит на меня. Он в расслабленной позе, его руки сложены за головой. Он полностью обнаженный.

Я растеряна, потому что не знаю, как мне вести себя в данную минуту, стоит ли мне забираться обратно в постель к нему, и что делать дальше? Мое желание, чувственность момента и интимная атмосфера вдруг испарились, и я чувствую себя такой уязвимой сейчас, незащищенной.

— Иди сюда, вернись в кровать ко мне, — нежно зовет он меня. — У нас нет планов на сегодня, так что я хочу целый день проваляться с тобой в кровати и повытворять гораздо больше развратных вещичек.

Мой пульс начинает стучать со скоростью отбойного молотка, глаза опускаются по его мускулистому подтянутому телу и останавливаются на его эрекции. Когда я поднимаю взгляд, он хитро говорит мне:

— Не переживай, сладкая, мне понадобится всего лишь пара минут и близость твоего обнаженного тела, чтобы он был готов.

Меня не нужно просить дважды, я забираюсь на кровать. И вместо того, чтобы лечь рядом с ним, я

совершаю более дерзкий поступок, упирая колени по обеим сторонам от его талии, я сажусь сверху на его бедра, чувствуя член под моей плотью.

Зак приподнимает в удивлении брови и кладет свои большие ладони на мои бедра.

— Ну и что ты делаешь?

Я, сияя улыбкой, пожимаю плечами, потому что честно… Я не знаю, какого хрена я сейчас делаю. Поэтому я говорю ему:

— Просто хочу посидеть на тебе немного… посмотреть, как это, быть сверху…

Зак улыбается широкой улыбкой, и знаете, мне до боли нравится такая милая нежность между нами. До недавнего момента я совершенно не знала Зака с такой стороны, потому что большую часть времени он очень серьезный и властный, все контролирует, сдерживает эмоции. Он находит меня забавной, и мне это очень нравится.

Я тянусь к нему руками, и мы переплетаем пальцы.

— Ну, так что мы сегодня планируем сделать?

— Я думаю, мы будем дальше нежиться в кровати и заниматься всякими непристойными штучками, как я и говорил до этого… причем целый день.

— Думаю, это совсем не вариант! Рэнделл или Сэм заподозрят что-то, выбери что-нибудь еще.

Зак отводит от меня взгляд, как будто что-то обдумывает, затем он опять смотрит на меня, и его взгляд выражает крайнюю решимость.

— Я не планировал это так скоро, и конечно, не думал, что это будет сегодня... но я подумал, что мы могли бы с тобой вдвоем сходить в церковь и послушать службу, посмотреть, как это.

Я крепче сжимаю его руки и воодушевленно шепчу:

— Это прекрасная идея. Почему тебя это заинтересовало?

— Я думал, что это был бы отличный способ, может, как-то понять моих родителей. В этом была задействована большая часть их жизней. Я отошел от христианского учения пока жил в Карайке, хотя отец Гоуль исправно пытался наладить эту связь, рассказывая отрывки и истории из Библии. Мне было ближе на тот момент то,

что практиковали карайканцы, которые находили особую магическую связь с природой. Но теперь, думаю, почему бы мне не посмотреть на увлечение моих родителей, и может, попытаться понять их, ведь хуже от этого уже точно никому не станет. Ты же понимаешь, что мне нужно прикладывать больше усилий, чтобы как-то понять и привыкнуть к вашему современному миру и обществу.

Поднимая наши переплетенные пальцы, я целую каждый его палец.

— Я думаю, это отличный способ, чтобы почтить память твоих родителей, Закариас. Я буду счастлива пойти с тобой. Я попытаюсь узнать, какая из церквей находится поблизости, и мы сразу посетим ее.

— Спасибо тебе, — говорит он и подтягивает наши переплетенные пальцы к своим губам, целуя каждый пальчик, а затем развратно покусывает.

Я прерывисто вздыхаю, качаю бедрами, проводя своей киской по его члену. И ощущаю, как его эрекция пробуждается под моими дразнящими движениями.

— Но давай поговорим о более важных вещах на данный момент, — бормочет Зак, а в его глазах бушует огонь.

— И о чем же это? — шепчу я, смотря на него невинным взглядом.

— Давай поговорим о том, как ты возьмешь в рот мой член, а я буду в это время ласкать твою сладкую киску.

— Ах, об этом ты хотел поговорить, прости, я не догадалась сразу, — поддразниваю я его, продолжая покачивать бедрами. — Кстати, это позиция в сексе называется «шестьдесят девять».

Огонь желания в глазах Зака меркнет и на долю секунды его заменяет живой интерес.

— «Шестьдесят девять»? А почему это так называется?

Я высвобождаю руку из его ладони и рисую указательным пальчиком на его груди цифры, когда он смотрит, я продолжаю объяснять.

— Шестьдесят девять, Зак. Смотри, как соотносятся цифры. Ничего не напоминает? —

говорю я, подмигивая и дерзко улыбаясь.

Признание и понимание касается его взгляда, и он кивает с грешной улыбкой, которая приподнимает уголки его губ.

— О, ну теперь я вижу. Я и раньше хотел предложить тебе это, но даже и не мог представить, что это так называется.

— Да, это очень популярная сексуальная позиция или мне так, по крайней мере, кажется.

Зак резким движением поднимается и садится на кровати, крепко оборачивая свои сильные руки вокруг моей талии. Между моих бедер он был невероятно твердым. Теперь я очень хорошо чувствую, как его твердый и готовый член касается моих влажных складочек, он немного покачивает бедрами. Зак немного толкается и раздвигает членом мои складочки, начиная двигаться напротив моего изнывающего от желания прикосновений клитора. Прижимая к себе, он переворачивает меня на спину.

— Ты когда-нибудь делала это раньше, ответь мне?

Я смущенно качаю головой и прикусываю нижнюю губу.

— Нет, не делала. Но всегда хотела попробовать.

— Я буду твоим первым, — с гордостью говорит он.

И, надеюсь, последним, но это все пустые и несбыточные мечты.

— Тогда ответь мне еще на один вопрос. Что насчет прошлой ночи? — спрашивает он, немного склоняя голову набок, и смотрит на меня прищуренным взглядом. — Проникал ли когда-нибудь мужчина в твою попку, как это сделал я?

При воспоминании об этом жар пронзает мое тело неистовым потоком желания, и моя киска невольно начинает сжиматься.

— Никогда, — приглушенно шепчу я в ответ.

Глаза Зака загораются огнем собственника, он приближает свое лицо к моему. Его губы в миллиметре от моих, он рычит:

— Я не могу дождаться момента, когда возьму твою попку. Это будет восхитительно.

Я тяжело сглатываю комок, образовавшийся в горле, и согласно киваю, хотя я все еще напугана предстоящей перспективой, потому что его член огромного размера. Я

так боюсь, что он просто разорвет все внутри, когда будет иметь меня своей огромной штуковиной, и скорее всего, мне нужно узнать в интернете немного больше об этом, чтобы суметь подчиниться ему, его и своим желаниям, и не оказаться на больничной койке.

Он улыбается, глядя на мое согласие, и обрушивает свои губы в безжалостном поцелуе, углубляя его, внезапно мы слышим стук в дверь.

— Зак, — я отчетливо слышу голос Рэнделла. — Я сейчас направляюсь на работу в офис и решил перекинуться парой слов перед тем, как уйти.

Я дрожу всем телом, потому что Рэнделл может узнать о нашей связи. Зак не делает больше ничего, кроме как лениво улыбается и наблюдает за моей реакцией. Я осторожно пытаюсь отодвинуться и выскользнуть из-под него, но он вдавливает меня своим весом в матрас, игривая улыбка не сходит у него с лица.

Наконец, я сталкиваю Зака, быстро встаю с кровати, хватаю простынь и оборачиваю вокруг тела. Паника охватывает меня, я растерянно смотрю на него, не понимая, что мне делать дальше, куда иди и где

спрятаться. Зак неторопливо встает с кровати и кивком показывает на дверь ванной, говоря достаточно громко в ответ.

— Минутку. Я оденусь.

Я стрелой залетаю в ванную, где плотно прикрываю дверь и отхожу немного в сторону, чтобы если ее вдруг откроют, я могла спрятаться за ней.

Я ни черта не вижу, но я все отчетливо слышу. Зак передвигается по комнате, шелест материала его джинс, звук застегивающейся молнии. И вдруг, мне становится смешно, от мысли как он спрячет свою эрекцию, наверное, это вызовет дискомфорт, но в данной ситуации это выглядит забавно, мы ведь взрослые люди, а ведем себя как дети.

Дверь открывается, и я слышу, как Рэнделл весело говорит:

— Доброе утро, Зак.

Черт. Почему я слышу его голос так отчетливо? О, Боже… Бл*ть. Он, скорее всего, прошел в комнату. В комнате еще пахнет сексом и желанием? А может он слышал, как мы разговаривали. Мое сердце стучит как

сумасшедшее, и я сразу начинаю молиться Господу, чтобы он помог мне выбраться из этого всего. Я начинаю давать обещания, что если он мне поможет, то я оставлю Зака в покое, и даже думать про него забуду, только бы не быть пойманной Рэнделлом. Потом вдруг понимаю, что за бред я говорю. Я никогда не смогу оставить Зака, даже если меня окружат сотни голодных анаконд.

— Так что произошло Рэнделл? Что-то срочное?

— Да нет. Просто я подумал, как ты смотришь на то, чтобы пойти со мной сегодня на работу? Посмотреть, чем я живу, что для меня важно? Чем зарабатываю на жизнь? Мне кажется, тебе должно понравиться, вдруг ты решишь остаться здесь по каким-либо причинам.

— Мм, — я могу отсюда слышать, как Зак колеблется и начинает размышлять, как выкрутиться из этой ситуации. На данный момент их отношения с Рэнделлом немного потеплели, и лед в их отношениях тронулся, но все же Зак относится к нему настороженно и немного нервничает в его присутствии. — Ну что ж. Почему бы и нет?

— Отлично, спасибо, Зак. Это очень много для меня значит. Тогда встретимся внизу за завтраком, — когда он

произносит эти слова, мое сумасшедшее сердцебиение успокаивается, и я вздыхаю с облегчением.

Он разворачивается и уже идет на выход, я слышу шаги, но он вдруг останавливается.

— Сейчас только загляну в комнату Мойры, спрошу, не хочет ли она к нам присоединиться.

Ох, бл*дь, бл*дь, черт, черт! Он все понял?

— Эм, Рэнделл, ее нет сейчас в комнате, — говорит Зак, и мое сердце взрывается от ощущения страха, — кажется, я слышал, как она ушла несколько минут назад. Наверное, она пошла на пробежку.

Пробежку?! С каких это пор я начала бегать?!

— Ну что ж, мы можем подождать, пока она вернется, — говорит вежливо Рэнделл. — Увидимся внизу за завтраком.

— Минут через тридцать? — кричит ему вслед Зак.

— Отлично, — отвечает он и уходит, прикрывая за собой дверь.

Я выжидаю тридцать секунд, прежде чем выйти, жду, когда состояние ужаса схлынет, и я наберусь достаточно мужества, чтобы покинуть безопасное пространство

ванной комнаты. Затем я выхожу из ванной, все еще прикрывая тело простынею, используя ее как своеобразную защиту.

Я вижу, что Зак лежит на кровати, поглаживая член рукой. Он возбужден и готов к дальнейшим действиям, его желание не сбил визит Рэнделла. Глаза словно объяты пламенем, когда он впивается в меня взглядом.

— Опусти шелковую простыню.

Мои руки разжали нежный материал, и он упал лужицей на пол.

— Теперь забирайся в кровать. Я хочу попробовать с тобой эту новую позу, шестьдесят девять.

— Но, стой, тебе же нужно спуститься к завтраку. А мне пойти к себе и принять валиум или какое-нибудь другое успокоительное. Я жутко испугалась.

— Иди ко мне, Мойра. Я не покину эту комнату, пока не вылижу твою киску, а ты не отсосешь у меня.

О, Боже. Мое тело дрожит, и я двигаюсь к кровати на зов его голоса.

Когда я забираюсь на нее, то автоматически останавливаюсь, ожидая приказа Зака.

— Иди ко мне, детка. Забирайся сверху, — говорит он с игривой усмешкой. — Я хочу, чтобы ты была сверху, хочу почувствовать твою красивую киску у меня на языке, и твой ротик на моем члене.

Я не знаю, что ответить ему. Черт, он слишком хорошо изучил современный сленг. Его слова пресекают мою попытку что-либо сказать, но не отнимают силу двигаться. Я медленно подползаю к нему, легко касаюсь губами его губ. Разворачиваясь, я сажусь ему на лицо, чтобы моя киска находилась над его ртом.

Затем Зак продолжает возносить меня до высоты солнца и обратно, лаская меня губами, языком и ртом, пока я сосу его великолепный член, забирая каждую каплю, что он дает.

Глава 19

Зак

Недели летят за неделями, вопреки всем моим первоначальным опасениям о визите к Рэнделлу, я

наслаждаюсь времяпрепровождением в Джорджии. Я был занят все эти дни, Мойра показывала мне достопримечательности. Также она про многое рассказывала, водила во всякие места, показывала мне то, что я бы никогда не увидел, если бы жил в Карайке.

Мойра старается успеть показать мне как можно больше за оставшееся время. В один из дней она взяла меня на профессиональную Бейсбольную игру. Именно там я познакомился с замечательным вкусом разливного пива и горячими хот-догами, а также понял ценность таких мелочей, насколько они могут быть наполненными радостью и счастьем. В следующий раз мы вчетвером ходили в театр на мюзикл «Отверженные». Было бы намного лучше и интересней, если бы Клинт и Кара не пошли с нами. Я должен был заботиться о Каре, которая сидела рядом со мной. На протяжении всего спектакля она поворачивалась, невольно касаясь меня, то невзначай прижималась грудью к моей руке, то клала мне на колено ладошки. Нет, не скажу, что это не было приятно, прикосновения женщины не могут быть неприятными. Но было лишь одно «но», она не была той, от кого я хотел

этих прикосновений. Я хотел интимности и нежности только от Мойры. Когда действия Кары не отвлекали меня, как и ее глупые разговоры, я пристально наблюдал за Мойрой. Клинт прижался к ней слишком близко, что полностью выходило за рамки ее личного пространства. Я сжимал кулаки до боли, впиваясь ногтями в ладони, в попытке заглушить непреодолимый гнев, чтобы не подойти и не врезать по его загорелой физиономии.

Наиболее запоминающаяся вещь, которую мы с ней сделали на данный момент, конечно кроме того, чем мы занимаемся в постели, это посещение открытой лекции ее коллеги из университета Эмори. Тема лекции была мне близка: использование лекарственных растений шаманами в коренных племенах на территории Амазонки. Мне очень понравилось.

То, что сделала Мойра, показалось мне очень трогательным, она подарила мне кусочек, ценное воспоминание о моей культуре и культурном наследии, пока я пребывал здесь в современном мире. Когда лекция закончилась, я под влиянием смешанных чувств подошел, прижавшись к ней, и поцеловал ее в шею, прошептав:

— Спасибо, это было великолепно.

Она покраснела и, немного смутившись, протянула мне руку и пожала ее в знак благодарности, затем мы вернулись в дом Рэнделла и не вылезали из кровати весь вечер, занимаясь диким сексом, словно сумасшедшие животные.

Как и обещал, Рэнделл привез нас с Мойрой в главный офис Кэннон корпорейшн, который находился в самом центре Атланты. Мы отправились туда сразу же, как только испытали с Мойрой все прелести позы шестьдесят девять, которая, к слову, очень понравилась нам обоим. Стоит ли говорить, что мы повторили ее в ту же ночь. После ужина я забрал Мойру к себе в комнату и вообще не хотел никуда отпускать. Я никогда не мог представить, что ощущение женского ротика на моем члене будет так чертовски потрясающе, или сладкая киска Мойры будет так восхитительно чувствоваться на моем языке.

В тот день все было очень интересно, но меня преследовало ощущение, что Рэнделл тратит слишком много усилий, чтобы все показать мне. Он долго рассказывал о своем бизнесе, о том, что они делают

ставку на отличный сервис клиентов, о хорошей продукции, что продается в его супермаркете и о приемлемой цене. Он очень гордится свое работой, но это совершенно невозможная затея, чтобы и я от его рассказа почувствовал ту же гордость. Я внимательно его слушал, задавая вопросы и удовлетворяя свое любопытство. Когда вечером мы ужинали, наконец, все стало на свои места, и я понял, к чему склонял весь день Рэнделл. В тот момент, когда мы разговаривали о его дальнейших планах, он проговорился, что хотел бы иметь такого приемника, как я. Кому бы он в один день отдал все бразды правления его делом.

Именно те слова и стали для меня знаковыми. Он смотрел на меня и воспринимал как своего приемника, которому он в один день все передаст. Я не тот человек, он ошибался.

Мойра быстро посмотрела на меня взглядом, полным тревоги. От нее тоже не ускользнули его слова.

Но я решил пресечь такие мысли с его стороны, чтобы в последствии он не чувствовал, что я предал его надежды, я твердо, но по-доброму сказал:

— Я ценю и уважаю все, что ты чувствуешь, дядя Рэнделл, но это не интересует меня.

Как вообще это могло интересовать меня, когда моя душа и мое сердце были уже на пути в тропические леса.

Тем не менее, я не могу отрицать, что начал задумываться над тем, чтобы остаться здесь. Нет, не ради денег, выгоды или работы, что сулил мне Рэнделл, а ради Мойры, чтобы иметь возможность видеть, слышать, наслаждаться ею. Значило ли это, что я хочу полностью посвятить себя только одной женщине, делать с ней все, чему она меня учила, просто жить, любить ее, и, конечно, иметь удовольствие трахать ее по ночам, ну можно и в течение дня.

У меня не было ответа на этот вопрос.

У меня не осталось ни единого сомнения, что Рэнделл был более добр ко мне, чем я мог представить. Но его доброта вызывала в моей душе гнев. В тот день, когда мы поехали в дом моих родителей, он улучил момент и сказал, что завел банковский счет на мое имя и положил энную сумму денег, поэтому я могу ими пользоваться,

пока нахожусь здесь. Затем он вручил мне кусочек пластика, объяснив мне, что это кредитная карта.

Я попытался отдать ему ее обратно, категорически отказываясь принимать его подачки и всякий намек на благотворительность. Но затем слово взял Рэнделл и терпеливо пояснил мне, что я уже принял его «благотворительность», когда вернулся в штаты, когда воспользовался помощью Мойры, когда питался с его стола и оставался в его доме.

Нет, он не сказал мне это в укор, он просто напомнил по-доброму, что я больше, чем просто гость, я — его семья. Эти слова вызвали во мне странный трепет эмоций, но я тут же подавил их, я боялся чувствовать схожие чувства, так как они прямая нить, которая связывает меня с современным миром. Рэнделл также сказал мне, что у него денег просто куры не клюют, и если я не возьму и не воспользуюсь этой картой, я обижу его. Он сказал, что это не более чем просто благодарность, дань заботы и уважения моим родителям, которые подарили ему самые радостные минуты в жизни, когда были с ним.

Это заставило почувствовать себя полнейшим куском дерьма. Поэтому я не стал больше упиваться своей гордостью и все-таки взял карту, положив ее в карман. Я ненавидел зависеть от Рэнделла. Я все время жил жизнью мужчины, который не сидит, сложа руки, который делает все, чтобы прокормить и облегчить тяжкое бремя существования своего племени, а он вручал мне то, что я не заработал, да еще и предлагая пользоваться мне этим.

На следующий день мы пошли с Мойрой в торговый центр, где было просто бесконечное море маленьких отделов. Там я купил ноутбук для своего пользования. Мне нравилось проводить свободное время, читая книги, слушая музыку, и да... узнавая много нового о сексе. Если я и хотел воспользоваться достоинствами пребывания здесь, то я буду делать все возможное, чтобы провести как можно больше времени с Мойрой.

Я сижу на кровати в своей комнате и рассматриваю разнообразные товары на Амазоне — это интернет-магазин, как вы уже догадались, а не область в тропических джунглях. Из своей комнаты я могу видеть Мойру, которая занята работой. Она сказала, что ей

необходимо проверить почту. Я чувствую необходимость заниматься с ней сексом и обнимать ее, когда она находится в непосредственной близости от меня.

И даже когда она не находится рядом, меня все равно не покидает это чувство.

Я вижу, как она сидит за маленьким столиком у восточной стороны возле окна, и что-то очень сосредоточено читает на экране ноутбука.

— Ты все еще работаешь? — спрашиваю ее я, когда обхожу вокруг и останавливаюсь у нее за спиной.

Она немного пугается, но затем разворачивается с улыбкой.

— Нет, я все сделала. Теперь сижу и читаю письмо от моей сестры.

— Сестры?! — ну и как я мог знать, что у нее есть сестра? Может, потому что за все время так и не спросил ее ни разу об этом.

— Да, Лиза. Она живет в Северной Каролине, мы пытались договориться о моем визите к ней, пока я тут.

— А могу я с ней познакомиться? — спрашиваю я, потому что сейчас мне становится интересно все, что ее

касается. Она посвятила все время мне, когда я не выказывал большего внимания к ней, кроме как в интимном плане.

Она улыбается и поднимается, затем прижимается ко мне и выгибает спинку, вжимаясь в мои мышцы груди твердыми сосками, и сразу же во мне появляется желание оттрахать ее сильнее, чем я планировал до этого.

— Конечно, можешь. Мы можем вместе съездить к ней, если Рэнделл не запланировал ничего важного на эти выходные.

Я вытягиваю руки и прижимаю ее сильнее к себе, заключая в объятья, склоняю голову и вдыхаю аромат, который исходит от ее волос. Они пахнут яблоками и теплым рассветом.

— Ты близко общаешься со своей сестрой?

Наклоняясь, чтобы спокойно и мягко прижаться к моей груди щекой, она делает это настолько мило и любовно, что у меня перехватывает дыхание.

— Да, мы очень близки с ней. Она растила и воспитывала меня с того времени, как наши родители умерли.

Я резко отодвигаюсь назад и смотрю на личико Мойры, которая ничего не понимая, растерянно поднимает на меня глаза, в которых стоит немой вопрос.

Так мы смотрим друг на друга в течение некоторого времени, затем я все-таки решаюсь и спрашиваю:

— Твои родители погибли? — сейчас мне стыдно в тысячу раз больше, чем когда я узнал о сестре, я практически не знаю о ней ничего.

— Да, мои родители умерли. Отец, когда мне было тринадцать. От сердечного приступа. А мама два года спустя от рака. Лиза же на пять лет старше меня, поэтому она стала моим официальным опекуном.

— Я... прости меня, — говорю ей искренно. — Я не знал об этом.

— Все хорошо, не переживай, — говорит она мягко и крепко обнимает меня, затем отступает от меня на пару шагов назад и разрывает наши объятья, от чего мне хочется еще крепче прижать ее к себе. — Между нами есть кое-что общее, не находишь? Наши родители погибли, когда мы были детьми, нас растили другие близкие нам люди.

Я мгновенно подумал о Парайле, о том, как он окружил меня заботой и лаской, когда я узнал, что мои родители погибли. Я был полностью растерян, несчастен, внутренне разбит и потерял всякую надежду. Но он не бросил и не оставил меня, он принял меня как своего сына и стал родителем мне во всех отношениях. Столько же, как я предполагаю, Лиза сделала и для Мойры.

В эту секунду меня затопили все те забытые ощущения. Я пытаюсь снова понять и переоценить все, что почувствовал, когда узнал, что мне придется покинуть мое племя. Мой устоявшийся, спокойный мир перевернулся с ног на голову, потому что в прошлом я уже имел дело с этим. Я прошел не один раз через такие переживания, и поверьте, не хочу этого снова. Я отчетливо помню тот день, когда Парайла сказал, что мне необходимо уехать.

Воздух был раскаленным от жары… тяжелым… когда я шел через джунгли. Мои ноги легко скользили по дороге, которая была покрыта сгнившими листьями, я ловко обходил сплетенные корни деревьев и ветки виноградной лозы, которые покрывали узкую дорожку. Тропа, по

которой я шел, была не больше узкого коридора из прорубленных мачете листьев, которые безжизненно свисали с веток. Именно по этой дороге я шел ранее днем. Я проделал такой длинный путь от деревни до реки Песайпан, в надежде убить каймана или аллигатора, я знал, что это вызовет улыбку на покрытом глубокими морщинами лице старика. Он был уже слишком стар, чтобы самому обеспечивать себе пропитание, поэтому он полагался в этом вопросе на меня и других членов племени, обеспечивать его столь необходимой для него белковой пищей. Его жена была так же стара, как и он. Она кормила его большим количеством хлеба и бананов, но ведь ему требовалась более сытная пища, чтобы поддерживать силы, потому что он становился с каждым днем все слабее и слабее, старость не щадит.

Мне не посчастливилось убить каймана, но я не вернулся с пустыми руками. Мой мачете был закреплен на спине, чтобы руки были свободными. В одной я нес лук, колчан и стрелы, в другой — пальмовую корзину. Я убил двух змей, и в корзине было проще всего их донести до дома. Они будут отличным ужином для Парайлы.

Дорога домой не заняла у меня много времени, потому что я до этого полностью прорубил ее, когда поднимался к реке. Я остановился лишь раз, когда почувствовал накатывающую усталость, чтобы сделать пару глотков из дождевой лужи и съесть кусочек хлеба — лепешки, который положил мне Парайла перед тем, как я уходил на охоту. Его жена за день до этого пекла их на большом глиняном диске. Мне как всегда не было предложено ничего ни во время того, как она готовила, ни после того, но Парайла дал мне большой кусок, когда она отвернулась, подмигнув.

Если бы я не был принят Парайлой в их карайканское племя, я бы давно уже умер. И не только от анаконды, когда мне было двенадцать. Я бы просто погиб от голода, когда мои родители умерли. Я был белым человеком в их темном туземском мире, всегда был чужаком, никогда бы я не был принят на уровне соплеменника, если бы не Парайла. Я очень отличался от них: цвет кожи, цвет глаз. Мне пришлось приспосабливаться, подстраиваться под них. Я научился поклоняться их богам, духам, оставив позади учения моих родителей.

Я бы никогда не выжил, если бы не доброта Парайлы в первые несколько недель после смерти моих родителей. Он делил со мной все наполовину, кормил меня из своей тарелки, потому что мне отказывали в еде, даже когда его жена ворчала, что еды и так не хватает. Его сыновья все выросли и взяли себе уже по несколько жен, но в племени не было отчетливого лидерства, там уважали старика, поэтому он был вроде главы в племени. В то время большинство людей его племени были за то, чтобы бросить меня умирать. Парайла отказался и взял меня в свой маленький дом, где жил он и его единственная жена, потому что все другие умерли: кто от малярии, кто от укуса бушмейстерской змеи, а остальные просто от старости.

Первое время я был под защитой Парайлы, поэтому все было хорошо, но ведь он не мог всегда быть рядом и защищать меня, поэтому мне пришлось самому налаживать контакты с членами племени. Первые два года я очень переживал, что отличаюсь от них от макушки до пят, но со временем все успокоилось, и различия сгладились. Кроме того, иногда неприязни добавлял тот

факт, что я был сыном миссионера, а они пытались изменить языческие взгляды на веру карайканцев. И естественно, это не делало меня популярным.

Я не сомневаюсь, что к моим родителям в племени относились более хорошо только потому, что они приехали не с пустыми руками, а привезли чудеса современного мира. Оружие для более легкой охоты и бытовых нужд: мачете и ножи. Ножницы, чтобы подстригать волосы, казанки для еды, чтобы можно было кушать горячую пищу. Эти дары были с радостью приняты племенем, а взамен люди слушали отрывки из Библии на португальском. Христианство никогда толком не воспринималась серьезно в языческих племенах, в Карайке также, люди слушали их с забавными выражениями на лицах, а многие с усмешкой. Некоторые члены племени даже выучили парочку слов на английском языке, которым их пытались научить мои родители. Но сейчас я могу вам сказать абсолютно точно то, что принесли мои родители, никогда не воспринималось хорошо.

Мне было всего семь лет, когда мои родители решили все за меня и подумали, что я готов ехать с ними по делам миссии в Бразилию с целью приобщить коренное население к христианской вере. Во-первых, я был не очень принят детьми, которые жили в племени. Сначала был немного поражен, что они ходили голыми, а они высмеивали и дразнили меня, потому что я был одет в шорты и в рубашку. Мои маленькие походные ботинки тоже были встречены насмешками, они называли меня r'acha, потому что я не умел ходить голыми ногами в джунглях.

Я выглядел неуместно и странно по сравнению с темнокожими и темноволосыми индейцами, хотя мои волосы и были цвета горького шоколада, мои глаза были голубыми, словно небо. Теперь я все вспомнил, я был точной копией моей матери. Я хотел быть похожим на остальных детей, хотел, чтобы они меня приняли, настолько сильно, что однажды я подбежал к матери полностью голым и попросил у нее разрешения идти играть с детьми из племени в джунгли.

— Мама… могу я пойти вместе с другими детьми поиграть к реке? — спросил я у нее.

Она посмотрела на меня в удивлении, затем спросила, где же моя одежда.

Я ответил ей честно и прямо, что я хочу быть как остальные дети, а они не носят одежды. Она посмотрела озадаченно на моего отца, на что он просто пожал плечами. Он был очень занят постройкой нашей бамбуковой хижины, отчищая землю, сооружая крышу из пальмовых листов, чтобы как можно теснее вступить в контакт с племенем.

— Хорошо, Закариас. Иди играй, но будь аккуратен.

Я запрыгал от радости, и мы все вместе сорвались с места и побежали к реке. Наша деревня была расположена в сорока пяти метрах от реки Амазонки на тот момент. Ходили слухи, что чем ближе подбирались к месту стоянки племени лесорубы, тем дальше мы уходили. Карайканское племя было очень уединенным племенем, туда никто не принимался, они, конечно, приняли подарки от моих родителей: мачете, ножи, лезвия,

котелки, лекарства, но они были абсолютно против вмешательства в их культуру современного мира.

Мы играли на мелководье, толкая, визжа и крича, там, где водные растения только доставали до наших щиколоток. Хоть мы были маленькими, мы прекрасно осознавали, какие опасности нас подстерегают в воде: пираньи, аллигаторы, змеи, поэтому мы не горели желанием забираться глубже в воду.

Один из детей толкнул меня, и я упал на задницу, немного захлебываясь в воде. Когда я поднялся, он указал на мой пенис и начал смеяться. Другие дети тоже подошли к нам и начали смеяться, они показывали на маленькую, интимную часть меня, которая делала меня отличной от девочек.

Поначалу мне было непонятно, почему они смеются. Конечно, мой пенис отличался от их достоинств. Из-за цвета кожи, их был темнее, затем тоненький кусочек кожи покрывал их головку, лишь иногда обнажая. Моя головка на пенисе, была совершенно открытой, обнаженной, без кусочка кожи, который бы скрывал ее. Спустя пару лет, я подошел к одному из священников миссионеров и узнал

от них, что это называлось обрезание. Он объяснил мне, что когда я был еще ребенком, кожа, которая покрывала головку, была срезана по просьбе моих родителей. Это делалась из медико-санитарных соображений, как позже выяснилось, карайканцы не практиковали такой обычай.

Надо мной смеялись долго после этого, но я тайно усмехался. Мой член был чище, чем их, когда я достиг возраста полового созревания, и мог взять первую свою женщину, я понял, что им больше нравился мой обрезанный член, чем парней из племени. Не только потому, что мой был намного чище и красивее, но он еще был намного длиннее, и я так думаю, ощущался намного лучше.

Наконец, я добрался до деревни, когда уже солнце стало скрываться за горизонтом. Мы находились на этом месте в течение шести месяцев, старательно вычищая от растительности эту часть джунглей, чтобы было легче возвести здесь наш новый дом. Мы переезжали каждые два года на новое место, потому что почва истощалась от выращиваемых культур, или потому что к нам приближались лесорубы. Если честно, нам было все

равно, насколько мы были далеки от реки, нежели другим племенам, потому что мы собственно не были заинтересованы в обмене товарами с исследователями.

В деревне было тихо, насколько я знал, вся остальная часть мужчин племени ушла охотиться на тапира, значит, вернется только через несколько дней. Я не пошел с ними, потому что Парайла чувствовал себя плохо, а я не хотел оставлять его одного и уходить далеко. На протяжении долгих лет, что я проживаю в племени, мое мастерство как охотника превзошло большинство других, и меня постепенно начало принимать племя, у меня даже завязались дружеские отношения с некоторыми соплеменниками. После того, как я пошел на мою первую охоту и рискнул жизнью ради них, я был полностью признан всеми, как часть племени. Конечно же, кроме Самайры, которая была последней женой Парайлы, и ненавидела всех без исключения.

— Парайла, я вернулся, — позвал я, когда подошел к его хижине. Во временной хижине, в которой сейчас находился Парайла, не было стен, лишь только крыша из огромных листьев растений, не толще ладони, чтобы

проливной дождь, который мог начаться внезапно, не мог потревожить его. Рядом с хижиной Парайлы была моя собственная, но она была гораздо меньше, там был только гамак, но так мы могли лежать рядом и переговариваться.

Я не увидел его жены рядом, поэтому подумал, что она, скорее всего, на поле ухаживает за урожаем. Парайла лежал в гамаке, его усталые глаза улыбались, приветствуя меня.

— Какой подарок ты принес сегодня старику? — проговорил Парайла на португальском. У карайканцев был свой собственный язык, который уже давно считался мертвым, потому что они приняли в разговорное обращение португальский диалект почти семьдесят лет назад. Но некоторые слова все еще использовались, Парайла научил меня некоторым из них, но большинство времени мы говорили на простом португальском языке.

— Две маленьких кобры. Ты голоден? Я могу приготовить их.

— Нет, мой cor’dairo (прим.пер сын). Пусть Самайра приготовит еду. Тебе нужно отдохнуть, ты целый день охотился.

Мое сердце наполнилось счастьем, когда он использовал, обращаясь ко мне, слово cor’dairo. Он называл меня так с тех самых пор, как усыновил.

Я аккуратно бросил корзину рядом с еле тлевшим огнем и сел на землю около его гамака. Он стал настолько стар, что большинство своего времени проводил, лежа в нем, что омрачало мое сердце.

Говоря мягко на португальском, я спросил заботливо:

— Как ты себя чувствуешь сегодня, отец? Может тебе что-нибудь принести?

Он потянулся ко мне рукой и погладил по-отечески по голове.

— Ты делаешь меня счастливее, Закариас. Я не нуждаюсь в большем, чем ты нас обеспечиваешь с этой крикливой женщиной, даже если эта глупая курица не желает этого признавать.

Я легко рассмеялся и поддержал его шутку, чего бы мы не смогли сделать в ее присутствии. Самайра не выносила меня и неохотно принимала мои съестные подарки для нее, но позже, как могла, пыталась укорить старика за его любовь ко мне.

— Мы должны с тобой поговорить как мужчина с мужчиной, — проговорил напряженно Парайла. — Отец Гоуль скоро вернется, и мне нужно кое-что рассказать и пояснить тебе до его прихода.

Мое сердце затопило радостное волнение, потому что Отец Гоуль был очень интересным человеком. Он начал приходить к нам в деревню с тех самых пор, как мне исполнилось четырнадцать лет. Как раз в то время я был на стадии взросления и полового созревания, превращения из мальчика в мужчину, по карайским меркам. Они с Парайлой научили меня, что значит быть мужчиной — Парайла по обычаям Карайцев, а Отец Гоуль пояснил это с современной и религиозной точки зрения.

Например, когда мне исполнилось пятнадцать, мне было дано разрешение старших взять женщину. Парайла научил меня, как это нужно сделать по карайским обычаям, поясняя, какие девушки мне доступны. Отец Гоуль научил меня, что значит, воздержание и как избежать нежелательной беременности, но я тогда отреагировал ироничным смешком на его слова. Парайла

же заверил меня, что девушки не смогут забеременеть, потому что принимают древесный напиток, который блокирует их детородную функцию. Вот тогда над нами иронично рассмеялся отец Гоуль, который сказал мне, что лучше уж воздержаться, чем тешить себя такими заверениями.

Я тогда тихо посмеялся над его словами за спиной, потому что когда я впервые испытал на себе, что такое секс, то я понял, что это самое потрясающее чувство. И я не собираюсь прекращать этим заниматься. Конечно, я никогда не посмел бы так сказать в лицо отцу Гоулю.

— Отца Гоуля не было уже долго у нас, — размышлял я. Карайканцы стали спустя некоторое время довольно открытым племенем к восприятию христианской религии, хотя поклонялись своим собственным языческим богам и духам. Отец Гоуль всегда приходил и проводил с нами около пары месяцев, затем он направлялся к другому племени. Он собственноручно учил меня и помогал не забывать мои знания по английскому языку, он разговаривал со мной на английском, чтобы я не забывал свой родной язык. Приносил мне большое количество

книг для чтения, рассказывал исторические факты, учил и знакомил с географией нового и старого мира. Он всегда мне говорил, что однажды мне пригодятся мои знания, хотя на тот момент я вообще не понимал, почему он мне так говорит. Я был вполне грамотным человеком, так что мог вести спокойную и уединенную жизнь в пределах племени.

— Да… он ездил в соединенные штаты по важному делу, — проговорил приглушенно Парайла.

— Я уверен, что могу к его приезду поймать что-нибудь сытное и хорошее, — ответил я, придвигаясь немного ближе, опуская голову к нему на руки.

— Закариас, он приведет с собой еще одного человека, — ответил Парайла, но его голос почему-то звучал нерешительно.

Пожимая плечами, я сказал:

— Без проблем, я смогу обеспечить всех наших гостей ужином.

— Эти люди придут за тобой, — ответил он мягко, я уверен, что в тот момент я даже не понял его.

Вскочив на ноги, я посмотрел на него сверху вниз, в его глазах стоял страх, печаль и сожаление.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что придут за мной? — проговорил я. Страх заполнил мой голос, сердце билось так, словно готово выпрыгнуть из груди.

Парайла встал из гамака, вытянул руку и погладил меня по голове. Затем он похлопал меня по плечу и стиснул его. Его взгляд был печальным, но уверенным.

— Пришло время возвращаться домой...В то место, к которому ты принадлежишь

Моргая, я открываю глаза и смотрю на Мойру, на ее красивое и милое лицо, пытаясь пробудить ярость и боль, которую я чувствовал в тот момент, когда Парайла мне сказал уезжать.

Все ушло. Абсолютно ушло. Я не могу почувствовать даже немного горечи. Но другие эмоции все еще находятся во мне, они только усилились. Тоска по моему дому и огромная любовь к моему приемному отцу. Это не уйдет никогда. Я понимаю, что очень благодарен ему за этот шанс. Зеленые глаза Мойры смотрят на меня с интересом, и я знаю... что чувствую так, только из-за нее.

Глава 20

Мойра

— Так что ты думаешь насчет этого? — спрашиваю я Зака, когда мы возвращаемся в огромный Лэнд Ровер, который нам любезно выделил Рэнделл, пока мы здесь находимся. У него есть пара машин, которыми он совсем не пользуется, они стоят в специально отведенном гараже со встроенной системой климат-контроля, управляемой из особняка.

— Да, мне было интересно. Но я не чувствую никакой привязанности к этому, не говоря уже о какой-либо близости, — говорит Зак, когда усаживается в джип, застегивая ремень безопасности.

Мы только что вышли из церкви, которую я выбрала, чтобы привести Зака на службу в среду вечером. Мы оба одеты очень удобно, в простые джинсы, ходили ужинать в пиццерию перед началом.

— Ты немного недоволен или растерян? — подмечаю я.

Зак безразлично пожимает плечами.

— Я не знаю, чего ожидал, потому все это для меня чужое. Я имею в виду, что я, конечно же, помню, чему меня учили про Христа. И пока я жил в Карайке, слушал рассказы отца Гоуля о церкви и о Боге, но я не чувствую никакой связи с этим, нет близкого чувства единения.

— Ну, это понятно, — говорю я ему в попытке успокоить и сжимаю крепко его руку, перед тем как завести машину. — Я думаю, вера требует практики, а у тебя ее не было.

— Я полагаю, просто это не мой тип веры, — с нажимом говорит он.

Когда я выезжаю на главную дорогу, я аккуратно спрашиваю у него:

— А что есть твоя вера? Во что ты веришь, Зак?

Он молчит в течение нескольких минут, смотря в окно, затем четко отвечает:

— Я верю в себя, в свое племя.

Мое сердце утопает в чувстве печали и горечи, потому что я делаю из его слов два вывода. Каждый проходящий день я все дальше и дальше поддаюсь его влиянию, я

влюбляюсь в него. Я так отчаянно хочу, чтобы он остался тут, поэтому я прилагала все те усилия за тот короткой срок, чтобы он, может, что-то понял и захотел остаться здесь, со мной. И хуже всего то, что я отчетливо понимаю, что это уже не просто секс, это уже нечто большее. Я знаю, что когда он уйдет, больше в моей жизни не будет ничего восхитительнее. Таких, как он, просто больше нет. С течением времени я поняла чистоту его души, бескорыстие и всю ту смелость, с которой он принял новую жизнь, новые трудности. Он очень добрый, нежный и любопытный, терпеливый, что немало важно для мужчины. Когда он просто смеется, его голубые глаза смотрят на меня с нежностью или с заботой, с похотью, я понимаю, что я полностью в его власти.

Он безраздельно владеет мной, хотя даже и не понимает этого. Зак даже не представляет, какой властью обладает надо мной, и ведь даже не догадается, что я полюбила его всем сердцем. А я, как глупая девочка, продолжаю питать совершенно несерьезные надежды на то, что когда он уйдет, мои чувства не разрушат меня полностью.

— Я верю в тебя, — говорит Зак четко, и я поворачиваюсь и смотрю на него.

Его красивые глаза мерцают мягким светом. Я удерживаю его взгляд еще немного, перед тем как возвращаю все внимание на дорогу.

— Ты, правда, веришь в меня? — спрашиваю я, мое горло стягивает словно удавкой. Я надеюсь, что может, есть хоть маленький шанс, что он видит во мне что-то большее, чем просто секс-игрушку.

— Да, верю, — отвечает он еще раз, но больше не говорит ни слова. А большего и не надо, пока…

Мы останавливаемся у местной аптеки, чтобы купить средства гигиены, нам нужны шампунь, пара бритв, чтобы Зак мог бриться.

Он держит в руке корзину для покупок, пока я хожу и присматриваю косметическую продукцию для волос и тела. Он всегда очень терпелив, когда мы ходим за покупками, мне нравится эта черта его характера, приятно, что ему это интересно. Он не как большинство мужчин, которым лучше окунуться в озеро, полное голодных акул, но не пойти с тобой за покупками. Он

абсолютно ясно понимает саму идею того, чтобы размеренно и не спеша что-то выбирать, чем будешь пользоваться впоследствии.

Пока я выбираю шампуни, Зак занят тем же самым, он берет один с полки, открывает крышечку и нюхает, затем передает его мне со словами:

— Мне нравится, как пахнет вот этот. Купим его.

Я улыбаюсь, глядя на него, потому что он не теряет своей властной искорки со мной, ему нравится направлять меня, а мне нравится делать ему приятно, принимая контроль и слушаясь его.Если ему от этого приятно, то я счастлива.

Когда мы идем по направлению к кассе, Зак останавливается, внимательно изучает какую-то баночку, затем берет ее. Я оборачиваюсь и смотрю на него, мои глаза расширяются в удивлении, когда я замечаю, что в его руке. Он держит так, чтобы я могла рассмотреть, что это. Я вижу его коварную улыбку.

Баночка с лубрикантом.

Он легко кладет его в корзину и говорит:

— Это для того момента, когда я буду брать тебя в попку.

Вот это да! Смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к тому, что его простое слово или милый взгляд, или даже легкое касание не будут приводить мое сердце в состояние полнейшего трепета, когда оно не будет отбивать чечетку, а мои трусики не будут влажными от желания?

Он улыбается, и я замечаю, что он понял, как удивил меня.

— Где вообще ты узнал, что нужна смазка? — пытаюсь узнать я у него в ужасе. — И откуда ты вообще знаешь, что при анальном сексе нужна смазка?

Он проходит мимо меня, затем наклоняясь, говорит мне просто и легко.

— Я прочел это. Я не хочу сделать тебе больно, ведь я почувствовал еще тогда, в первый раз, когда ласкал тебя рукой, насколько узкая у тебя попка. Я хочу быть уверенным, что доставлю тебе удовольствие, не поранив, когда я буду брать тебя.

Я чувствую, что вспыхнула, как елка на рождество, от желания… прямо здесь… в долбаном проходе номер пять местной аптеки.

Когда он отходит от меня и идет дальше, мой рот открывается от услышанного, я ошеломлена, резко тянусь и хватаю его за запястье. Он оборачивается и смотрит на меня внимательно, склонив голову на бок.

— Никогда не смей меняться, — говорю я быстро.

Он делает шаг ко мне и прикасается ладонью к моему лицу.

— Что ты имеешь в виду, поясни?

— Я имею в виду… что мне нравится, как иногда сексуально и грязно ты говоришь со мной, мне нравится, как ты удивляешь меня. Никогда не смей меняться.

Взгляд Зака становится теплее, его уголки губ приподнимаются в улыбку. Он наклоняется ко мне и целует меня в лоб, мои глаза широко открываются от его нежного прикосновения.

— Я бы не смог измениться, даже если бы захотел, — говорит он, когда отходит от меня. — Ты делаешь меня таким.

Когда мы возвращаемся в дом Рэнделла, то находим его сидящим в библиотеке, он читает газету. Зак недолго разговаривает с ним, но после того, как мы пожелали ему спокойной ночи, я иду к себе в комнату, держа в руке наши покупки, которые мы купили в аптеке. Такое ощущение, что баночка с лубрикантом весит в моей руке целую тонну, но все же мне нравится мысль того, что хочет сделать со мной Зак, хотя я немного напугана.

Я решила принять душ, чтобы избавиться от напряжения, которое я думаю, будет преобладать над моими чувствами, до того самого времени, пока Зак не придет ко мне. И я отчетливо понимаю, зачем он придет сегодня.

Он бывает у меня каждую ночь, и это восхитительно. Зак берет меня разными способами, доставляет мне немыслимое количество оргазмов, поэтому я думаю, что уже подсела на секс с ним.

К тому времени, когда я закончила принимать душ, высушила волосы и надела легкий пеньюар. Я захожу обратно в комнату и вижу Зака, который лежит на моей

кровати, полностью обнаженный, в его любимой позе, сложив руки за головой.

— Сними пеньюар, — говорит он, впиваясь в меня голодным взглядом, когда я позволяю тонкой материи соскользнуть с моих плеч и растечься лужицей у ног.

Мои глаза возвращаются к бутылочке с лубрикантом, которую я поставила на ночной столик, Зак улыбается мне, его глаза искрятся огнем и похотью, он вытаскивает руку из-под головы и манит меня к себе пальцем.

Я не спеша подхожу к кровати, оглядывая его тело собственническим взглядом. Зак полностью возбужден. У меня возникает сумасшедшая мысль, а может он возбудился от одной мысли, что будет со мной. Бред. Его член восхитителен. Он такой большой, что я не могу обхватить его рукой, и я замечаю, что на головке уже выделились первые прозрачные капли смазки. Мой рот наполняется слюной, я чувствую непреодолимое желание попробовать его, но все же жду, чтобы посмотреть, что Зак захочет сделать со мной.

Когда я стою у кровати, он протягивает мне руку, я уверенно вкладываю в его большую ладонь свою. Он тянет меня к себе, заставляя взобраться на кровать.

— Ты несравненно красива, — его взгляд сосредотачивается на мне. Нежные слова ласкают меня, вызывая покалывания от желания по всей коже. Он заставляет чувствовать меня красивой, живой и свободной…

Он бережно оборачивает руку вокруг моей талии, усаживая меня к себе на бедра. Его член дерзко смотрит вверх и упирается мне в спину, но Зак остается спокойным.

Он берет мою грудь в свои ладони и нежно сжимает ее, не отводя взгляда, смотрит на то, как его руки ласкают мою грудь. Он прокатывает нежную плоть сосков между пальцами, пощипывая, покручивая их, затем подушечкой большого пальца проходится по коже у самого основания соска, пока они не становятся напряженными и не изнывают от ласк.

— Ответь мне, Мойра… нравится ли тебе, когда я приказываю тебе делать что-то?

Легкая дрожь проходит по моему телу, и это служит ему ответом, но я все же отвечаю ему:

— Да.

— И ты никогда не хотела большего? Я имею в виду контроль? — спрашивает он, продолжая чувственные нападки на мою грудь, но его взгляд остается сосредоточенным на моей груди. Теплая волна накрывает меня.

Я сглатываю комок, чтобы мой голос звучал четче.

— Иногда. Но я также очень возбуждаюсь, когда ты мне приказываешь что-то делать.

— Как ты себя чувствуешь, когда подчиняешься?

— Свободной, — я отвечаю, не сомневаясь ни секунды. — Я чувствую вместо стеснения и стыда — свободу.

Он тихо и одобрительно вздыхает и поднимает свои глаза на меня.

— Так, значит, если я прикажу тебе сейчас встать на колени и смазать лубрикантом мой член, а затем возьму твою попку, ты сделаешь это, не сопротивляясь и без отговорок?

Я вздрагиваю всем телом от этой мысли, даже когда толика страха сохраняется в моем теле, я доверяю ему безоговорочно.

— Да.

Зак отпускает из плена своих рук мою грудь и обхватывает затылок.

— Хорошая девочка, — тихо, но четко говорит он и подтягивает меня к себе, сминая мои губы в глубоком поцелуе. Я чувствую его вкус, он отдает мятной зубной пастой и сладкими специями, я не могу сдержаться и отвечаю на его поцелуй не менее страстно.

Оттягивая мои волосы назад, чтобы разорвать поцелуй, он смотрит на меня потемневшим от страсти взглядом.

— Немного успокойся и расслабься, я не буду сегодня брать твою аппетитную попку.

Быстрый вздох срывается с моих губ, я не могу сразу ответить, расстроена ли я или все-таки чувствую облегчение, но мне кажется, и то и другое.

— Нет?

Он качает головой с улыбкой.

— Нет, ты слишком напряжена сегодня вечером и пара легких алкогольных напитков немного бы расслабили тебя. Но, несмотря на то, что мне очень нравится приказывать тебе, подчинять тебя, я думаю, что я еще хотел бы, чтобы ты умоляла меня взять контроль над тобой.

О, БОЖЕ, МОЙ, МНЕ КАЖЕТСЯ, СЕЙЧАС ТО САМОЕ ВРЕМЯ, КОГДА Я ГОТОВА УПАСТЬ И УМОЛЯТЬ ЕГО.

Облизывая губы, я качнула бедрами напротив него, спрашивая:

— Тогда, что ты хочешь от меня сегодня?

Сжимая легко мой затылок одной рукой, второй он неторопливо скользит по моей груди, животу, бедрам, проскальзывая между ног, раскрывая складочки, он толкается средним пальцем в мою киску, а большим нежно ласкает, потирает пульсирующий клитор. Мое тело вздрагивает под его прикосновениями, и негромкий всхлип срывается с моих губ. Боже, как он хорошо делает это.

— Я думаю, — говорит он задумчиво, наблюдая за тем, как его рука ласкает мою киску, и палец скользит в ритмичном движении внутрь наружу. — Я хочу тебя сверху. Мы так еще не пробовали, так что самое время. Тем более меня заинтересовало, что ты мне говорила до этого.

А что я там говорила до этого? Я совершенно не понимаю и не помню, потому что моя голова идет кругом от тех чувств, что он пробуждает в моем теле.

— Ты хочешь, чтобы я была сверху? Я задыхаюсь, когда его палец начинает жестче ласкать меня, а тело начинает сотрясаться от предстоящего оргазма.

— Я хочу, чтобы ты вела, — он рычит. Эти пять слов, только что передали всю его силу и власть в мои руки, это уводит меня за грань. Оргазм пронзает меня настолько острым чувством, что я почти вскрикиваю, хорошо, что никто не слышит меня. Из моего горла вырывается полу стон, мои бедра двигаются напротив его неумолимо ласкающих пальцев, пока я вздрагиваю от каждого их движения, пульсация постепенно сходит на нет, когда я кончаю.

Мое тело немного расслабляется, а я начинаю видеть все более четко. Зак наблюдает за мной с похотливым соблазнительным выражением лица.

— Чертовски сексуальна.

Я молча смотрю на него, не в силах подобрать нужных слов, чтобы выразить, что значат для меня его слова, но он не дает мне и шанса опомниться и отойти от пережитых ощущений секунды назад, доказывая, что он не отпустил всю власть.

— Сядь на мой член, трахни меня, — приказывает Зак.

Да, вы правильно поняли, он только что приказал мне сделать то, что он хочет, и да, я собираюсь подчиниться и сделать так, как он говорит. С этого самого момента и дальше, хотя бы на сегодняшнюю ночь, я собираюсь быть той, кто будет главной. Сегодня все решаю я.

Я кладу руки ему на грудь, легко отталкивая, чтобы он лег на кровать, так я могу полностью насладиться своей властью. Взгляд Зака сосредоточен на моей покачивающейся груди и дерзких сосках, он уже тянется рукой к ним, но я останавливаю его руку и легко грожу ему пальчиком.

— Нет, нет, нет, — мягко укоряю я его и отталкиваю его руку. — Положите свои руки за голову, Мистер, так вы сможете насладиться всеми плюсами данной позы.

Губы Зака подергиваются и приподнимаются в веселой улыбке, а глаза горят от возбуждения. Для мужчины, который привык доминировать и приказывать женщине, он выглядит сейчас, как ребенок, который послушно следует правилам, чтобы получить конфетку. Зак складывает руки за голову, но при этом не уступает мне полностью, он пытается вести, настойчиво приподнимая бедра вверх, принуждая меня оседлать его.

Я наклоняюсь вперед и прижимаюсь к его губам своими. Мой поцелуй медленный и сладкий. Но это не более чем мимолетное поддразнивание, как только его рот приоткрывается, и он готов впустить мой язык, я прикусываю его нижнюю губу и отстраняюсь от него.

Я делаю это, чтобы смешать боль и наслаждение, опять наклоняюсь к его губам и легко провожу языком по нижней губе, затем легкими порханьями прокладываю дорожку из поцелуев от его уголка губ, вниз по линии скулы, шеи. Он откидывает голову назад на подушку,

чтобы дать лучший доступ для моих поцелуев. Я наслаждаюсь удовольствием его щетины и моей мягкой коже.

Зак, вообще не разговорчив во время секса, и когда он бормочет, обдавая жарким дыханием меня, я удивляюсь.

— Я люблю ощущения твоих губ на мне. Ты одна единственная, кому позволено целовать меня. Кого я хочу целовать.

У меня такое чувство, что в данный момент мое сердце радостно делает тройное сальто от его слов, я почти забываю, что хотела сделать, но затем желание доставить ему удовольствие вновь вспыхивает во мне ярким пламенем. Я приникаю поцелуем к его шее, немного выше ключицы, затем мой поцелуй становится требовательнее — посасываю его кожу, и когда он теряется в удовольствии, я внезапно прикусываю чувствительный участок кожи.

Зак шипит от боли сквозь зубы, затем резко вскидывает руку и хватает меня за шею. Я медленно облизываю укус, убирая его руку с моей шеи.

— Держи свои руки за головой. Никаких прикосновений.

Он разочарованно стонет, но все же подчиняется мне. Несмотря на то, что я испытала сильный оргазм несколько минут назад, я чувствую, что снова готова испытывать наслаждение.

Я скольжу своими губами по его разгоряченному телу, вниз по его жестким мышцам груди, где я любовно уделяю внимание его соскам, лаская их своими губами и языком. Зак бормочет бессвязные ругательства, когда его тело вздрагивает, пока я опускаюсь ниже, целуя линию ребер и обводя языком его рельефный пресс. Затем, погружаю язык во впадинку на пупке, скольжу языком по кромке и спускаюсь еще ниже к его бедрам.

Я целую его бедра, тазовые кости, приникаю поцелуем к низу живота, моя грудь подрагивает и немного покачивается. Она слегка прикасается к его члену, и я могу чувствовать, как его головка обильно покрыта смазкой. Зак подается вверх бедрами и бормочет:

— Ради всего святого, Мойра! Когда ты меня уже трахнешь?

Я не могу сдержаться и начинаю хихикать, затем оставляю последний поцелуй на его бедрах и поднимаю вверх голову. Он опускает на меня взгляд своих голубых глаз, и желание увлажняет мою киску.

Я двигаюсь вперед, приподнимаясь на коленях, так я могу привстать над его членом. Опуская руку вниз, я оборачиваю пальцы вокруг его бархатной длины, которая внутри словно сталь и немного растираю его влажное желание на головку, затем немного наклоняюсь вперед и провожу его членом по моим влажным складочкам. Это настолько приятно, что я не могу сдерживаться, и легкий стон срывается с моих губ. Я понимаю, насколько хорошо его тело, его член и он сам ощущается напротив меня. Я клянусь, если так буду продолжать, то не продержусь и пары минут.

— Мойра... — предупреждает меня Зак низким голосом.

Я скольжу по нему ленивым взглядом, замечая, какая нужда в удовлетворении кроется в глубине его глаз. На короткое мгновение мне хочется отбросить все и подчиниться ему, позволить взять ему меня так, как он

хочет. Я абсолютно точно уверена, что он среагирует молниеносно, потому что я чувствую, насколько громко стучит его сердце, но сразу отметаю эту мысль в сторону. Я не думаю, что у меня будет еще возможность испытать такое с Заком, поэтому я наслаждаюсь каждой минутой, дарованной мне Господом, рядом с этим мужчиной, ведь я не знаю, когда он захочет покинуть нас, чтобы вернуться к себе домой.

Я опускаюсь не спеша на его член. Благодаря тому, что я полностью возбуждена, его член легко скользит в мою киску, и она растягивается, подстраиваясь под его размер.

Он низко стонет… словно животное, которого мучает нестерпимая жажда желания или боль… такого звука я еще не слышала от него, затем я вижу, как он крепко закрывает глаза. Я опускаюсь еще ниже, пока не чувствую его член глубоко внутри, наша плоть соприкасается и потирается друг о друга.

Замираю, сижу спокойно и жду, пока Зак откроет глаза и посмотрит на меня. Я вижу желание, нужду, жажду. Я притворяюсь, что это предназначается для меня, для Мойры, а не для моего тела. Глупо, конечно, но я крепко

держусь за это чувство, хотя и знаю, что причиню себе при расставании нестерпимую боль.

Когда я больше не могу терпеть его взгляд, я начинаю медленно двигаться, смотря, как цвет его глаз становится темнее и наполняется новым желанием.

Я опускаюсь, поднимаюсь, опускаюсь, поднимаюсь, трахая его член, как он приказал мне. Не спеша двигаюсь на нем, показывая другой способ, как можно меня любить. Восхитительно, Зак в свою очередь совершенно не спешит, удерживая свои бедра с невероятной силой и контролем. Я не могу ошибаться, он наслаждается тем, что я сверху. Его челюсть крепко сжата, глаза горят, словно раскаленная сталь, когда он смотрит на меня, его грудь начинает подниматься, дыхание становиться тяжелее.

Я решаюсь изменить немного темп движения, и поэтому приподнимаюсь жестко и быстро опускаюсь на его член, чувствуя, как стремительно его член заполняет меня. Зак хватает меня руками за бедра и до боли впивается пальцами в мою кожу. Я опять медленно приподнимаюсь, скольжу вверх, а затем снова жестко

опускаюсь на его член. Глаза Зака наполняются желанием власти, и он выкрикивает:

— Бл*дь.

Повторяю движения снова и снова, полностью считая легкое скольжение и мощность движения. Я двигаюсь на нем, моя грудь покачивается, ноги дрожат от усталости. Тянусь назад и беру в руку его яички, и начинаю массировать их.

Он яростно приподнимает бедра мне навстречу, и начинает быстро бормотать.

— ДАДАДАДДАДА.

Мои бедра начинают двигаться в бешеном ритме, затем Зак начинает дублировать мои движения своими. Он хватается еще сильнее за мои бедра, удерживая меня на месте, чтобы начать вколачиваться жестче в киску.

Его яйца подтягиваются в моей руке, я понимаю, он скоро кончит.

— Подари мне это детка, — шепчу я ему, пока продолжаю опускаться и подниматься в жестком ритме.

— Кончи для меня.

Я быстро меняю темп, поднимаясь медленно и опускаясь, но другое мощное и жесткое движение идет мне навстречу, и дрожь сотрясает мое тело.

— О, Боже, — стонет Зак, пока его тело продолжает дрожать. — Я кончаю.

Я не останавливаюсь, продолжая подниматься и опускаться, сохраняя ритм. Чувствую, как его бедра пронзает дикая дрожь.

— Мойра, — стонет Зак на выдохе, — что ты делаешь со мной? Я не могу контролировать себя… — легко укоряет он меня. Его глаза широко раскрываются, и он смотрит на меня жадным взглядом, его накаченные мышцы груди то поднимаются, то опадают, когда он хватает ртом воздух…

Я неспешно подношу пальчик ко рту, облизываю его, затем провожу им по его губам, не сводя ни на минуту с него глаз.

— Я освобождаю тебя, мой дикарь…

Глава 21

Зак

У меня сегодня отвратительное настроение, а все из-за приглашения, которое мне сделали Клинт и Кара — приглашения в ночной клуб. И опять же пригласили только меня, благополучно забыв про Мойру, но я убедился, что она тоже пойдет. Я могу сказать наверняка, что Кара не была рада видеть Мойру. Но и Мойра не была в восторге от Кары.

Я поймал себя на мысли, что даже и не думал проводить вечер без Мойры. Все свелось к тому, что я даже не был способен спать в своей постели сам. Это было еще одним фактором, который ужасно бесил меня. Я стал зависим от девушки.

Я страдаю от огромного водоворота эмоций, который накрывает меня, когда дело касается рыжеволосой красотки, с которой я провожу каждую ночь. Нужно заметить, очень качественно. Она полностью поглотила меня, я потерялся в любви к ней. Я одновременно и обожал это чувство и ненавидел, она была словно мое проклятье.

Каждое утро я просыпался гораздо раньше нее, потому что привык спать не только на мягком матрасе, но и держа в объятиях мой огонек на протяжении всей ночи. Поэтому по утрам я пользовался преимуществом совместного сна, мы начинали утро с пары замечательных оргазмов.

Это было просто немыслимо, но мы проводили вместе каждую минуту и секунду, совершенно не уставая друг от друга, становясь от этого только ближе. Я думаю, она стала мне самым родным человеком, не считая Парайлы. Мы много разговорили об удивительных открытиях, которые я делал. Вот, к примеру, вчера мы сидели снаружи милого маленького кафе, в центре Атланты, потягивая кофе с кубиками льда, рассуждая о терроризме. Я много читал о террористической акции, которая произошла одиннадцатого сентября. Это ужасное происшествие потрясло меня до глубины души. Я размышлял о том, что в мире произошло действие такого масштаба, а я пребывал в блаженном неведении, находясь в своем племени, проживая свою счастливую и спокойную жизнь. Я размышлял о таких происшествиях,

чтобы в будущем суметь сделать для себя правильный выбор, когда придет время выбирать. Новый и современный мир, с которым я столкнулся, был удивительным, светлым, наполненным различными чудесами и возможностями.

Но в то же время, он был жестоким, наполненным насилием, в этом мире жить было опаснее, чем в джунглях, я искренне не понимал людей, которые хотели жить в таком обществе. Такие размышления только крепче подкрепляли мое желание вернуться к себе домой.

Я узнал больше о Мойре. Ее отец и мать были антропологами, поэтому у нее возникло такое стойкое желание пойти по их стопам. Ее сестра, Лиза, была домохозяйкой, замужем за инженером электриком, что значило, она вела спокойную и размеренную, а главное счастливую жизнь, воспитывая двоих детей на побережье Северной Каролины. Мои вопросы о ее личной жизни были бесконечны, и до сих пор, уже так много зная о ней, я не перестаю ей удивляться каждый день, каждую минуту. Она самая умная, милая, забавная, заботливая девушка, которую я только встречал.

Ей безумно нравятся фильмы про Дикий Запад, потому что она привыкла их смотреть вместе со своим покойным отцом. Я знаю, что она почему-то до безумия боится кошек, хотя пауков совершенно нет. Она немного похрапывает, когда спит на спине, но стоит мне только положить ее на бок и прижать к себе, Мойра мирно и спокойно спит до утра. Ее любимая книга «пятьдесят оттенков серого», которую она предложила почитать мне, но простите, я не смог дочитать ее даже до конца первой главы. Когда я попытался отдать ее обратно, она хитро улыбнулась и сказала, что там есть пара секс поз, которые может быть, я захотел бы попробовать с ней, поэтому я сразу же забрал книгу обратно и честно прочел от корки до корки. Но я не нашел в этой книге ничего, что бы я не смог сделать со своей любимой женщиной сам!

Ночи с Мойрой были самыми лучшими и потрясающими, потому что секреты между нами ушли, нам было совершенно без разницы, в какой мы комнате, в ее или в моей, она позволяет мне делать с ее телом все, что заблагорассудится. Но мне больше всего нравится, когда она кончает у меня на языке. Иногда я начинаю

вылизывать ее киску до секса, но иногда мне нравится жестко трахать ее, затем опрокидывать на кровать, закидывать ее сногсшибательные ноги к себе на плечи и доставлять ей удовольствие до тех пор, пока она окончательно не потеряется в сокрушительном оргазме.

Ночной клуб был совершенно не таким, как я себе представлял. Это было трехэтажное здание, и перед входом стоял охранник, похожий на гору мышц. Красной вельветовой лентой был огорожен вход, а за ней тянулась длинная очередь людей. Следуя инструкциям Кары, я назвал наши с Мойрой имена груде мышц, он сверкнул нам голливудской улыбкой и пропустил.

Внутри помещение было просторным, с огромным танцполом в центре; зеркальный бар охватывал три стены. Клуб трехэтажный, и поднимая голову вверх, я вижу, что пару этажей занимают балконы, к которым примыкают частные лестницы. Кара сказала мне, что у нас ВИП-кабинка под номером три, мне нужно спросить у бармена, где это. Скорее всего, Клинт и Кара посещают этот клуб очень часто, так как у них есть собственная комната, в

которой они могут спокойно потягивать коктейли и наблюдать за танцующими внизу людьми.

После того как мы заказываем в баре пару напитков, мы идем дальше. Мойра заказала что-то, что называется «Отверткой», а я взял себе пиво. Когда бармен показывает, в каком направлении нам нужно идти, мы поднимаемся на третий этаж. Видим дверь, полностью оббитую красным материалом, я толкаю ее, и мы сразу наталкиваемся взглядом на Клинта и Кару, которые сидят рядом друг с другом. Несмотря на то, что в клубе гремит музыка, в этой маленькой комнатке спокойно и тихо, я замечаю, что балкон отделен двойными стеклянными дверями от пространства комнаты. Когда они слышат, что дверь открывается, и мы входим, они одновременно поворачиваются к нам.

На губах Кары сияет широкая улыбка, когда она видит меня, но затем она переводит глаза на Мойру, и вся игривость пропадает. Зато Клинт оживляется и поднимается с уютного диванчика, направляясь ко мне, хлопая меня по спине в приветствии, а затем подходит к

Мойре и крепко обнимает ее. Мне сразу же хочется убить придурка.

На протяжении последних двух часов я стою на балконе и потягиваю пиво, смотря на танцующих людей внизу. Все это время двери были закрыты, потому что я не переношу такую громкую музыку, от нее у меня начинается мигрень, я больше привык к мягким лиричным мелодиям и негромким напевам, которые исполняли женщины племени на различных торжествах. Я отклонил предложение танцевать, но с удовольствием наблюдаю сверху. Я смотрю, как красиво и сексуально танцует Мойра, двигая бедрами в такт музыке. У меня от одного взгляда на нее эрекция сразу упирается в ткань джинсов. Кара же двигается порнографически, поднимая руки над головой. Иногда Клинт прижимается к ней сзади и держит ее за бедра, танцуя с ней в одном ритме. Это выглядит отвратительно, наблюдать, как кровные брат и сестра вытворяют такое на танцполе. Если Клинт думает, что он может так сделать Мойре, он просто покойник.

Я смотрю, как они танцуют, а потом задумываюсь, как скоро мы может уйти с Мойрой. Я ощущаю сильное

желание заняться с ней сексом. Она практически стала необходимой для меня каждую минуту, что еще больше ухудшает мое настроение. Я не люблю чувствовать себя настолько зависимым.

Внезапно, Мойра покидает танцпол и направляется, расталкивая толпу, в женскую комнату. Путь туда займет столько же времени, как от входа до «vip» комнаты, поэтому она появится не скоро. Я разочарованно вздыхаю, когда вижу, что Клинт и Кара направляются обратно в кабинку.

Кара вплывает в «vip» комнату и направляется прямо ко мне. Она берет меня за руку и ведет к дивану, и я не могу ей отказать. Клинт подходит к мини бару и наливает себе еще алкогольный напиток. Он и Кара очень много выпили, поэтому оба пьяны.

Кара опускается на диван и подтягивает меня ближе к себе. Она оборачивает свои руки вокруг моей шеи и говорит мягким голосом:

— Так что, Зак. Мы с Клинтом хотели бы узнать, как вы с Мойрой смотрите на то, чтобы покинуть клуб и

поехать ко мне на квартиру, и там продолжить оттягиваться?

Мне интересно то, что она пригласила Мойру, потому что я знаю, она относится к ней как к помехе.

— Что ты имеешь в виду под словом «оттягиваться»?

Она глупо хлопает ресницами и поясняет:

— Ох, ну ты знаешь. Может немного кокса, совсем немного экстази. Что-нибудь, чтобы расшевелить Мисс Безразличные Трусики.

Я совершенно не могу понять, о чем она говорит, но мне не кажется, что что-то из этого может мне понравиться, ну и Мойре соответственно.

— Я думаю, мы пас.

Клинт подходит и становится позади нас. Потягивая напиток, он опускает вторую руку на затылок Кары и начинает нежно поглаживать его.

— Если ты не хочешь групповушку, то можно разделиться. Без проблем.

— Разделиться? — переспрашиваю я, как последний кретин, сверля его холодным взглядом. Моя кровь вскипает, когда я понимаю, о чем он говорит.

— Да, — продолжает Клинт, смотря на меня. — Кара и я просто балдеем от группового секса, но если вам это не подходит, ты можешь трахнуть Кару, а я оттрахаю Мойру, так сильно, что она потом даже не сможет свести ноги, не говоря о том, чтобы стоять.

Мой взгляд застилает гнев, на краткий момент мне показалось, что у меня закружилась голова, когда мощнейший поток ярости проносится сквозь меня. Как вообще он додумался предложить секс вчетвером, хотя от этих идиотов я не ожидал ничего лучше. Гневная волна поднимается против Клинта, потому что он даже недостоин дышать одним воздухом с Мойрой, не говоря уже о том, чтобы мечтать трахнуть ее.

Я молниеносно поднимаюсь на ноги, резко поворачиваюсь к нему и смотрю на него убийственным взглядом.

— Что ты сказал?

Он даже не представляет, в какой опасности сейчас находится, я замечаю, как он смотрит на меня с похотливым блеском в глазах.

— Мойра. — Клинт повторяет мне, будто я тупой идиот. — Я сказал, что хочу до безумия погрузиться членом в ее киску. Я могу поклясться, что у нее тугая сладенька...

Я одним движением перемахиваю через диван, ударяю его руками в грудь. Клинт от силы толчка начинает падать назад по направлению к стене, где расположен мини бар, в результате бокалы и пара бутылок дорого спиртного падают на пол и разбиваются. Его напиток выскальзывает из рук... и вот я уже прижимаю его к стене. Оборачивая обе руки вокруг его горла, я начинаю его душить. Глаза Клинта наполняются ужасом.

— Ох, Зак… зачем столько драматизма? — Кара произносит в ленивой манере, растягивая слова, пока сидит и наблюдает за нами с дивана. Ей, откровенно говоря, скучно. — Если ты не хочешь, ну так и ответь «нет». Хотя, я вообще не представляю, что ты нашел в Мойре. Как по мне, она невзрачная.

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох, когда снова открываю, смотрю внимательно на Клинта и говорю ему:

— Даже не смей впредь так говорить о Мойре. Даже не смей думать о том, чтобы прикоснуться к ней. Если я увижу хоть взгляд с твоей стороны, это будет последний день в твоей жизни, ты ничтожный кусок дерьма.

Клинт энергично кивает головой в понимании, страх рассеивает пьяный взгляд в его глазах. Я ослабляю свою хватку на его горле, и он начинает потирать кожу рукой.

Кара начинает смеяться у меня за спиной, ее смех становится громче, когда она подходит ближе ко мне. Она резко проводит ногтями по моей шее, я вздрагиваю и рывком отодвигаюсь от нее, смотря на нее подозрительно.

— Ох, это так притягательно, — Кара говорит насмешливым тоном. Она подходит к своему брату, прижимается к нему, затем обхватывает пальцами его шею и проводит языком от ключицы до линии челюсти, оставляя влажный след на его коже. — Разве, ты не видишь, дурачок? Зак и Мойра спят вместе. Поэтому он так разозлился.

У Клинта расширяются глаза, но он молчит, не говорит ни слова, но я замечаю, как в его глазах вспыхивает страх от моего предупреждения.

— Видишь, — мягко говорит она брату, поглаживая его грудь. Его рука хватает собственнически ее за талию и притягивает к себе. — Он не отрицает.

Я сжимаю кулаки до боли, врезаясь ногтями в ладони, впервые в жизни я хочу ударить женщину, раньше у меня не возникало даже мысли об этом… до этого момента.

— Пойдем, дорогой, — говорит Кара, уводя Клинта по направлению к двери. Затем она поворачивается ко мне, смотрит на меня оценивающе и говорит: — Это было очень познавательно, Зак. Думаю, что дяде Рэнделлу будет интересно узнать такие жаркие подробности «работы» Мойры. Оказывается, ее профессиональные качества не такие уж и идеальные, как он нам рассказывал.

В этот раз я не сомневался ни секунды, прежде чем сказать:

— Конечно, ему будет так же интересно узнать это, как и то, что вы, два больных извращенца, трахаете друг друга.

Кара бледнеет, и я абсолютно точно знаю, что попал в самую точку. Клинт тянет ее за дверь.

— Пошли отсюда.

— Вы оба держитесь подальше от Мойры, — предупреждаю я их. — Если не хотите испытать на себе мой гнев.

Никто из них не ответил мне, они просто выскользнули за дверь, а я вздохнул с облегчением, что они убрались. Я подхожу обратно к дивану и усаживаюсь на него. Маленький нервный смешок срывается с моих губ, а затем он превращается почти в хохот.

Я не могу поверить, что это только что случилось. Я не могу поверить, что эти двое ненормальных рассматривали нас с Мойрой в таком свете, и да, я не могу поверить в то, что удержался от убийства Клинта. Мойра будет гордиться мной.

Поднимаясь на ноги, я подхожу к бару и достаю еще одну бутылку пива из холодильника. Откручиваю крышку, бросаю ее в мусорное ведро и делаю большой глоток.

Дверь открывается и входит Мойра. Она сегодня одета так, будто хочет танцевать… будто хочет показать мне, как может гибко двигаться ее тело. Живая эротическая

мечта. Ее платье серебристого цвета и плотно облегает ее фигуру, завязываясь тесемками на спине, с глубоким декольте на груди. Платье очень короткое, едва прикрывает ее попку, но на бедрах оно свободно, не обтягивает, что позволяет ей двигаться очень раскованно и быстро. На ножках у нее надеты черные туфли на шпильке, с широкими кожаными ремешками вокруг щиколотки. Когда я впервые ее увидел в них, я подумал, что они бы отлично смотрелись на моих плечах.

Все мысли о Клинте и Каре растворились, и мое тело остро начинает реагировать на Мойру, впрочем, как и всегда. Мне совершенно без разницы, в джинсах ли она и в простой футболке или в «трахни–меня» платье, у меня всегда на нее отменный стояк.

Когда она прикрывает за собой дверь, я ставлю на бар свое пиво и направляюсь к ней. Даже в глазах Мойры стоит улыбка, когда она смотрит на меня, она пытается что-то сказать, но я прерываю ее, поглощая все ее звуки и стоны жестким поцелуем, наполненным желанием и нуждой. Одновременно я прижимаюсь к ее бедрам, давая почувствовать ей, насколько я возбужден.

Она мягко отстраняется от меня, задыхаясь:

— Что в тебя вселилось?

— Я хочу тебя… прямо сейчас… прямо здесь, — говорю я ей и притягиваю ее ко мне, снова обрушиваясь на ее губы. Она прерывисто отвечает мне на поцелуй, затем толкает меня в грудь еще раз.

— Нет, мы не можем… Клинт и Кара могут вернуться. Может быть, одна из официанток или кто-то еще.

Хватая ее за руку, я веду ее на балкон, открываю плотные балконные двери и позволяю ритмичной музыке заполнить меня. Я притягиваю Мойру к моему телу, склоняюсь над ее ушком и шепчу, немного щекоча своим дыханием ее кожу:

— Клинт и Кара ушли и не вернутся. А я собираюсь жестко оттрахать тебя прямо сейчас.

Мойра извивается в моих руках, но не потому что удивлена, что ушли эти двое ненормальных.

— Что? Нет, мы не можем. Это общественное место.

— Это частная кабинка, — говорю я ей, затем наклоняюсь и требовательно захватываю ее губы своими. Она проскальзывает в мой рот языком, ласково обводя

мой, но с каждой долей секунды ужесточая поцелуй, врезаясь ногтями до боли в мои бицепсы.

Она сдается так легко моей воле, что именно это я и люблю в ней. Что Мойра никогда не отказывает ни единому моему желанию.

— Диван, — шепчет она мне в губы.

— Слишком далеко, — я рычу в ответ, разрывая наш поцелуй. Разворачивая ее в моих руках, теперь мы смотрим на открытую танцплощадку ночного клуба. Яркие вспышки света и извивающиеся под музыку танцоры наполняют пространство клуба. Я окидываю быстрым взглядом остальные балконы, но из-за моргающего света я не могу так быстро все рассмотреть, они находятся в тени. Несмотря на то, что это открытое пространство, оно уединенное и темное.

Просто идеально.

Прижимаясь бедрами к ее спине, я подталкиваю мою девочку вперед до того момента, пока она не прижимается животом к железным перилам, под нами еще два этажа, и мы находимся за закрытыми дверями, выгибая спину, она прижимается ко мне.

Я прижимаюсь к ней и вдыхаю тонкий аромат шампуня, который я сказал ей купить. Наклоняясь вперед, я оставляю влажный поцелуй на ее шее. Она дрожит в моих руках и немного склоняет голову на бок, открывая мне лучший доступ для моих поцелуев. Мойра крепко цепляется руками за перила, с такой силой, что белеют костяшки на пальцах.

— Я просто хочу, чтобы ты стояла здесь… раздвинь ножки еще немного для меня.

Ее грудь вздымается в предвкушении, и она двигается, исполняя мой приказ. Я прикасаюсь пальцами к ее бедру, веду ладонь вверх и проскальзываю под подол платья, лаская обнаженную ягодицу.

Отклоняясь немного в сторону, я смотрю на ее попку, потому что мне показалось, что она не надела нижнее белье. Я начинаю думать, что это самая сексуальная вещь, которую мне только приходилось видеть, но замечаю крохотный кусочек кружевных трусиков между ягодицами.

Оххх… стринги. Это ужасно горячо.

Подцепляю пальцем материал трусиков, сдвигая немного в сторону полоску кружев с ее киски, открывая ее для меня, гладкую и обнаженную. Пальцем нежно раздвигаю складочки и проникаю между покрытых влагой лепестков.

Такое чувство, как будто я, бл*дь, просто погибаю и прямо сейчас я не могу больше ждать ни минуты, поэтому я поспешно расстегиваю молнию на джинсах, стягиваю боксеры и вытаскиваю член, не обращая внимания на то, что замок от молнии вдавливается в яйца, причиняя дискомфорт. Ничего, немного боли делает все только приятней.

Я сгибаю ноги в коленях, направляю член к покрытым влагой складочкам и легко толкаюсь.

Мойра втягивает большой глоток воздуха и стонет:

— О, Боже, я не могу поверить, что я это делаю.

Я улыбаюсь и целую ее затылок, оборачивая одну руку вокруг ее талии, а другой упираясь в перила, чтобы поддерживать равновесие. Я стою, сгибая колени под прямым углом, со стороны может показаться в приглушенном свете, что я интимно обнимаю свою

подругу, или может быть, что я трахаю ее сзади. Я коварно улыбаюсь таким мыслям. Но по большому счету мне все равно, кто и что может подумать.

Я имею в виду, Мойра полностью одета, подол платья спереди все хорошо прикрывает, так что причин для беспокойства нет.

В данный момент мне вообще наплевать на все, что меня окружает, кроме нас с Мойрой. Я растворился, лаская ее тело, сейчас никто и ничто не смогли бы оторвать меня от нее.

Медленно скользя внутрь и наружу, мое дыхание поверхностное и грубое. Мы оба смотрим на танцующих людей внизу, мы абсолютно затерялись в собственных мыслях и удовольствии.

После того, как я толкаюсь с каждым разом все глубже, она откидывает голову мне на плечо, ее глаза прикрыты, ротик приоткрыт, удовольствие отражается на ее лице.

Я опускаю руку, которая была обернута вокруг ее талии, мои пальцы приподнимают край платья и отодвигают тонкий влажный материал ее трусиков. Я опускаю пальцы на ее пульсирующий от желания клитор,

нежно порхаю по нему подушечками пальцев, потираю его так, чтобы это сочеталось с ритмом моих толчков.

Мойра хнычет:

— Черт, Заккк, — и ее бедра начинают дублировать мои движения.

А вот если теперь посмотрят на нас, то они поймут без сомнения, что мы трахаемся. Очень захватывающее действие.

Мойра хватает меня крепко за запястья, ее голова поднимается с моего плеча, она пытается слабо сопротивляться. Я смотрю на ее выражение лица, на нем запечатлены страх и удовольствие.

— Стой…, — умоляет она. — Кто-нибудь может увидеть.

— Да, бл*дь, не за что в жизни, — говорю я ей и начинаю двигаться быстрее, вдалбливаясь членом и одновременно лаская ее твердый клитор.

— О, Боже, Боже, Боже, — всхлипывает она, хотя и напугана от перспективы быть пойманной, ее бедра двигаются в быстром ритме, отражая мои движения.

— Детка, скажи мне, ты уже близко? — я издаю полу стон полу рык ей на ушко. — Потому что я готов кончить прямо сейчас, и я не смогу больше терпеть.

Мойра кивает мне, и я начинаю вбиваться в нее еще быстрее, прижимая ее к перилам балкона. Я чувствую, как ее киска сжимает мой член, словно кулак, ее голова расслабленно откидывается на мое плечо, и она кричит от испытанного оргазма. Она дрожит всем телом, и я ощущаю, как горячее желание покрывает мою длину внутри нее.

И черт… Я жестко кончаю, в последний раз резко и глубоко входя в ее киску. Затем я проваливаюсь в дымку удовольствия, прикрываю глаза и сосредотачиваюсь на моих ощущениях тела Мойры, как стенки ее лона сжимают мой член. Я продолжаю кончать, отдавая ей все до последней капли.

Я издаю низкий стон и притягиваю ее бедра ближе ко мне, проталкивая член глубже. Оборачивая крепким движением руку вокруг ее живота, другой обнимаю ее за грудь, вжимая как можно сильнее ее тело в мое. Так мы стоим примерно минуту… а может и все десять, время в

этот момент замерло для нас обоих. Я не слышу музыки, не вижу ярких вспышек света, не вижу извивающихся тел на танцполе. Окружающая действительность ничего не значит для меня.

Все, что меня волнует в данный момент, это женщина, которая в моих руках, ощущение ее влажной и тугой киски, сжимающей мой член.

Прижимаясь к ее шее, вдыхая аромат ее кожи, от нее легко и нежно пахнет дикой орхидей и весенним дождем. Я горячо шепчу ей на ушко:

— Я не думаю, что когда-нибудь смогу насытиться тобой.

Глава 22

Мойра

Я хожу из угла в угол по комнате, обгрызая ноготь на мизинце. Я смотрю на часы уже в десятый раз за последние десять минут. Только я подошла к двери спальни и развернулась, чтобы возобновить свой

беспокойный поход, все, что я делала, так это приминала ковер, расхаживая по нему.

Вдруг межкомнатная дверь открывается, и Зак заходит с довольной улыбкой.

— Ну что, готова идти на завтрак?

Он в отличном настроении, потому что час назад, когда мы проснулись, Зак вылизал мою киску и заставил меня кончить. В тот момент, когда я готова была взорваться от удовольствия, он отодвинулся от меня, перевернул на живот, приподнял бедра вверх и глубоко вошел в меня. Я сразу же кончила, заглушая свои крики подушкой.

Затем он сделал кое-что, что потрясло меня и заставило испытать еще один оргазм. Когда Зак почувствовал, что я на пике удовольствия, он выскользнул из моего тела и излился мне на поясницу. Я испытала еще один оргазм, затем он провел ладонью по семени, размазывая его ниже по спине, проскальзывая влажными пальцами между ягодиц. Его палец обвел тугое колечко мышц и затем распределил по нему влажное желание, он нежно толкнулся в тугую дырочку, разжигая возбуждение. Он

двигал им внутрь и наружу, наконец, я начала умолять его прекратить перед тем, как снова кончила.

Он улыбнулся и выскользнул пальцем из моей попки, наклоняясь поцеловать меня между лопаток. Зак заключил меня в свои объятия, и несколько минут мы просто лежали в тишине, пока его удовольствие не высохло на моей коже.

Потом он игриво шлепнул меня, и мы пошли принимать душ, чтобы позже встретиться с Рэнделлом за завтраком. Это была причина для беспокойства номер один.

Встреча с Рэнделлом.

Зак рассказал мне, что вчера вечером, пока я была в дамской комнате, он поругался с Клинтом и Карой. Потому что они предложили нам заняться групповым сексом, предлагая при этом попробовать кокс и экстази. Я объяснила Заку, что это такое. Он скривился в отвращении, затем ругался в течение пяти минут. Мы были в шоке, что они вообще решились предложить нам такое.

Хуже всего то, что он сказал мне об угрозе Кары рассказать Рэнделлу про нас, но Зак заверил меня, что она не станет этого делать, потому что в ответ он припугнул её тем, что расскажет Рэнделлу их грязный секретик, что они состоят в интимных отношениях. Эта мысль не дает мне покоя, по телу проходит дрожь. Это же просто омерзительно.

— Я не пойду вниз, — заявляю я. — Кара, скорее всего, уже позвонила ему этим утром и выложила все. И могу поклясться, что у нас будет серьезный разговор, когда он увидит мое виноватое лицо.

Зак подходит и обнимает меня. Одной рукой он обхватывает затылок, дугой прижимает меня к своей твердой груди и легко целует в макушку. Нежный и добрый Зак вызывает во мне трепетные чувства, которые взрываются яркими вспышками в моей душе, когда он так нежно касается меня, я знаю точно, что Зак забирает по кусочку моего сердца.

— Это будет настолько ужасно, если он узнает? — спрашивает Зак успокаивающим тоном, когда гладит заботливо меня по спине.

Я вырываюсь из его объятий и смотрю на него дикими глазами, практически шипя в ответ:

— Да, это будет очень плохо. Ужасно. Самое ужаснейшее, что могло бы произойти со мной. Он уволит меня, Зак. У Рэнделла есть связи и возможность уничтожить меня и мою карьеру. Что тогда у меня останется?

–У тебя останусь я, — отвечает он просто, но на этот раз мое сердце не переполняется трепетом от его слов.

Я иронично отвечаю ему:

— Что конкретно у меня есть? Мужчина, который знает, как оттрахать меня, но у которого в планах вернуться обратно в Бразилию?

— Ты можешь поехать со мной, — говорит он еле слышно, и его глаза выражают серьезное намерение.

Во мне бушуют целые мириады чувств, потому что сейчас я хочу откровенно обсмеять его и поиздеваться над ним. Я живу в современном мире всю свою сознательную жизнь. Я посвятила много времени и усилий, чтобы стать той, кем я являюсь на данный момент. Я никогда не смогу променять это на... на что? Выбирать личинки земляных

червей из сгнившего дерева, чтобы приготовить их с мясом, которое Зак поймает на охоте?

Но я не могу проговорить это все вслух, потому что сейчас Закариас предлагает мне совершенно серьезно. И еще, естественно, я понимаю, если даже он думает об этом в данный момент, он, по сути, не имеет это в виду. Понимаете, когда Зак говорит о возвращении, он говорит о самом племенном обществе, их племя даже не практикует моногамные отношения. У нас не будет своего маленького счастливого дома, также мы не сможем там заниматься любовью часами, наслаждаясь друг другом. Он просто поставит меня на колени на грязную землю, прижмет мою щеку к земле, трахнет меня, без всяких эмоций, как всех тех женщин, которые будут смотреть на меня. Это уничтожит меня.

Делая глубокий вдох, я разворачиваюсь и иду к маленькому столику. Я надеваю мои часы, сережки. Печаль пронзает меня, когда я понимаю, нет больше будущего с Заком! Есть только здесь и сейчас, но уже может не быть и этого.

— Мойра… Рэнделл не будет против наших отношений, того, что мы вместе, — говорит он уверенно.

Резко разворачиваясь, смотрю на него не верящим взглядом.

–Ты этого не знаешь. Ты не можешь знать этого наверняка.

Он улыбается, любя, затем подходит ко мне. Протягивая руку, он заправляет рыжий непослушный локон за ушко и смотрит на меня внимательно.

— Я знаю это, потому что немного стал понимать Рэнделла. Он очень хороший человек, я думаю, он искренне желает мне счастья.

— А счастлив ли ты, Зак? Счастлив ли ты в этом современном мире, из которого хочешь сбежать?

— Я не убегаю сейчас, так? — говорит он жестким голосом.

— Может быть сейчас и нет, но ты уже озвучил, что уедешь отсюда. Твои планы не изменились, ты так же планируешь вернуться?

Губы Зака складываются в тонкую линию, голос становится печальным.

— Да, я планирую вернуться. Я принадлежу тому месту.

Я издаю разочарованный согласный вздох и кладу руку ему на грудь.

— Я знаю. Я знаю, что ты не принадлежишь современному миру, даже если бы мне так хотелось этого.

Он приподнимает удивленно брови.

— Ты хочешь, чтобы я остался тут?

Я не была готова к этому диалогу, потому что я боюсь сказать ему что-то глупое, похожее на: «Да, я хочу, чтобы ты остался. Я влюбилась в тебя, и я не смогу дальше жить без тебя, ты стал для меня словно воздух».

Я держу свои губы крепко сжатыми, чтобы не проговориться, затем через пару минут я все же отвечаю:

— Какая разница, чего я хочу. Как и Рэнделл, я хочу, чтобы ты был счастлив, и поэтому я буду поддерживать твое желание вернуться, если это то, что сделает тебя счастливым.

Зак пристально смотрит на меня, ожидая, что я скажу что-то еще. Он выглядит недовольным от того, что я сейчас произнесла, я смотрю на него в ответ также

пристально и понимаю, что просто запуталась в наших чувствах. Потому что, давайте будем честными, проще выразить чувства через секс и желание, чем поговорить о том, что действительно у тебя на сердце.

Разворачиваясь, Зак направляется к двери.

— Пойдем завтракать, и затем нам нужно собраться перед поездкой к твоей сестре.

Да, нам нужно собраться. Мы с Заком поедем на выходные в Серверную Каролину, чтобы навестить мою сестру. Она именно тот человек, который точно посоветует, что мне нужно дальше делать.

Я отрезаю кусочек бельгийской вафли, затем кладу его в рот. Мой живот скручивает от страха, я боюсь, что в любой момент Рэнделл может меня позвать, чтобы поговорить о соблазнении его племенника.

Но с каждым мгновением Рэнделл становился лишь добрее. Они с Заком спокойно разговаривают о планах Рэнделла по расширению универмагов Кеннон по всему миру. Я не могу понять, по правде Зак заинтересован в этом или просто таким образом насмехается над своим крестным отцом, но что могу сказать с уверенностью, Зак

очень привязался к старику. Он общается с ним непринужденно и свободно, они обмениваются забавными шуточками, Рэнделлу это определенно нравится. Он всегда смеется над детской непосредственностью Зака.

— Так, Мойра… ты же работаешь над статьей о Заке, ты будешь ее публиковать сейчас или позже, когда он уедет в Амазонку?

Я проглатываю кусочек вафли и запиваю его апельсиновым соком.

— Ну, вообще я работаю над этим с того самого момента, как мы приехали. Это немного отличается от всех моих исследований связаных с индейцами, которые пытались адаптироваться в современном обществе, я думаю, тут вещи обстоят в ином свете. Изначально было больше шансов на успех у этого предприятия.

— Почему? — спрашивает Рэнделл, приподнимая в удивлении бровь. Зак слушает молча, продолжая завтракать, потому что он слышал это ранее. Мы обсуждали это с ним буквально на днях, когда решили отправиться в парк на пикник.

— Потому что в предыдущих моих исследованиях индейцы были коренными жителями племени, и никогда до этого не сталкивались с реальным миром. С Заком дела обстоят совершенно по-другому. Он был рожден здесь, и у него сохранились отличные воспоминания, которые могут помочь в его адаптационном состоянии. Тем более у них были сложнейшие языковые проблемы, у Зака же их нет. Он прекрасно владеет английским языком. Индейцы все говорят только на португальском, и мы усиленно занимались с репетиторами. Кроме того, у меня не было такой возможности общаться с ними каждый день лично. Я лишь провела скудный опрос, который смогла сделать при помощи переводчика, но я не имела возможности наблюдать за их успехами. Вся работа выполнялась на расстоянии, дистанционно, у меня было много материалов, и я лишь обрабатывала на основе опроса.

— Да, я понимаю. Значит, тебе будет легко оформить материал доклада, потому что ты присутствовала при процессе адаптации. Ты сможешь написать все более реально — подмечает Рэнделл.

— Точно, — говорю я ему, и затем под влиянием вины за то, что я вступила в сексуальные отношения с моим подопечным, я поспешно добавляю: — И опять, Рэнделл, у меня даже не хватает слов отблагодарить вас за такую возможность. За то, что вы смогли доверить мне такой ответственный проект.

Я замечаю, как Зак моментально реагирует на мои слова ответным взглядом, особенно после слов, что я употребила, назвав его «проектом». Я невольно вздрагиваю всем телом, потому что понимаю, что он для меня уже давно не проект и не исследование. Я думаю, ему было неприятно услышать о себе такое.

Зак смотрит на меня в течение некоторого времени, но затем его взгляд меняется, я не могу понять, о чем он думает. Мое чувство вины взлетает до небес. Я открываю рот, чтобы как-то пояснить, сгладить остроту сказанного, но Зак с шумом отталкивает тарелку и поворачивается к Рэнделлу.

— Рэнделл, вам необходимо знать, что мы с Мойрой состоим в интимных отношениях. И она до сих пор помогает мне адаптироваться, — говоря это, он

поворачивается и пристально смотрит на меня, его взгляд не дает мне сказать ни слова, — помогает привыкнуть ко всему вокруг, но мы НЕСКОЛЬКО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРОСТО «УЧЕНЫЙ И ЕГО ПРОЕКТ».

Я задыхаюсь, когда Зак произносит эти слова, он открыл наш маленький секрет настолько прямо. Мои щеки покрывает краска стыда от смущения, даже в тот момент, когда я чувствую, что Зак абсолютно прав, когда так четко подытоживает сказанное в такой неприятной форме «ученый и проект». Я растеряна.

Я словно в замедленной съемке поворачиваюсь к Рэнделлу, но он смотрит на Зака внимательно и удивленно.

— Ох, да… ну, что ж, я все понимаю.

— На самом деле, вы, скорее всего, не понимаете, — говорит Зак мягко. — Но все, что вам необходимо знать и понимать, что я тот, кто преследовал Мойру и не давал ей проходу. Я соблазнил ее, но она противостояла. Она так переживала и волновалась, что нарушает профессиональную этику, что она не позволяла себе и мысли заводить со мною хоть какие-то отношения.

Рэнделл поворачивается и смотрит сначала на меня, затем на Зака, на его лице растягивается широкая улыбка.

— Ты преследовал ее, не так ли? Ты ее склонил к сексу?

— Да, сэр. Я хотел и добивался ее, пока она не подчинилась мне, — говорит он и смотрит на меня коварной улыбкой, только мы понимаем реальное значение слова «подчиниться» в том контексте.

— Рэнделл… прости меня, — говорю я ему. — Я предала твое доверие. Мне нет оправдания.

Он улыбается мне веселой улыбкой и отвечает:

— Ну, как сказал Зак, у тебя не было особого выбора.

Я встаю из-за стола, цепляюсь пальцами за край, чтобы хоть как-то удержаться на ногах, потому что я чувствую, что я на грани срыва.

— Но… Нет, у меня был выбор. Был. И я сдалась Заку. Это было неправильно, и у меня больше нет права оставаться тут. Вы можете найти кого-то другого, я с радостью отдам свои заметки и записи. Есть очень много прекрасных исследователей практиков, которые захотели бы работать с Заком.

Я разворачиваюсь и покидаю быстрым шагом столовую, Зак кричит мне вслед:

— Мойра… стой!!

Я слышу, как отодвигается со скрипом стул по полированному полу, и ускоряю шаг, я быстро подбегаю к лестнице и поднимаюсь наверх, перескакивая через несколько ступенек, и забегаю в комнату. Я знаю, точно знаю, что Зак побежит за мной, поэтому мне нужно спрятаться и закрыть на все замки обе двери.

Когда я закрываю главную дверь в спальню, я пытаюсь сморгнуть навернувшиеся слезы, рассуждая, что же мне делать дальше… мне нужно уйти. Но я не могу поступить по совести, так как правильно, я так слаба, если честно я должна была его бросить, когда он трахнул меня в первый раз.

Но я так эгоистична.

Какая же я эгоистка.

Пора посмотреть правде в глаза. Я не хотела сдаваться Заку лишь по одной причине. И это совсем не из-за исследовательской возможности или большого гранта, я таким образом хотела удержать его рядом с собой

настолько долго, насколько это возможно. Я хочу этого, теперь вся надежда только на доброту, понимание и доверие Рэнделла.

Внезапно раздается мягкий стук в дверь, затем я слышу голос Рэнделла.

— Мойра… Я хотел бы поговорить с тобой.

Ох, черт, черт, черт, черт.

На ватных ногах я подхожу к двери и открываю ее. Когда я поворачиваю ручку, Рэнделл стоит там и смотрит на меня с доброй улыбкой.

— Можно я войду?

Я киваю и отхожу в сторону, закрывая за ним дверь.

— Ты абсолютно права, — говорит Рэнделл, когда я поворачиваюсь к нему. — Есть множество людей, которые более квалифицированы в сфере этого вопроса. Я встречался с парой человек, которые имели кандидатские степени по психологии и в дополнение к этому степень доктора наук по антропологии. Они были бы более грамотным выбор для Зака в этой ситуации, исходя из всей стрессовой ситуации, которую ему пришлось перенести, когда он вернулся сюда снова.

Я киваю в понимании. — Согласна. Я думаю, они будут бесконечно счастливы такой возможности. Это шикарная возможность.

— Да, это так, — соглашается хитро Рэнделл. — Но я не заинтересован в выгоде или шансах на успех, ни твоих никого бы то ни было. Единственное, что меня волнует, так это возможности Зака.

Я опускаю пристыжено взгляд, я разрушила все возможности.

— Но я уверен, что ты самая лучшая возможность для него, — рассуждает Рэнделл.

Я поднимаю на него удивленный взгляд.

— Объясните, я не понимаю.

— Я выбрал тебя не просто так, доктор Рид. Вы думаете, что я послал вас вслепую, надеясь на удачу? Нет, я все наперед прочел и изучил про каранкайцев, прежде чем начал искать антрополога. Я провел много времени с отцом Гоулем и другими учеными, которые изучали коренные племена Амазонки, знакомясь с общественными нормами их племени, обычаями и традициями. И как

только я понял, с чем я столкнулся, я определил, какого человека мне следует искать.

Я ошеломленно молчу, потому что не знаю, что тут добавить.

— Ты отличный человек, Мойра. Ты идеально подходишь для Зака.

Понимание пронзило меня.

— Потому что я женщина?

— Потому что ты красивая, умная и независимая женщина, и ты его возраста. Ты молода и целеустремлена, ты можешь показать ему мир своим взглядом. Ты для него то, к чему он не привык. Я думаю, ты лучшая возможность познакомить его с миром вокруг. У тебя заботливые прикосновения и нежный голос. Я сразу выбрал тебя, потому что знал, что Зак будет какое-то время метаться, словно раненный зверь в клетке, ты бы ему помогла. Ты была одной и единственной в моих глазах, и я не могу принять твой отказ от работы.

— Но… но…

— Никаких но, — произнес Рэнделл серьезно, без тени издевки в голосе. — Я знаю, именно ты причастна к

изменениям Зака за последние пару недель, ты очень ответственная. Зак узнал причину, по которой он может остаться в современном обществе. Он дал мне, старику, шанс и ты помогла ему принять меня, хотя у него есть все основания, чтобы ненавидеть меня.

— Вы не правы Рэнделл. Зак ничего не открыл, нет ни одной чертовой возможности и шанса его удержать здесь. Он сказал мне все этим утром.

Рэнделл смотрит на меня несколько минут, затем разворачивается и идет к двери. Когда он поворачивает ручку и открывает дверь, он говорит мне:

— Нет, Мойра, Зак полностью открыт для возможности остаться тут и жить. Я это вижу каждый раз, когда он смотрит на тебя. Я знаю, что вы двое думаете, что хранили от меня большой секрет, но я ведь все давно заметил... Что вы безумно влюблены друг в друга. Ну и, кроме того, вы очень громко по ночам выражаете страсть…

Мое лицо вспыхивает самыми яркими цветами красного. Рэнделл смотрит на меня с улыбкой.

— Ну что ж, собирайтесь и наслаждайтесь уик-эндом у твоей сестры. Увидимся в понедельник.

Рэнделл выходит и прикрывает мягко за собой дверь, оставляя меня стоять всю красную от стыда и с открытым ртом от удивления.

Глава 23

Зак

Мойра молчит на протяжении всей поездки в Северную Каролину. Когда Рэнделл пошел разговаривать с ней, я ждал у дверей ее спальни.

Он улыбнулся и похлопал меня по плечу.

— Она особенная девушка, Зак. Заботься о ней, будь ласков.

Я просто кивнул ему, соглашаясь, но в душе почувствовал себя долбанным мудаком. Я предал ее доверие, открыв наш секрет, но я настолько устал смотреть и чувствовать ее страх, что уже не было сил терпеть. Я знал, Рэнделл не будет против наших

отношений, он был бы только рад этому. Но у меня не получалось заставить ее увидеть это, поэтому я взял все в свои руки. Я прекрасно понимал, что она будет ужасно зла на меня. Все трудности стоили этого, я не мог больше скрываться, я люблю ее, она моя.

Слова Рэнделла отдавались в моей голове: «будь ласков с Мойрой». Затем я чувствую сокрушающую боль, будто мне со всего размаху впечатали под дых, потому что сама мысль, что я могу обидеть ее, выворачивает меня наизнанку. Я прекрасно понимаю, что делаю ей больно сейчас, и сделаю еще больнее, когда покину современный мир и вернусь в джунгли.

Мне нужно возвратиться в Карайку, нужно. Здесь нет для меня перспективы. Или все же есть? Но что мне тогда делать? Она будет содержать меня? Или может мне платить ей за ее доброту оргазмами? Мне нечего предложить этой потрясающей женщине, кроме охоты, навык, который полностью бесполезен в этом обществе.

Я мягко открыл дверь ее спальни и увидел, что она складывала одежду в чемодан. На короткий миг мне показалось, что Мойра не прислушалась к словам

Рэнделла. Внезапно, она, словно почувствовав мое присутствие, развернулась и произнесла:

— Тебе нужно идти собирать чемодан, если ты все еще хочешь поехать со мной к Лизе.

Широкая улыбка расцвела на моем лице, облегчение накрыло меня, она все-таки не собиралась покидать свою работу.

Бросать меня.

Мойра посмотрела на меня вопросительным взглядом.

— Как долго ты будешь злиться на меня? — проговорил я.

— Я еще не решила, — ответила она, нахмурившись, но моя улыбка стала от этого только шире. Я решил дать ей немного времени подуться, словно капризной девчонке, но это не продлится долго, а лишь до того момента, пока мы вечером не отправимся в кровать. Я ее так оттрахаю, что она просто забудет о таких глупостях, как обиды. И красивая, веселая улыбка озарит ее восхитительное лицо.

Я пытался пару раз начать диалог на протяжении всей нашей поездки, спрашивая у нее про Лизу и ее семью. Она

отвечала довольно кратко, но не была груба. Можно сказать, что Мойра давала мне минимальную информацию, но все же, волны негодования были направлены в мою сторону.

Эрекция была словно самый крепчайший гранит, пока мы ехали оставшийся путь до Каролины. Я четко обдумывал план, как забраться к ней в трусики, чтобы она вновь стала со мной доброй и милой.

Когда она заезжает на подъездную дорожку к дому своей сестры в Уилмингтоне, впереди мы видим прекрасный коттедж, который покрыт серой черепицей и отделан в белом цвете. Мойра глушит двигатель и уже хватается за ручку двери, когда я провожу пальцами по линии ее скулы, затем аккуратно кладу ладонь на щеку. Нежно разворачиваю лицо и жду, пока она посмотрит на меня, потом говорю:

— Прости.

Я притягиваю ее ближе, накрываю губами ее губы и шепчу ей искренне:

— Прости меня.

Чувствую от нее некое напряжение, поэтому понимаю, что пока я не прощен. Я целую ее еще раз.

— Прости.

Отодвигаясь от меня, она смотрит обиженным взглядом.

— Ты чуть не разрушил мою карьеру, Зак. Ты поставил ее существование под угрозу.

Злость заполняет меня, я чертовски устал быть ее испытуемым объектом. Я знаю, она так не думает, когда я глубоко вонзаюсь в нее.

— Ох, бл*дь, ради всего святого, Мойра! Меня совершенно не волновала твоя работа, но я знал одно, что Рэнделл не будет против нас. Я был прав.

— Это к делу не относится, — бормочет она, но я целую ее еще раз, чтобы заглушить поток слов.

Я отстраняюсь от неё и резко хватаю за лицо ладонью.

— Я больше не твой питомец, не твое исследование! Мне больше не нужна помощь в процессе адаптации к обществу и к современному миру! Давай посмотрим правде в лицо. Я отлично справляюсь. Следовал всем твоим идиотским правилам и нормам. Я ем при помощи

столовых приборов, больше не бросаюсь на людей с криком. Я принимаю твои правила. Но, блять, я устал прятаться, скрываться ото всех. Это убивает меня медленно и верно. Знаешь ли ты, насколько тяжело не прикасаться к тебе, лишний раз не смотреть на тебя, когда того требует моё сердце? Я на хрен устал от чувства страха, который ты внушаешь мне, что кто-нибудь может узнать о нас. Прекрати стесняться меня! И знаешь, что я тебе скажу, я счастлив, что сказал все Рэнделлу, потому что будь у меня ещё один шанс, то я бы поступил точно также! Если хочешь, злись на меня сколько тебе угодно, но запомни девочка, это продлится лишь до того момента, пока ты не ляжешь в нашу кровать. Я вытрахаю из тебя всю твою глупую обиду!

Гнев выплескивается словно раскаленная лава, Мойра ошеломленно смотрит на меня огромными глазами. Ее грудь вздымается и опадает в унисон с моей.

— Ты больше не нуждаешься во мне? Я совершенно не нужна… — спрашивает она подавленным голосом.

Крепко обнимая ее, так, чтобы она уткнулась носом в ложбинку у основания шеи, я хрипло рычу ей на ушко:

— Да, на хрен, я как никогда в своей жизни нуждаюсь в тебе. Больше, чем готов это признать. Но не как в антропологе. Я желаю тебя видеть рядом как мою женщину.

— Но… но я не понимаю, у тебя и так есть это, — тихо бормочет она. — Я уже отдала тебе всю себя без остатка.

— Как ты не поймешь, что может мне этого больше недостаточно?! Может, я желаю большего для нас, — говорю ей эмоционально, а вдруг сейчас именно тот момент, когда пришло время расставить все по своим местам? А может, настало время прекратить думать и анализировать, а просто нужно последовать за своим сердцем? Открыть все чувства?

— Большего? — спрашивает она растерянно, когда отодвигается от меня, взгляд ее изумрудных глаз убивает меня, потому что я даже толком не знаю, как ей дать «уверенное будущее». В ее взгляде светится удивление и счастье. Я не готов отпустить рыжеволосую красавицу прямо сейчас, поэтому я сделаю все, чтобы не потерять мою Мойру. Да, не думайте, что я хороший парень, я эгоистичный мудак.

Проводя рукой по волосам, я вздыхаю и пытаюсь сосредоточиться и выкинуть ненужные мысли из головы.

— Смотри… Парайла хотел, чтобы я провел здесь год, перед тем как вернусь обратно. Я знаю, что раньше мне совершенно не подходила данная идея, но, а что если я это сделаю? Что если я проведу этот год здесь… с тобой. И мы посмотрим, что будет дальше?

Надежда наполняет взгляд Мойры, и я чувствую себя прекрасно и омерзительно в одно и то же время, предлагая ей это, в глубине души я ненавижу себя за то, что не могу ей дать. Все, что знаю в эту минуту — не хочу, чтобы она злилась на меня, хочу лишь ее здесь и сейчас, всецело.

— Проведешь здесь год? — говорит она.

— Да, я могу остаться здесь до того момента, пока тебе не понадобится возвращаться на работу к зимнему семестру. Мы могли бы переехать в родительский дом, который сейчас принадлежит мне, я, конечно, уважаю Рэнделла, но не хочу пользоваться его добротой, найду работу и буду помогать тебе содержать нас и дом.

Я знаю, что моим неизменным желанием является окружить ее вниманием и заботой, но в мыслях все остается по-прежнему, моя потребность вернуться в джунгли не угасла. Но в данный момент, я также не хочу потерять эту девушку, хочу ее рядом. В глубине души не могу избавиться от тонкого чувства, что хочу всеми силами вернуться в Карайку, потому что все еще привязан к Парайле и к моему племени. Как это не ужасно признавать, но большая часть моего сердца осталась там.

Мойра прерывисто выдыхает и говорит неуверенным голосом:

— Хорошо. Я думаю, это отличный план.

Я улыбаюсь ей, потому что понимаю — проблема ушла, все наладилось.

— Тогда это и есть наш план.

Мойра удивляет меня, когда судорожно обхватывает ладонями мое лицо и глубоко целует меня, проскальзывая настойчиво языком, забирая всю мою волю и мои желания, и я не могу ей отказать ни в чем. Целую ее в ответ, мы так счастливы, что у нас получилось преодолеть эти препятствия, что мы вернулись к прежним

отношениям, словно маленькая искорка перерастает в большое пламя, так охватывает нас потребность друг в друге, желание насладиться любовью и защищенностью, хоть и временной, прямо сейчас. Я точно знаю, что смогу тут прожить год. Без проблем. Только бы с ней рядом, без нее я не смогу.

Нежно разрывая поцелуй, она отстраняется от меня и шепчет:

— Знаешь, мне кажется, что я еще немного злюсь на тебя, так что думаю, ты обязательно должен исполнить свое обещание вытрахать мои обиды сегодня вечером.

Я рычу от нужды и желания, которое захлестывает меня, и еле сдерживаясь, чтобы не взять ее прямо сейчас, в машине при свете дня. Моя рука ловко находит и расстегивает пуговку на ее джинсах, я могу быстро ее раздеть и прикоснуться к ней.

Тук, тук, тук, тук.

Мойра отскакивает от меня в считанные секунды, поворачивая голову к стеклу с водительской стороны, где стоит и смотрит во все глаза на нас молодая женщина. Я без сомнений могу сказать, что это и есть Лиза, потому

что выглядит она как точная копия Мойры, такие же огненного цвета волосы и зеленные глаза, она немного полнее Мойры, но это, потому что она уже рожала, я так думаю. В Карайке девушки становились мягче формами, когда проходили процесс деторождения.

Мойра распахивает дверь и вылетает навстречу Лизе, бросаясь в ее объятья. Я смотрю, как они обнимаются и шепчут друг другу ласковые слова приветствия. Когда эрекция ослабевает, я, в конце концов, открываю дверь и выхожу, чтобы познакомиться с хозяйкой.

Лиза смотрит на меня с лукавой улыбкой и затем переводит глаза на Мойру, заявляя:

— Простите, не хотела прервать ваш… ваше… ээ, чтобы это ни было, простите, я была немного не вовремя. Я наблюдала за вами, как только вы подъехали, не могла утерпеть, так мне хотелось обнять мою сестренку.

Мойра весело смеется и обнимает ее еще крепче, прежде чем отпустить. Я закрываю дверь и обхожу машину. В тот момент, когда я подхожу к ним, Мойра представляет меня.

— Лиза, это Зак. И Зак, это моя сестра Лиза.

Мы пожимаем друг другу руки.

— Очень приятно познакомиться, Зак. Мойра много мне рассказывала о тебе.

Она поворачивается к Мойре, подмигивает, слегка хлопает ее по руке и говорит:

— Но смотрю, моя сестренка, рассказала мне не все. Я подозреваю, что это был поцелуй, тем более такой сексуальный.

— Лиза, прекрааащаайййййй, — по-доброму укоряет ее Мойра, а потом берет меня за руку. Не раздумывая ни секунды, я крепко сжимаю ее руку и переплетаю наши пальцы. Это первое проявления взаимной привязанности на людях, про которую я когда-то спрашивал у Мойры в самом начале нашего знакомства. Я вам скажу, это мило, нет, не так, это охренительно приятно, показывать, что она моя и ничья больше, что я испытываю к ней.

— Проходите, голубки, — ласково говорит Лиза, поворачиваясь и направляясь к дому. Мы поднимаемся по лестнице, заходим на веранду. — Скоро придет Адам, а я пока приготовлю стейки на гриле, дети ужасно скучали по тебе, Мойра.

В тот момент, когда она открывает входную дверь, двое рыжеволосых малышей, словно огоньки, бросаются к Мойре с радостными криками.

— Тетя Мойра.

Она рассказала мне в машине по пути сюда, что у Лизы двое детей, девочке восемь, мальчику шесть лет. Я наблюдаю за тем, как она опускается на колени и обнимает их.

Мойра так крепко стискивает их в объятьях, прижимаясь носом к волосам девочки, вдыхая ее детский запах. Моя грудь наполняется теплом и нежностью от красоты момента. Я никогда до этого и не задумывался, не представлял ее с детьми, но сразу видно, что Мойра очень любит детей. Я непроизвольно задумываюсь, какой матерью будет она, но думаю, у меня есть точный ответ на этот вопрос.

Внезапный укол боли пронзает мое сердце, словно тонкая игла проходит насквозь, оставляя саднящее чувство горечи и печали, потому что я отчетливо понимаю, что у меня с ней никогда такого не будет. Я не могу перенести мысли, что она будет ждать ребенка от

другого. Впервые я так остро чувствую потребность не отдавать, а держать, оберегать. В Карайке превалирует сексуальная свобода, но все же женщины и мужчины связывают себя узами брака, также еще одно отличие — нет вещи, которая бы указывала на принадлежность и привязанность людей, в современном мире — это кольцо. Женщинам позволяется вступать в свободные сексуальные отношения, наравне с мужчинами. Это делается много лет по негласному соглашению, но иногда не обходится и без сцен ревности, потому что не все хотят делить свою женщину с другими мужчинами, хотя это общепринятый обычай. Если случается так, что женщина забеременела во время свободного секса, то ребенок автоматически становится сыном всего племени, о нем заботится все, помогая растить. В племени четкое разделение: женщины — уход за детьми, удовлетворение мужского желания, приготовление пищи; мужчины — защита, добыча еды. Карайканские мужчины по большому счету отстраняются от детей после их рождения, особенно от маленьких девочек, они не считаются ценным даром Богов. Мужчины

заинтересованы в мальчиках, и то начинают принимать в их судьбе участие лишь по достижении возраста, когда ребенок осмысленно проявляет стремление в охоте и обеспечение племени едой.

— Колин… Самюэль… Я хотела бы вас познакомить со своим другом, Заком, — слышу я голос Мойры. Она поднимается с колен и ее руки лежат на их плечиках, когда знакомит их со мной.

— Ты и есть тот самый парень, который жил в джунглях, — говорит мне рыжеволосый мальчуган — Самюэль, Колин же опускает застенчиво глаза в пол.

— Точно, это именно я, — говорю с веселой улыбкой, не могу ничего поделать, я очень люблю детей.

— А там есть львы? — спрашивает он и несмело смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

Смеясь, я треплю его по волосам, и Мойра улыбается мне.

— Нет, львов нет, там есть быстрые ягуары, аллигаторы и громадные змеи.

Его губы складываются в удивленное выражение буквой «о».

— Зак, а что такое ягуары?

Смех Мойры раздается, словно звонкий колокольчик, она берет детей за руку и ведет вверх по лестнице, говоря:

— Так, сейчас мы поднимемся, включим компьютер и покажем вам с Заком, кто такие «ягуары». — Смотря на меня через плечо и говоря мне: — Кстати… я все еще зла, тебе определенно лучше придумать, как убрать эту злость сегодня ночью.

Черт… я только смог расслабиться и немного успокоить свою твердокаменную эрекцию, а теперь вся кровь приливает к члену с новой силой.

***

Тремя пальцами неистово врезаясь в киску Мойры, я глубоко трахаю ее, большим пальцем лаская клитор, прижимая бусинку клитора до того момента, пока она не начинает всхлипывать. Затем захватываю его губами и начинаю посасывать, немного сдавливая зубами. Чувствую ее сладкий вкус на моем языке, она кончает, чтобы хоть как-то заглушить рвущиеся крики, рыжая

бестия закусывает кулачок, потому что кричать и громко стонать непозволительное удовольствие, когда через стенку спят двое детей.

Вытаскивая пальцы из киски, я чувствую, как она пульсирует от моих действий, словно умоляя меня войти и поприветствовать ее. Нежно провожу языком от вершинки клитора и ниже, толкаясь языком в горячее лоно. Приподнимаясь с колен, я обхватываю член рукой, поглаживая его, и направляю в киску, затем толкаюсь и легко проскальзываю в жаркое влажное удовольствие.

Проникая в нее, наша плоть соприкасается, и я вздрагиваю всем телом. Захватываю руками ее щиколотки и закидываю стройные ножки к себе на плечи так, что она немного приподнимается и отрывает бедра от кровати. Легко склоняюсь, опираясь с обеих сторон от нее о матрас. В таком положении я могу наслаждаться ее сосками. Я толкаюсь глубже, и Мойра издает приглушенный звук.

— Все еще злишься на меня, девочка? — спрашиваю тихо, когда медленно скольжу в нее, а затем подаюсь назад.

Она яростно качает головой, ее глаза плотно прикрыты.

— Я даже и не знаю, стоит ли верить, — говорю я сомневающимся голосом, когда ритмично подаюсь внутрь и наружу. — Мне кажется, что ты могла бы кончить еще, чтобы твоя злость полностью ушла.

— Я не могу, я не могу, — продолжает она повторять, словно скороговорку, смотря на меня. — Я только что кончила.

Ухмыляясь, я продолжаю покачивать бедрами, глубоко толкаясь, смотря с гордостью на ее молочную кожу груди, которая от испытываемого оргазма приобрела слегка розоватый оттенок. Прижимаясь к ней и перенося вес тела на руку, второй рукой хватаю за запястье и опускаю руку к клитору.

— Потрогай себя, — сквозь зубы говорю я. — Ласкай себя, пока я тебя трахаю.

Она отрицательно качает головой, я спускаюсь глазами по ее груди, подтянутому животику и впиваюсь глазами в шелковистую плоть, по которой она порхает пальчиками. Вздох удовлетворения вырывается из моего горла, когда я смотрю на нее, на ее покорность, но самое главное, на ее

полное доверие, чувствуя, как тугая киска, словно тиски, сжимает мой член.

— Моя сладкая девочка, — говорю, толкаясь в нее сильнее.

Я ощущаю, как распространяется жар у основания позвоночника, когда Мойра жестко схватает меня за бицепс и вонзается в него ноготками.

— Я кончаю, — тихо стонет она, приподнимая бедра и подаваясь мне навстречу. Жестким движением толкаюсь в нее, прижимаясь к ее плоти. Мойра откидывает голову назад, вытягивая шею, подставляя мне свое горло. Тянусь к ней и приникаю к влажной коже губами, целую, посасываю и провожу языком до ямочки между ключицами. Член пульсирует в диком ритме, прижимаюсь к ней как можно ближе, яйца подтягиваются — кончаю внутри нее, ставя клеймо, чувствуя, как от спазмов уходящего удовольствия мышцы лона пульсирует вокруг моего члена. Вдыхаю ее запах, и затем прикусываю кожу у основания шеи.

Когда я отодвигаюсь, чувствую, как ее ножки опускаются с моих плеч.

Затем я ложусь на нее, крепко оборачиваю вокруг ее талии руки, стискивая, словно это наш последний раз, прижимаюсь лицом к ее шее, дыхание все еще неровное. Член в ее киске, теплая нега окутывает меня, когда я отдаю все удовольствие до последней капли.

Мои ноги свисают с кровати, задница тоже, чертовые детские неудобные кроватки.

— Нет ни единого шанса, что мы сегодня спим вместе, — ворчу и мягко целую ее в висок. — Сегодня я лягу на полу.

— Давай принесем одеяла и расстелем их, тогда мы сможем спать эту ночь вместе.

— Нет, тебе надо спать в нормальной кровати.

— Нет, я лучше буду спать рядом с тобой, — говорит она немного капризным голосом, что заставляет растянуться мои губы в улыбке.

Неожиданно хватаю ее за волосы и накручиваю их на руку. Когда аккуратно тяну их назад, ее голова приподнимается, и я вижу ее взгляд.

— Все, больше не злишься на меня?

— О, да, — отвечает она пресыщенным от ласки голосом, ее губы озаряет светлая улыбка. — Полностью избавилась от этого чувства.

— Ах, какая жалость, — протягиваю я, когда наклоняюсь, чтобы прижаться губами к ее шейке. — У меня было еще много планов.

Она хихикает, и ее нежный смех разливается по моим венам, словно мягкая музыка.

— Ах, ну если так… Я думаю, что все же еще немного злюсь на тебя, и ты не заслужил полного прощения.

— Вот это моя девочка, — произношу я перед тем, как накрыть ее губы своими.

Глава 24

Мойра

— Оо, наконец, ты впервые со мной с того момента, как приехала. Сейчас мы поговорим спокойно, и ты мне все расскажешь, — говорит Лиза, а я отвожу взгляд от Зака,

который плавает в атлантическом океане, и пытаюсь сосредоточиться на словах сестры.

Поворачиваюсь к Лизе и смотрю на нее, она лежит на шезлонге в забавной широкополой шляпе, я улыбаюсь и кротко отвечаю:

— Толком нечего рассказывать.

Он потрясающе красивый. Зак одет в синие бермуды, которые низко сидят у него на бедах. Я не могу удержаться и смотрю на его V–образные мышцы в нижней части живота, которые выглядят просто идеально и напоминает рельефную стиральную доску. У него такой пресс, как будто он постоянно занимается спортом. Закариас идеален… не перекачен, а подтянут и мускулист. Его твердые мышцы груди гладкие и лишены волос.

— Боже, Мойра, успокойся. Ты смотришь на него, практически высунув язык, — Лиза слегка ударяет меня по руке, пытаясь привлечь к себе внимание. — Давай поболтаем. Посмотри на меня.

Я отрываю взгляд от Зака и смотрю на Адама, который играет с детьми на пляже, иногда заходя на мелководье,

затем смотрю на Лизу. Она все также лежит на шезлонге и очень внимательно разглядывает меня.

— Это все так быстро закрутилось, сумасшествие какое-то, — думаю, это идеальное слово, чтобы описать наши отношения с Заком. — Я имею в виду, когда я только привезла его в штаты, он противостоял мне во всем. Мы ругались по любому поводу, он ненавидел меня и провоцировал.

— Как? — спрашивает она с интересом.

— Например, он отказывался носить одежду и есть столовыми приборами.

У Лизы расширяются от удивления глаза, и открывается рот, она переводит взгляд на Зака, смотрит на него еще раз и сдавленно говорит:

— Что, полностью голый?!

Я киваю ей.

— Полностью, так он ходил по дому.

— Ох, боже… фантазии становятся реальностью. Голый красавчик ходил по твоему дому, — бормочет она. — Да, ты счастливая сучка, сестренка.

— Я не думаю, что была на тот момент так счастлива, потому что не могла найти с ним общего языка.

— Но я так понимаю, ты нашла, — заключает она хитро. Лиза все знает, потому что когда я пришла утром на кухню за чашкой кофе, она мне сказала: — Я даже не буду спрашивать, как ты провела прошлую ночь, потому что я все слышала через стену. Так что думаю, все было потрясающе.

За секунду мое лицо сменилось десятью оттенками красного. Чуть позже я была в ужасе от того, что дети могли услышать наши крики, но моя сестра, Мисс Невозмутимость, сказала мне спокойно, что ничего страшного не произошло, и дети даже не просыпаются от такого. Затем она хитро улыбнулась и прошептала мне на ухо:

— Я тебе ужасно благодарна, потому что, услышав вас, мы с Адамом тоже отлично порезвились.

О, Господи. Мои сексуальные похождения подстегивают других к сексу. Просто прекрасно.

— Так что же изменилось? — спрашивает сестра, выдергивая меня из размышлений.

— Я просто не смогла отказать ему. Я так хотела его, поэтому подчинилась его воле.

Я не стала вдаваться в подробности, что значит «подчинилась». Потому что не хочу возвращаться в воспоминания и думать о том, как он безэмоционально брал меня. Да, первый раз был потрясающим, но я не хочу больше так. Теперь, когда я узнала, какой он настоящий, мне будет недостаточно простого секса, я хочу и чувств. Я не вернусь назад, ни за что.

— Что ты собираешь делать? — интересуется Лиза, и я ясно понимаю, про что она сейчас говорит. Мы переписывались по мейлу все это время, и бывало, даже разговаривали пару раз в неделю по телефону. Я рассказывала, что наша связь с Заком крепнет, но также не забывала говорить, что он не меняет планов насчет возвращения.

— Зак собирается остаться здесь на год. Я попытаюсь сделать все возможное, чтобы по окончании он изменил свое решение, — говорю я просто.

— И что потом?

— Он вернется домой… в Карайку, — печально отвечаю я.

— А что будешь делать ты?

— Ну, скорее всего, собирать по кусочкам свое разбитое сердце.

— Ох, милая, — говорит Лиза с жалостью, быстро спуская ногу с шезлонга на теплый песок побережья. Взяв меня за руку, она продолжает: — Прости, детка. Может он все-таки решит остаться.

Я пытаюсь быть безразличной и скрыть слезы, поэтому отворачиваюсь в сторону и показываю ей скрещенные пальцы.

— Будем надеяться. Я все верю, что найдется что-то, что пересилит его любовь к джунглям.

Взгляд Лизы смягчается.

— Ты его любишь, Мойра?

— Ты как всегда точна, сестренка. Но моя любовь полностью односторонняя.

Она наклоняется, тянется к сумкам и достает оттуда пару бутылок пива. Протягивает одну мне и говорит приободряющим тоном:

— Рано делать выводы. Год — это большой срок. Чувства — такая штука, сегодня нет, а завтра есть. Все будет хорошо.

— Его тоска и грусть по дому могут стать сильнее, — подмечаю я, стискивая бутылку настолько сильно, что белеют костяшки на пальцах. Затем делаю глоток и подставляю лицо ласковому солнцу Каролины, теплые лучи которого нежно ласкают и проникают в меня, согревая изнутри.

— Нет, я просто смотрю со стороны, и это мое мнение. Я думаю, ты ошибаешься, и у Зака есть чувства к тебе!

Я резко поворачиваю голову и поспешно спрашиваю:

— Что ты имеешь в виду?

Она кивком указывает, что к нам направляется Зак.

Его глаза осматривают мое тело, и на лице играет чувственная улыбка. Взгляд наполнен теплом и желанием, он проводит рукой по влажным волосам. Боже, насколько же он прекрасен.

Зак не отводит от меня взгляда на протяжении всего времени, пока идет до шезлонгов, и Лиза шепчет мне:

— Боже… даже отсюда я вижу, что вам просто необходима отдельная комната прямо сейчас.

Я усмехаюсь. Зак подходит, открывает кулер и достает холодное пиво.

— Хорошо поплавал? — щурясь от солнца, спрашиваю я.

— Да, но было бы куда лучше, если бы ты была там со мной, — говорит он с лукавой улыбкой.

— Ни за что. Я уже тебе говорила, не могу плавать там, где не вижу дна. Ты понимаешь, что там могут быть акулы?

Зак смеется и ложится на шезлонг рядом со мной, вытягивая свои подтянутые мускулистые ноги, и ставит бутылку пива на свой твердый рельефный пресс, который покрыт капельками воды.

— Мамочка, — кричит Колин. — Иди к нам, смотри, краб!

Лиза кривится в отвращении и артистично вздрагивает.

— Фу… ненавижу такие вещи, но что поделаешь, дети любят их ловить. — Она встает со стула, ставит бутылку

пива на песок. — Мамочкины обязанности не могут ждать.

— Я уже говорил тебе, насколько ты выглядишь потрясающе в этом купальнике? — спрашивает Зак. Его взгляд скользит по моей груди.

Я поднимаю пальчик и провожу по кромке материала, говоря невинно:

— Что? Он давно у меня.

Я вижу, как его взгляд темнеет, становится такого же цвета, как и материал купальника. Он отвечает немного хрипло:

— Давай пойдем в коттедж.

Я подразниваю его, улыбаясь, и говорю:

— Ни за что. Мы сегодня отдыхаем с моей сестрой и ее семьей. Никакого секса, тигр.

Его взгляд становится игривым и коварным, когда он наклоняется и проводит пальцем вниз по моей ноге. — Ты поплатишься за отказ, сладкая.

Я поднимаю его руку, втягиваю палец в рот, покусывая его кончик, и говорю:

— А может и тебя ждет расплата?

Зак отстраняется от меня и наклоняется, берет в одной из сумок с вещами, которые мы собрали на пляж, полотенце. Затем он кладет себе на ноги, прикрывая эрекцию, и выдыхает:

— Господи… Ты так возбуждаешь меня, что только от одних твоих слов уже стояк… не могу ничего с этим поделать.

Наклоняясь к нему, я поглаживаю его руку.

— Бедный мальчик… Знаешь, я сделаю тебе шикарный минет, кода мы позже пойдем в душ. Согласен?

Зак крепко закрывает глаза и откидывает голову на шезлонг.

— Ты убиваешь меня, Мойра. Абсолютно убиваешь.

— Чем она тебя убивает? — слышу я позади, и когда оборачиваюсь, то вижу Адама, который достает из кулера пиво, легко откручивая крышку и делая большой глоток. Он садится на шезлонг Лизы и погружает ноги в песок.

— Все, уже не ловишь крабов? — говорю, избегая ответа на вопрос, который он задал ранее.

Адам вздрагивает и говорит:

— Если честно, я ненавижу этих маленьких мерзавцев. Они похожи на пауков с огромными ножками.

Смеясь, я поддразниваю:

— Поэтому ты оставил женщину разбираться со всем?

— Абсолютно, мать его, верно, — говорит он с ухмылкой. — У меня вообще нет проблем по этому поводу с женой, представляете, я даже не могу убить паука, когда мы находим его в доме. Приходится просить Лизу. Теперь я, наверное, выгляжу, как слабак перед Заком.

Зак смеется и говорит:

— Нет, мужик, пауки вызывают у меня отвращение.

— Да, — говорит Адам, немного взбалтывая бутылку, чтобы одним глотком осушить остатки пива. — Но, черт, ты можешь себе позволить говорить такое. Ты, мать твою, охотился на анаконду и долбанного, настоящего, аллигатора. Ты можешь бояться пауков.

— Так что ты собираешься делать оставшееся время в Штатах? — спрашивает Адам.

— Попытаюсь найти работу, чтобы чувствовать себя занятым. И не брать деньги у Рэнделла.

— Вы собираетесь остаться в Атланте пока?

— Сейчас да, потом поедем в Эванстон, потому что у меня начинается работа.

Адам кивает в понимании.

— Но ты уже точно решил уехать обратно в Карайку? Совсем не хочешь остаться тут?

Я немного напрягаюсь, когда слышу такой острый для нас вопрос. Нет, не потому что Адам спросил что-то неправильное или неуместное, а потому, что это трудно как для Зака, так и для меня. Я боюсь, что он правда не останется в итоге.

— Да, пока это мой план. Но я останусь на год, — хотя он говорит об этом мягко и спокойно, но я чувствую резкий укол боли каждый раз, когда он упоминает о своем отъезде.

— А, понятно, — протягивает Адам, затем он садится так, чтобы мог видеть Зака и спрашивает: — Ну, расскажи мне… как проходил твой день, когда ты жил в тропиках?

Зак приподнимается и смотрит на Адама, и я замечаю, как его глаза наполняются удовольствием, потому что ему приятно поделиться рассказом о своем доме.

— Во-первых, это самое красивое место, которое вы только можете себе представить, — говорит Зак. — Все покрыто зеленью. Влажный приятный воздух, которым легко дышать, он словно мягкое одеяло. Но иногда похож на экзотический аромат духов, потому что в воздухе смешиваются множество запахов диких цветов. Разноцветные птицы летают над вами. Джунгли могут быть поразительно тихими, но могут быть и шумными, когда общаются животные. Но тут так же подстерегает на каждом шагу опасность, жизнь там похожа на то, будто ты ходишь по острию ножа… Остерегаешься даже маленьких неверных шажков, потому что они могут повлечь за собой огромные неприятности. Это трудно описать… Но когда ты понимаешь, насколько трудна и опасна жизнь, чувствуешь себя более живым и благодарным, веселым.

Глаза Адама расширяются от восторга, он почти загипнотизирован, когда слушает, как Зак описывает то место, где он живет. Но я то знаю, что все сложнее, чем показывает Зак. Жизнь там — борьба, каждый день там

борются, чтобы сохранить и оградить их общество от вреда.

— А чем ты занимаешь на протяжении дня?

— Главная мужская работа — оберегать племя.

— От диких животных?

— Иногда, да. Но иногда и от других племен, которые могут совершать набеги на наше.

— Серьезно? Что может произойти в тот момент?

— Абсолютно все. Есть пару племен, с которыми мы ведем войну.

— Так вы находитесь всегда где-то поблизости, чтобы если что прийти на помощь вашему племени?

— Нет, мы должны охотиться ежедневно, чтобы обеспечить наше племя едой. Собираясь большой группой, мы идем на охоту, затем пару человек приходит и следит за безопасностью в деревне.

— А на кого ты охотился? — Адам увлеченно спрашивает Зака. Мужчины такие мужчины.

— На тапира, диких кабанов, аллигатора. Это крупная добыча, но еще мы охотимся и на мелкую: обезьяны,

змеи. Также мы рыбачим, но в этом нам могут помогать женщины.

— То есть это что-то вроде «все берут удочки и сидят в ожидании клева»?

— Нет, намного интереснее. Женщины плетут пальмовые корзины, затем мы наполняем их растением, которое оказываясь в воде, выделяет токсин, парализующий рыбу, но он не отравляет ее. Потом рыба всплывает на поверхность, она временно обездвижена. И вот тогда мальчики и мужчины племени стреляют по ней из лука, это также отличный способ потренироваться в стрельбе и в меткости. Это даже больше обычай.

Мое сердце наполняется печалью и отчаянием. Я не могу ошибаться, что чувствую привязанность в словах Зака, я узнаю тоску по дому. Он пришел ко мне из общества, где считают идею проживания группой основополагающей. Мы давно не живем так.

— Это все так интересно, — говорит Адам с улыбкой. — Я, наверное, умер бы с голоду, если бы попал туда.

— Как и я, когда попал к вам, — отвечает Зак и смотрит на меня.

Когда наши глаза встречаются, то я в них вижу то, чего никогда раньше там не было. Неуверенность, страх и низкую самооценку.

— Ни за что, чувак, — смеется весело Адам, не понимая истинных слов Зака. — За углом есть супермаркет.

Такой простой и глупый ответ, на такой серьезный и сложный вопрос.

Да, конечно, еда есть везде. Протяни руку с деньгами, и ты получишь все, но ведь Зак имел в виду другое. Он говорил про то, что у него нет возможности заработать ее. Проще говоря, нет передаваемых навыков, которые котируются в нашем обществе, нет опыта, образования. Он практически нетрудоспособный, хотя полностью наделен навыками и умениями самому добывать себе пищу.

Так поэтому он хочет вернуться в Карайку? Потому что чувствует себя тут нуждающимся, никчемным? Но ведь если смотреть в общем, то тут идет такая же борьба за выживание, как и там. В нашем мире тоже необходимо

вовремя успеть схватить, аккуратно подобраться, чтобы у тебя было чем обеспечить семью.

Я знаю, что Рэнделл обеспечит его всеми удобствами, о которых он только может мечтать. Но я также знаю, что Закариас никогда не примет такой щедрой помощи. Он лучше будет бездомным и голодать, чем примет такой тип жизни, когда тебя все преподносят, а ты не прикладываешь усилий, чтобы получить соответствующее благо. Он слишком горд, чтобы принять это.

Но с другой стороны, я точно знаю, что Рэнделл не тот человек. Рэнделл бы мог официально трудоустроить Зака, если бы тот был заинтересован в этом. Так же я знаю, что он бы помог получить ему высшее образование, он никогда бы не позволил Заку жить плохо.

Интересные мысли для размышления, мне кажется, нужно попытаться затронуть эту тему в обсуждении между нами. Может, когда он увидит такой выход из положения, то тогда не захочет уезжать отсюда.

А вдруг Зак тогда останется со мной, и мы сможем жить вместе?

Да, отдаленно я понимаю, что пытаюсь выдать желанное за действительное, но больше у меня нет ничего, за что я могу схватиться. Сейчас нет ни единой причины ему оставаться здесь. Мне нечего ему предложить, нечем заинтересовать.

Глава 25

Зак

Мои глаза блуждают по строчкам с объявлениями о работе, просматривая раздел «требуются», я понимаю, что или не обладаю достаточным уровнем образования или люди уже приняты.

Ничего. Ни единого звоночка с предложением прийти на собеседование.

Я чувствую себя долбаным неудачником, когда заполняю все эти графы анкет о приеме на работу, я могу лишь предоставить три пункта с достоверной информацией: мое имя, точный адрес и две ссылки на близких мне людей.

Мойра и Рэнделл. Моя любовница и крестный отец.

Ни образования. Ни опыта.

Ни единого звонка в ответ.

Входная дверь открывается. И я поворачиваюсь из-за стола в кухне, где я сижу и просматриваю варианты работы, и вижу, как в дом входит Мойра, она подобна яркому солнечному лучику, который освящает все своим мягким и теплым светом. У нее в руках два пакета с продуктами, когда она поднимает на меня свои глаза, они горят от радости.

— Я купила пару отличных стейков для нас, мы могли бы завтра приготовить их с тобой. Можем устроиться на заднем дворе, выпить пива и сделать стейки на гриле. Рэнделл сказал, что придет завтра к ужину. О, кстати, купила кое-что для тебя, моего неисправимого сладкоежки, — шоколадные кексы и хрустящие утренние завтраки Lucky Charms для себя.

Мне так хочется рассмеяться от ее наивной и глупой радости от того, что она сходила в супермаркет и удачно все купила, но в Мойре словно зажегся невидимый огонек изнутри с того момента, как мы переехали в этот дом. Она

наслаждается ролью домохозяйки, легко смогла привыкнуть жить со мной и видеть, терпеть меня день за днем. Мойра готовит, убирает, ухаживает за садом, даже посадила цветы перед домом, и мы сделали маленький ремонт на кухне и в спальне.

Укладывая пакеты с продуктами на столешницу, она мило болтает безумолку о том, что встретила девушку в супермаркете, и у нее двое малышей близнецов. Я не слышу растерянности или печали в ее голосе, но также не замечаю счастья, она продолжает щебетать о том, какие они милашки, как одеты в одинаковые бодики, даже их крошечные сосочки и те одинаковые.

Мое настроение резко портится, я чувствую себя хуже, чем до этого, все возвращается к тяжелой давящей безысходности, которая одолевает меня. Мойра выглядит такой счастливой, потому что я здесь, с ней, но чем счастливее она, тем несчастнее я. Не могу объяснить это состояние на сто процентов точно, но дни будто слились в череду однотипных серых будней, я погряз в печали и скуке.

Конечно, я не сижу целыми днями дома, мы с Мойрой ходим, смотрим и знакомимся со всем, что вокруг нас. Мы ходим за покупками, смотрим иностранные фильмы, посещаем галереи, музеи, также выбираемся на пикники в парк, вместе читаем газеты и обсуждаем самые интересные статьи. Мы ездим в пригород, смотрим, какая тут замечательная природа, обедаем в маленьких закусочных, где подают домашнюю еду. Я занят каждый день, каждую минуту, но в данный момент для меня все утратило свою серьезность.

Конечно, за исключением тех моментов, когда мы занимаемся сексом. Это меня успокаивает и придает сил. Мне становится лучше, когда я прикасаюсь к ней, целую ее, ласково поглаживаю ее кожу, а она шепчет нежные слова в ответ. Это то, что помогает мне держаться, не чувствовать себя настолько гребаным неудачником, который не может содержать свою женщину. Именно ее нежность придает мне сил, дает мотивацию найти какой-то выход, не опускать руки.

— Ну как сегодня с поиском работы? — спрашивает она как бы между прочим, когда убирает стейки и молоко в холодильник.

Отбрасывая газету, я издаю раздраженный вздох.

— Нет никаких сдвигов. Все так же, как и каждый день.

Затем я слышу ее веселый и оптимистичный голос.

— Так не время отчаиваться, все будет хорошо. Ты что-нибудь обязательно найдешь. Я в этом уверена.

— Невыносимо сложно найти работу, когда у тебя за плечами нет опыта и образования, — раздраженно выплескиваю на нее свой гнев, и затем смотрю, как она вздрагивает всем телом от моих резких слов, будто дал ей пощечину.

Я сижу, сосредоточено смотря на нее. Напряжённо жду ее ответной реакции на мой выпад. Но к моему удивлению она смотрит на меня, а затем ее взгляд становится мягким и нежным. Мойра быстро подбегает ко мне и садится на колени, прижимаясь, оборачивая руки вокруг моей шеи, затем кладет щеку на плечо.

— Прости. Пожалуйста, не нужно так расстраиваться. Да, это может занять определенное время. Даже для

людей с огромным количеством опыта и образованием, если и правда это настолько для тебя важно, то Рэнделл может принять тебя в Кеннон.

Горечь от разочарования и обиды, словно яд, разливается по моим венам, отравляя кровь и мое состояние. Я молниеносно вскакиваю, когда слышу слова про Рэнделла. Она почти падает с моих колен.

— Конечно, мать твою, мне это важно. Ты что не замечаешь, насколько я растерян. А ты мне просто кидаешь в лицо, что я могу пойти к Рэнделлу работать. Как ты не понимаешь, что принять его предложение, это как взять у него деньги, которые он поместил мне на карточку. Я. Нахрен. Не. Могу. Их. Принять.

Резко разворачиваюсь, оставляя позади себя шлейф гнева и ярости, направляюсь в нашу спальню.

Да, именно в нашу спальню… мы изменили родительскую комнату, купили большую кровать. Мойра застелила ее новым постельным бельем, нежно-кремового оттенка вперемешку с коричневым. Очень мужское сочетание цветов, нужно заметить. Я открываю шкаф и

достаю смокинг, который приготовлен для сегодняшнего званого обеда, что устраивает в мою честь Рэнделл.

Бл*ть. Я совершенно не хочу идти туда, потому что если говорить начистоту, то толпа людей — это совершенно не мое, тем более, когда находишься под пристальным вниманием. Бесконечные навязчивые вопросы просто выводят из себя: каково это быть язычником, почему ты хочешь вернуться. Я чувствую себя не в своей тарелке, мне приходится объяснять каждому что, как, зачем и почему.

Все расспрашивают, достают меня, все, кроме нее, Мойры. Она просто молчит и принимает мое решение, что рано или поздно я уеду, и только незримая грусть в глазах выдает ее чувства.

— Прости меня, Зак, — слышу ее мягкий голос, когда она подходит и обнимает меня сзади за талию. Мойра прижимается щекой к моей спине и крепче сжимает меня. — Я знаю, это заставляет тебя переживать. Скажи мне, как я могу поднять тебе настроение?

Я накрываю ее руки своими и поглаживаю большими пальцами ее бархатную кожу. Мне так нравится, как я ее

чувствую, когда она рядом, мне очень легко. Тепло, защита и нежность, уют. Бл*дь, я не представляю, что случится со мной, как я буду без нее, когда уеду. В последнее время я все чаще стал задумываться об этом. Она словно запретное лакомство, что попало мне в руки на краткий момент. Это будет чувствоваться, как чудовищная потеря, с которой мне придется смириться и жить дальше, когда я вернусь к привычной жизни.

В миллионный раз негодую, думая об этой ситуации. Я много лет назад посвятил свое сердце и отдал свою привязанность той маленькой деревушке, не могу ничего поделать, хочу вернуться назад. Это чувство сродни моральной ответственности перед теми людьми, моим приемным отцом. Я знаю, абсолютно уверен, что когда придет время, я буду полностью разбит, оставляя ее здесь.

Нет ни единого долбаного сомнения, что отголоски памяти возьмут меня крепко за яйца, и не только из-за сногсшибательного секса. Нет, сейчас, уже это переросло в нечто большее, чем просто бессмысленный трах. Моя способность говорить с ней часами или сидеть в полной

тишине, словно это какое-то редкое богатство, которое я никогда не имел. Даже с Парайлой у меня такого не было.

От этих мыслей мое настроение становится еще хуже, я давно уже безмолвно кричу, когда думаю об этом. Внезапно у меня возникает ощущение, что руки, которые так ласково и нежно обнимают, почти душат, не дают мне вздохнуть.

Я разрываю объятья и разворачиваюсь.

— Тебе следовало лучше бы начать собираться, если мы хотим успеть на вечеринку Рэнделла.

Печаль наполняет ее взгляд, но она не произносит ни слова, просто кивает и направляется в ванную. На краткий миг мне приходит мысль присоседиться к ней в душе, но тут же отметаю ее подальше, вероятно сейчас я не буду с ней нежным, я не хочу интимности. Внутри меня дикое стремление причинить ей боль, потому что я в полном отчаянии.

— Тогда священник смотрит на бутылку и говорит: «Господи, он сделал это снова».

Все, кто окружают меня, начинают громко смеяться, но я лишь фальшиво растягиваю губы в улыбке. Я не понял

смысл этой глупой шутки, не как эти толстопузые придурки, которые называют себя сливками общества Атланты.

Осматривая огромный банкетный зал, который располагается в восточном крыле особняка Рэнделла, я ищу глазами Мойру. Она отошла пару минут назад в женскую комнату припудрить носик, а мою кожу уже покалывает от желания, чтобы она находилась рядом, с этими людьми у меня нет ничего общего.

Наконец... вот она... входит в комнату уверенной и грациозной походкой. Мойра одета в белое платье без бретелек, которое стягивается хрустальным цветком посредине груди. Когда она, не торопясь, идет, ее идеальная ножка показывается в разрезе платья, обнажая кожу цвета белого шоколада. На ее аккуратных ножках надеты потрясающие босоножки, которые покрыты блестящими стразами, которые прибавляют к ее скромному росту четыре дюйма. Идеальная высота, чтобы трахать ее, не сгибая коленей, потому что между нами приличная разница в росте.

Я молча отделяюсь от группы и направляюсь к ней навстречу, ловко захватывая пару бокалов с игристым розовым шампанским с подноса официанта, который проходил мимо. Когда она смотрит на меня, ее глаза переливаются блеском как дорогие изумруды, излучая теплоту и нежность.

Мы подходим одновременно друг к другу, и я вручаю ей бокал шампанского. Ее аккуратные изящные пальцы держат хрупкий хрусталь, и она делает маленький глоток.

— Мне кажется, ты с этим так ловко управляешься, даже лучше, чем я, — бормочет она смущенно.

— Эти люди… Мойра, они странные, — говорю ей отрывисто. — Если хоть один человек спросит у меня, каковы обезьяны на вкус или как я испражнялся в джунглях, я просто придушу кого-нибудь.

— Все настолько плохо? — говорит она с нотками сочувствия в голосе.

Злость накатывает как мощная волна цунами, но я сдерживаюсь. Этот гнев направлен не на Мойру.

— Эти люди так снисходительны ко мне до отвращения. Они, разговаривая со мной, специально

тянут слова или проговаривают по буквам, как будто я какой-то идиот.

На мгновение ярость загорается на лице Мойры.

— Кто так сделал? Я на хрен всем поотрываю яйца. Рэнделл мне поможет в этом.

— Тише, тигрица, — говорю ей нежно, теплота заполняет мою грудь от ее мгновенной реакции. — Я просто пока новичок. Я понял, не переживай. Но я ненавижу эту гребаную вечеринку.

Мойра улыбается, кладет руку мне на плечо.

— Мы скоро уйдем. Думаю, Рэнделл нас поймет.

Я вытягиваю руку и глажу ее по щеке.

— Извини, что чуть раньше вечером накричал на тебя.

Она поднимает руку, чтобы накрыть мою, закрывает глаза, прижимается к моей ласке и говорит:

— Все хорошо. У нас у всех должен быть человек, которому мы можем сказать все, что думаем и немного спустить пар.

— А ты будешь для меня таким человеком? — спрашиваю я, пытаясь подавить явную радость.

Она смотрит на меня серьезным взглядом.

— Я буду для тебя любой, той, который ты захочешь.

Черт, да!!! Я готов кричать как ребенок от радости, я так этого хочу.

О, нет! Я не могу. Не тогда, когда я уже решил, что хочу вернуться домой. Жить на два континента, нет… Нереально.

Вместо того чтобы ответить согласием, я отпускаю наши руки и наклоняюсь, чтобы легко прикоснуться к ее губам. Она так нежно вздыхает мне в губы, как цветок, когда его бутон тихо раскрывается, думая об этом, я так хочу прижать ее к себе.

— Ох, ну разве это не мило? Мои овации, — слышу я женский голос за моей спиной. — Кажется, ваш маленький секретик раскрылся. Поздравляю.

Разворачиваясь, я вижу стерву Кару, моментально подтягиваю Мойру ближе к себе. Удивительно, что у меня вообще были мысли, что она красивая, естественно, чисто с мужской точки зрения наблюдателя. Но зная про нее все, и зная, что она стремится всеми правдами и неправдами опорочить Мойру, я в ответ хочу опозорить

ее, открыв ее ужасный секрет про групповой секс, наркотики, интимную связь со своим братом.

Кара одета в ярко-красное платье, на голове что-то непонятное в виде странной прически. В руках она держит полный снифтер янтарной жидкости, и, судя по тому, как она покачивается, могу с уверенностью сказать, что ненормальная сука пьяна.

— Ой, а что ты сегодня одна? А где же твоя пара? — протягиваю я сладко. — А, стой… я знаю, кто твоя пара, которая греет тебе постель — твой брат.

Кара приподнимает в удивлении свои идеальные брови. В то время как я предпочитаю драться на равных, чтобы уложить на лопатки, я кроме этого могу так остро ответить, что у любого может отпасть желание спрашивать.

— Да, как ты смеешь судить меня? — говорит Кара иронично. — Ты, простая крыса из джунглей, приехал в наш мир и пытаешься влиться в наше общество, которое, запомни, никогда тебя не примет. Ты ничто и никогда не сможешь ничего достигнуть, несмотря на то, как бы ты ни старался. Так что наслаждайся оставшимся временем,

Тарзан. А затем проваливай в свои вонючие джунгли, и пусть тебя будут преследовать в кошмарах твои неудачи. Я могу поклясться, Мойра еще та шлюшка, она будет рада избавиться от, успевшего поднадоесть, дикаря из джунглей. Я уверена, в скором времени, ее уже будет трахать новый питомец.

— Ты, долбанная стерва, — Мойра кидается на нее, но я успеваю схватить ее и поставить рядом со мной.

Вдруг слышится еще голос:

— Что в тебя, ради всего святого, вселилось, Кара?

Поворачивая голову, я вижу Рэнделла. В его взгляде океан невысказанных гневных чувств. Он подходит, берет Кару за руку и подтягивает к себе, рыча предостерегающе:

— Не смей так разговаривать с Заком. Он — наша семья.

Кара вырывает руку из хватки Рэнделла, ее глаза вспыхивают яростью, и она истерично выкрикивает срывающимся от злости голосом:

— Он не наша семья! Ты слеп, дядя!

— Я все также хорошо понимаю, как и раньше, — произносит расстроено Рэнделл. — Теперь, даже еще лучше. Я думаю, тебе нужно покинуть мой дом и чем быстрее, тем лучше.

— Прости, что? — переспрашивает она. — Ты выставляешь меня за дверь?

— Я прошу тебя покинуть мой дом, пока ты не сказала то, о чем потом пожалеешь. Иди домой и отоспись, и может завтра до твоих глупых мозгов дойдет извиниться перед ними.

— Никогда, — шипит она, разворачиваясь на каблуках, чуть не падая, и направляется быстрым шагом на выход. Я замечаю, как Клинт следует за ней. Он перехватывает ее и заключает в свои объятия, но она отталкивает его. И бежит вперед, Клинт следует за ней. Я искренне надеюсь, что никогда в жизни не увижу этих сумасшедших.

— Прости, Зак, — извиняется Рэнделл. — Она много выпила, я не думаю, что она имела в виду то, что сказала.

Мойра отпускает мою руку, но я чувствую, как ее трясет всем телом. Беспокойство охватывает меня.

— Вам не нужно извиняться за ее действия и слова, Рэнделл. Ну, и кроме того, ее слова по большому счету верны.

— Ты что, это совершенно нелепо, — задыхается Рэнделл. — Ее слова были не больше, чем бред пьяной девушки.

— Тем не менее, — говорю я ему по-доброму, когда тянусь и легонько сжимаю его плечо. — Это не ваша вина, и не вам извиняться за ее поведение. А сейчас, если вы не против, мы с Мойрой, наверное, пойдем.

Мойра берет меня за руку, и мы переплетаем наши пальцы.

— Спасибо вам за вечеринку в честь Зака. Это было мило.

Я понимаю, что Мойра расстроена, и это самое доброе, что она может сейчас сказать Рэнделлу. Его взгляд наполняется горечью.

— Это была ужасная идея. О чем я только думал? Эти люди не твои друзья. Черт, девяносто девять процентов из них и не мои тоже.

— Все нормально, — заверяю я его. Этот прием был знаком приличия, приветствием.

— Прости, — еще раз произносит Рэнделл, его взгляд наполнен теплом. — Я просто хотел представить тебя всем. Я, правда, Зак, горжусь тобой. Ты единственный, кем я так горжусь из всей семьи. Это все.

Страх, который зародился у меня в сердце, грозит взять надо мной верх. Не было сомнений, что он говорит все честно. От его слов во мне просыпаются теплота, любовь, уважение и огромная благодарность за то, что он подарил мне замечательную возможность вернуться сюда, познакомиться с Мойрой. И теперь я отчетливо понимаю, что он еще один человек, по которому будет тосковать мое сердце…

Сильно.

***

Мойра сидит на мне, когда мы направляемся домой в роскошном лимузине. Ранее она нажала на кнопку, и стекло-перегородка автоматически поднялась, отделяя нас

от водителя, затем она приподняла платье и уселась сверху, упираясь коленями в сидение.

Я, не раздумывая ни секунды, стягиваю вниз лиф ее платья, обнажая ее молочную кожу. Мойра оборачивает руки вокруг моей головы, проводя руками по волосам. Я поддразниваю ласками ее соски, то прикусывая губами, то посасывая напряженные вершинки.

Руками провожу по бедрам, собирая и приподнимая платье, пока не показывается белый крохотный кусочек шелкового кружева, который прикрывает ее киску. Оттягиваю тоненькую преграду в сторону и раздвигаю ее влажные складочки и внутренние лепестки, проскальзывая уверенно в ее влажность пальцем. Мойра выгибает спину и откидывает назад голову.

— Так прекрасно, — еле слышно бормочет она.

Стоны и слова, которые срываются с ее губ слишком тихие, чтобы удовлетворить мои потребности. Поэтому в следующий раз я толкаюсь в более жесткой манере и глубже. Она вскрикивает от удовольствия.

— А как тебе это? — я откидываюсь на сидение и наблюдаю, как палец скользит внутрь и наружу ее лона.

— Ох, черт… как же это потрясающе, — протягивает Мойра, затем я прибавляю еще один палец и трахаю ее двумя, она стонет, извивается под моими чувственными нападками, затем добавляю третий, ее стоны переходят во всхлипы.

Этого недостаточно. Я хочу слышать больше ее криков, склоняюсь в сторону, и ложусь спиной на кожаные кресла, придерживая Мойру свободной рукой за талию.

— Оседлай меня детка, — говорю, когда вытаскиваю из горячей узенькой киски пальцы. — Я хочу трахнуть тебя языком.

Мойра забирается на мою грудь, поддерживает платье руками, поворачиваясь в сторону перегородки, говорит:

— Зак, мы в пяти минутах от дома.

— Более чем достаточно, — заверяю ее, хватая за бедра и подтягивая ее к моему лицу.

Когда она располагается на уровне моего рта, я говорю голосом, который не терпит возражений:

— А теперь, опустись киской на меня, я хочу попробовать мою сладенькую девочку.

Опираясь руками о дверь, она опускается на мой рот. Я вытаскиваю язык, чтобы коснуться ее киски. Когда она полностью располагается на мне, я проскальзываю языком в горячее лоно.

— Ооооххххххх, — Мойра громко стонет, когда начинает двигать бедрами в такт моим ласкам языка.

Я поднимаю руку и раздвигаю припухшие влажные складочки, получая неограниченный доступ к ее нежной розовой плоти и напряженному клитору. Мне нужен ее сладкий клитор между губами, если я хочу, чтобы она быстро кончила.

Втягивая и сильно посасывая его, чувствую, как он пульсирует под моими ласками. Провожу, поддразнивая языком, по ее влажности и погружаю язык в сердцевину ее киски. Мышцы ее ног напрягаются, низ живота подрагивает, и она кричит в наслаждении:

— О, черрртттттт... я сейчас… сейчас… кончууууу.

Ее слова заставляют меня сильнее трахать ее лоно языком, увеличивая темп. Я провожу пальцем по ее влажным лепесткам, чувствуя, как мышцы на внутренней стороне бедер дрожат от возбуждения. Затем приникаю

губами к твердой пульсирующей вершинке клитора и подразниваю ее, посасывая, в конце придавливая зубами.

Я понимаю, что она сейчас кончит, когда она сильнее придвигается киской к моему рту. Я просто вонзил язык глубоко в ее влажность и позволяю ей двигаться на нем. Дрожь проходит по ее телу, она вскрикивает, киска начинает сильнее пульсировать, выделяя влагу и сжимать мой язык. Когда оргазм идет на спад, Мойра отклоняется и ложится. Ее грудь тяжело вздымается в попытке захватить больше воздуха, дерзкие сосочки смотрят вверх.

— Ооxx, Зак… это было фантастически, — медленно говорит она, ее голос пресыщен ласками.

Так мы лежим в тишине в течение некоторого времени, затем я понимаю, что лимузин давно остановился. Я резко сажусь, вытираю влагу лица и губ рукавом смокинга, и замечаю наш дом…

Я понятия не имею, как долго мы были здесь, но вижу, что водитель терпеливо ждет снаружи, повернувшись к нам спиной.

— Черрт, — бросаю я ошеломленно. — Держу пари, что он насладился отличным шоу.

Мойра хихикает, пока поправляет платье и расправляет складки юбки.

— Его машина пахнет сексом и желанием. Он должен ее немного проветрить.

Я тянусь к ней и хватаю за плечо, притягиваю к себе и приникаю к губам легким поцелуем.

— Мне нравится этот запах. В воздухе витает аромат мускуса и сладости. Жду не дождусь, когда мы пройдем в дом, и я смогу взять тебя еще раз.

Отодвигаясь от нее, тянусь, чтобы открыть дверь, но она бросает мне в спину слова.

— Вообще-то… я надеялась, что мы займемся чем-то другим сегодня ночью.

Я поворачиваю голову к ней и приподнимаю брови в удивлении.

— Что такого ты планируешь на сегодняшнюю ночь?

— Нуууу, — тянет она с ответом, поддразнивая меня. — Я сегодня расслаблена, выпила пару алкогольных напитков… ты вылизал мою киску, доставив умопомрачительный оргазм, — подмигивает она мне.

Я смотрю на нее с любопытством, потому что мне самому интересно, что она хочет предложить мне.

— Я расслаблена, — продолжает она, как будто пытается на что-то намекнуть своими словами, открыть какой-то секрет. — Я думаю, что сегодня самое время взять мою попку.

Хриплый стон вырывается из моего горла, похоть тугими ремнями стягивает мое тело. Член упирается в материал брюк, эрекция настолько твердая, что напоминает стальной стержень. Я хватаю ее за руку, распахиваю дверь так, что водитель, напугавшись, отскакивает от машины, и выпрыгиваю из машины, вытягивая спешно за собой мой рыжий огонек.

— Спасибо, что подвезли, — кричу водителю, когда резко нагибаюсь и подхватываю Мойру на руки, закидывая ее на плечо. Она пищит и смеется.

Разворачиваюсь и быстро иду к дому.

— Спасибо вам за поездку, — смеясь, выкрикивает Мойра водителю. Когда я поднимаюсь по ступенькам и подхожу к входной двери, я практически вышибаю ее пинком.

Глава 26

Мойра

Зак заносит меня на плече в дом, закрывая ногой дверь. Он проходит в маленький коридор и направляется в ванную.

Когда Зак опускает меня на ноги, я, не отрываясь, смотрю ему в глаза. Его взгляд наполнен животным огнем, и тело пульсирует от энергии.

— Раздевайся, — кратко бросает он мне.

— Но я… я готова...

— Никаких разговоров, Мойра, — произносит он с еле сдерживаемым голодным желанием. — Сегодня вечером вся власть в моих руках.

Поворачиваясь спиной, я мягко говорю ему:

— Расстегни мое платье.

Зак подходит ближе и кладет свои большие ладони мне на плечи. Я чувствую, как они немного подрагивают, и осознание того, что он почти не может сдерживать себя под контролем, отдается в моем теле приятной

томительной слабостью. Он склоняет голову и оставляет укус на моем плече, затем расстегивает мое платье. Легким прикосновением он тянет ткань, она соскальзывает с моего тела, падая лужицей у ног.

Затем отступает, начиная стягивать поспешно одежду с себя, его глаза горят нескрываемым желанием.

Душ крошечного размера, там едва могут уместиться два человека, но мы не обращаем внимания на такие мелочи, используя это как преимущество. Я чувствую его обнаженную кожу на своей, ощущаю, как его эрекция прижимается к моей спине. Я могу наблюдать, как большие ладони вспенивают ароматный расслабляющий гель, а в следующую секунду они начинают намыливать мое тело, медленно скользя по груди, потирая напряженные пики сосков. Смотря на его пальцы, покрытые мыльной пеной, я точно знаю, что он будет ими делать в следующую секунду.

Горячая вода спадает каскадом на наши тела, Зак хрипло говорит:

— Нагнись немного и обопрись рукой о стенку душа.

Я, не раздумывая ни минуты, подчиняюсь и делаю глубокий вдох, когда он начинает массировать мои ягодицы, намыливая их. Затем его рука скользит между складочек, как бы случайно задевая клитор, до тех пор, пока я не чувствую сильную пульсацию. Его палец проскальзывает внутрь, медленно погружаясь и выскальзывая, затем неспешно потирает ноющий клитор подушечками пальцев, другой рукой массируя попку.

Быстрее, жестче, быстрее, его палец порхает по чувствительной вершинке клитора, пока мощный оргазм не разрывает мои чувства на мириады ярких звездочек. Тело дрожит, но не от удовлетворения, а от потребности в большем.

Потому что я понимаю, это только начало.

— Как красиво, ты потрясающе кончаешь, — протягивает Зак, перемещая руки и поглаживая интимное место между ягодиц, вызывая приятное покалывание по всему телу. Затем мягко и неторопливо он обводит подушечкой пальца напряженное колечко мышц. Я не верю своим ушам, но с моих губ срываются хныкающие звуки и чувственные стоны. Когда мыльная ароматная

пена частично смыта с наших тел, он тянется за гелем для душа, открывает крышечку и тягучий гель струйками стекает по моей округлой попке. Зак убирает его и начинает поглаживать, массировать мыльные ягодицы, потом продолжает ласкать ту чувственную и скрытую часть меня.

Когда его палец достигает своей цели, он еще раз обводит легким касанием звездочку ануса, и легко проскальзывает пальцем на всю длину. Мое тело вздрагивает, мышцы сжимают его палец, с моих губ срываются стоны удовольствия. Нервные окончания вспыхивают, чувственность обостряется до предела, и я начинаю толкаться попкой на его палец.

Зак издает тихий смех и шлепает меня по попке, мгновенно импульс от прикосновения проносится к клитору, и я вскрикиваю.

— Я сказал — не двигайся, потому что я хочу проделать с тобой много вещей, а я не желаю тебе причинить боль. Стой смирно.

Как будто в доказательство своих слов его палец выскальзывает из меня, а затем Зак погружает уже два пальца.

Ну, что ж... хорошо, это чувствуется немного по-другому. Немного покалывает и пощипывает, когда пальцы растягивают тугое колечко мышц. Когда я делаю очередной глубокий вдох, он толкается пальцами глубже. Прекращая движения, он замирает, давая мне время привыкнуть к необычному ощущению. Чуть позже, он возобновляет медленные движения, постепенно растягивая мои мышцы. Покалывание сменяют удовольствие и стоны, Зак понимает, что я готова к большему.

Вытаскивая пальцы, он увлажняет их мыльной пеной, а затем говорит:

— Держись, детка, сейчас я добавлю третий палец.

Чувство беспокойства сжимает тисками мою грудь, я полностью готова к моменту, когда он толкнется в меня тремя пальцами, но он повторяет все очень медленно… настолько нежно, я ошеломлена тем, что больше не чувствую острого покалывания, когда он проскальзывает

в меня двумя пальцами. Он толкается глубже и начинает двигать ими. Внутрь, наружу, внутрь, наружу… волна удовольствия захлестывает меня. Я не могу ничего поделать и немного отодвигаюсь от него, чтобы в другой раз он мог толкнуться еще глубже, вытаскивая пальцы, он шлепает меня по ягодице снова, моя киска настолько влажная от желания, что я начинаю чувствовать изысканную боль.

— Ооххххх, — из горла вырываются стоны, потому что вся боль и желание сплелись в томительный клубок под названием удовольствие.

Зак толкается пальцами, но теперь уже более настойчиво, и замирает. Внезапно возникает другое чувство, отличное от всех, которые были до этого, более мощное. Я чувствую большую наполненность, и тогда понимаю, что во мне три пальца. Это потрясающе, я даже думаю, что могу кончить, если Зак продолжит в том же духе.

Затем он оборачивает руку вокруг моей груди, ставит меня прямо, но пальцы все еще во мне. Он наклоняется и горячо шепчет мне на уровне виска:

— Хорошо, а теперь я хочу, чтобы ты трахнула мои пальцы. Двигай этой аппетитной попкой.

Я откидываю голову ему на плечо, полностью подчиненная его воле, и начинаю медленно двигать бедрами, насаживаясь на его пальцы. Он просто стоит, совершенно не двигаясь, как чертово мраморное изваяние. Затем начинаю двигаться быстрее, подбираю свой собственный ритм, немного позже чувствую, как его рука скользит по моим изнывающим и припухшим складочкам, он задевает клитор, и дрожь, словно волна землетрясения, накрывает меня.

Зак шипит мне в ухо:

— Бл*дь, как же это сексуально.

Он крепче охватывает и прижимает меня к себе за грудь, по-прежнему касаясь другой рукой моих влажных складочек. Он захватывает твердый клитор двумя пальцами и сжимает его. Я кончаю сильно. Громко.

— Да, да, ох, да! — я всхлипываю и повторяю словно заклинание: — Черт... Черт…

Когда сладость оргазма понемногу уходит, Зак отпускает меня и выключает душ. Он выходит, затем

подхватывает меня руки, и это просто замечательно, потому что не думаю, что смогу идти, я слаба и разомлела от искусных ласк.

Зак заносит на руках меня в спальню и практически бросает на кровать, не давая мне даже немного вытереть тело полотенцем. Я переворачиваюсь на живот, но тут до меня доносится его предостерегающий голос:

— Нет. Я хочу, чтобы ты лежала на спине, когда я буду брать твою попку.

— На спине? — мои глаза расширяются от удовольствия, но в то же время от беспокойства и тревоги. А может, это так на меня действуют оргазмы, и я тупею? Я всегда думала, что «это» делают в позе догги стаил.

— Доверься мне, — говорит он ласково, наклоняется над тумбочкой и достает из выдвижного ящика тюбик с лубрикантом и кладет на кровать рядом с нами. Затем он тянется и достает... телесного цвета вибратор, не мой! Я точно его не покупала, у меня такого не было. Поворачиваясь ко мне, он лукаво улыбается и включает маленькую кнопочку у основания, и тот начинает вибрировать.

Подмигивая, он говорит:

— Я купил его на Амазоне. Смотри, впереди есть бабочка, она позволяет вибратору держаться и ласкать твой клитор, приятно вибрируя и стимулируя. Его длина восемь дюймов, сначала я трахну им твою киску, а потом войду членом в твою попку.

Я вздрагиваю всем телом. Пошлые словечки действуют безоговорочно, смотрю в его глаза и вижу в них обожание и бесконечное желание. Я медленно скольжу взглядом по его телу: твердым мышцам груди, рельефному животу, члену… Эрекция смотрит дерзко вверх, я не уверена, что когда-либо видела, чтобы Зак был так возбужден. Я вытягиваю руку, чтобы прикоснуться к нему, но он отходит от меня.

— Нет, не надо. Я чуть не кончил, когда смотрел, что делаю с тобой, — я вижу, что он говорит искренне. — А теперь, моя крошка, положись на спину и разведи ноги в стороны.

Я ложусь обратно на кровать, развожу ноги в стороны и смотрю, достаточно ли места для него. Меня переполняет чувство трепета, потому что я собралась сделать то, что

никогда не делала до этого. Собираюсь подарить и поделиться частичкой себя. А он примет то, что ему еще никто не дарил.

Зак забирается на кровать, устраивается между ног. Он выключает вибратор и кладет его рядом с моим бедром, я могу чувствовать мягкую основу вибратора, когда я думаю об этом, мой разум наполняют развратные картинки. Он наклоняется и сжимает мою грудь, затем поднимается выше, проводит руками по линии шеи, обхватывает ладонями лицо и приникает в поцелуе. Зак нежно касается губами моих губ, обводит языком по контуру, покусывает, и затем углубляет поцелуй, вкладывая в него всю любовь и неистовое желание.

Отстраняясь, Зак обхватывает ладонями место под коленями и приподнимает мои ноги, разводя их шире в стороны, пока моя попка не становится вздернутой кверху для его удовольствия. Я была полностью открыта и доступна для действий, уязвима.

Глубокий голос наполняет комнату.

— Положи свои руки сюда, — Зак показыет на то место, где он сейчас поддерживал мои ножки. — Мне

нужно нанести смазку, поэтому я хочу, чтобы ты держала их и не меняла позы.

Шумный вздох вырывается из меня, и я втягиваю больше воздуха.

— Где ты это узнал? — Спрашиваю его, придерживая ноги так, как он мне сказал. Мне кажется, что он полностью владеет ситуацией и знает, что делает.

Когда он берет в руки смазку, он широко улыбается.

— Я посмотрел обучающее видео в интернете. Две порно звезды пошагово описывали весь процесс подготовки к анальному сексу, чтобы доставить партнеру удовольствие и расслабить его. Ну, вообще, я не следую их инструкции детально, потому что в их описании были задействованы анальные шарики и анальная пробка, но основную идею я понял отлично.

— О, Боже, — бормочу застенчиво я. Зак что, правда, узнал об анальном сексе из интернета? Из какого-то идиотского видео?

Звук открывшейся крышечки привлек мое внимание. Он выдавливает бесцветную жидкость себе на пальцы. Я напрягаюсь, потому что понимаю, что сейчас он размажет

это по моей попке. Но нет. Зак опускает ладонь и легким движением проводит по открытой киске, затем проскальзывает в меня глубоко пальцем, вытаскивая, он потирает им клитор.

Я смотрю с любопытством, что он делает дальше. Зак обхватывает рукой член и проводит по нему пару раз, поглаживая и размазывая лубрикант. Затем он наносит еще немного на пальцы и размазывает по тугой дырочке ануса.

Зак бросает тюбик со смазкой на кровать. Он придерживает рукой меня за ногу и толкается в меня пальцами. Я удивлена, потому что совершенно не чувствую сейчас боли. Скорее всего, то, что он делал ранее, немного подготовило мышцы.

У меня нет ни единого шанса, чтобы насладиться его пальцами, потому что он вытаскивает их, оборачивая ладонь вокруг члена. Я тяжело сглатываю комок, образовавшийся в горле, и наблюдаю, как он направляет головку члена к тугим мышцам. Я чувствую, что его член теплый пульсирует от желания.

Страх охватывает меня, Закариас поднимает на меня глаза и уверенно, но спокойно говорит:

— Ты мне доверяешь?

— Полностью, — отвечаю я уверенно.

Головокружительная улыбка сияет на его лице, когда он смотрит на меня.

— Детка, ты готова к этому?

— Я знаю, ты не причинишь мне боли.

Зак кивает и говорит:

— Сделай глубокий вдох и медленно выдохни.

Я делаю так, как он мне сказал, наполняю грудь кислородом, потому что уверенна, что немного позже мне будет его не хватать. Медленно… Медленно… мои легкие наполняются ценным богатством, Зак пододвигается ближе и толкается головкой в тугое колечко мышц, преодолевая сопротивление.

Боль. Чистая боль. Словно миллионы иголочек одновременно пронзают мышцы. Я так думаю, это потому что его член сравнительно больше, чем три пальца, сложенных вместе. Когда он проталкивается глубже, я

чувствую, как узкая дырочка стягивает член, зажимает его словно в кулаке.

Я громко вскрикиваю, но Зак успокаивает меня словами:

— Тише, детка. Тебе нужно еще немного принять.

Я мечусь по подушке, волосы рассыпаются в разные стороны, тяжело выдыхая, говорю:

— Я не знаю, смогу ли.

И в эту минуту я чувствую, что могу почти вытолкнуть его огромный член.

— Ты сможешь, все получится, — говоря это, его лицо напрягается, он сосредоточен.

Животные звуки начинают вырываться из его горла, когда я принимаю его глубже. Я могу слышать, что они становятся все громче и громче, чем дальше он проталкивается в меня.

Дюйм за дюймом его восхитительный член погружается глубже в мою попку.

Наконец, он проскальзывает до основания. Я поднимаю глаза на его лицо и вижу, что он сконцентрирован, но в

его глазах радость и восторг, челюсть крепко сжата, когда он смотрит, где соединяется наша плоть.

Он поднимает голову и наши взгляды сталкиваются. Мы разделяем в эту минуту что-то очень личное и интимное, что никто из нас не испытывал в своей жизни. Его взгляд наполнен уважением, благодарностью, любовью… и желанием. И только сейчас я понимаю, что он любит меня. Он держит меня глубоко в своем сердце, бережно укрывая чувствами и заботой. Теперь для меня становится все понятно, и в мгновение, когда осознание проникает в мой разум, я полностью расслабляюсь и доверяюсь ему.

— Это восхитительно, Мойра, — выдавливает он сквозь зубы.

Я хочу прокричать, ответить ему, что я чувствую то же самое, но… меня переполняют настолько сильные эмоции, что я не могу вымолвить ни слова, я даже не могу просто открыть рот.

Зак начинает медленно двигаться во мне.

— Ты в порядке? — говорит он с болью в голосе.

Я киваю ему, потом снова опускаю взгляд и наблюдаю, как он трахает меня. Закариас шипит и стонет, когда вонзается в меня членом, и я не могу сдержать вздох наслаждения. Давление… Наполненность… все ощущения обостряются, оживают нервные окончания, о которых я раньше и не подозревала.

— О, Боже, — стонет Зак, когда вдалбливается в меня, затем останавливается, сморит мне в глаза. — Я долго не продержусь.

— Все хорошо, — я задыхаюсь, когда чувствую, как его член становится еще тверже.

Я сильно удерживаю ноги, потому что чуть ранее немного расслабилась, когда Зак взял всю власть в свои руки. Я развожу ноги еще шире, и моя попка приподнимается над кроватью. Продолжая ритмично толкаться в меня, он тянется и берет в руки вибратор, быстро выдавливает немного смазки на него, и проводит по нему рукой, размазывая ее.

Я ощущаю прохладный воздух от кондиционера, который контрастирует с разгоряченной и возбужденной кожей. Восемь дюймов… немного меньше, чем член Зака.

Затем он поднес вибратор к моему лону и слегка потер головкой о клитор, я задрожала от чувственной пульсации.

Резким движением Зак вводит его глубоко в мою киску, располагая выступающий кончик вибратора на моем клиторе, крик удовольствия вырывается из меня. Бедра приподнимаются вверх.

— Шшш, — шепчет мне Зак. — Спокойно, детка.

Дрожь проходит сквозь мое тело, я чувствую себя полностью заполненной. Член Зака в моей попке, вибратор в моей киске, и бабочка, вибрирующая на моем клиторе. Я знаю, что меня отделяет только момент от мощнейшего оргазма, который пронзит мое тело и погрузит меня в полную кому. Ощущения внутри неземные, я не знаю, смогу ли я справиться с этим.

— Ты готова, детка? — спрашивает Зак, смотря в мои глаза. — Готова быть жестко оттраханой?

— О, боже, — шепчу я. — О, боже.

Зак начинает двигать вибратором в моей киске, сначала медленно, затем жестче и сильнее. Когда находит нужный

темп, он начинает одновременно дублировать движения бедрами, вонзаясь в попку.

— Еще, — вырывается сдавленный стон из моего горла.

— Бл*ть, — почти шипит он и начинает жестко вколачиваться в попку, его яички ударяются, хлопающим звуком о мою влажную плоть.

Мышцы на пояснице обжигает горячая волна, которая распространяется от клитора. Зак трахает меня одновременно, не сбавляя темпа, вибратором и членом, бабочка продолжает стимулировать твердый, налившийся от возбуждения кровью клитор.

Я кричу громче, чем когда-либо в моей жизни, тело охватывает дрожь, которая проходит словно волна от макушки до пальчиков ног, мышцы сжимаются, хватка на ногах начинает ослабевать. Зак подхватывает мои ноги еще выше и склоняется надо мной. Так немного меняется угол проникновения, все чувствуется более остро.

Я снова громко кричу, еще один оргазм накрывает меня. Чувства захватывают с такой силой, что я начинаю

плакать, слезы стекают дорожками из глаз. Зак врезается в меня в последний раз, и стонет.

— Ох, Мойра… я никогда так еще не чувствовал себя.

Все меняется для нас.

Наконец, он толкается еще раз очень глубоко, впиваясь пальцами в кожу на бедрах. Зак откидывает голову назад, мышцы на его шее напряжены, и венка виске яростно пульсирует. Зак приоткрывает рот, крепко закрывает глаза и издает поистине животный крик наслаждения, когда начинает кончать. Я чувствую, как он изливается во мне.

Зак великолепен… потрясающе красив, как может быть красив мужчина на пике наслаждения... Мой дикарь.

Он поднимает голову, но глаза все еще заполнены удовольствием. Когда взгляд немного проясняется, он смотрит на меня и вздрагивает, дыхание вырывается толчками.

Он обеспокоенно смотрит на меня и интересуется:

— О, боже… ты в порядке? Я не сделал тебе больно?

Я качаю головой, и затем говорю:

— Нет. Это было прекрасно. Ты замечательный.

Он тянется ко мне и гладит нежно по шеке, стирая подушечками пальцев слезы. Затем опускает руку и вытаскивает вибратор, выключает его, бросая на пол. Член выскальзывает из попки. Пустота окутывает меня, когда Зак отодвигается. Он ложится рядом, оборачивает крепкие руки вокруг талии и притягивает к себе, восполняя желание в ласке и теплоте, эмоциональном единении. Я слышу его тихий шепот у моих волос:

— Мойра, Мойра, Мойра…

Он настолько сильно сжимает меня в своих объятьях, что я почти не могу дышать. Мои руки запутываются в его волосах, я перебираю мягкие короткие прядки. Зак прижимается к моей шее, прячась там от моего взгляда. Все прекрасно, но грусть витает в воздухе, мы чувствуем, что момент прощания неотвратим.

Внезапно, я ощущаю влагу у основания шеи, Зак вздрагивает в моих руках. Немного позже он делает глубокий вдох и быстро прерывисто выдыхает.

— Я… Я не хочу оставлять тебя, — говорит он голосом, полным страдания и безутешной печали.

Мое сердце сжимается и почти разбивается на мелкие осколки от боли в его голосе. Потому что вопреки всему он не хочет меня покидать, но ведь это не значит, что он не уедет.

Я решаюсь открыться ему, пусть знает, что чувствую, потому что если я этого не сделаю, то потеряю все, что мне так дорого. Захватывая его волосы, я поднимаю голову от моей шеи и вижу слезинки в глазах. Его взгляд наполняется еще большим страданием.

Я придвигаюсь ближе, но он закрывает глаза, тогда я приникаю губами к ним, сцеловывая слезы. Поцелуи мягкие и нежные, чувствую на своих губах соленые слезы. Вот какой вкус имеет расставание.

Отодвигаясь, я жду, пока он откроет свои прекрасные голубые глаза, и говорю ему голосом, переполненным чувствами:

— Я тебя люблю, Зак. Я не хочу, чтобы ты уходил.

Легкий вздох вырывается из его горла. Зак нежно улыбается и прижимается к губам поцелуем.

— Давай просто полежим в тишине. Я так не хочу, чтобы заканчивался этот момент, потому что все приходит к своему завершению.

Я не могу отказать ему в этой маленькой просьбе, поэтому не требую ответа и не давлю на него. Я раскрыла мои чувства, теперь он знает, что у меня на сердце, он держит его в своих руках. И только ему решать, что с ним делать.

Глава 27

Зак

— Зак? — я слышу голос Рэнделла и отрываюсь от журнала, который читаю, пока ожидаю его в приемной офиса. Он не заставил меня долго ждать, и я поднимаюсь с дивана ему навстречу.

— Привет... прости, что без предупреждения, у тебя найдется минутка поговорить?

Рэнделл улыбается мне и приглашает меня жестом пройти вперед.

— Для тебя все время мира. Проходи... вернемся в мой офис.

Я следую за Рэнделлом, сердце грохочет от страха и возбуждения. Когда я проснулся этим утром, в сладких объятиях Мойры, я уже принял единственно верное решение. Я собираюсь остаться здесь... с ней... и начать новую жизнь. Жизнь, которая у меня должна была быть.

Так же я понимаю, что глубоко в сердце на это и надеялся Парайла.

Но мне нужна помощь Рэнделла. Поэтому первым шагом было проглотить и подавить свою гордость и попросить об этом.

Я аккуратно выскользнул из постели, оставляя Мойру тихо дремать. Прошлой ночью я оттрахал ее до самого насыщенного, самого эротически ошеломляющего оргазма в моей жизни, и я тоже чувствовал себя уставшим и разбитым. Никогда не спал крепче и спокойнее, с тех пор как родился.

Проснувшись утром, я понял, что уже ничего не вернуть и не поделать с тем, что я взял попку Мойры прошлой ночью. Я сделал это потому, что Мойра любила

меня, а я был более чем уверен, что и сам без нее не протяну и дня. С такими мыслями я быстро принял душ, оделся, и набрал Сэма, попросив, чтобы он отвез меня к офису Рэнделла в Атланту.

Рэнделл ведет меня в свой офис, тихо закрывая дверь за нами. Он садится на кожаный диван, вместо официального кресла за своим столом. Я сажусь напротив и складываю руки на колени. Тело, словно тетива, напряжено от беспокойства.

— Что случилось? — интересуется он. — Ты выглядишь обеспокоенно. Очень нервничаешь.

— Я хочу остаться здесь... в Штатах. С Мойрой.

В глазах Рэнделла мелькает понимание, пронизанное чистым счастьем, и он улыбается мне. Он сцепляет руки вместе и говорит:

— Мой мальчик... это фантастические новости. Я уверен, Мойра счастлива. Я знал, что между вами двумя происходит что-то особенное.

— Вообще то... Я еще не сказал ей. Сначала мне нужно разобраться с кое-какими делами.

Рэнделл наклоняется вперед, его лицо становится серьезным. Он упирается локтями в колени и просто спрашивает:

— Чем я могу помочь?

— Мне нужна работа... способ... — я запинаюсь. Как мне сказать и не выглядеть при этом как пещерный человек? — Мне нужен какой-то способ, чтобы заботиться о Мойре. Нет... не так, потому что она может позаботиться о себе сама. Просто... нужен какой-то способ, чтобы вносить собственный вклад. Быть полезным. Мне нужна работа, и может я бы смог работать у тебя. В одном из этих магазинов... раскладывать продукты или что-то типа того.

Вот.

Сделано.

Я попросил его о помощи, и все, что я могу сделать, посмотреть, что он сможет предложить.

— Зак... у тебя есть место в Кэннонс. Ты начнешь с низов, и сам будешь подниматься вверх, так ты изучишь детальный механизм этого бизнеса. Потому что, если ты остаешься здесь и будешь работать на меня, это значит,

что однажды ты будешь моей правой рукой. Но сейчас... я не хочу тебя здесь.

Я моргаю от удивления, уверенный, что он немедленно отправит меня в магазин, который располагается в Молле в трех милях от моего дома. — Но... мне это нужно сейчас... способ заработать деньги.

— Что тебе нужно — это образование, — серьезно и четко говорит он. — Я предлагаю тебе разрешить мне помочь с этим. Во-первых, надо окончить школу и затем поступить в колледж. Ты умен, нет причин, почему ты не можешь добиться успехов в учебе. Ты будешь немного отставать, но я найму репетитора, чтобы помочь наверстать все, что ты упустил за эти годы.

— Школа? Колледж? — выдавливаю я ошеломленно. Такого никогда не происходило со мной.

— Да, и как только ты закончишь обучение, я устрою тебя сюда. Я хочу, чтобы ты мог продолжить учебу и однажды получил бы степень магистра, но ты можешь совмещать — учиться и работать.

Я ценю уверенность в его словах, но так не получится. У меня нет времени на это.

— Я должен зарабатывать на жизнь сейчас. Я должен быть способен вносить вклад в нашу с ней жизнь сейчас, — искренне отвечаю я Рэнделлу. — Я не могу принять благотворительность.

Рэнделл откидывается на спинку дивана и прикладывает палец к губам, пока обдумывает мои слова.

— Как насчет того, чтобы... подрабатывать в Кэннонс, пока будешь учиться. Этого не будет достаточно, чтобы оплатить учебники и репетитора, но если ты мне позволишь платить за это, подработка поможет вносить вклад в ваш с Мойрой дом и бюджет. Я так думаю, ты останешься с ней?

— Такой мой план. Значит, я должен ходить в школу где-то поблизости от ее дома.

— Поверь мне... я пожертвовал достаточно денег Нортвестерну, когда нанимал Мойру, поэтому гарантирую, что у тебя будет место там, пока твои оценки будут хорошими.

Хорошие оценки? О, черт. Я могу это сделать? Я могу за это взяться и пойти в колледж?

Черт возьми, да, я могу, гремит у меня голове, потому что я сделаю все, чтобы остаться с Мойрой.

— Я принимаю предложение, — отвечаю я Рэнделлу и улыбаюсь. — И я верну тебе каждый цент, который ты в меня вложишь.

Рэнделл усмехается и встает с дивана.

— Необязательно. Я делаю вложение в будущее Кэннонс. Но я с удовольствием приму рукопожатие в знак заключения сделки.

Я встаю с кресла, и мы пожимаем друг другу руки. В порыве радости, я шагаю ближе и обнимаю его за плечи, притягивая его в объятия.

— Спасибо, Рэнделл. Это много для меня значит.

Когда я отстраняюсь, его глаза блестят от эмоций, и он откашливается, прочищая горло.

— Да, хорошо... мне приятно, на самом деле, и могу я, наконец, сказать: Зак, добро пожаловать домой, мой мальчик.

Сэм подвозит меня к дому, я практически перепрыгиваю через четыре ступеньки, ведущие к

крыльцу, так спешу увидеть ту, ради которой все это. Я открываю дверь и зову Мойру.

Затем вижу ее, сидящую за кухонным столом, ноутбук открыт, и телефон лежит рядом. Она поворачивается ко мне, ее лицо бледное, как полотно. Вскакивая со стула, она подходит ко мне и протягивает руки. Я порывисто обнимаю ее и мягко пытаюсь узнать, что произошло, тошнота подкатывает к горлу.

— Что случилось, милая?

— Мне так жаль, Зак, — тихо отвечает она, ее глаза наполнены слезами. — Но недавно звонил отец Гоуль. Матика напали на Карайку два дня назад. Отец Гоуль сразу же отправился в город у реки, откуда позвонил мне.

— Парайла? — спрашиваю я грубо, глотка будто наполнена песком, сердце бешено стучит.

— Ранен. Его подстрелили стрелой. Но отец Гоуль думает, что с ним все будет в порядке. Она попала в его плечо, и рана выглядит хорошо.

— А остальные? — шепчу еле слышно.

Мойра опускает глаза и медлит с ответом.

— Мойра — кричу я. — Бл*ть, ответь же мне! Что с остальными?

— Несколько человек мертвы... Я точно не знаю, кто. Детей забрали. Деревню сожгли дотла.

Я откидываю голову назад, потому что у меня ощущение, будто шея больше не может держаться прямо. Я кричу, словно раненое животное от боли:

— БЛ*ДЬ!

Мойра крепко обхватывает меня руками, сжимая в объятьях... придвигается ко мне настолько близко, насколько это возможно.

— Мне так жаль, Зак. Так жаль.

Мои руки опустились, я не способен принять ее слова и ласку в утешение. Ярость пронзительно проносится по моей крови ... в душе бушует злость на Парайлу, заставившего уехать, злость на Рэнделла, настоявшего на моем приезде, и горечь к Мойре, увлекшей меня остаться здесь, подальше от моего дома, где я нужен как никогда.

Я отталкиваю Мойру и направляюсь в спальню. Открывая шкаф, осматриваю там полки, затем вытаскиваю рюкзак и бросаю его на кровать. Быстро

нахожу брюки и футболки, которые купила мне Мойра, чтобы носить в Амазонке, также несколько пар носков и походные ботинки. Запихиваю все это в рюкзак, затем открываю верхний ящик комода и достаю паспорт.

Боковым зрением замечаю Мойру, входящую в комнату. Я поворачиваюсь к ней и яростно кричу:

— Мне нужно, чтобы ты доставила меня обратно в Карайку. Доставь так близко, как сможешь, дальше я дойду сам. Мне нужен один из обезвоженных наборов еды и таблетки для очищения воды. Как ты думаешь, что еще?

— Зак... не надо торопиться. Рейд окончен, и с Парайлой все будет хорошо. Если ты подождешь, то я...

— Просто, бл*дь, сделай это, — слова вырываются из моего рта, кулаки сжимаются от ярости. — Это наименьшее, что ты можешь сделать для меня.

Лицо Мойры бледнеет, и слезы наполняют глаза. Будто стрела пронзает мое сердце, так ужасно я себя чувствую из-за всех обидных слов, что говорю ей.

Но я не могу вернуть их обратно, потому что противная горечь и досада не дают вырваться словам нежности и заверениям, что все будет хорошо.

Как я мог быть настолько тупым, чтобы уехать? Какой тип эгоизма жил во мне, заставивший покинуть людей, которые больше всего нуждались во мне? Парайла мог умереть. Другие погибли из-за моей беспечности, когда я думаю об этом, то задыхаюсь от этих мыслей.

Но важнее то, как я мог позволить этому миру увлечь меня... ради своего удовольствия и легкомыслия? Отвернуться от своего народа, потому что влюбился в какую-то киску.

Мое сердце сжимается, когда я думаю о Мойре, глубоко в душе зная, что эти мысли несправедливы по отношению к ней. Но вина и стыд давят на меня так сильно, что я могу бросить свою любовь и желание к ней. Больше нет нас... теперь, когда я наполнен яростью, мучительной болью, которую лишь можно утолить жаждой мести.

— Зак, — тихо обращается ко мне Мойра. — Ты можешь подождать хотя бы минуту... давай поговорим об этом?

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

— Не о чем говорить. Я возвращаюсь, и если ты мне не поможешь, я попрошу Рэнделла. Он поможет.

Мойра понимающе кивает и разворачивается, направляясь к двери спальни.

— Конечно, я сделаю все возможное. Я поеду с тобой.

— Нет, — ледяным голосом отвечаю я. — Я не хочу, чтобы ты ехала.

В этом нет смысла.

Она ничего не сможет сделать, и ее жизнь будет в опасности, потому что я более чем уверен, готов рвать волосы на себе от отчаяния, что племя уже готовит план возмездия.

Лицо Мойры становится грустным, и плечи опускаются. Смирение появляется на ее лице, и она смахивает слезы.

— Хорошо, — тихо отвечает она. — Я помогу тебе. Ты должен позвонить Рэнделлу и попрощаться с ним.

Да, это хорошая идея.

Я не могу поверить, что всего лишь час назад, я сидел в его офисе и строил грандиозные планы на будущее. Сейчас я звоню ему, сказать, что все планы отменяются, и я буду жить своей жизнью.

Я немного теряю контроль, потому что погрузился в происходящее. По факту, путешествие до Карайки займет три дня, поэтому я решаю прекратить накручивать себя. Мойра сделает так, чтобы я сел на ближайший самолет до Джорджтауна, Гайана, а затем оттуда двумя чартерными самолетами доберусь до реки Амазонки в Бразилии. Там подумаю, как раздобыть каноэ, чтобы добраться до деревни, но я не волнуюсь об этом. Я украду его, если придется.

В целом, она сможет сократить мое путешествие на день, если переправит меня через Гайану, за что я буду ей очень благодарен. В любом случае, я даже не могу подобрать слов, чтобы поблагодарить ее за все усилия, потому что я боюсь заговорить с ней. Я боюсь всего, что она может мне сказать, чтобы изменить мое решение. И пока боль от произошедшего с моим племенем рвет мне

душу на части, сверху каменными пластами добавляется боль от того, что приходится покидать Мойру.

Я вынужден оставить новые надежды и мечты, которые бурлили от волнения этим утром.

Все ушло... превратилось в пепел из-за ужасных обстоятельств.

Мойра настояла на том, чтобы подвезти меня в аэропорт. В машине между нами висит тяжелая недосказанность, мерзкая тишина заполняет салон. Она так сильно сжимает руль, что костяшки на ее пальцах белеют, прикусывает нижнюю губу, скорее всего, чтобы не сказать ничего лишнего. Я так отчаянно хочу протянуть руку и коснуться ее, запутаться в ее волосах, провести пальцами по лицу... и сказать, что все будет хорошо.

Но этого не будет.

Ни для одного из нас.

Поворот на аэропорт маячит впереди, Мойра включает поворотник, чтобы свернуть. Мою грудь сжимает от тревоги и неправильности всего этого, но я отодвигаю это

подальше. Я должен быть сильным... ради своего народа. Ради Парайлы.

И я надеюсь, что и Мойра будет сильной, чтобы пережить все это.

Она подъезжает к нужному терминалу, лавирует сквозь трафик, пока не находит место, чтобы припарковаться.

Мы оба выходим из машины, и я жду, пока Мойра обойдет ее, затем она протягивает мне билеты, которые распечатала дома, и конверт.

— Здесь немного наличных, — говорит она.

— Это не поможет мне, — отвечаю я, пытаясь вернуть конверт ей. — Я обменяю что-нибудь, чтобы раздобыть каноэ.

Она качает головой, ее глаза затуманены от слез.

— Это не для каноэ. Когда ты приземлишься возле реки, найди кого-нибудь, чтобы купить несколько винтовок. Потрать некоторое время, чтобы научиться пользоваться ими, прежде чем идти дальше.

Я моргаю от удивления.

— Винтовки?

— Ты ведь собираешься на Матика? — прямо спрашивает она.

— Ты ведь знаешь.

— Поэтому я хочу, чтобы у вас было преимущество. Используйте современные технологии.

Мой пульс учащается.

— Ты хочешь, чтобы я купил винтовки?

Слезы наполняют глаза Мойры, и она кивает.

— Я хочу, чтобы ты был в безопасности, Зак. Я не хочу, чтобы тебя убили. Винтовки помогут.

Я сжимаю конверт, и мои руки скользят по ее рукам, притягивая к себе. В последний раз я наклоняюсь, вдыхаю сладкий аромат ее волос, и чувствую ее дыхание. Прижимаюсь щекой к ее макушке, наслаждаюсь ее прикосновениями... ее любовью... ее печалью.

Я заберу эту горечь с собой в могилу, неважно произойдет ли это во время похода на Матику или годы спустя, когда я, возможно, буду умирать, и мое разбитое сердце будет взывать к моей совести.

— Ты не вернешься? — тихо бормочет она.

— Нет — отвечаю я. — Не вернусь.

Мойра поднимается на носочки и мягко касается моих губ.

— Тогда езжай с моей любовью и знай, что я никогда не буду сожалеть о моментах, проведенных с тобой. Ты всегда будешь в моем сердце, Зак.

Агония пронзает меня, когда я отхожу от Мойры. Она смотрит на меня своими неземными зелеными глазами, зелеными как Амазонка, и слезы стекают по ее щекам. Живот и сердце скручивает от нестерпимой боли .

В последний раз я касаюсь ее щеки, скользя по ней пальцами.

— Прощай, Мойра.

Отворачиваясь от меня, она идет на выход к машине. Она не оборачивается, я смотрю, как мой огонек заводит машину и уезжает.

Уезжает от меня навсегда. Покидает меня.

Глубоко вздохнув, я поднимаю голову к солнцу и ощущаю жару этого города в последний раз. Затем я разворачиваюсь и иду к аэропорту, откуда могу вернуться в свою настоящую жизнь.

Глава 28

Мойра

Я в отчаянии закрываю и толкаю свой ноутбук, пытаясь откинуть его как можно дальше. Он не дал мне ответы, которые я хочу получить.

Я отправила электронное письмо отцу Гоулю две недели назад, отчаянно надеясь, что он увидит его. Я схожу с ума, волнуясь за Зака, гадая, добрался ли он до Карайки.

Уверена, что он добрался. Он самый уверенный и способный мужчина, которого я когда-либо знала. Он дома в джунглях, и у него нет причин возвращаться.

Нет, я волнуюсь о том, что произойдет после его возвращения. Напали ли уже карайканцы на матика? Жив ли Зак?

Последние две недели я едва могла есть из-за плохого предчувствия. Я спала, может, несколько часов за ночь, но постоянно ворочалась и просыпалась.

Я настолько подавлена, что едва могу жить. Я так сильно скучаю по Заку. Иногда думаю, что будет лучше, если я иссохну и умру, тогда, наконец, эти страдания закончатся.

Заставив себя подняться со стула, я подхожу к холодильнику. Открываю его и рассеянно смотрю внутрь, понимая, что он пуст. Закрываю его со вздохом и иду в гостиную, желая отвлечься каким-нибудь фильмом.

Слышу стук в дверь и вздрагиваю от удивления. Никто не знает, что я вернулась в Эванстон. Я предполагаю, что это какие-то попрошайки, поэтому игнорирую стук. Он продолжается, но я иду к дивану и беру пульт от телевизора.

Телефон в кармане оживает и его монотонное жужжание отвлекает меня, я достаю айфон и вижу сообщение от Лизы.

«Открой чертову дверь».

Какого хрена?

Я поднимаюсь с дивана и бегу открывать дверь. Лиза стоит здесь, держит чемодан и хитро улыбается.

— Привет, сестренка.

Я отхожу назад, моргаю от удивления, пока она входит и ставит чемодан на пол. Как только я закрываю дверь, я спрашиваю:

— Что ты здесь делаешь?

— Ну... у меня есть младшая сестра, которая игнорирует мои звонки, сообщения и электронные письма две гребаных недели, поэтому я волнуюсь за нее.

— Откуда ты вообще узнала, что я здесь, — спрашиваю я, удивляясь, что она стоит в моей гостиной.

— Потому что я позвонила Рэнделлу, и он рассказал мне, что произошло. Как ты могла, Мойра? Как ты могла пережить все это и не рассказать мне? Даже не дала помочь тебе?

Ее голос пронизан осуждением, но в большей степени это все же сочувствие. Моя нижняя губа дрожит. Затем она обнимает меня, и я тону в ее спасительных объятиях.

Я начинаю громко рыдать на ее плече, она гладит меня по спине и говорит успокаивающие слова.

— Отпусти, дорогая, — успокаивает она. — Отпусти все.

И я смогла отпустить свое горе... впервые с тех пор, как Зак оставил меня, я отдала каждый кусочек боли и одиночества, прорыдала на ее плече, залив ее слезами.

Когда я, наконец, могу взять себя в руки, глубоко вздыхаю и отодвигаюсь от нее. Она оценивающе смотрит на меня.

— Боже, ты ходячая катастрофа.

Я несколько мгновений смотрю на нее, и мы обе взрывается от смеха. Я закрываю рот ладошкой, когда смех утихает, Лиза мягко смотрит на меня.

— Вот что мы сделаем. Ты пойдешь в душ, потому что, черт возьми, девочка... ты воняешь, как груда мусора. Затем мы выберемся поужинать, и ты мне все расскажешь, хорошо?

Я киваю, и несколько слезинок стекают по моим щекам.

— Я рада, что ты здесь.

— Я всегда с тобой, — говорит она мне и толкает в ванную.

***

— Я не знаю, что с Заком, и это убивает меня, — говорю я Лизе и беру кусочек курицы с овощным соусом из тарелки. Еда не привлекает внимания, но я выпила два бокала вина, прежде чем принесли наши заказы, и моя голова приятно шумит.

— Конечно, это волнует тебя, — улыбается она. — Но ты также осталась с разбитым сердцем, потому что он ушел. У тебя полная тарелка, детка. Давай поедим.

Я киваю, накалываю кусок курицы на вилку и отправляю ее в рот. О, черт... она восхитительна. Я прожевываю, глотаю, накалываю еще один кусочек курицы и взмахиваю вилкой в ее сторону.

— Он уехал так неожиданно... ничего мне не сказал, кроме того, что не вернется.

Страдания наполняют меня, и я роняю вилку, она громко стукается о мою тарелку.

— Как ты думаешь, сколько еще тебя будет отягощать это мучение, потому что откровенно говоря... это немного раздражает.

— Прости? — отодвигаюсь я назад, и злость начинает наполнять меня.

— Ну же, Мойра. Ты не тот человек, который будет сидеть и жалеть себя. Твой мужчина оставил тебя... да, это хреново. Он может быть в опасности, глупо из-за этого волноваться. Я поняла. Моя сестренка генератор долбаных идей, а не нытик. Она никогда не сидит и не ждет у моря погоды.

— И что ты думаешь, я должна делать? — со злостью бросаю я. — Я не могу просто взять и позвонить ему на телефон.

— Да ладно, Шерлок? Ну, так оторви свой зад и выясни, что произошло.

— Выяснить, что произошло? — повторяю я.

— Послушай... если он мертв, тебе надо это знать. Если нет, тебе надо знать. Так что выясни это.

— Ты имеешь в виду поехать в Карайку?

— Почему нет? Ты долбаный антрополог. Ты уже была в Амазонке и знаешь, как туда добраться. У тебя есть ресурсы, деньги, чтобы сделать это, потому что я уверена, что Рэнделл заплатит за дорогу, и сейчас ценна каждая минута. Или ты забудешь все и вернешься к преподавательскому делу осенью?

Качая головой, я тянусь за бокалом вина, мне нужно выпить.

— Нет, университет уже нашел замену мне. Я начну зимой.

— Здесь ничего тебя не держит, — убеждает она.

— Кроме того, что Зак бросил меня. Он не хотел, чтобы я ехала с ним, хотя я предлагала. Он даже не сказал, что ему жаль... или он будет скучать... или что хотел, чтобы все было по-другому. Он едва поговорил со мной, — ворчу я, выплескивая весь гнев на Зака.

— Ну же, Мойра. Подумай, что ему пришлось пережить. Он узнал, что на его дом напали и его друзья погибли. Ты знала, что он страдал от желания вернуться домой. Знаешь, глубоко в душе, он не мог ни на чем сконцентрироваться, кроме того, чтобы вернуться к своему народу. Дай ему немного отойти от горя.

Ее слова жестокие, но это правда. Я была так поглощена своими собственными страданиями, что даже не задумывалась о чувствах Зака, о том, через что ему пришлось пройти, узнав эти новости. Все, о чем я могла думать, как удержать его и облегчить свою участь.

— Я не знаю, — жестко отрезаю я, потому что даже мысль о том, что я могу обнаружить Зака мертвым, приводит меня в ужас, и также боюсь найти его живым и счастливым без меня. Он принял твердое решение, его последние слова были о том, что он не собирается возвращаться, и они прожгли мое сердце. — Может, мне просто стоит это отпустить.

Лизы фыркает, и я смотрю на нее.

— Что? Что за пассивная агрессивность? — со злостью спрашиваю я.

— Я не пассивно агрессивная. Я буду просто агрессивной, как тебе? Все, что тебя тревожит сейчас, связано с тем, что ты не имеешь понятия, что происходит. Страх от незнания, самое сильное чувство на земле. Ты понятия не имеешь, жив ли Зак. Ты понятия не имеешь, может он чувствует то же самое, что и ты. Тебе нужны эти ответы, или ты никогда не успокоишься.

Теперь моя очередь отвечать.

— Я знаю лишь одно... мы не строили долгосрочных планов. Он приехал сюда лишь на год, поэтому так даже проще. Представь, насколько тяжелее было бы, если бы

он бросил меня спустя год... после того как мои чувства стали бы глубже.

Лиза смотрит на меня, и ее рот медленно открывается.

— Ты не знаешь, не так ли?

— Знаю что? — усмехаюсь я, чувствуя, как тепло от вина разливается по моему телу. — Что Зак, возможно, использовал меня для секса, но перспектива вернуться на кровавую войну лучше, чем остаться здесь и трахать меня, жить со мной?

— О, боже, — говорит Лиза и закатывает глаза. — Хватит драматизировать. Нет... ты не знаешь, что Зак решил остаться здесь навсегда?

— Что? — я практически наваливаюсь на стол. — Почему ты это говоришь?

Лиза откидывается на спинку стула и скользит пальцами по краю ее бокала с вином. Она улыбается озорной улыбкой.

— Ммм, это великолепно. Ты действительно не подозревала, что у Зака были чувства глубже, чем ты могла представить?

Я в удивлении приподнимаю брови.

— И как это подтверждает тот факт, что он бросил меня? — говорю я ехидно.

— Подтверждает тот факт, что он был у Рэнделла и рассказал о своем решении остаться... здесь с тобой. Он просил у Рэнделла помощи… работу, чтобы помогать тебе с домом.

— Скажи, что ты шутишь, — требую я, чувствуя, как тошнота подступает к горлу. — Скажи мне, что это шутка, потому что мне не надо слышать, что у него были чувства ко мне. Мне лучше злиться на него за то, что он оставил меня.

— Прости, сестра. У него с Рэнделлом был план, как он окончит школу и поступит в колледж, а потом будет работать с ним. Зак настоял на том, чтобы уже сейчас начать зарабатывать, поэтому Рэнделл собирался нанять его в магазин, чтобы он мог начать с самого низа и подняться на верхушку сам.

Я шокировано открываю рот.

— Откуда ты все это знаешь?

— Потому что я потрудилась поговорить с Рэнделлом. Ты бы тоже знала это, если бы отвечала на телефонные звонки и письма. Он волнуется за тебя.

Моя голова опускается от стыда. Это правда... Я игнорировала всех. После того, как подвезла Зака в аэропорт, вернулась домой, собрала свои вещи и уехала. Я отправила Рэнделлу короткое письмо, что я возвращаюсь в Эванстон и ключ от дома Зака был под ковриком. Он сразу же ответил мне и сказал, что нам срочно нужно поговорить, но я удалила письмо. Он отправил мне еще несколько писем, которые я удаляла не прочитав. Мне не нужна была его жалость, и я предпочла разобраться со всем сама. Также я не отвечала на все его звонки и удалила его голосовые сообщения со своего телефона, даже не прослушав.

— Зак действительно сказал Рэнделлу, что хочет остаться здесь навсегда? — спрашиваю я, все еще не веря... все еще отвергая надежду, что у него были чувства глубже, чем я предполагала.

— Очевидно. В то утро, когда он уехал, он приезжал в офис Рэнделла.

Я вспомнила, как проснулась, и постель со стороны Зака уже была холодной. Я села на кровати, немного неуклюже, потому что мои бедра болели от того, как Зак держал мои ноги, и попка немного саднила.

Но, о, Боже. Это был самый невероятный сексуальный опыт в моей жизни. Я надеялась, что и Зак получил столько же удовольствия, потому что я хотела повторить это еще раз. Он был таким диким и жестким со мной, но в тоже время, нежным и заботливым. Когда он спросил, доверяю ли я ему, и я ответила «да», его улыбка показала мне, что он дорожит моим доверием.

Я понятия не имела, куда Зак отправился. Я предположила, что на прогулку... может в булочную, которую мы оба любили, взять что-нибудь к завтраку. Я сделала себе кофе, села проверить почту, и тогда все завертелось, когда отец Гоуль позвонил мне.

Я уже знала, когда он сказал мне о том, что случилось с Парайлой и племенем, что, возможно, я потеряла Зака. Я знала, что никогда не смогу конкурировать с той любовью и преданностью, которую испытывал Зак к своему Народу.

Узнать, что Зак решил остаться со мной — ударило меня с огромной силой. На один короткий яркий момент он открылся мне и поставил меня на первое место, выше всего, но я даже не знала об этом. Он не разбудил меня и не рассказал. Он решил все сам, сам спланировал и скрыл все от меня. Он даже не поговорил со мной, прежде чем уехать, потому что возможно... просто возможно, это бы дало мне надежду на будущее. А он, может, просто не хотел нашего будущего.

Я могла только догадываться по тому, как он отстранился от меня и сказал, что не собирается возвращаться, что он в очередной раз передумал и решил, что я не так важна, как возвращение в племя.

Глубоко вдохнув, я отодвигаю тарелку.

— Я устала, — говорю я Лизе спокойным голосом. — Не против, если мы уйдем?

— Мойра... не уходи. Давай продолжим беседу. Я знаю тебе неприятно.

Я грустно улыбаюсь.

— Мне больно, и я ценю твою заботу, но самое лучше сейчас, оставить все как есть. Зак сделал свой выбор, и я

должна уважать его. Некоторым желаниям не суждено сбыться.

— Я не верю в это. Я думаю, между вами двумя все еще что-то есть, — решительно говорит она.

— Нет, на самом деле нет. Вообще... если быть честной, Зак сделал правильный выбор. Возвращение нужно было ему. Он никогда бы не смог жить сам с собой в согласии, если бы не вернулся.

— Так ты не поедешь к нему? Даже не рассматриваешь этот вариант?

Я качаю головой и встаю из-за стола.

— Нет. В Карайке ничего нет для меня. А теперь, я иду к машине, если ты не возражаешь, то оплати счет. Мне нужно побыть одной на свежем воздухе.

Я разворачиваюсь и слышу, как она бормочет вслед:

— Дура.

И выхожу из ресторана.

Глава 29

Зак

Горячий пот бежит ручьями по лицу, стекая вниз каплями по шее и груди. Здесь чертовски жарко, будто в Аду, я знаю, возможно, мне станет прохладнее, если я сниму одежду. Но будучи не совсем нормальным, которым я стал во время пребывания в Штатах, я больше наслаждаюсь защитой длинных брюк-карго, ботинками и хлопковой рубашкой, защищающих меня от солнца, насекомых и острых пальмовых корней.

Поднявшись наверх, я располагаю на бамбуковой опоре сплетенную из пальмы панель, закрепляя другую на крыше бунгало Парайлы, которое я построил сам. Смотря вниз, я вижу, как Парайла лежит в своем гамаке и наблюдает за моей работой. Рану от стрелы прикрывает небольшая марлевая повязка, одна худая сухая нога вытянута на гамаке, вторая опущена до земли, чтобы он мог раскачиваться.

— Хорошая работа... ты не потерял ни одного навыка, пока был там, — комментирует он.

Я улыбаюсь ему и отвечаю на беглом португальском:

— Меня не так уж и долго не было.

— Не так долго, как я надеялся, — бормочет Парайла, но я делаю вид, будто не слышу его. Он был шокирован, когда я пришел в сожженное племя, сбросил свой рюкзак и мачете. Я купил оружие на те деньги, которые мне дала Мойра, намереваясь использовать его, когда мы пойдем на племя Матика. Я подошел прямо к Парайле, который лежал на земле. Он не обрадовался моему возвращению, и это поразило меня.

— C'ordero, что ты здесь делаешь?! — спросил Парайла и схватил меня за протянутую руку, когда я упал на колени рядом с ним.

— Я вернулся, — все, что я ему сказал, аккуратно отрывая повязку на плече, чтобы взглянуть на рану. Она была чистой, я не чувствовал запаха инфекции, поэтому снова закрыл ее и посмотрел ему в глаза.

— Как ты?

— Бывало и лучше, — пробормотал он. — И Самаира была очень заботлива со мной. Но я жив.

— Мне не нужно было уезжать, — печально проговорил я. — Этого бы никогда не произошло. Мне так жаль.

Парайла шокировал меня, когда ткнул в мою грудь пальцем и сказал:

— Глупый, гордый мальчик... это бы произошло, будь ты здесь или нет. Единственное, что успокаивало меня, это мысли о том, что ты далеко отсюда и будешь жив.

— Ты хотел, чтобы я прятался как женщина? — зарычал я на него, полностью застигнутый врасплох из-за его гнева на мое возвращение. Я ожидал встречи с распахнутыми объятиями, теплыми словами от своего приемного отца, а в итоге вот что получил.

Взгляд Парайлы немного смягчился, и он притянул меня к себе.

— Никто не считает тебя женщиной, Закариас. Ты доказал себе в который раз, что ты сильный член этого племени. Но я хотел большего для тебя... больше, чем этот образ жизни. Я был бы счастлив знать, что ты использовал шанс, который дали тебе.

Часть моей злости растаяла от его слов, потому что, как и любой отец, он хотел лучшего для меня. Не это я считал лучшим вариантом, я думал лучший — вернуться сюда.

Вроде бы. Или нет?

Мое сердце обливалось кровью, разбивалось на кусочки, когда я думал о единственной женщине, которая была для меня дорога и важна. С того момента, как Мойра оставила меня у аэропорта. Как минимум пять раз перед тем, как я сел на самолет, я почти позвонил ей, чтобы попросить забрать меня, но в конечном итоге, моя совесть заставила меня вернуться в племя, хотя мое сердце требовало вернуться к Мойре.

Это была жестокая битва, и мое сердце проиграло.

Деревня была уничтожена. Каждый дом был сожжен до основания. Некоторые мужчины были ранены, защищая деревню, и четверо мертвы, двое из которых были старейшинами. Пятеро детей... трое мальчиков и двух старших девочек... увели в джунгли, их матери обезумели от горя.

Очевидно, я приехал вовремя, так как племя собирало уцелевшие вещи и готовилось перейти на несколько миль вниз по течению реки Жутаи.

Я был удивлен, конечно, потому что я думал, они будут готовиться к нападению, и я пришел подготовиться к бою. Но Парайла сообщил мне, что уцелевшие старейшины и

некоторые молодые представители племени хотели обсудить мирное урегулирование с Матика. Они были больше по численности и сильнее нас, и они боялись, что продолжение военных действий приведет племя к вымиранию. Отец Гоуль, который, как я заметил, помогал справиться с голодом, переправляя некоторые крупы и семена, по-видимому, был в эпицентре этой затеи с миром, так как у него были хорошие отношения с этим племенем.

Идея потрясла меня, я горел неуемной потребностью отомстить тем, кто осмелился напасть на мой народ.

В конце концов, у меня не было выбора, кроме того, чтобы пойти вместе с племенем и спуститься вниз по реке. После того, как мы собрали все для кочевки, пошли как целое племя через джунгли, прорубая наш путь к новому дому. Три дня мы срезали заросли и расчищали место. Мы выжгли корни растений и деревьев, чтобы обустроить новый дом, спилили бамбук и пальмы для наших новых домов.

Еды некоторое время будет не хватать, пока мы не сможем вырастить новый урожай овощей, но наше племя

уже много раз меняло место стоянки, поэтому нужно переждать этот период.

Моим первым поручением было построить новый дом для Парайлы, чтобы у него было укрытие. Двое из соплеменников помогали мне с постройкой, но затем я сказал им заняться своими собственными домами, пока раскладывал крышу из пальмовых ветвей.

— Ты все еще злишься на то, что мы решили не нападать на Матика? — спрашивает Парайла с усмешкой в голосе.

— Это решение еще не принято окончательно, — отметил я.— Отец Гоуль может вернуться и сказать, что Матика не приняли условия. Тогда будет война.

Парайла усмехнулся.

— Упрямый, как всегда. Но этот старик (прим. так себя называет Парайла в третьем лице) хочет мира. Он хочет вернуть наших детей, и жить дальше без всех этих забот.

Кровь застыла от стыда после его слов. Потому что Парайла имеет право желать то, что он хочет. Это было лишь мое слепое желание мести, которое переполняло меня и заставляло спорить с ним на каждом шагу.

Заключение перемирия — странная идея. Конечно, я видел это в современном мире, но я сумел понять достаточно, что это практически недостижимо в любом обществе. Люди все также сражаются и убивают друг друга, ссорятся из-за земель, прав и денег. И наше сообщество не отличалось, поэтому я не отказывался от своей потребности, сделать все правильно.

— Вижу, Тукаба ищет тебя, — говорит Парайла со смешинками в голосе.

Я смотрю на женщину, сидящую возле общего костра, где пекут лепешки из маниоки для обеда. Она и в правду смотрит на меня, минуту смотрю на нее, и она отводит взгляд в подчинении.

— Не заинтересован, — отвечаю я Парайле и поднимаю другую пальмовую панель на крышу, и начинаю привязывать ее к балке. — Я должен работать.

Парайла лукаво смотрит на меня и начинает громко смеяться.

— Что смешного? — ворчу я.

— Ты смешной, — отвечает он сквозь смех. — Закариас, которого я знал, не беспокоился, закончена ли

работа или нет. Он бы поставил Тукабу на колени в грязь и показал бы свое могущество...

— Достаточно, старик. — рычу я. — Когда ты стал таким развязным?

Парайла продолжал смеяться и медленно раскачиваться в своем гамаке.

— Ох, Закариас, — говорит он, забавляясь. — Ты не принадлежишь этому месту.

Я поворачиваю к нему голову и хмурюсь.

— Почему ты это говоришь?

— Потому что твое сердце находится в другом месте, — отвечает он.

Я усмехнулся над ним и прикрепил еще одну панель на место. Вытерев пот со лба рукавом рубашки, я отхожу от дома и направляюсь к тыкве, наполненной водой, чтобы утолить жажду. Оглядываясь в сторону Парайлы, который с весельем в глазах смотрит на меня, я говорю:

— Мое сердце там, где оно должно быть, отец. Прекрати видеть то, чего нет.

Отвернувшись от Парайлы, я беру свой мачете и направляюсь в джунгли нарубить еще пальмовых ветвей.

Мне нужно скрыться от его пристального проницательного взгляда и мудрых слов. Я, может, и отрицаю то, что он видит во мне, но правда в том, что мое сердце там, где Мойра. Когда меня отделял всего день от возвращения в племя, я понял, что совершил самую большую ошибку в своей жизни.

Нет, не потому что вернулся в деревню... я должен был это сделать. Я должен был вернуться, чтобы убедиться, что с Парайлой все в порядке, и я должен был помочь племени отомстить за нападение и грабеж. Нет, моя ошибка была в том, что я не рассказал Мойре о своих чувствах. Моей ошибкой было то, что я сказал, что больше не вернусь. Ошибка в том, что оборвал все ниточки с единственным человеком в этом мире, который меня больше всего заботил. Я потратил много времени, и сейчас находился в такой ситуации, из которой не видел выхода. Я даже не был уверен, возможно ли, как-то ее исправить, потому что я думаю о том, с какой легкостью Мойра восприняла мои слова о том, что все кончено. Она отвернулась от меня и, хотя слезы печали катились по ее

щекам, я видел, как она решительно уходила. Она даже не обернулась на прощанье.

Все было кончено, без сомнения. Мне нужно отпустить это и найти способ, как закалить свое сердце. Сейчас это была моя жизнь, и я должен жить без нее.

Отец Гоуль вернулся в нашу деревню три дня спустя, и к нашему удивлению, он привел пятерых детей. Они побежали к своим матерям, все прослезились от радости, включая и меня. Сверх этого, он передал предложение о перемирии от Матика, которое включало семена, муку и такие вещи как одеяла и пластиковые брезенты. У Матика были хорошо развиты торговые отношения с другими племенами и речными торговцами. Они были более развитыми, чем мы, когда дело дошло до использования этих предметов для облегчения их жизни.

Все были поражены, с какой легкостью Матика пошли на мирное урегулирование. Хотя это стоило определенной цены. В обмен, мы должны были согласиться не нападать на них, и закрепить мир браком между племенами. Это помогло бы закрепить постоянные отношения и позволить увеличить численность обоих племен. Пока они

находились в мире с нами, Матика все еще продолжали воевать с другими племенами, и вдобавок, мы должны были стать их союзниками.

Я был зол из-за этих условий, по-прежнему жаждал мести, но старейшины и большинство соплеменников согласились, что так будет лучше всего.

Пир продолжается, полная луна низко висит над деревней, звезды отражаются на бархатном темном покрывале неба. Большинство из домов закончены, мы прекрасно расположились. Я продолжаю все еще носить одежду, которую привез с собой. Многие соплеменники поддразнивают меня за это, но в хорошем смысле.

Я думаю, она заставляет меня чувствовать себя ближе к Мойре, зная, что она когда-то купила ее для меня, к тому же это часть культуры, к которой я когда-то был причастен и в которую мог прочно влиться. Так же как я пытался сохранить свои старые привычки, когда был в штатах, так и тут, я использую новоприобретенные навыки.

Краем глаза я замечаю движение, и оно привлекает мое внимание, Тукаба подходит ко мне, ее глаза опущены.

Она протягивает мне банановый лист, наполненный мясом и фруктами.

Я забираю его и говорю:

— Спасибо.

Она разворачивается, но затем вновь оборачивается ко мне, ее глаза все также опущены и она спрашивает:

— Тебе что-нибудь еще нужно?

— Нет, спасибо, — отвечаю ей с мягкой улыбкой. — Мне хватит. Ты должна сама что-нибудь поесть.

Опустившись на колени передо мной, она смотрит прямо мне в глаза, это что-то новое, и говорит:

— Ты не прикасался ко мне с тех пор как вернулся. Я доступна для твоих нужд.

К моему удивлению, Тукаба разворачивается ко мне попкой и начинает опускаться щекой к земле.

Ее тело все так же красиво для меня, темно-карамельная блестящая кожа, черные волосы ниспадают на ее лицо. Ее киска открыта для меня, я даже вижу, как сквозь лобковые волосы блестит ее желание в лунном свете. Но мой член даже и не дернулся. Предательское тело.

Потому что он принадлежит чертовой Мойре.

— Прости, Тукаба, — говорю я ей. — Пожалуйста, встань.

Она сразу же вскакивает на ноги и поворачивается ко мне.

— Я не понимаю. Раньше ты всегда хотел меня.

— Я знаю, — тихо я отвечаю. — Но я изменился с тех пор как ушел. Теперь я хочу другого.

Думаю, в большинстве случаев, многие могут посчитать эти слова грубостью, но в нашем обществе это не так. Тукаба не знала ничего другого, кроме как быть лишь средством для моего освобождения, так как наши устои не предусматривают ухаживания и соблазнения. Женщины здесь существуют только для того, чтобы их брали. Это их работа, если мужчина хотел взять женщину в жены, он брал ее. Если нет, она была счастлива удовлетворять остальных соплеменников.

Это было очень просто.

Намного проще, чем то, что я оставил позади с Мойрой. Это было невероятно сложно, запутывало и подавляло. И я жутко скучал по этим ощущениям.

Тукаба понимающе улыбается мне и уходит. Я несколько мгновений смотрю на нее, затем опускаю взгляд на еду в руках. Беру кусочек жареного дикого кабана, закидываю его в рот и задумчиво его жую. Я обвожу взглядом деревню и вижу, что все счастливы. Счастливы вернуть своих сыновей и дочерей, и счастливы от того, что больше не потеряют людей от набегов Матика. Они довольны, и я ясно осознаю, что я также доволен.

Я доволен настолько, насколько это возможно, потому что в моем сердце все еще брешь, которая может быть заполнена лишь одной женщиной.

— Заметил, ты опять отверг Тукабу, — говорит Парайла, присаживаясь на землю рядом со мной.

Я игнорирую его замечание и киваю на его плечо.

— Как твое плечо?

— Болит, но я потерплю. Этот старик пережил многое.

Мы сидим молча и слушаем пение женщин. Я пододвигаю ему банановый лист, полный еды, и Парайла берет несколько кусочков фруктов и жует их.

— Когда ты собираешься обратно? — спрашивает он, в его словах мудрость и уверенность.

Удивленный, я поворачиваюсь к нему, а он просто понимающе смотрит на меня. Улыбка Парайлы полна счастья и понимания.

— Как можно скорее, — отвечаю я, даже не задумываясь о том, что я уже решил про себя, что вернусь к Мойре, пока он не спросил. Кажется, будто Парайла на один шаг впереди меня.

— Ну, расскажи мне о ней, — продолжает он.

— Почему ты думаешь, что это женщина? — ехидно спрашиваю я

Парайла фыркает и отвечает:

— Потому что я знаю тебя, сынок. Я знаю тебя.

Мы делим еду возле костра, и я рассказываю Парайле все о Мойре. Я рассказываю ему все причины, почему я должен следовать зову своего сердца, рассказываю, как сильно буду скучать по нему и моей семье здесь. Мы долго разговариваем, потому что это наша последняя ночь вместе.

Я ухожу утром... возвращаюсь к цивилизации. К Мойре.

Глава 30

Мойра

Я так устала, что сомневаюсь, смогу ли я добраться до кровати. Да... даже диван подошел бы, если смогу сделать пару шагов. Если нет, и пол меня вполне устроит. Я ничего не хотела, кроме того, как заснуть и не просыпаться может... эээ, скажем года четыре или пять.

Такси только что подъехало к моему дому. Я поднимаю свой тяжелый рюкзак и, заглядывая в почтовый ящик, проверяю, есть ли там что-нибудь. Келли согласилась поверять его изредка, и она должна была прийти сегодня, потому что он пуст.

Путешествие в Карайку было абсолютно пустой тратой времени. Как только я переборола свою хандру и горе, я поняла, что Лиза была права. Неизвестность убивала

меня, и я должна была съездить убедиться в том, что Зак жив.

Только я не могла найти его. Гид, которого я наняла после того как прилетела чартером, сказал, что точно знает, где располагается деревня Карайка. За полтора дня мы сплавлялись по реке и шли пешком, в общем, дорога заняла четыре с половиной дня после выезда из Штатов.

Когда мы добрались до стоянки племени, я была ошеломлена, когда увидела, что она пуста. Сердце билось с шумом о грудную клетку, когда я смотрела на обуглившиеся головешки домов и посадки, которые зароли сорняками.

Я понятия не имела, куда отправилось племя... или существовало ли оно вообще. Страх наполнил каждую мою клеточку, когда я предположила самый ужасный сценарий. Их всех убили во время рейда.

Но и это не имело смысла. Только мужчины ходили в походы, оставляли женщин и нескольких мужчин для защиты. Так, где же они?

Мой гид согласился остаться здесь на ночь в покинутой деревне, пока я пыталась продумать следующий шаг. К

сожалению, у меня не было вариантов. Я не могла прочесать всю Амазонку, пытаясь найти Зака. Там было более двух миллионов квадратных миль по площади, мне бы потребовалось десять жизней, чтобы найти его.

Следующим утром я приняла лучшее решение в этой ситуации — вернуться к небольшому речному городку, куда я прилетела чартером и попытаться разузнать хоть какую-нибудь информацию.

Спустя полтора дня обратной дороги, я осталась еще на два дня в речном городе, разговаривая с разными индейцами, которые прибыли сюда для торговли. Единственное, что я узнала, это слухи о том, что Матика и Карайка заключили перемирие и не находились в состоянии войны. Казалось, никто не знал, куда ушли карайканцы.

Без каких-либо других вариантов, я вылетела в Сан-Паоло и вернулась домой в Штаты. Горечь легла черной скорбью, словно пеленой на мое сердце, потому что я не узнала ничего нового, чтобы облегчило боль. Зак по-настоящему был навсегда потерян, и мне больше ничего

не оставалось, кроме того, чтобы понять, как взять себя в руки и исцелиться от этой боли.

Когда я добралась до Сан-Паоло, я сразу же позвонила Рэнделлу, чтобы сообщить о своем провале. Как сказала Лиза, он с радостью спонсировал мою экспедицию, он, так же как и я, стремился узнать что-нибудь о Заке. Как и я, он не ждал возвращения Зака, но волновался о его благополучии и надеялся, по крайней мере, что он и я смогли бы понять друг друга, и смогли бы принять решение по поводу дальнейшей жизни.

Когда Рэнделл ответил, его было немного сложно понять из-за качества связи.

— Мойра... это ты?

— Привет Рэнделл, — сказала я, заставляя голос звучать бодрее, чтобы он не заметил мою горечь. — Я сейчас в Сан-Паоло.

— Как ты? — поинтересовался он, что было довольно-таки странно. Почему он сразу не попытался выпытать у меня подробности моей экспедиции?

В конечном счете, я была слишком уставшей, чтобы обдумать это, поэтому ответила:

— Я в порядке, но прости Рэнделл... я не смогла найти Зака.

— Ох... ну, хорошо. Ты пыталась и это все, что ты могла сделать, — сказал он, почти растерянно.

— Ты в порядке? — спрашиваю я его, потому что он звучит немного отстраненно.

— Хорошо, хорошо, — заверил он меня. — Просто немного.. эм... думаю, расстроен. Ну, когда ты возвращаешься?

— Я вылетаю сегодня, и завтра утром буду в Чикаго, — проговорила я, подавляя зевок. Я надеюсь, что смогу занять одно из кресел в зале ожидания и немного вздремнуть.

— Хорошо, моя дорогая. Что ж, безопасного полета и, когда ты вернешься, нам надо поговорить, — ответил Рэнделл.

Я закончила разговор с Рэнделлом, совершенно сбитая с толку. Может он просто скорбел и не понимал, что я ему говорю. Я думала, что он будет требовать все, что я узнала о Заке, но, возможно, он просто ждал моего возвращения, в знак уважения ко мне. Он должен был

знать, что неспособность найти его невыносимо давила на меня.

Вытащив ключи из кармана, я долго иду по тротуару. Ладно, не так уж и долго... может около двадцати шагов, но эти двадцать шагов кажутся такими долгими, потому что я устала. Подняв голову, я вставляю ключ в замочную скважину и решаю, что я слишком устала, чтобы добраться до спальни... но я не хочу завалиться на пол. Диван будет прекрасным компромиссом, золотая середина.

Я поворачиваю ключ и толкаю дверь, бросаю рюкзак на пол и плетусь к дивану. Я тащусь к нему, даже не желая снимать свои ботинки. Упираясь одним коленом на диванную подушку, я опускаюсь в комфорт, желая раствориться в нем.

Погружаясь в мягкость, я закрываю глаза и выдыхаю. Я сразу же проваливаюсь в дремоту, и сны накрывают меня.

— Мойра, — слышу голос Зака.

Ох, такой сладкий звук. Глубокий, звучный и эмоциональный. Я могу представить его прекрасные глаза и его великолепное тело. Я вспоминаю последний раз,

когда мы были вместе, и как он трахал меня, как обнимал меня после, убаюкивая в уютных воспоминаниях, отпустил себя и свои слезы печали

— Мойра, — снова говорит он, и в этот раз голос звучит чуть громче. Чуть четче.

Я приоткрываю глаза, и снова слышу, как он меня зовет.

— Мойра.

Я опираюсь на колени и смотрю через спинку дивана... в кухню, где вижу, что Зак сидит за обеденным столом. На нем темные джинсы и оливково-зеленая футболка. Он стоит босиком, его волосы влажные, как после душа. Голубые глаза прожигают меня своей напряженностью.

Я потираю глаза рукой и снова смотрю.

Да... все еще здесь.

Может у меня галлюцинации. Может я подхватила какую-то инфекцию в джунглях и у меня лихорадка. Да, сочетание бессонницы в течение нескольких дней и недоедания, вот и последствия, теперь я определенно брежу о Заке на своей кухне.

Я откидываюсь на спину дивана и зажмуриваюсь, заставляя себя вернуться ко сну.

— Ну же, Мойра. Хватит валять дурака, — говорит Зак.

Твою мать.

Он и в правду здесь.

В моем доме.

В то время как я таскаюсь по джунглям в поисках его, он просто стоит на моей кухне?!!

Я падаю с дивана от скорости, с которой чувства накрывают меня, пытаюсь встать. Зак смотрит на меня, уголки губ приподнимаются в улыбке, когда я все-таки встаю на ноги. Он встает со стула и раскрывает для меня свои объятия, и я бегу к нему.

Но не тут-то было, когда я подбегаю, то толкаю его в грудь изо всех сил. В его глазах вспыхивает удивление, и он отшатывается назад, упирается в стул позади него. Затем от неожиданности глухо падает на него.

Я наклоняюсь и снова бью его в грудь, хотя в этот раз я не сдвинула его ни на дюйм.

— Ты придурок, — рычу я в ярости. — Что ты здесь делаешь?

Я ожидаю от Зака каких-то жалостливых извинений за мое разбитое сердце, за то, что бросил меня... за то, что заставил волноваться, и больше всего за то, что заставил меня исколесить полмира, только чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

Вместо этого, он резко встает со стула и обхватывает своими ладонями мое лицо, притягивает меня к себе, он обрушивает свой рот на мой, в нетерпеливом поцелуе, проскальзывая языком между раскрытыми губами. Он целует страстно, глубоко и жадно, гортанно рычит, и мои кости начинают плавиться.

Боже, чувствовать его руки... он смотрит на меня взглядом, полным похоти, когда немного отстраняется. Затем Зак снова склоняется и жадно впивается в мои губы, зубы сталкиваются, в ответ он покусывает мою нижнюю губу и всасывает ее в рот, хватает меня за бедра, притягивая к своей эрекции.

Зак отрывается от моих губ, хватается за подол моей футболки и стягивает ее одним рывком через голову. Я открываю рот, чтобы возразить, но он снова целует меня, фактически затыкая меня, прерывая поток слов. Его руки

возятся с моим ремнем, наконец, с пуговицей и молнией, потом он торопливо стягивает мои брюки и белье вниз к коленям.

— Как ты думаешь? — начинаю я, но он снова поглощает мои слова, целуя меня настолько пылко, что его язык почти трахает мой. Зак лишает меня возможности говорить. Мое дыхание учащается, сердце отбивает чечетку, когда его руки скользят по моему телу, пощипывают мои чувствительные соски сквозь лифчик.

Затем проскальзывает рукой между ног и шипит от возбуждения, погружая в меня палец:

— Мокрая, крошка. Я знаю, что ты мокрая.

Голова идет кругом, и маленькая частичка внутри меня кричит, чтобы я остановила это нападение, но другие девяносто девять процентов моего тела кричат, чтобы он поторапливался и, наконец, трахнул меня.

Зак больше не тратит времени. Его рука обхватывает мой затылок и заставляет опуститься на пол. Линолеум приятно холодит мои колени, и знаю, что так же будет ощущаться под моей щекой, когда наклоняюсь вниз, пока Зак ставит меня в позу, с которой у нас все началось.

Комнату наполняет шуршание брюк... моих, Зака... мы оба на грани. Будто со стороны, я слышу, как расстегивается его молния, и ощущаю его руки на бедрах. Он располагает головку у входа в мою киску и начинает толкаться бедрами, проникая в меня. Зак медленно погружается в меня на дюйм, проталкивая головку во влажную от желания киску, затем резко входит в меня во всю длину.

Я выкрикиваю:

— Зак!

Он отвечает мне гортанными хрипами и стонами.

— Я ...так по тебе… скучал...

Эти слова заставляют мое сердце оттаять. Затем он разжигает в моем теле пожар, когда начинает вдалбливаться в меня снова и снова, крепко держа за бедра, дыхание выходит толчками. Комната заполняется хрипами, криками, хныкающими звуками.

— Мойра, — шепчет он, меняя темп проникновения, теперь он двигается осторожно и заботливо. — Ты даже не представляешь, как.

Его слова прерывисты и грубы… Я чувствую усиливающееся давление, которое распространяется по всему телу и, оргазм вырывается на свободу. Сердце начинает наполняться удовольствием этого момента... в этот самый миг... Зак вернулся ко мне.

Закариас входит в меня еще раз резким толчком, впиваясь пальцами в мою кожу, рыча от освобождения, которое я ощущаю, когда стенки киски сжимают его член, толкая нас за грань удовольствия. Он наваливается на меня, потом перекатывает нас так, чтобы можно было обнять меня. Зак целует меня в затылок, и так мы лежим в течение нескольких мгновений, пока не успокаивается наше дыхание.

Я не знаю, что сказать ему. Он здесь. И этого достаточно.

В моем доме.

Живой.

Внезапная радость от того, что он здесь, переполняет меня.

Да, он живой.

И да... он здесь со мной!

Внезапно Зак отпускает меня и поднимается на ноги. Я наблюдаю за ним, абсолютно расслабленно, погруженная в свою кратковременный экстаз, пока она натягивает джинсы и застегивает молнию. Затем он приседает и поднимает меня бережно на руки.

Не говоря ни слова, он несет меня в ванную и аккуратно опускает на стул. На мгновение отворачивается, включает воду в душе и регулирует температуру воды.

Поворачиваясь ко мне, он наклоняется и легко целует.

— Я скучал по тебе.

— Ты уже это говорил, — бормочу я устало, голова все еще кружится от того, что он рядом... со мной.

— Я планирую говорить это еще много раз, привыкнешь, — заявляет он лукаво.

Зак опускается передо мной на колени, снимая мои ботинки и носки. Стягивает белье и брюки, а я пользуюсь возможностью коснуться его, располагая свою руку на его плече для равновесия. Я даже запускаю руку в его волосы, наслаждаясь мягкостью его отросших прядей. Он мурлыкает под моими пальцами и в животе, будто

взмывает вверх рой бабочек, трепет и нежность наполняют мое тело

Поднимаясь на ноги, он снимает мой спортивный лифчик и затем стягивает свою одежду, прежде чем поставить меня под горячие струи душа.

Зак моет меня, так нежно. Он наливает полную ладонь шампуня и распределяет его по волосам, нежно массируя кожу головы, затем наносит кондиционер, так что каждый локон покрыт шелковой жидкостью. Он намыливает свои ладони и моет каждый дюйм моего тела, не отрывая своего взгляда. Он так аккуратен между моих ног, без какого-либо сексуального подтекста, но с такой заботой о моем теле, с которой никогда не касался меня.

Когда я, наконец, полностью вымыта, он заворачивает меня в полотенце и обтирает каждую каплю с моей кожи.

Я снова в его руках... он относит меня в спальню, где откидывает уголок одеяла и укладывает меня в постель. Укладываясь рядом, он притягивает меня ближе... лицом к себе.

Моя щека на его груди, под которой размеренно бьется сердце, мы просто лежим в тишине. Зак поглаживает меня

по спине и целует в макушку, все еще не говоря ни слова. Мои веки начинают тяжелеть, сон наваливается на меня и прежде чем, я понимаю это, я засыпаю.

Я тревожно раскрываю глаза и первое, что понимаю — за окном темно. Комната освещена мягким светом настольной лампы, которая стоит справа на ночном столике, отбрасывая тени. Я поворачиваюсь на другую сторону кровати и вижу, что она пуста, на миг я думаю, может Зак мне приснился. Но нет... Я голая в своей постели и очевидно, что кто-то лежал рядом со мной, о чем свидетельствуют смятые простыни.

Вскидывая голову, смотрю направо, и мое сердце замирает. Зак сидит в небольшом кресле возле окна. Лунный свет проникает сквозь его темные волосы, оставляя серебристые блики на них. Закариас полностью обнажен, длинные, мускулистые ноги вытянуты. Одна рука лениво лежит на его бедре, другая у подбородка.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, голос все еще хриплый ото сна.

— Смотрю, как ты спишь, — отвечает он. — Ты, должно быть, вымотана.

Я киваю и потираю глаза.

— Наверно, да... думаю, да.

Зак поднимается из кресла и неспешно подходит к краю кровати. В горле пересыхает от его идеальной красоты. Он будто высечен из мрамора, темные тени в комнате делают его мышцы твердыми и резко очерченными. Его член в полуготовности, и я провожу языком по губам от такого великолепного зрелища.

— Глаза на меня, — командует Зак, и я заливаюсь краской, когда смотрю на него.

Он наклоняется и рывком стягивает одеяло и простыни с моего тела. Мои соски напрягаются, когда поток холодного воздуха ласкает прикосновением мое тело, и жадный взгляда Зака скользит по моему телу.

Медленно поднимая колено, он забирается на кровать и ползет ко мне, раздвигая мои ноги.

Без намека на нежность он накрыл рукой лоно, раскрывая пальцами влажные складочки. Его рот впивается в мою киску, язык невероятно горячий и жадный, лаская, обводит кончиком каждую складочку, захватывает каждую капельку желания. Всхлип

вырывается из моей груди, пальцы путаются в его волосах и крепко сжимают голову, удерживая его на месте.

Зак любит меня нежно языком, губами, покусывая клитор зубами... Он настолько овладел мастерством оральных ласк, что за минуту может довести меня до оргазма, но не доводит. Затем держит меня на грани, обрушивая на меня язык, жестко и нежно посасывает, перекатывая клитор, словно сладкий конфетку. Он поддразнивает меня, удерживая на грани, как будто часами, прежде чем я могу кончить.

Сжимаю пальцами его волосы, и он поднимает голову. Я могу видеть, как блестит в свете лампы на его губах влажное желание, он коварно улыбается мне.

— Еще? — ласково протягивает он.

Я качаю головой, и он разочаровано смотрит на меня.

— Что ты здесь делаешь, Зак? — спрашиваю я серьезно, требуя ответа на свои вопросы.

Вздыхая, Зак продолжает ползти вверх по моему телу, располагая свои бедра напротив моих, и переносит вес на локти, располагая их по обеим сторонам от моей груди. Опустившись, он нежно меня целует, затем легко касается

уголков губ в нежном поцелуе, который напоминает касание крыльев бабочки... так нежно, что я едва улавливаю вкус себя на его губах.

— Я приехал за тобой, — отвечает он, когда отрывается от моих губ. — Я не должен был так уезжать. Это было неправильно, и я сожалею об этом.

— Я поехала искать тебя, — отвечаю я, мой голос едва слышен, боль из-за его отъезда снова обрушивается на меня, печаль, страх и неуверенность сковывают мой разум

— Знаю, — отвечает он, сверля меня голубыми глазами. — Я звонил Рэнделлу, когда вернулся в Штаты, и он сказал, что ты была там. Я собирался снова сесть на самолет и вернуться, найти тебя, но он настоял, чтобы я подождал.

— И ты был здесь, в моем доме, все это время?

Он жалостливо улыбнулся.

— Три дня и... э, как бы тебе это сказать... вроде как взломал дверь. В двери, с задней стороны дома не хватает небольшого стеклышка, но я вставлю его.

— Ты вломился в мой дом? — весело спрашиваю я.

— Мне больше некуда было идти, — отвечает он и снова целует меня.

— Неправда. Ты мог пойти к Рэнделлу. Ты мог пойти в отель.

— Нет, не мог. Мне нужно было быть как можно ближе к тебе. Я так скучал по тебе, здесь было единственное место, где я мог быть. И я сходил с ума от волнения, зная, что ты поехала в Амазонку... одна... незащищенная. Ждать тебя было пыткой.

— Теперь ты понимаешь, что я чувствовала, когда ты ушел, — отчитываю я его.

— Знаю, — тихо отвечает он и кладет свою голову мне на грудь. Я не могу сдержаться. Обнимаю его голову и прижимаю крепко к себе. — Прости меня, Мойра. Я был не в себе от волнения и горя, и позволил этому оттолкнуть тебя. Я не должен был этого делать.

Я обнимаю его, чувствуя его кожу своей... чувствуя его теплое дыхание своей грудью.

— Рэнделл сказал мне, что ты решил остаться со мной... тем утром, перед тем как уехал.

Подняв голову, Зак искренне смотрит на меня.

— Да. Больше всего на свете я хотел этого. И все еще хочу... если ты хочешь.

— Ты оставишь свой дом... навсегда... чтобы быть со мной?

— Я ведь здесь?

— Да, но насколько? Насколько я знаю, это был еще один шанс потрахаться, — тихо говорю я.

Наклонившись, Зак втягивает в рот сосок и легонько оттягивает на себя. Когда он его отпускает, то смотрит на меня глазами, потемневшими от желания, любви и счастья.

— Да, я планирую трахать тебя часто. Жестко, раз за разом, я собираюсь еще раз трахнуть твою сладкую попку, как можно скорее, потому что нет ничего лучше, чем быть глубоко в твоей киске. Но... мы с тобой оба знаем, что это гораздо больше, чем трах. Это в сердце.

От этих слов сердце замирает, сжимается внутри, и затем вспыхивает радостью и надеждой, опьяняющей любовью.

— Ты знаешь, что это правда, — уверенно отвечает он. — Я настолько сильно влюбился в тебя, что не хочу

ничего кроме, как быть с тобой! Ничего не значит для меня больше, чем ты, Мойра. Не Карайка, не Парайла, не племя. Это ты. И всегда будешь только ты.

Слезы заполняют мои глаза, я так счастлива слышать эти слова, которые слетают с чертовски сексуальных губ Зака. Я подняла руки и коснулась его лица, притягивая его для еще одного поцелуя.

Он легкий и ласковый, наполненный любовью, заботой и нежностью.

— Скажи мне, что ты любишь меня. Скажи мне это, — говорит Зак нетерпеливо. — Я слышал эти слова от тебя лишь раз, а мне сейчас так необходимо не только чувствовать это, но и слышать. Скажи мне это. Мне нужно знать, что ты все еще любишь меня... вот здесь... — Зак нежно проводит пальцем от ключицы до груди и мягко целует там, где бьется мое сердце.

— Да, Зак, — судорожно выдыхаю. — Я очень люблю тебя. Я почти умерла, когда ты покинул меня и вернулся в Бразилию, была разбита. Пожалуйста, не делай так снова. Я больше не смогу перенести, если ты меня покинешь.

— Никогда, — клянется он перед тем, как бережно касается моих губ. Я хнычу, потому что желание снова наполняет меня, поднимая бедра навстречу ему. Твердая длина упирается мне в живот, я извиваюсь под ним, чтобы заставить его стонать и желать меня еще больше.

Издавая шипящий звук, Зак поднимается вверх и притягивает меня к себе. Он быстро перекатывается на спину, и теперь я лежу сверху.

— Трахни меня, Мойра.

Я сглатываю ком в горле и упираюсь одной рукой в его грудь, чтобы приподняться, а второй обхватываю его член, поглаживаю его, затем сильно сжимаю, Зак не может сдержаться, и стоны заполняют пространство комнаты, я двигаюсь бедрами, располагая возбужденную головку у внутренних лепестков. Приникаю в поцелуе к его губам, когда приподнимаю бедра и опускаюсь на его великолепный член.

Я ощущаю восхитительную наполненность и стальную жесткость, когда полностью вбираю в себя его огромный ствол. Когда я начинаю двигаться, Зак обхватывает мое лицо большими ладонями, притягивая к себе, чтобы снова

поцеловать. Целует меня со всем жаром, будто ему недостаточно интимной близости, будто хочет владеть не только сердцем и телом, но и моей душой.

Выпуская меня из плена рук, откидывается на подушки и крепко удерживает меня за бедра.

— Помнишь, как мы в первый раз занимались любовью в этой позе?

Я кивнула и улыбнулась.

— Ты освободила меня в тот день... заставила меня понять, что я не могу все контролировать. Ты приручила меня... показала, каково быть цивилизованным мужчиной.

Я тихо смеюсь и поглаживаю руками его твердые мышцы на груди.

— Глупый мужчина... Я никогда не смогу приручить такого, как ты. Я не хочу.

— Я больше не тот, дикарь, которого ты привезла из джунглей. Я научился управлять... принимать... чувствовать.

— Потому что ты невероятный мужчина, Закариас Истон. Все еще дикий... полностью прекрасен только для меня... и постоянно совершенствуешься.

Зак приподнимается вверх, обхватывая меня руками, и толкается немного глубже. Я тихо постанываю, но не закрываю глаз, а смотрю на Зака, который почти касается своим носом моего.

— Теперь ты моя жизнь, Мойра. Я умру, прежде чем снова причиню тебе боль, и я буду безоговорочно любить тебя до конца своих дней.

Я улыбаюсь ему и киваю, тело, словно невесомая звездочка, взмывает ввысь.

— Я буду любить в ответ, ты — моя судьба.

Зак фантастически мне улыбается, глаза переливаются солнечным светом, когда он откидывается на спину.

— Превосходно. А теперь... объезди мой член, Мойра. Освободи меня снова. Освободи меня от старой жизни, раз и навсегда, и покажи, что ты по-настоящему моя. Моя любовь. Моя судьба.

Уперевшись руками в его грудь, я приподнимаюсь, чувствуя, как его член наполняет меня, как возбужденная головка почти выходит из меня, а затем снова одним движением насаживаюсь. Зак запрокидывает голову

назад, прикрывает глаза, и из его груди вырывается полу стон.

— Да, — горячо шепчет он. — Освободи меня!

Я снова приподнимаюсь и медленно опускаюсь, смакуя удовольствие. Затем меняю темп и теперь жестко и быстро двигаю бедрами, мурлыкая ему на ухо:

— Я не освобождаю тебя, малыш. Я возвращаю тебя домой.

Эпилог

Зак

Я иду по коридору Брендон холла, кивая в знак приветствия некоторым студентам, с которыми познакомился на занятиях. Уже прошло две недели с того момента, как я окончил первый курс Северо-Западного университета, и я просто ошеломлен, как быстро бежит время.

Моя жизнь в Карайке осталась далеко позади. Да, я все еще скучаю и беспокоюсь за них. Но также я знаю, что

нахожусь там, где мне нужно быть. Это не обсуждается. Мойра — это самое важное.

Когда я подхожу к двери, я улыбаюсь, смотря на дешевую пластиковую табличку.

Доктор Мойра Рид. Старший Доцент.

Я так горжусь моей женщиной, так впечатлен и уважаю ее за все, чего она сама добилась в жизни. Уверен, что поступлю на антропологию, как на второе образование в дополнение к степени бизнес управленца. Конечно, это совершенно не пригодится мне в будущем, потому что я занимаюсь по программе Kellog MBA здесь, в Северо-Западном. Тем не менее, это даст мне возможность быть ближе к Мойре. И поверьте мне… наши отношения подарили мне ни с чем несравнимое удовольствие.

Я легонько стучу и слышу голос из кабинета:

— Да, входите.

Открывая дверь, я сразу же вижу ее, сидящую за столом. Ее рабочий офис — маленькое и тесное помещение, с научно-исследовательскими книгами, которые в беспорядке лежат по всему офису.

— Эй, — говорит она удивленно. — Что ты здесь делаешь?

Я прохожу в комнату, закрывая дверь и тайно поворачивая замок на двери. Она даже и не заметила тихого щелчка, я скрыл звук, когда специально уронил на пол пакет.

— Просто зашел, думал узнать, не пообедаешь ли ты со мной. У меня есть два свободных часа между парами, до начала следующего занятия.

Она поднимается со стула и дарит мне теплую улыбку.

— Конечно, я просто сидела и пересматривала некоторые документы.

Моя девочка идет ко мне в объятия и кладет голову на грудь. Я не упускаю ни одного шанса прикоснуться к ней губами. Углубляя поцелуй, притягиваю ее ближе к себе.

Мойра постанывает, когда чувствует, как к ее животу прижимается твердая эрекция. Она отстраняется и хихикает.

— Держи себя и своего друга под контролем, мы находимся в высшем учебном заведении.

Я иду, подталкивая ее вперед до того момента, пока ее ножки не упираются в твердую поверхность стола, тогда я потираюсь членом о ее живот. Это просто охренительное чувство.

— Я хочу трахнуть тебя прямо сейчас, — жарко выдыхаю я в ее ротик, затем прикусываю нижнюю губу.

Мойра стонет, и с ее губ срывается хныкающий звук.

— Нет, только не тут, не в моем офисе.

— Да, именно здесь и именно в твоем офисе, — бормочу я и начинаю торопливо поднимать ее юбку. Какая удача, она не надела колготки, чему я просто несказанно благодарен, потому что мы можем сделать все по-быстрому.

Мои пальцы уже настолько привыкли к ее телу, что быстро находят в трусиках напряженный клитор, и я провожу пальцами по влажным складочкам.

— Чертовски идеальна, — шепчу я ей на ушко.

— Зак… мы не можем этого сделать. Кто-нибудь может войти, — она умоляет меня, но я не слушаю, поглаживая ее лоно, потом раздвигаю внутренние лепестки и погружаю в нее палец.

— О, черт… это настолько хорошо. Не останавливайся.

— Я и не собирался делать этого, — прикусываю мочку и сосу жестко, до того момента, пока боль не смешивается с удовольствием. — Хочешь, чтобы я трахнул тебя, или, может, вылизал твою сладенькую киску, а потом бы ты мне отсосала?

— О, Боже… обожаю твои грязные словечки.

Пальцем поглаживаю бусинку ее клитора, и немного отодвигаюсь, смотря на нее вопросительно.

— Чего желает тигрица?

Прикусывая нижнюю губу, ее взгляд наполнен похотью и желанием, мысли крутятся со скоростью сверх скоростного торнадо, когда она пытается сделать выбор. Я провожу пальцем по влажной плоти, слегка задевая клитор, и возвращаю палец в ее дырочку.

— Давай же, Мойра, решай. Я тут просто умираю.

— Быстрый секс. У нас нет времени ни на что больше.

— Хороший ответ, детка, — говорю, разворачивая ее, пока ее грудь не касается стола, уложенного книгами и бумагами. Проводя пальцами по ее бедрам, я поднимаю

юбку. На ней надеты светло-розовые шелковые трусики… это мои самые любимые.

Я не зарабатываю много денег на сдельной работе в супермаркете Рэнделла, но какие никакие это деньги, поэтому я всегда делаю ей подарочки, покупая белье. Мне так нравится одевать ее, а затем стягивать все медленно зубами.

Аккуратно, чтобы не порвать нежный материал, я сдвигаю полоску шелка в сторону, пока ее киска полностью не открыта для меня.

Такая чертовски красивая, шелковистая и моя.

Проводя пальцем по ее плоти, я размазываю влажное желание по ее складочкам, проскальзываю в нее глубоко пальцем, затем вытаскиваю и облизываю. На вкус она словно шоколад. Святые небеса, самая сладкая женщина.

— Ммм, — произношу я низким голосом. — Мне кажется, я передумал… я хочу вылизать эту сладенькую киску, вместо нашего обеда.

— Ни за что, — фыркает она и толкается бедрами в меня. — Ты настроил меня секс, так подари мне его, мужчина.

Я опускаю ладони на ее аппетитную попку и сжимаю ее, перед тем как раздвинуть ягодицы и посмотреть на тугую дырочку, куда я трахал ее прошлой ночью, когда она объезжала мой член. Это был самый потрясающий трах.

— Хорошо, детка, — бормочу я, когда спускаю боксеры и освобождаю твердую эрекцию. Мой член твердый и дерзко смотрит вверх, на головке выделились блестящие капельки смазки.

Подходя близко, прижимаюсь к ней, беру член в руки и развожу им влажные складочки, толкаюсь вперед и одним толчком вхожу в нее. Мойра издает громкий стон… серьезно, очень громкий.

— Детка, тебе нужно быть немного тише, — шепчу я ей над ушком. — Или кто-нибудь нас услышит.

Ее голова покачивается в ритм моим толчкам, кода я проникаю в нее. Несколько раз мне приходиться даже задержать крик, прикусывая язык.

Когда я толкаюсь особенно глубоко, Мойра громко стонет, поэтому я тянусь рукой и крепко закрываю ей рот. В ответ она обнажает зубки и кусает меня слегка за

ладонь, что вызывает на моих губах улыбку, и я начинаю трахать ее сильнее.

Мне нужно сделать это по-быстрому, потому что если кто-то застанет нас, потом мы не оберемся проблем. Наши отношения не являются секретом в университете. Администрация хорошо осведомлена о нашей ситуации, они на это прикрыли глаза. Ну, современные времена и все такое. Но естественно, она не может быть застукана в своем офисе трахающейся со мной. Думаю, современное общество к такому не готово.

Я вонзаюсь в ее шелковистую киску, начиная двигаться все быстрее и быстрее, увеличивая темп. Я не хочу просто оттрахать ее сзади и получить ленивый оргазм, поэтому я проскальзываю рукой между ног и легко пощипываю клитор, зная, что сладкая боль скоро взорвется восхитительным удовольствием. Хочу, чтобы первый оргазм настиг ее именно в этой точке.

Да… я знаю, ее тело идеально.

Ее киска сжимает меня словно тиски, она кончает, ее крик раздается у меня в ладони, звуки вокруг взрываются,

словно шум хлопушек. И, черт, да… кончаю жестко… потрясающе.

Я толкаюсь еще пару раз и останавливаюсь, так я могу насладиться еще одним фантастическим оргазмом, который накрывает самую сексуальную, самую любимую, самую красивую в мире женщину.

Мою Мойру.

Щечки Мойры все еще горят румянцем от того, что мы не больше десяти минут назад любили друг друга, и в этот самый момент она настолько потрясающе красива, что я хочу крепко прижать ее к себе и уткнуться в ее шейку. Сейчас мы сидим снаружи кафе и ждем наш заказ.

— Почему ты так радостно улыбаешься? — спрашивает она, когда я делаю глоток чая со льдом.

— Потому что я влюблен в тебя, — говорю я, как в тех мелодраматичных фильмах.

— Болван, — смеясь, говорит она. — Но я тоже тебя очень люблю.

— Так Лиза, Адам и дети приедут к нам на следующей неделе? — спрашиваю я. Они планировали приехать, когда дети закончат учебу, но это не так скоро.

— Да. Она мне сегодня писала. Точнее, они вылетают в воскресенье ночью.

— Отлично, — говорю я радостно от того, что скоро могу их увидеть. Лиза стала мне как сестра, также хорошо я общаюсь и с Адамом. Но больше всего мне нравится проводить время с Колин и Самюэлем. Я никогда не думал, что мне так понравится общаться с детьми, но каждый раз, когда Лиза с семьей приезжала к нам, это было фантастически.

— Лиза говорит, что ты не должен покупать им много игрушек, потому что нещадно их балуешь.

— Ох, Лиза может идти к черту, — отшучиваюсь я ей. — Эти дети заслужили, чтобы их баловали.

Хихикая, Мойра соглашается.

— Скажи, они просто замечательные? Быть их тетей это клево… а ты им в какой-то степени дядя. Так что нам можно избаловать наших племянников, а потом вернуть их родителям хнычущих и хорошенько испорченных.

— Точно, — говорю я, когда тянусь через стол и сжимаю крепко ее руку. — Но… ты никогда не говорила со мной о детях. Почему?

Мойра пожимает плечами.

— Я не знаю. Наверное, потому что мы не говорили о нашем будущем. Ты хочешь детей?

— Конечно, даже и разговора быть не может. Я думаю трех или четырех, — заявляю я уверенно.

— Может, начнем с двух, а потом посмотрим. Тем более о детях нужно говорить уже после брака.

— Не в современном обществе, — говорю ей четко. — Я встречал многих людей, которые завели семьи и не связаны узами брака.

На лице Мойры появляется на долю секунды печаль, но она не может оспаривать такой факт, поэтому соглашается. Брак это уже не так важно, по крайней мере, я могу так судить со своей точки зрения.

— Ты прав, — отвечает Мойра. — Просто нормальные пары… большинство все-таки связывают себя ответственностью. Это проверенная временем традиция и не стоит к ней относиться легкомысленно.

— Я просто предполагаю, — говорю я уклончиво. Мойра отводит немного хмурый взгляд в сторону.

Улыбаясь, я тянусь в задний карман, доставая маленькую бархатную коробочку, которая за весь день, пока там лежит, чуть не прожгла мне дыру. Аккуратно кладу на стол. Когда Мойра смотрит на коробочку, она немного растеряна. Я подталкиваю ей подарок.

— Что это? — спрашивает она с подозрением.

— Это бомба! — заявляю я иронично. — Будь осторожна с ней.

Мойра усмехается и тянется к бархатной коробочке, берет ее и открывает, затем задыхается и восклицает:

— Где ты это взял? Оно великолепно!

Я наклоняюсь влево и смотрю на кольцо. В центре кольца находится бриллиант овальной формы в четыре карата, заключенный в старинную витиеватую оправу.

— Рэнделл дал мне его, когда мы гостили у него на Рождество. Оно принадлежало его матери, и он захотел передать мне его.

— Ты… ты серьезно? — осторожно спрашивает она, когда крутит коробочку влево и вправо, осматривая кольцо с разных сторон.

— Абсолютно, также, как и предлагаю быть моей женой. Выходи за меня, — наконец выговариваю с волнением в голосе. — Мойра широко открывает глаза от удивления.

— Ты, правда, этого хочешь?

Тянусь и забираю коробочку из ее рук, ставлю на стол и достаю кольцо. Нежно беру ее за руку и надеваю кольцо на безымянный палец. Про эту прекрасную традицию рассказал мне Рэнделл, а я же все четко запомнил. Он сказал мне, что когда девушкам делают предложение, опускаются на одно колено, потом произносят предложение. Но это не мой стиль.

— Да, именно так, я хочу жениться на тебе, — я держу ее за руку. — Я думаю можно пожениться в это же время в следующем году. Тогда можно начать делать детей.

— Воу… постой минутку, — отвечает она и вытаскивает руку из моей ладони. — Я не сказала, что согласна.

Я приподнимаю в удивлении брови и продолжаю, усмехаясь:

— Ты согласишься.

Она фыркает и шутливо хмурится, затем отвечает:

— Ты что, всегда такой уверенный?

Я встаю со стула и делаю шаг в ее сторону. Хватая ее за плечи, поднимаю ее на ноги и приникаю в жестком поцелуе. Она приоткрывает губы, и я проскальзываю языком в ее рот, углубляя поцелуй и скрепляя наш союз. Поцелуй длится так долго, что люди за соседними столиками начинают шептаться и хихикать.

Наконец, я выпускаю ее из своих объятий и провожу пальцем по нижней губе. Когда ее взгляд начинает проясняться, я отвечаю:

— Да, я всегда такой уверенный… большее количество времени. Ну, а теперь, черт возьми, ты мне ответишь, что согласна?

Губы Мойры растягиваются в широкую, коварную улыбку, и она кивает.

— Ты невыносим, мой дикарь. Я, черт возьми, согласна выйти за тебя!

Я радостно кричу «ура» и заключаю ее свои объятия, начиная кружить ее. Люди за соседними столиками начинают хлопать в ладоши и поздравлять нас.

Когда я отпускаю Мойру, я наклоняюсь, как можно ближе, и шепчу в ее губы:

— Ты не пожалеешь, детка, я клянусь, что буду любить тебя больше, чем любой другой мужчина.

Мойра невесомо прикасается губами к моим и, прикусывая нижнюю губу, бормочет:

— Ты уже это делаешь, Зак. Уже.

Остальные переводы книг автора С. Беннетт вы сможете прочитать в группе: http://vk.com/sawyerbennett

Заметки

1. Нордсторм интернет–магазин
2. Шорты карго — шорты для активного отдыха, хлопковые, с карманами
3. Фахверковые колонны — это колонны, не испытывающие основную нагрузку от конструкций покрытия.

4. Елочка — это традиционный тип кладки. Состоит этот метод в том, что плитка, кирпич выкладывается под углом в 45 или 90 градусов.
5. Венецианские окна — форма трёхчастного окна, центральное окно с полукруглой аркой, которое отделяется двумя пилястрами от узких полуокон
6. Лоферы — модель туфель без шнурков, по форме напоминающих мокасины, но отличающихся наличием подошвы и низкого широкого каблука.
7. Пальчиковый картофель - обычный картофель, по размеру напоминает толстенькие пальчики, ранний желтый картофель.